Мавлюда Аббасова-Юсупова

БУХАРСКАЯ ШКОЛА ЗОДЧЕСТВА

XV– XVII вв.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ

МАВЛЮДА АББАСОВА-ЮСУПОВА

БУХАРСКАЯ ШКОЛА ЗОДЧЕСТВА XV–XVII вв.

(особенности и динамика развития)

Самарканд – 2022

УДК 7.72.03.04
БКК 85.1

Аббасова-Юсупова М. А. Бухарская школа зодчества XV–XVII вв. (особенности и динамика развития). – Самарканд, 2022. – 360 с.

Научный редактор – академик АН Республики Узбекистан,
доктор исторических наук, профессор Э. В. Ртвеладзе

Рецензенты:
Академик РААСН, доктор архитектуры, профессор И. А. Бондаренко
Доктор архитектуры, профессор Д. А. Нозилов

В книге в интересной и доступной форме повествуется об эволюции и закономерностях развития зодчества Бухарского оазиса и г. Бухары периода расцвета в XV–XVII вв., раскрываются его художественные, типологические, конструктивные и локальные особенности, а также взаимовлияния с зодчеством других регионов Центральной Азии и Среднего Востока. Впервые приводится ряд малоизученных сооружений и новых данных, а также аналитические таблицы, где автор систематизирует типологические, конструктивные и декоративные особенности архитектуры оазиса. Содержание текста иллюстрирует более 300 изображений и чертежей, включающих также ряд редких и впервые публикуемых исторических и архивных материалов.

Рекомендовано к печати решением Ученого совета
Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан

IICAS
International Institute
for Central Asian Studies (IICAS)
by the UNESCO Silk Road Programme

ISBN 978-9943-357-63-1

© МИЦАИ, 2022 г.
© М. А. Аббасова-Юсупова, 2022 г.

Фото на обложке: Майоликовое панно на пилоне входного портала медресе Абдулазизхана XVII в. в Бухаре.

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Мавлюда Аббасова-Юсупова – известный исследователь архитектуры Средней Азии, автор многочисленных статей и монографий. В 2000 году она успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Бухарская школа зодчества XV–XVII вв. (особенности и динамика развития)» в Московском архитектурном институте и стала первой женщиной – доктором архитектуры в Узбекистане. К сожалению, долгие годы диссертация оставалась неизданной, хотя отдельные статьи по данной проблеме М. А. Аббасова-Юсупова опубликовала как у нас в стране, так и за рубежом.

Предлагаемая книга – окончательный вариант диссертации, значительно переработанный и дополненный с учетом неоднократных полевых экспедиций, предпринятых М. А. Аббасовой-Юсуповой в конце XX – начале XXI в. для обследований архитектурных памятников Бухары, в том числе сооружений XV–XVII вв.

В результате была уточнена как датировка, так и архитектурно-планировочные особенности памятников Бухары, а также привлечены неизвестные прежде археологические данные и сведения из средневековых письменных источников. Всестороннее комплексное исследование позволило автору представить четкую типологию гражданских и культовых сооружений, архитектурных ансамблей и мемориально-культовых комплексов, а внутри них – более дробные классификации, основанные на функциональном назначении этих сооружений. Данная типология логически легла в периодизацию, выработанную автором на основе особенностей и закономерностей развития бухарской школы зодчества XV–XVII вв., базирующуюся также на датировочных признаках эпиграфического характера.

Внушительная база данных позволила М. А. Аббасовой-Юсуповой перейти к историко-архитектурной интерпретации бухарской школы зодчества изучаемого периода, ее связям с другими архитектурными школами Среднего Востока, чему посвящена пятая глава книги.

Таким образом, М. А. Аббасовой-Юсуповой создана фундаментальная научная монография по истории архитектуры Узбекистана, подобных которой, увы, с уходом из жизни ее учителя и наставника Г. А. Пугаченковой, стало значительно меньше.

Структура книги продуманна, ее содержание доходчиво и ясно изложено, что делает ее доступной и для массового читателя. Не случаен и большой интерес зарубежных ученых к этой монографии, которая переведена в Оксфорде на английский язык.

Академик АН Республики Узбекистан,
доктор исторических наук,
профессор Э. В. Ртвеладзе

ОТ АВТОРА

Интерес к великолепному архитектурному наследию Бухары и начало сбора материалов для данной книги восходят ко времени, когда я, будучи молодым архитектором-реставратором Узбекского научно-исследовательского проектного института консервации и реставрации памятников культуры (УзНИПИ реставрации), ездила со своими коллегами в экспедиции по Бухарскому оазису для исследования и натурного обмера памятников. Очарованная стариной Бухары, я избрала особенности зодчества этого региона в качестве ведущей темы моих научных изысканий, в ходе которых были выявлены или доисследованы такие его интереснейшие аспекты, как архитектура суфийских обителей, изображения живых существ в архитектурном декоре, типологические и локальные особенности памятников и черты бухарской школы зодчества в целом.

Священная Бухара издревле являлась центром науки и духовности Средней Азии. Здесь сохранилось множество культовых и образовательных сооружений, архитектурных ансамблей, комплексов-зиаратгохов — святых мест, сформированных у захоронений известных теологов и почитаемых суфиев. В Бухарском оазисе расположены священные могилы семи широко известных на Востоке пиров, поочередно возглавлявших зародившийся здесь суфийский орден[1] Ходжагон-Накшбандия с XII до конца XIV в., — Ходжа Абдулхалика Гиждувани, Ходжа Мухаммада Арифа Ревгари, Ходжа Махмуда Анжира Фагнавий, Ходжа Али Ромитани, Ходжа Мухаммада Бобойи Самоси, Ходжа Саид Амира Кулола и Ходжа Баха ад-Дина Накшбанда. Первый и последний из этих комплексов рассмотрены в предлагаемой вниманию читателей книге, так как развивались в XV–XVII вв., другие — утратившие средневековый облик — остались за рамками данного исследования. Перечисленные выше зиаратгохи, а также значительные культовые комплексы Бухарского оазиса — Абу Хавси Кабира (Хазрати Имам), Чор-Бакр, Касим Шейха, Пешку бобо, Хакима Мулло Мира и другие отреставрированы в период независимости Узбекистана и ныне являются местами активного паломничества.

Наряду с многочисленными современными фотографиями, книга содержит чертежи и исторические фото из фондов нескольких архивов, а также из опубликованных

[1] В книге сохранены обозначения и терминология, прилагаемая ориенталистами классического периода к суфийским организациям и ритуальной практике.

работ предшествующих исследователей, ссылки на которые даны в подписях к иллюстрациям.

Фотографии, опубликованные в данной работе без ссылки на источник, сделаны автором монографии. Некоторые из них сняты мной в процессе полевых исследований в начале 1990-х — в 2000-х годах и со временем стали историческими фото, запечатлевшими утраченное аутентичное состояние архитектурных памятников и комплексов, перестроенных впоследствии.

Я искренне благодарна моим научным наставникам — академикам АН РУз Э. В. Ртвеладзе и покойной Г. А. Пугаченковой за их ценные замечания и советы в ходе написания данной книги, признательна работавшим в 1980–1990-е годы руководителям и сотрудникам архивов ГлавНПУ памятников культуры при Министерстве культуры РУз[2], Института искусствознания АН РУз, Бухарского музея-заповедника. Инспекции по охране и использованию памятников архитектуры Бухарской области за оказание содействия во время работ в фондах и экспедициях, а также за возможность публикации материалов архивов названных учреждений.

Выражаю признательность Международному институту центральноазиатских исследований (МИЦАИ) при ЮНЕСКО за финансовую поддержку в издании данной книги и предоставление ряда иллюстраций из фотоархива института, техническим редакторам книги и всем специалистам, участвовавшим в ее подготовке к публикации.

Из-за обилия материала я ограничилась в монографии рассмотрением архитектуры Бухарского оазиса периода ее расцвета в XV–XVII вв. В целом работа над книгой была завершена в 2000 г. Отрадно, что ее материалы востребованы до сих пор и не потеряли своей научной актуальности. В 2014 г. монография была издана малым тиражом и быстро разошлась в узком кругу местных и зарубежных специалистов и библиотек. Данное издание дополнено указателями, а также рядом иллюстраций, включающих чертежи и исторические фотографии памятников. Углубленные исследования зодчества Бухарского оазиса, особенно его архитектуры, связанной с суфизмом, продолжаются в более широком хронологическом диапазоне.

Мавлюда Аббасова-Юсупова

[2] Здесь и далее название «Главное научно-производственное Управление памятников культуры» при Министерстве культуры (ныне Агентство культурного наследия при Министерстве туризма и культурного наследия) РУз. будет приводиться сокращенно – ГлавНПУ при МК РУз..

Медресе Мир-и Араб и торговый купол Токи Заргарон
Северный фасад медресе. Вид с запада. (Архив ГлавНПУ)

ВВЕДЕНИЕ

Бухара, один из древнейших городов Средней Азии, расположенных на Великом шелковом пути, в 1997 г. отметила свой 2500-летний юбилей. Она была основана в виде поселения в середине I тыс. до н. э. и во все последующее время находилась на одном и том же месте. При очередном новом строительстве нивелировались остатки прежних обветшавших сооружений и на образовавшейся платформе возводились новые постройки. В результате к рассматриваемому в данной монографии времени культурные слои в Бухаре, вероятно, были более 10 м (исходя из того, что в настоящее время в Арке они местами достигают 18 м). В средние века, в частности в X–XII столетиях, здесь сформировалась выразительная архитектура, представленная такими монументальными памятниками, как мавзолей Саманидов, минарет Калян, мечеть Магоки-Аттори и др.

Лучшие традиции строительной культуры предшествующего времени получили свое развитие и в исследуемый период. В XVI–XVII вв., когда Бухара стала столицей государства, здесь были сосредоточены лучшие зодчие и мастера, велось интенсивное и широкомасштабное строительство, сложилась мощная самобытная бухарская архитектурная школа с характерными локальными особенностями. Она была ведущей в Средней Азии в исследуемый период и оказала значительное влияние на архитектуру других ее школ в это и последующее время.

Несмотря на то, что в истории архитектуры Средней Азии зодчество Бухары XV–XVII вв. занимало выдающееся место, до сих пор в науке не было обобщающего исследования по представляемой здесь проблеме. Последняя из специальных научных работ, частично затрагивающих изучаемую тему – «Прогрессивные особенности архитектуры Средней Азии XVI в.», – была написана К. С. Крюковым еще в 1965 г.[3] Между тем за последние годы рядом исследователей, в том числе и автором данных строк, был выявлен обширный новый и малоизвестный материал, значительно дополняющий, корректирующий, а порой и опровергающий ранее существовавшие выводы в отношении путей формирования, закономерностей развития и выявления

[3] Крюков К. С. Прогрессивные тенденции зодчества Средней Азии XVI в. Автореф. дисс. … канд. архитектуры. Ташкент, 1965.

Минарет Калян, 1127 г.
Общий вид

особенностей Бухарской архитектурной школы XV–XVII вв.

Описание и привлечение к анализу утраченных средневековых построек Бухары, разрушенных под воздействием природно-климатических факторов, при интенсивной реконструкции города и, в частности, его исторически сложившегося ядра, придают нашему исследованию особую актуальность.

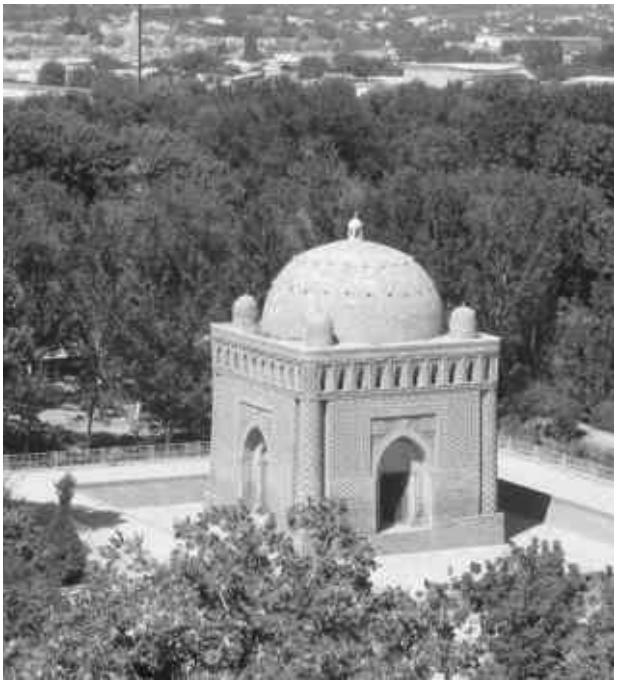
Архитектура Бухары XV–XVII вв. изучалась рядом исследователей в общем контексте их работ, ставших классическими и основополагающими трудами по архитектуре Средней Азии (В. А. Шишкин, Б. П. Денике, И. И. Умняков, В. Л. Воронина, В. А. Лавров, Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Л. Ю. Маньковская, В. А. Нильсен, П. Ш. Захидов и др.).

Научная ценность ранних работ по архитектуре Бухары Б. Н. Засыпкина[4], В. А. Шишкина[5] и других авторов определялась в первую очередь новым фактологическим материалом, вводимым в научный оборот. Однако в некоторых из них архитектура Бухары XVI в. рассматривалась как упадочная, где «ясны грустные черты увядания»[6], что, вероятно, было связано с еще слабой ее изученностью. В дальнейшем, с выявлением конструктивных, композиционных, типологических и других особенностей зодчества Бухары, появляются его положительные оценки, а в ряде исследований – и превосходные характеристики архитектуры искомого периода.

Между тем, следовало иметь в виду, что в условиях недостаточности (относительно темуридского времени) материальных ресурсов зодчие искали более дешевые методы строительства, виды декора и конструктивные решения, которые, тем не менее, были также весьма эффектными и эффективными.

Имперически к близким выводам пришло следующее поколение историков зодчества. Вслед за работами Б. Н. Засыпкина и В. А. Шишкина были опубликованы и специальные работы В. М. Дмитриева, Н. Бакланова, К. С. Крюкова, посвященные отдельным аспектам наиболее яркого периода зодчества Бухары – XVI в. В фундаментальных трудах Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпеля, В. Л. Ворониной,

[4] Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация // Вопросы реставрации. Вып. 1. М., 1926.
[5] Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936.
[6] Засыпкин Б. Н. Указ. соч. С. 167.



Мавзолей Саманидов, Рубеж IX-X вв.
Общий вид

И. И. Ноткина по архитектуре Средней Азии приводились также новые сведения, касающиеся памятников Бухары XV–XVII вв. и был предложен их анализ. Однако исследования в других областях – исторических и даже этнографических сферах, тоже представляются нам весьма важными, особенно в контексте культурологического, социального и, в целом, архитектурно-градостроительного развития позднесредневековой Бухары. В этом смысле интересную и обширную информацию о городе, его кварталах, зданиях, быте, ремесле и т. д. дают фундаментальные труды О. А. Сухаревой, основанные на вакфных документах, исторических источниках и др. В диссертационном исследовании Р. У. Пардаевой «Архитектура Бухарского оазиса XVI–XX вв.» основное внимание уделяется малоизученным сельским сооружениям Бухарского оазиса соответствующего периода.

Наиболее обстоятельными и близкими нашей тематике были вышеупомянутая работа К. С. Крюкова, статья В. Л. Ворониной «Архитектура Средней Азии XVI–XVII вв.»[7] и фундаментальный труд Л. Ю. Маньковской «Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX вв.)»[8], где здания Бухары рассматривались в общем контексте типологии среднеазиатской архитектуры.

В последние десятилетия по данным вакфных документов, эпиграфики и других исторических источников востоковеды Б. Казаков, Б. Бабаджанов, Г. Джураева и др. выявили ряд новых сведений, уточняющих даты строительства, имена донаторов, зодчих и мастеров некоторых сооружений Бухары. Данные об архитектуре и времени возведения отдельных построек Бухары были выявлены Н. Б. Немцевой (комплекс Сайф ад-Дина Бохарзи), Е. Г. Некрасовой и В. М. Филимоновым (комплексы построек Саррафон и Чор-Бакр). В рамках докторских диссертаций ансамбли Бухары были рассмотрены М. К. Ахмедовым, здания гражданского зодчества – А. С. Ураловым, бухарская школа зодчества последующего периода (XVIII – начало XX в.) – И. М. Азимовым и др.

[7] Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969.
[8] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент, 1980.

Мечеть Магоки Аттори.
Южный портал XII в.

Все эти исследования следует рассматривать как предварительный, но тем не менее необходимый этап эмпирического накопления и одновременно ограниченного («точечного») анализа исходного материала. Однако за этим этапом должно следовать комплексное осмысление накопленных данных, естественно, с точки зрения новых методик исследований по истории архитектуры, имеющихся в мировой практике.

Исходя из сказанного, цель предлагаемой книги – комплексное воссоздание истории и эволюции архитектуры Бухарского оазиса XV–XVII вв., выявление основных закономерностей ее развития, самобытных региональных черт и особенностей функциональной типологии зданий, определение места и значения бухарской школы зодчества XV–XVII вв. в архитектуре Центральной Азии и Среднего Востока.

В целом в монографии мы постарались исследовать малоизученные и дискуссионные аспекты развития Бухарского зодчества XV–XVII вв.; классифицировать здания Бухарского оазиса XV–XVII вв. по функциональному признаку (в них выделены виды по конструктивно-планировочным особенностям); проследить особенности взаимовлияния, единства и своеобразия архитектурных школ Бухары и сопредельных регионов Центральной Азии и Среднего Востока. Кроме того, исследуются более 70 архитектурных сооружений Бухарского оазиса XV–XVII вв. и ряда зданий других регионов Узбекистана, возведенных под влиянием бухарской школы. И, конечно, особенный интерес представляют ныне утраченные архитектурные памятники, изученные по историческим и архивным материалам, что позволяет зримо (по крайней мере в виде чертежей и исторических фотографий) восстановить их облик как сооружений единой архитектурной школы. В частности, мы приводим сведения о строительной деятельности, в том числе и о некоторых исчезнувших сооружениях того времени, почерпнутые из письменных источников XV – начала XIX в.

Эпоха оставляет не только какие-то словесные описания «живой архитектуры». Ее отображение, или некие «образы», мы можем увидеть и в передаче миниатюристов того времени, естественно, в схематическом изображении – скорее, как необходимый фон, на котором происходят некие события, иллюстрируемые в рукописи (сцены дворцовой жизни, исторические события и др.). Это обстоятель-

ство побудило автора изучить среднеазиатские книжные миниатюры XV–XVII вв. Впрочем, повторяем, что изображения построек, представленных на миниатюрах, не являются их точной копией, а создают некий образ, тип сооружения, в которых специалист способен угадать знакомые очертания, либо по ним мы можем проследить ведущие черты и типологические особенности изображаемых зданий и объектов, к примеру, садово-паркового искусства и проч.

Географические границы нашего исследования охватывают Бухарский оазис, включающий нынешние Бухарскую и Навоийскую области. Для выяснения генезиса и эволюции некоторых типов зданий, раскрытия единства бухарской школы со школами сопредельных регионов, а также ее отличий в качестве близких аналогов либо подобных конструктивных решений, рассмотрены сооружения, расположенные на территории других областей Средней Азии (Хорезм, Сурхандарья, Кашкадарья и др.) и стран Среднего Востока (Индия, Иран, Афганистан).

В монографии обобщен и проанализирован обширный новый и малоизвестный материал по архитектуре Бухарского оазиса XV–XVII вв., а также выявлены основные тенденции и закономерности ее развития. В более широком хронологическом и географическом диапазоне рассмотрен ряд дискуссионных и малоизученных вопросов, касающихся, например, конструкции на параллельных и пересекающихся арках, архитектуры ханака и медресе, дворово-айванной планировки зданий и зооморфной тематики в декоре.

Также прослежен процесс эволюции и формирования архитектуры бухарской школы зодчества во временной отрезок, равный трем столетиям – XV–XVII вв., и выявлены черты ее своеобразия, общностей и взаимовлияний со схожими традициями в зодчестве сопредельных регионов Средней Азии и Среднего Востока.

Отметим, что автор не ставит перед собой задачи углубленного анализа исторической топографии Бухары, ибо это – предмет отдельного крупного исследования, требующего дополнительных археологических и иных изысканий.

Мы попытались предложить основные этапы формирования исторической топографии города для представления полной картины сложения его застройки в XV–XVII вв. При этом автор опирается не только на данные и результаты анализов прежних исследований. Мы предлагаем результаты собственных многолетних исследований, наблюдений, изучения вакфных документов, к примеру, об этапах формирования трех крупных ансамблей кош-медресе, о ряде новых сооружений и проч.

Ворота Шейх Джалол, XVI в.
Общий вид. Фото А. Н. Виноградова (Архив ГлавНПУ, 7678/58-2)[*]

[*] Здесь и далее, если не указан другой источник, почти все исторические фотографии приводятся по материалам Архива ГлавНПУ при МК РУз.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ БУХАРЫ. ПЕРИОДИЗАЦИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН И ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА

Бухарский оазис занимает центральную часть современной территории Узбекистана. Город Бухара издревле являлся крупным торгово-ремесленным центром, сформированным на Великом шелковом пути. Особое значение имел город в раннее средневековье, будучи столицей Бухарского Согда. В IX–X вв. столица великой державы Саманидов Бухара стала одним из крупнейших на Востоке политических, религиозных, научных и культурных центров. В этот период здесь жили и творили многие известные представители науки и культуры Среднего Востока. Среди них – ученые-энциклопедисты Ибн-Сина (Авиценна), Бируни, хадисовед Имам ал-Бухари, поэт Рудаки и др. Город процветал и в последующее время – в правление Караханидов (XI–XII вв.).

Завоевавшие Бухарский оазис в 1220 г. монголы в течение полутора столетий своего правления неоднократно разрушали его города и селения[9].

В 1370 г. к власти в Мавераннахре пришел талантливый полководец и политик Амир Темур, который за годы своего правления значительно расширил границы государства, присоединив к нему завоеванные им территории современных Ирана, Ирака, Сирии, Турции и других стран. Амир Темур создал мощное стабильное государство с высоким уровнем экономики и культуры, уделял большое внимание его градостроительству и архитектуре. Эти тенденции наблюдались и в правление его наследников.

В начале XV в., после смерти Амира Темура, между темуридскими царевичами разгорелась борьба за престол. В результате к власти в обширном государстве Темуридов

[9] Петрушевский И. П. Из истории Бухары в XIII в // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып.1. М., 1949. С. 106.

Локация Бухарского оазиса на карте Узбекистана

в 1409 г. на долгие 34 года пришел старший сын Амира Темура Шахрух, который в бытность своего отца был его наместником в Хорасане со столицей в Герате. Став главой государства, Шахрух решил остаться в Герате и перенести сюда столицу. Своим наместником в Мавераннахре он назначил старшего сына – Мирзо Улугбека (1409–1449 гг.), в годы правления которого наблюдается относительный расцвет и оживление строительной деятельности в Бухарском оазисе.

Во второй половине XV в., в течение почти 40 лет, Мавераннахром фактически управлял глава ордена Накшбандия Ходжа Ахрар, хотя официально главой государства считались Темуриды – Абу Саид (1451–1469 гг.), Султан Ахмад (1469–1494 гг.) и др. При Султан Ахмаде Бухарой управлял Абд ал-Али Тархан, сосредоточивший в своих руках большие богатства.

Небывалый расцвет, сравнимый, возможно, только с периодом Саманидов, Бухара переживает в XVI и отчасти в первой половине XVII в., во время правления представителей узбекской династии Шейбанидов (1500–1601 гг.) и Аштарханидов.

В начале XVI в., с ослаблением государства Темуридов, Мавераннахр был захвачен представителем кочевых узбеков Мухаммадом Шахбахт Шейбаниханом (ум. в 1510 г.). Из земель Темуридов большая часть Хорасана (территории современных северного и северо-западного Афганистана, северо-восточного Ирана и юга Туркменистана) отошла к Сефевидам. На протяжении XVI–XVII вв. в результате военных столкновений, периодически возникавших в споре за земли, границы отодвигались то в одну, то в другую сторону.

Поначалу Мухаммад Шейбанихан избрал столицей государства Самарканд, а Бухару отдал своему брату Махмуд Султану (ум. в 1505 г.), а затем его сыну Убайдуллахану (1512–1540 гг.). В 1533–1539 гг. Убайдуллахан уже являлся главой всего государства Шейбанидов. В 1532–1533 г. он перенес столицу из Самарканда в Бухару[10]. С тех пор и во все исследуемое нами время Бухара оставалась столицей государства сначала Шейбанидов, затем Джанидов. И потому здесь были сосредоточены лучшие мастера строительного дела, велось крупномасштабное строительство и создавались истинные шедевры архитектуры.

После смерти Убайдуллахана в Мавераннахре на некоторое время воцарилось двоевластие. В Самарканде правил Абдулатифхан (1541–1552 гг.), а в Бухаре – сын Убайдуллы – Абдулазизхан (1540–1550 гг.). В 1556 г. после ряда междоусобиц и смены

[10] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVII вв. Силсилат ас-салатин. Ташкент, 1985. С. 108.

правителей при активной поддержке джуйбарского шейха Ходжи Ислама бухарский престол занял Абдуллахан II. В период своего правления (1556–1598 гг.) он значительно расширил территорию государства за счет многочисленных успешных военных походов и присоединил завоеванные им – Балх и Фергану (1573 г.), Шахрисабз, Карши и Хисар (1574 г.), Ургенч (1575 г.), Самарканд и Ташкент (1576 г.).

Абдуллахан II, будучи сильной личностью, талантливым политиком и стратегом, создал могущественное государство и продержался на престоле более 40 лет (до самой смерти). Предавший его сын Абдулатиф был умерщвлен спустя шесть месяцев после восшествия на престол, после чего иссякла мужская линия Шейбанида Абдуллахана. Поэтому из Астрахани был приглашен зять – муж сестры Абдуллахана, престарелый Джанибек со своими сыновьями.

Так, сменив Шейбанидов в начале XVII в., бухарский престол заняла другая ветвь потомков Чингиз-хана – Джанидов (Аштарханидов). Их правление в Средней Азии длилось более полутора столетий, вплоть до 1753 г., когда престол заняли представители Мангытской династии[11].

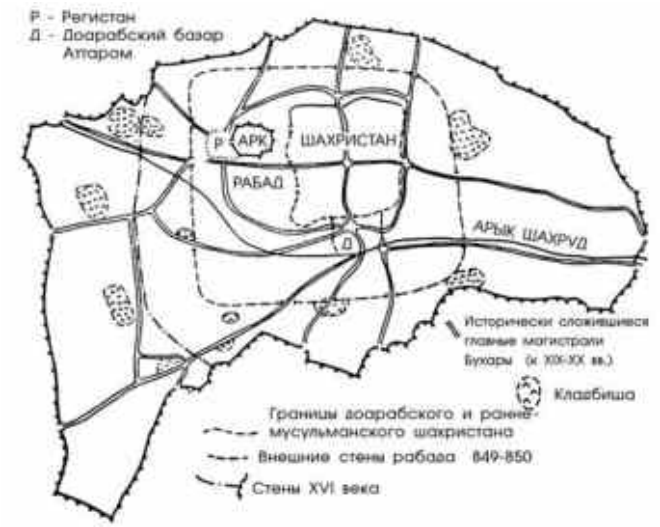
В первые годы XVII в. шла быстрая смена правителей. В 1601–1605 гг. власть была в руках племянника Абдуллахана II Джанида Баки Мухаммадхана, а затем его брата Вали Мухаммада (1605–1611 гг.). Более созидательным, длительным и благотворным было время правления двух следующих Джанидов: Имамкулихана (1611–1642 гг.) и его сына Абдулазизхана II (1645–1681 гг.). Имамкулихан – племянник Вали Мухаммада и сын Баки Мухаммада, за период своей более чем тридцатилетней власти укрепил государство, ослабил сепаратистские настроения и междоусобные войны.

При Имамкулихане увеличились объемы и масштабы строительства. Столица государства Бухара и его второй крупный город – Самарканд были украшены в этот период прекрасными монументальными сооружениями, в их центральной части сложились крупные градоформирующие ансамбли. Немалую роль в развитии архитектуры Средней Азии в этот период сыграла строительная деятельность визиря Имамкулихана – Надира Диван-беги (строил в Бухаре, Балхе и Самарканде), а также наместника Имамкули в Самарканде Ялангтуш-бия Бахадира.

Престарелый Имамкулихан умер во время паломничества в Мекку, где и был похоронен. После недолгого правления его сына, Надир-Мухаммадхана, к власти более чем на 35 лет пришел другой сын Имамкулихана – Абдулазизхан II. Время его правления явилось последним благоприятным периодом в жизни государства Аштарханидов.

При Абдулазизхане II так же, как и в правление его отца Имамкули, возрос объем строительства, в том числе и монументального. В Бухаре и Самарканде завершилось формирование крупных ансамблей. При сыне Абдулазиза II Субханкулихане (1680–1702 гг.) относительно крупные строительные работы в основном проводились в рай-

[11] Мирзаахмедов М. Мўғуллар истилоси ва Темурийлар даврида // Бухоро – Шарқ дурдонаси. Тошкент, 1997. С. 57.



Схематический план г. Бухары XVI в.
(по: Ремпель, 1962)

оне крепости Арк. Ряд незначительных сооружений также был возведен в Бухаре и Бухарском оазисе. Однако общий спад экономики в стране обусловил небольшие размеры этих зданий и отступление от классических канонов архитектуры XVI – начала XVII вв.

К изучаемому нами периоду город уже имел сформировавшиеся в течение почти двух тысяч лет составные части и каркас древних улиц.

Еще в предарабское (до начала VIII в.) время Бухара состояла из отдельно стоящей крепости и расположенного к востоку от нее древнего ядра города – шахристана, огороженных каждый своей индивидуальной сырцовой оборонительной стеной. Их окружали предместья – рабады, которые также не позднее начала IX в. были обнесены стеной, включившей вышеназванные крепость и шахристан. Крепость имела двое ворот, соединенных дорогой. Из них западные выходили на прилегающую торговую и административную площадь Регистан, а восточные ворота «Гуриян» – были обращены к шахристану. Последний имел подквадратный план, разделенный двумя осевыми главными улицами на четыре части. В стене шахристана было устроено семь ворот: по одним на северной, восточной и южной стороне, и четверо ворот в западной стене, обращенной к крепости.

В середине IX в. в связи с расширением Бухары, была возведена новая стена, охватившая более обширную территорию. Так появилась, помимо внутренней, внешняя стена рабада. Стены не сохранились, однако границы второй стены рабада и локализация ее одиннадцати ворот установлены исследователями, по историческим сведениям, и топографическим данным.

При Саманидах (IX–X вв.) город получил более значительное развитие и стал расти во всех направлениях, кроме северного. Вероятно, это было обусловлено тем, что основной водный источник питания города – канал Шахруд – протекал с востока на запад южнее шахристана, расположенного на возвышенности. Поэтому легче было обводнять лежащие к югу от канала территории, чем земли, находящиеся севернее древнего города, центральная часть которого (Арк, шахристан, доисламский рабад) имела повышенный рельеф за счет многовековых культурных слоев. В X–XII вв., когда Бухара как столица государства Саманидов и затем удела Караханидов достигла наивысшего

Арк. Крепостные стены.
Фото С. Шиманской, 1950 г. (Архив ГлавНПУ. 35171/136)

расцвета и переросла свои прежние границы, возникли новые стены рабада, согласно устоявшемуся мнению, с одиннадцатью воротами.

О количестве, локализации и названиях некоторых из этих ворот исследователи до сих пор имеют разноречивые суждения. Более того, в недавно обнаруженной рукописи автора X в. Абдаллаха Мухаммада ибн-Ахмада Джайхани (просвещенный визирь, служивший при дворе Саманидов в 914–918 гг.) приводятся названия четырнадцати ворот Бухары[12]. Думается, что окончательное уточнение количества, названий и размещения в современной топографии городских ворот Бухары – это вопрос будущего.

Весьма достоверной и привлекательной, на наш взгляд, представляется версия развития средневекового города Средней Азии, предложенная И. И. Ноткиным, согласно которой в Бухаре, так же, как и в Куня-Ургенче, в развитии города поэтапно использовались то широтное, то меридиональное направления[13].

На протяжении IX–XII вв.[14], а также во время монгольских завоеваний, стены рабада неоднократно разрушались и восстанавливались вновь. В XIV в. Бухара постепенно начала возрождаться. Сооруженные в это время небольшие портально-ку-

[12] Мухтаров А. Джайхони о городах Мавераннахра // Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 26.
[13] Ноткин И. И. Архитектурно-пространственные формообразования исторически сложившихся городов Узбекистана. Москва – Ташкент, 1981. С. 35 //Автореф. дисс. … докт. архитектуры.
[14] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. Указ. соч. С. 47-48.

польные мавзолеи Баян-Кулихана, Бобои-Парадуз, Чашма Аюб сохранились до настоящего времени.

К началу XV в. Бухара все еще оставалась крупным политическим и торгово-ремесленным центром Среднего Востока. Хафизи Абру (ум. в 1430 г.), описывая город начала XV в., отмечал: «Хоть в настоящее время не осталось и десятой части от величия (Бухары) прошлых времен, относительно других выдающихся городов по обилию садов, (ее) можно назвать райским садом. (Ибо) окрестности Бухары территорией двенадцать на двенадцать фарсангов (1 фарсанг или фарсах равен примерно 6-8 км) состоят из соединяющихся садов, насаждений и благоустроенных кишлаков»[15].

О топографии и характере застройки Бухары писал также и испанский посол ко двору Амира Темура Руи Гонсалес де Клавихо, пребывавший в городе в конце ноября –начале декабря 1405 г. проездом на свою родину. Он определил Бухару как большой город, который «лежит на обширной равнине и окружен земляным валом и глубоким рвом, полным воды. На одном конце его крепость, также земляная, так как в этой земле нет камня, чтобы делать ограды и стены; а возле крепости протекала река. У города значительное предместье, и там большие здания. Город богат хлебом, мясом, вином и другим съестным, и многими товарами»[16].

Клавихо также сообщает, что дорога между Самаркандом и Бухарой, которая заняла у него шесть дней, была «хорошей, ровной и многолюдной». Путникам давали все необходимое, пристанище и еду. О западной части Бухарского оазиса де Клавихо пишет, как о земле равнинной, «густо заселенной, с множеством селений»[17].

Таким образом, в начале XV в. Бухара представляла собой крупный город, окруженный сырцовой стеной с наружным рвом, полным воды. Она имела большие предместья с монументальными постройками, благоустроенными дорогами, садами и кишлаками.

В XVI в. городской вал Бухары уже обветшал, и Абдулазизхан I (1540–1549 гг.) распорядился о сооружении новых стен с двенадцатью воротами. Большая часть стен и несколько ворот в неоднократно ремонтированном виде существовали еще в первой трети XX в. Многие исследователи предполагали, что в XVI в., когда Бухара занимала уже значительно увеличенную относительно саманидского времени территорию, старые стены рабада оказались внутри разросшегося города[18]. Однако, согласно последним археологическим данным, стены Бухары первой половины XVI в. почти совпадали со стенами рабада X–XIII вв. Более того, выяснилось, что в X–XIII

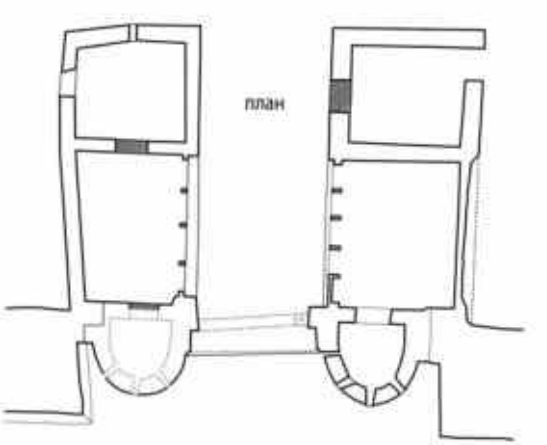
[15] Хафизи Абру. География / Извлечения в пер. О. Буриева. С. 75-81; Уринбаев А., Буриев О. и др. Темурийлар бунёдкорлиги давр манбаларида. Тошкент, 1997. С. 72.

[16] Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406) / Пер. И. С. Мироковой. М., 1990. С. 145.

[17] Там же.

[18] Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936. С. 24.; Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 306.

вв. Бухара в своей северной части в пределах стен рабада занимала большую территорию, чем в XVI в. На севере поздняя стена XVI в. местами до 500 м была отодвинута южнее стен X–XIII вв., тем самым охватив сократившуюся в этом месте площадь города[19].



Ворота Шейх Джалол, XVI в.
План (по: А. Н. Виноградов. Архив ГлавНПУ, 3950/35-5)

Следовательно, Абдулазизхан I при возведении городских стен большей частью проводил их по остаткам обветшавших домонгольских укреплений, а на севере соорудил новые стены – южнее прежних, обведя сократившуюся в этом месте к XVI в. площадь Бухары. Вот что писал о топографии и стенах города этого времени английский путешественник Антони Дженкинсон, побывавший в Бухаре с 12 декабря 1558 г. по 2 марта 1559 г.: «Бухара расположена в самой низменной части страны; она окружена высокой земляной стеной с различными воротами и разделена на три части; две из них отведены королю, а третья принадлежит купцам и рынкам; каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок. Город очень велик. … Посреди города протекает маленькая речка, вода которой очень нездорова … »[20].

В правление Абдуллахана II (1557–1598 гг.) в благодарность шейхам Джуйбари за поддержку в политической борьбе обширный пригородный район Бухары – Джуйбар был включен в состав города. Для этого была разобрана западная часть еще достаточно крепкой стены, возведенной Абдулазизом I несколькими десятилетиями ранее. При присоединении к городу расположенный в западном и юго-западном пригородах район Джуйбар был обнесен оборонительной стеной, в результате чего территория Бухары вытянулась в этом направлении.

Таким образом, план Бухары в XVI–XVII вв. получил удлиненную с запада на восток почти овальную, с выступом на юго-западе, форму. Город обводила 12-километровая стена со 116 округлыми полубашнями и 12 парами башен, фланкирующих крепостные ворота. Стена была сложена из пахсовых блоков с прокладкой сырцового кирпича. Ворота возводили из жженого кирпича с украшением некоторых из них майоликовым

[19] Некрасова Е. Г. Новые данные к исторической топографии Бухары IX – начала XIII в. // Сб. тез. «Узбекистан – вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура». Вып. III. Ч. I. С. 57; Филимонов В. М. Реконструкция Бухарского канала Шахруд и некоторых прилегающих к нему памятников архитектуры // Там же. С. 87.

[20] Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю. Готье, предисловие Г. Новицкого. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 182.

Городская стена близ ворот Тир-Гарон, XVI в.
Фото 1940–50-х гг. (Архив ГлавНПУ, 12747/78-9)

декором. Из 12 ворот сохранились лишь ворота Каракуль и Талипач, утратившие первоначальные майоликовые облицовки. Они были выстроены Абдуллаханом II во второй половине XVI в. в западной стене Бухары.

Весь город с востока на запад пересекал канал Шахруд, своей разветвленной системой арыков питавший водой всю Бухару и ее кварталы. Вода хранилась в многочисленных хаузах, расположенных в общегородских и квартальных центрах.

К началу XV в. Бухара имела исторически сложившуюся сеть древних улиц и дифференциацию на функциональные зоны. Сформировавшиеся к этому времени административный, культовые, торговые, квартальные и прочие центры в XV–XVII вв. закреплялись композицией из монументальных общественных сооружений, сгруппированных зачастую вокруг площади (иногда с хаузом) или вокруг торгового купола, расположенного на перекрестке улиц.

Издревле основными в городе являлись две прямые взаимно перпендикулярные магистрали, которые пересекались в центре шахристана.

Улицы в Бухаре, кроме нового проспекта Хиябан, не имели одного определенного названия на всем своем протяжении и именовались частями в основном по названию прилегающих к ним кварталов[21]. Поэтому, имея в виду, что план города был вытянут

[21] Сухарева О. А. Бухара. XIX – начало XX в. М., 1966. С. 19, 20.

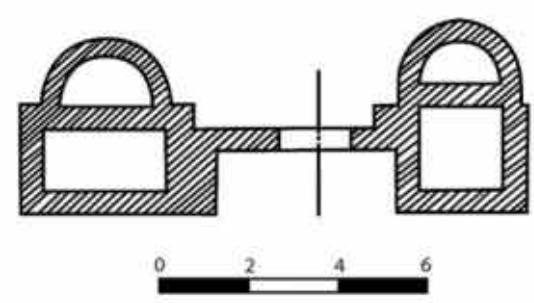
Одни из городских ворот Бухары XVI в.
Фото С. Шиманской. 1950 г. (Архив ГлавНПУ. 35171/136)

с запада на восток, будем называть магистрали, идущие по этой линии, продольными, или широтными, а улицы, проходящие по короткой линии, с севера на юг – поперечными или меридиональными.

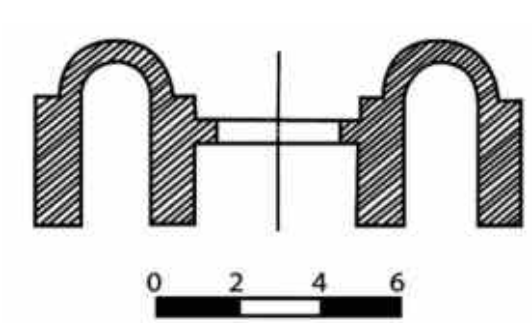
С неоднократным расширением Бухары широтная и меридиональная улицы сохраняли свое главенствующее значение и прокладывались иногда далее ломаной линией в направлении отодвигаемых ворот в новых городских стенах. Таким образом, в XV–XVII вв. основная продольная магистраль, идущая почти параллельно каналу Шахруд и проходящая с запада от ворот Талипач на восток к Мазарским воротам, пересекала весь город. При этом она, как и в древности, соединяла расположенные в центре Бухары шахристан и крепость, а также восточную и западную окраины города. Это была главная торговая улица Бухары, крытая местами навесами, купольной галереей и торговыми куполами.

Основная меридиональная улица была проложена от южных окраин через центральный перекресток, где возвышался купол Заргарон, до северных ворот. Л. И. Ремпель обосновывает их существование тем, что русские путешественники также свидетельствовали о 12 воротах Бухары[22]. Северные ворота могли функционировать еще в XV–XVII вв. и были заложены позднее, в период экономического упадка

[22] Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент, 1981. С. 109.



Ворота Каракуль, XVI в.
План



Ворота Талипач, XVI в.
План

страны и значительного запустения этого северного района города.

Таким образом, в XV–XVII вв. Бухара получила развитие в восточном, западном и особенно интенсивно в южном направлениях и сократила свою площадь в северной части[23]. На окраинах города находились сады и пашни, дома имели приусадебные сады и участки. Плотность жилых кварталов увеличивалась к центру Бухары.

В ядре города на территории шахристана преобладала прямоугольная разбивка улиц и кварталов. Зона последующего расширения за пределами шахристана имела преимущественно радиально-концентрическую планировочную структуру. Здесь южнее шахристана сначала сложились один, а затем еще южнее его – второй градостроительный узлы, закрепленные в XVI в. торговыми куполами Токи Телпак Фурушон и Токи Саррафон. От них веером расходились улицы, ведущие к городским воротам. Два подобных градостроительных узла сформировались в северо-западной части Бухары у площади Регистан, примыкавшей к Арку. Они были также закреплены в XVI в. торговыми куполами, это – ныне утраченные Токи Орд Фурушон и Токи Тиргарон. От них также веером расходились улицы, ведущие до ближайших городских ворот.

В изучаемый нами период при сохранении древней сети улиц уплотнилась застройка города, особенно его центральной части. Там дома из сырцового кирпича и деревянного каркаса, строили, вероятно, в 1–2 этажа с небольшим прилегающим двором без сада.

Жилые кварталы испещряли узкие кривые улицы, куда дома были обращены глухими фасадами. Архитектуру кварталов оживляли их общественные центры, где вокруг водоема-хауза группировались монументальные культовые, учебные и коммунально-бытовые учреждения квартального значения. Набор зданий и служб в зависимости от величины квартала или от конкретной ситуации мог быть в полном или усеченном составе. Это в основном приходская мечеть, школа для мальчиков – мактаб, иногда медресе и ханака. Сюда же входила святыня, имеющаяся почти в каждом

[23] Некрасова Е. Г. Указ. соч. С. 58.

квартале Бухары – это, преимущественно, мазар – почитаемая могила человека, возведенного в ранг святого. Вблизи квартального центра размещались рынки или торговые ряды, а также бани.

Необыкновенное очарование застройке Бухары придавали обсаженные деревьями хаузы, устроенные почти в каждом квартале и в ряде городских ансамблей. Они являлись основными источниками питьевой воды, создавая уютную прохладную среду с особым микроклиматом. Их берега были местом отдыха и общения жителей. Наиболее крупные, монументально оформленные, отделанные большими каменными блоками со ступенчатыми спусками к воде хаузы Бухары были сооружены в рассматриваемое нами время. Из них сохранились устроенный в квартальном центре при ханака-мечети Ходжа Зайн ад-Дина одноименный хауз XVI в. (33 х 25 м, глубина – 4,2 м), а также самый крупный в городе водоем Надир Диван-беги, 1620 г. (42 х 36 м, глубина –5 м) в составе городского ансамбля Ляби-Хауз[24]. Всего в Бухаре в начале XX в. было около ста хаузов, из которых 58 были облицованы естественным камнем[25]. Вероятно, большая часть этих водоемов была сооружена и существовала уже в XV–XVII вв. – в период интенсивной застройки Бухары. В 1926 г., в целях борьбы с местным заболеванием (ришта), исходившим от застойной воды в этих хаузах, почти все водоемы, за исключением нескольких из них, были осушены, а в городе вместо них проведен водопровод.

Центральные улицы города были шире остальных, по их сторонам размещались сплошные торговые ряды, прерываемые местами крупными ансамблями и площадями, украшенными монументальными сооружениями, отливающими многоцветьем глазури.

Основными градоформирующими узлами в Бухаре в XV–XVII вв., как и в предшествующее время, оставались сложившиеся на главной продольной улице (с запада на восток) Арк и прилегающая к ней площадь Регистан, восточнее ее – ансамбль Пои Калон, в центре шахристана на перекрестке древних улиц – торговый купол и ансамбль кош-медресе Улугбека и Абдулазизхана.

Большое развитие получили градостроительные узлы, наметившиеся в плане города еще до XVI в. и архитектурно оформленные в XVI–XVII вв. Среди них можно назвать ансамбли Ляби-Хауз, Кош-медресе, Гозиён, Хаузи-Нау, а также торговые купола, возведенные над перекрестком двух и более торговых улиц.

Особенно много ансамблей и архитектурных композиций появилось в XVI в. на территории, расположенной вдоль южной границы шахристана, издревле являвшейся бойким торговым местом. В ее центре на перекрестках были возведены два вышеназванных торговых купола XVI в. – Саррафон и Фурушон. Западнее их в XVI в. сло-

[24] Кочедамов В. И. Городские водоемы Бухары и Самарканда // АН. М., 1957. № 8. С. 179, 182.
[25] Там же. С. 178.

1. Мечеть Калян и медресе Мир-и Араб
2. Купол Токи Заргарон
3. Медресе Улугбека-Абдулазизхана
4. Тим Абдуллахана
5. Купол Токи Телпак Фурушон
6. Мечеть Магоки Курпа
7. Мечеть Магоки-Аттори
8. Купол Токи Саррафон
9. Мечеть Ходжа Калон и медресе Гаукушон
10. Медресе Кукельдаш, ханака и медресе Надир Диван-беги
11. Медресе Фатхулло Кушбеги
12. Медресе Гозиён
13. Ханака Мухаммад-Яр Аталык
14. Медресе Мадарихана-Абдуллахана
15. Медресе Хиябан
16. Мечеть Валида-и Абдулазизхана и медресе Джуйбари Калян

План г. Бухары с экспликацией зданий XV–XVII вв.

жился ансамбль Гаукушон, состоящий из расположенных рядом медресе Гаукушон и джума-мечети Ходжа Калон с минаретом, обращенных к торговой площади.

Восточнее названных торговых куполов поэтапно в XVI–XVII вв. сформировался второй по величине ансамбль Бухары – Ляби-Хауз. Здесь с трех сторон самого крупного в Бухаре хауза Надир Диван-беги размещались медресе Кукельдаш, ханака и медресе Надир Диван-беги.

Между куполами Саррафон и Фурушон находилась древнейшая в Бухаре мечеть Магоки-Аттори, возведенная в XII в. на месте доисламского храма и значительно перестроенная в XVI в., когда она уже оказалась наполовину скрытой культурными слоями.

Ансамбли Бухары и история их сложения достаточно хорошо изучены и отражены в литературе. Однако нам удалось выявить новые сведения, освещающие промежуточные этапы их формирования и данные о несохранившихся частях этих известных сооружений Бухары.

Далее мы остановимся подробнее лишь на отдельных аспектах проблемы формирования ансамблей, с которыми связаны выявленные нами новые сведения, уточняющие топографию Бухары исследуемого периода.

Так, в центре Бухары еще в начале XVI в. размещались минарет Калян (1127 г.) и одноименная мечеть (XV, XVI вв.). В 1536 г. напротив мечети Калян было возведено медресе Мир-и Араб, составившее с ней ансамбль кош. Таким образом, прилегающая к главной продольной магистрали площадь с трех сторон была застроена монументаль-

ными сооружениями. Как нам удалось выяснить, вблизи мечети Калян еще в XV в. находилась одна их двух бань Ходжа Ахрара. Судя по данным о том, что эта баня располагалась восточнее джума-мечети, можно предположить, что вблизи нее или частично на ее месте в XVI в. было основано медресе Мир-и Араб[26].

В ядре шахристана рядом с торговым куполом Заргарон поэтапно на протяжении XV – середины XVII вв. сформировалась композиция кош-медресе в виде двух противолежащих зданий – медресе Улугбека и Абдулазизхана. В XV в. напротив медресе Улугбека (1419 г.) располагалась баня, также принадлежавшая главе ордена Накшбандия Ходжа Ахрару. Неизвестно, была эта баня выстроена шейхом в XV в. или он выкупил уже существовавшее ранее сооружение, ибо среднеазиатские бани, и в частности бани Бухары, служили не одно столетие. Тем не менее, выявлен факт, что с середины XV и до середины XVII в. напротив медресе Улугбека находилась баня, принадлежавшая в свое время Ходжа Ахрару. Вблизи этих расположенных «визави» сооружений в XV в. находился купол Токи Заргарон – для продажи ювелирных изделий. Поначалу исследователи, согласно хронограмме Мушфики, относили эту постройку к XVI в. Однако, исходя из свидетельства Зайн ад-Дина Васифи, Г. А. Пугаченкова отнесла это сооружение ко времени Темуридов. На наш взгляд, этот купол действительно существовал здесь в XV в. Более того, мы предполагаем, что этот либо другой, более древний, торговый купол мог быть возведен здесь и гораздо раньше, так как его расположение на месте пересечения двух древнейших торговых улиц Бухары естественным образом требовало оформления данного перекрестка соответствующим этой функции архитектурным сооружением.

Существовавший ранее либо возведенный на прежнем месте при Темуридах купол Заргарон мог быть капитально отреставрирован в XVI в. Следовательно, со второй половины XV и до середины XVII в. в ядре Бухары находился торговый купол Заргарон, а рядом с ним – противолежащие медресе Улугбека и баня Ходжа Ахрара. В середине XVII в., вероятно, на месте бани Ходжа Ахрара Абдулазизхан II возвел свое медресе, образовав, таким образом, в Бухаре еще один ансамбль кош-медресе.

В западной части города, в стороне от центральных магистралей, среди жилых кварталов в XVI в. сложился первый из сохранившихся в Бухаре ансамбль кош-медресе Мадарихана–Абдуллахана. Как мы выяснили, в этот ансамбль входила также и ханская баня. Абдуллахан II сначала возвел эту баню, затем в 1567 г. напротив нее соорудил медресе Мадарихан, а спустя 23 года, вероятно, впритык к бане, напротив первого учебного здания, он выстроил второе медресе, названное Абдуллахан.

В связи с новыми эпиграфическими открытиями по-новому должна рассматриваться и история создания ансамбля Хаузи-Нау, сложившегося, как считалось раньше, в XVII в. Согласно новым сведениям, в юго-западной части Бухары еще в пер-

[26] Чехович О. Д. Самаркандские документы XV-XVI вв. (О владениях Ходжа Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974. С. 32.

вой половине XVI в. Абдулазизхан I возвел джума-мечеть Валида-и Абдулазизхана[27]. После включения Абдуллаханом II этого района в черту города, здесь в XVI–XVII вв. возник ансамбль, состоящий из хауза и расположенных по его сторонам мечети Валида-и Абдулазизхан и медресе Джуйбари Калон. Таким образом, ансамбль Хаузи-Нау складывался поэтапно в XVI и в XVII вв., а не только во второй половине XVII в., как считалось прежде.

Некоторые квартальные центры Бухары были весьма значительны и монументальны, что придавало им также градообразующее значение. Из таких крупных центров можно назвать архитектурный ансамбль Гозиён[28]. Он был сформирован, вероятно, на протяжении XV– начала XVIII вв. и состоял из двух медресе и ханака-мечети, расположенных с трех сторон хауза Гозиён. Вблизи ансамбля находились торговые ряды и баня Гозиён.

Такова вкратце топография Бухары XV–XVII вв. в свете наших дополнений и последних данных из исследований ряда ученых.

Исходя из вышесказанного следует, что в XV–XVI вв. Бухара сократила свою площадь относительно города домонгольского периода на севере и получила более интенсивное развитие в южном направлении. Западный район примкнул к городу в связи с желанием правителя Абдуллахана II включить расположенный здесь квартал Джуйбар в кольцо городских стен.

Ряд ансамблей Бухары XV–середины XVI в. состоял из монументального здания – медресе и противолежащей бани (медресе Улугбека и баня Ходжа Ахрара, баня Абдуллахана II и медресе Мадарихан). Впоследствии усилилась тенденция создания ансамблей кош (мечеть Калян и медресе Мир-и Араб, кош-медресе Гозиён). Во второй половине XVI в. и в середине XVII в., с возведением учебного здания напротив существовавшего медресе на месте или рядом с баней, прежние ансамбли были преобразованы в ансамбли кош-медресе (медресе Мадарихана–Абдуллахана, Улугбека–Абдулазизхана).

АРХИТЕКТУРА БУХАРЫ ЭПОХИ ТЕМУРИДОВ

В XV в. архитектура Бухары развивала и совершенствовала традиции строительной культуры предшествующего периода.

К началу XV в. в зодчестве Средней Азии использовались апробированные веками методы и конструкции, строительные материалы. В массовом, преимущественно

[27] Бабаджанов Б. Эпиграфические памятники Бухары (Проблемы и перспективы изучения) // ОНУ. 1997. № 9-11. С. 159.

[28] Юсупова М. А. К вопросу формирования архитектурных ансамблей Бухары XV-XVII вв. // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития. II Международная научная конференция. Тез. докл. Ташкент, 1997. С. 82-84.

жилом строительстве основным материалом являлся лёсс (местный сероземный суглинок), употреблявшийся в виде битой глины – пахсы, продолговатых комьев глины – гуваля, сырцового, а иногда жженого кирпича. При возведении стен применяли деревянный каркас – синч в один слой (якка-синч) или в два ряда (кош-синч). Стены из синча, заполненного сырцовым кирпичом или гуваля, при сейсмических толчках работали как скелет и в целом являлись прекрасной сейсмо- и термостойкой конструкцией. Лёсс в чистом виде, а чаще в сочетании с другими составными (ганч–разновидность местного гипса, зола и др.) применялся также как основной связующий раствор в кладке стен из сырца и жженого кирпича. Он был прекрасным термостойким строительным материалом, к тому же доступным и дешевым.

В конструкциях, работающих во влажном режиме и требующих особой гидростойкости (бани, сардоба, мосты), использовался раствор «кыр», включавший известь, растительную золу и др. В строительном растворе, используемом при кладке сводов и куполов, для большей его схватываемости применялся чистый ганч или раствор «ганчхок», состоящий из ганча и глины.

В монументальном строительстве еще в IX–X вв. использовали квадратный плиточный жженый кирпич мелкого формата. Позже размеры кирпича увеличились. В XV–XVII вв. был распространен квадратный кирпич размерами сторон 25-28 см и толщиной 5-6 см.

Конструкции перекрытия в массовом строительстве (жилая архитектура, торговые лавки и мастерские) были преимущественно деревянные с плоской кровлей. Плоская кровля устраивалась почти одинаково: по деревянным балкам перекрытия выстилались деревянные жердочки – васса, этот слой укрывала камышовая прокладка, которую сверху заливали глино-саманным раствором. При этом небольшие помещения перекрывались деревянными балками, а для больших пролетов и айванов применялись стоечно-балочные системы, где основные балки перекрытия опирались на колонны.

В монументальных сооружениях, например в ряде мечетей и ханака, использовали столпно-купольную систему, где многокупольное перекрытие поддерживали мощные кирпичные столбы.

Преимущественной как в жилой архитектуре, так и в ряде монументальных зданий (медресе, караван-сараи, соборные мечети и др.) была дворовая структура, когда внутренний замкнутый двор обустраивали по периметру рядом жилых и хозяйственных помещений. Наиболее распространенной для значительных сооружений (ханака, мавзолеи, мечети) или крупных частей здания (портальные объемы на осях двора в джума-мечетях, караван-сараях и медресе) была портально-купольная объемная композиция.

Мавзолей Чашма Аюб, XII-XIV-XVI вв.

К началу XV в. кривая арок и куполов имела стрельчатую форму с высоким подъемом замка. Купола имели двухслойную оболочку и состояли из внутреннего – конструктивного и внешнего – крупного декоративного голубого купола.

Бухарская школа зодчества, базируясь на архитектурных традициях, сформировавшихся к началу XV в., вместе с тем в рассматриваемое нами время (особенно в XVI в.) получила прогрессивное и новаторское развитие, продолжила формирование и кристаллизацию своих региональных особенностей, о чем будет сказано в соответствующих разделах данной работы.

Амир Темур развернул широкое монументальное строительство в Самарканде и на своей родине – в Шахрисабзе. Особое внимание он уделял и Бухаре – ведущему религиозно-духовному центру Мавераннахра. Здесь в его правление в основном был восстановлен, отреставрирован либо дополнен декором ряд древних святынь города. Так, еще в 1383-1384 гг. усилиями Амира Хаджжаджа[29] над святым колодцем-чашмой, связанным с именем библейского пророка Иова–Аюба, на основе старой обветшалой постройки XII в. был возведен новый мавзолей Чашма Аюб. Над постройкой главенствовал конусовидный купол на высоком цилиндрическом барабане, что было присуще архитектурной школе Хорезма, откуда Амир Темур вывез много мастеров.

[29] Бабаджанов Б. Указ. соч. С. 158.

В другом сооружении Бухары XII в. – праздничной мечети Намазгох – Амир Темур также провел реставрационные работы и дополнил полихромным майоликовым декором михрабную стену мечети.

В первые годы XV в. строительные работы были проведены в крепости Бухары двумя сыновьями Шахруха. К этому времени древняя крепость Арк находилась на высокой платформе, образованной многовековыми культурными слоями. Ее обводила мощная сырцовая стена с двумя воротами – западными и восточными. Устроившись в Арке в 1405 г., темуридские царевичи поделили его пополам. Западную часть крепости с воротами, обращенными на площадь Регистан, занял Ибрагим Султан, а восточную часть с воротами, ведущими к пятничной мечети Калян, занял Улугбек (позже восточные ворота были закрыты, и в Арке остались только одни западные ворота). Ворота соединялись дорогой шириной в 2,5 м. К югу от нее в XV–XVI вв. были возведены некие монументальные сооружения, остатки которых были обнаружены археологами[30].

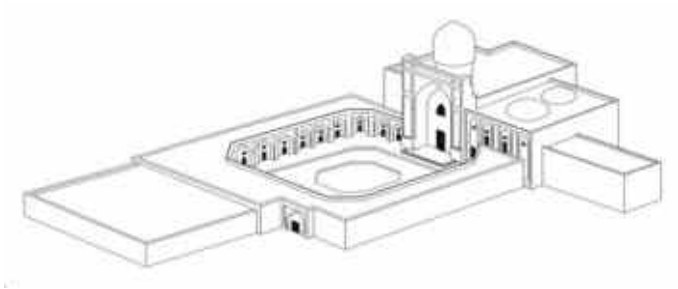
Относительный расцвет и оживление строительной деятельности в Бухарском оазисе наблюдается в первой половине XV в. – в правление в Мавераннахре Улугбека в 1409-1449 гг.

Отметим, что до сих пор к темуридскому времени относили лишь хорошо известные здания Бухары XV в. – медресе Улугбека и мечеть Калян, позже к этому периоду стали причислять и ханака-мавзолей Сайф ад-Дина Бохарзи[31]. Однако на основе изучения новых сведений, выявленных учеными, в том числе и автором этих строк, удалось значительно расширить список зданий и дополнить картину развития архитектуры Бухарского оазиса в XV в. Натурные исследования и вакфные данные свидетельствуют о том, что в Бухаре в начале XV в. несколько культовых и общественных сооружений возвел глава бухарских суфиев ордена Накшбандия Мухаммад Ходжа Порсо, оказавший поддержку Улугбеку при его восшествии на престол[32]. Среди них наиболее крупным был суфийский культово–мемориальный комплекс, внутренний замкнутый двор которого по периметру обводили худжры, а на западной стороне двора возвышался двухкамерный мавзолей – фамильная усыпальница семьи Ходжа Порсо (сам суфий умер во время паломничества в Мекку в 1419 г. и похоронен там). С востока к этой постройке дворовой структуры, называемой в вакфном документе «медресе», к тыльной стороне расположенных здесь худжр прилегало здание ханака. О его первоначальной архитектуре можно судить по данным вакфного документа на это здание, где сказано: «Ханака включает в себя айван на северной, восточной и южной сторонах. Ханака

[30] Мирзаахмедов М. Указ. соч. С. 50.

[31] Немцева Н. Б. Архитектурный комплекс на окраине Бухары // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 113.

[32] Мирзаахмедов М. Указ. соч. С. 50.



Комплекс Ходжа Порсо.
Аксонометрия (по: Панкратьева, 1987)

построено из жженого кирпича, ганча и горного камня (санги-кух)»[33].

Таким образом, ритуальный, вероятно, купольный зал ханака с конструкциями из «жженого кирпича, ганча и камня» был с трех сторон застроен колонным айваном. Здание имело весьма распространенную объемно-пространственную и планировочную композицию, характерную для зданий этого типа и для квартальных мечетей последующего времени. В этой связи выявляется, что ханака данной композиции существовали уже в начале XV в., а не в первой половине XVI в., как считалось раньше. В эти же годы (1407–1408 гг.) Ходжа Порсо возвел библиотеку на улице Дехканов в квартале Куи Дехкан (в XX в. квартал был известен как Мулло Пайрави). Здание считалось святыней махалли – чилляханой Ходжа Порсо и еще в начале XX в. содержалось в порядке. Над ним возвышался туг – шест с хвостом яка[34]. Это небольшое вросшее в землю сооружение, от которого возвышался только верх купола, включало единственное помещение. Из-за ветхости оно было разрушено в середине XX в. Однако нам удалось выявить некоторые сведения о его архитектуре. Так, осмотревшие эту постройку в 1937 г. специалисты свидетельствовали, что это было восьмигранное крытое куполом сооружение из жженого кирпича, с нишами на каждой стене и дверью, обитой железом[35]. Судя по описанию (ниши во всех стенах, верхнее освещение, дверь, обитая железом), это здание, как и предполагает ряд исследователей, действительно могло служить одним из залов библиотеки.

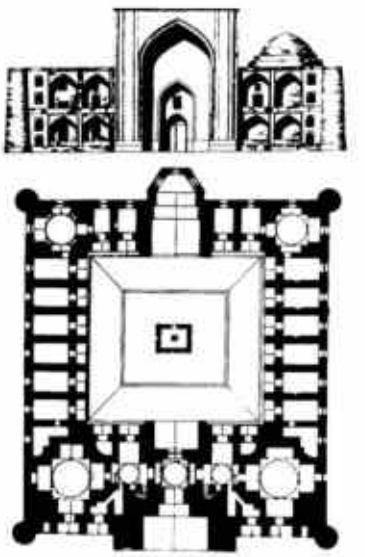
Еще одна постройка суфия – баня Ходжа Порсо (рубежа XIV–XV вв.) была возведена им в квартале Куйи Мургкуш. Это сооружение, существовавшее еще в начале XX в., также почиталось как одна из святынь квартала, и потому было снабжено тугом[36].

Улугбек благоволил Бухаре. Он часто здесь бывал, ездил в эти края на соколиную охоту и даже принимал тибетского посла[37].

Известно, что Улугбек за время своего правления выстроил в Мавераннахре три медресе – в Бухаре, Самарканде и Гиждуване. Самым ранним из них и самым древним из сохранившихся в Средней Азии является медресе Улугбека в Бухаре (1417–1419

[33] ЦГИА РУз, фонд И-323, N 1291/16 (30). Чтение и перевод Б. Бабаджанова.
[34] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 220-221.
[35] Стенографический отчет второй конференции Узкомстариса. 1936. Смена 25, 8/1 вечер. Архив ГлавНПУ. С. 58.
[36] Сухарева О. А. Указ. соч. С. 72.
[37] Мирзаахмедов М. Указ. соч. С. 51.

гг.), возведенное, судя по надписи на тимпане портала, зодчим Исмаилом ибн Тахиром ибн Махмудом Исфахани. На его входной двери было начертано: «Стремление к знаниям – обязанность каждого мусульманина и мусульманки». В своей основе это было типичное для Средней Азии медресе дворовой композиции: прямоугольный план (41,6 х 50м) заключал внутренний двор (25 х 25м), застроенный худжрами в два этажа; на продольной оси во дворе размещались два портальных айвана. Однако здесь впервые в Средней Азии ярко и зрело для своего времени были проявлены черты самобытной бухарской школы в целом, и в типе медресе в частности. Так, во входной части прямой проход во двор был забран чугунной решеткой, и во двор вели расходящиеся по сторонам от купольного вестибюля коленчатые коридоры. По углам входной части медресе располагались двухсветные залы – мечеть и дарсхона. Эти помещения благодаря четырем глубоким арочным нишам по их осям получили крестовидное очертание.



Медресе Улугбека в Бухаре, 1417 г.
План и главный фасад[**]

Необычайно стройны и изысканны пропорции этого здания. На главном фасаде по сторонам от высокого портала размещены значительно пониженные крылья, где впервые в Мавераннахре устроены раскрытые наружу двухъярусные арочные лоджии. На углах фасада располагались не традиционные при Темуридах минареты, а выступающие на три четверти на высоту боковых крыльев башни-гульдаста. Такие башни, а также раскрытие крыльев наружу арочными лоджиями станут впоследствии характерной чертой бухарского зодчества.

Медресе Улугбека в Бухаре, 1417 г.
Металлическая решетка в проеме миоонсарая на оси двора

Второй крупной постройкой эпохи Темуридов в Бухаре явилась мечеть Калян, выстроенная заново на основаниях мечети, сооруженной Караханидом Арсланханом в 1121 г. В XV в. она представляла со-

[**] Здесь и далее, если не указан другой источник, чертежи приводятся по Л. Ю. Маньковской и др. Свод памятников истории и культуры Узбекистана. Материалы к тому «Бухарская область». Архив Института искусствознания АН РУз, ИА (М). С-48. № 1152. Ташкент, 1983-1984.

Мечеть Калян.
Портально-купольная максура XV в.

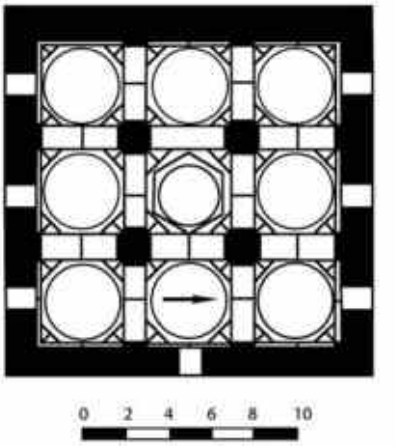
бой образец типичной соборной мечети, сложившейся к этому времени в Средней Азии. Прямоугольный двор был застроен многокупольной (288 куполов) галереей на кирпичных столбах. На четырех осях двора размещены портальные айваны. На главной, продольной, оси расположен портальный вход, в глубине двора – зал мечети, крытый крупным двойным куполом. Внешний сфероконический бирюзовый купол был вознесен на высоком барабане и главенствовал в окружающей застройке. Это была вторая по величине мечеть в Мавераннахре после мечети Биби-ханым в Самарканде. Автор настоящей монографии, как и ряд других исследователей[38], склонна отнести ее возведение ко времени Улугбека. Богатый декор мечети составляют кирпичные и кашинные мозаики и майолики. В первой половине XVI в. была перестроена и декорирована входная часть здания. В этом виде оно сохранилось до настоящего времени.

К сооружениям времени Улугбека, согласно данным К. Джумаева и Л. Ю. Маньковской, можно также отнести столпно-купольную Таш-мечеть в Бухарском оазисе вблизи села Гиждумак (Гиждуванский район. Обмер К. Джумаева, 1974 г.). Это было квадратное в плане (17 х 17 м), четырехстолпное девятикупольное (диаметр куполов около 4 м) беспортальное сооружение центриче-

[38] Маньковская Л. Ю. Мечеть Калян // Паспорта памятников архитектуры Бухарской области. Архив Института искусствознания АН РУз., ИЗО. М-23, № 1185/5. Ташкент, 1983-1984 гг.

ской композиции[39]. В центральном отсеке мечети устроен шестигранный световой фонарь, завершенный куполком уменьшенного диаметра. Михраб украшен резным ганчем и сталактитами в своде ниши.

Мечеть близ села Гиждумак, XV в.
Общий вид



Мечеть близ села Гиждумак, XV в.
План

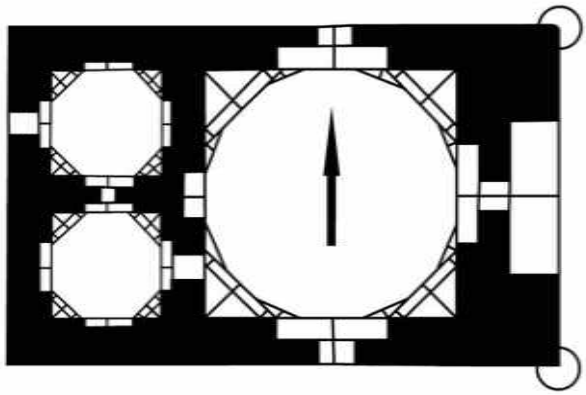
Датировку этого памятника Л. Ю. Маньковская определяет на основе следующих соображений: «Местное предание приписывает Улугбеку, лечившемуся под Вабкентом в местечке Кумушкент, постройку этой мечети на старом кладбище у дороги из Бухары в Самарканд. Это может датировать мечеть первой половиной XV в., что не противоречит конструктивной основе и формам здания. Исторически факт пребывания Улугбека в Бухарском оазисе в 1417 и 1420–1421 гг. подтверждается»[40]. Учитывая, что четырехстолпные купольные мечети были характерны для Бухарского оазиса с IX в. и хорошо сохранились в XI в. (Диггарон в с. Хазара), эта датировка Л. Ю. Маньковской видится нам вполне достоверной, и мы также относим это сооружение к эпохе Темуридов. Отметим лишь, что мечеть, возведенная, возможно, у могилы некоего местного святого, в сельской местности могла также использоваться в качестве приходской или джума-мечети.

В самой Бухаре, продолжая традиции времени Амира Темура, в XV в. в правление его потомков также были восстановлены древние святыни города. В частности, заново сооружен на прежней основе мавзолей Сайф ад-Дина Бохарзи и, возможно, затронут строительством мавзолей Турки-Джанди.

Строительству мавзолеев в эпоху Темуридов придавалось большое значение. Иногда к мавзолеям прилегал зал для радений суфиев – зикрхана либо поминальная

[39] Маньковская Л. Ю., Усманов Т., Джумаев К. Многостолпные мечети в зодчестве Узбекистана. САУ. 1975. № 9. С. 28.
[40] Маньковская Л. Ю. Свод памятников истории и культуры Узбекистана. Материалы к тому «Бухарская область». Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М). С- 48. № 1152. Ташкент, 1983-1984.

Комплекс Турки-Джанди, XII–XVIII вв.
Общий вид. Фото



Мавзолей Абдурахмана Вали. XV в.
План

мечеть – зиаратхана, или помещение, совмещавшее в себе обе эти функции. Таков был уже в начале XIV в., судя по описаниям очевидца – арабского путешественника Ибн Баттуты, мавзолей-ханака почитаемого суфия Сайф ад-Дина Бохарзи[41]. Здесь, на месте обветшавшей постройки в XV в., было возведено новое двухкамерное двухкупольное сооружение[42]. Еще в XIV в. «в ногах» почитаемого шейха, рядом с прежней усыпальницей, был возведен небольшой портально-купольный мавзолей монгольского хана Баян-Кули, принявшего ислам. Вероятно, в первой половине XV в. впритык к облицованной голубыми глазурованными плитками платформе мавзолея Баян Кулихана взамен обветшавших сооружений были выстроены новые гурхана и ханака Сайф ад-Дина Бохарзи[43]. Они были включены в застройку двора мемориального суфийского комплекса, куда стекались на поклонение или за бесплатным приютом и пищей многие пилигримы и бедняки. Новое сооружение представляло собой довольно распространенный в конце XIV–XV в. тип мавзолея-ханака. Это двухкамерное, ступенчатое в плане здание, где просторное помещение ханака-зиаратханы с входными проемами на осях ведет в прилегающий мавзолей. Оба помещения весьма похожи по оформлению: перекрыты куполами на 8-гранном ярусе парусов и 16-гранном барабане со световым проемом через грань. В XVI в. вход на главной оси здания был оформлен

[41] Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. С. 82-83.
[42] Немцева Н. Б. Архитектурный комплекс на окраине Бухары // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 113.
[43] Там же. С. 109.

более монументальным порталом с мощными башнями-гульдаста и аркатурой-реваком по верху портала[44].

На месте другой святыни – древнего захоронения Турки-Джанди, основание которого археологи относят к XI–XII вв.[45], вероятно, в XV–XVI вв. был возведен новый двухкамерный мавзолей. Судя по вакфному документу (чтение и перевод Б. Бабаджанова), здание было значительно перестроено в 1542 году по приказу и на средства Абдулазизхана. Над гурханой устроен двойной купол, внутренний покоится на системе четырех пересекающихся арок и щитовидных парусов. Внешний купол гурханы вознесен на весьма высоком цилиндрическом барабане и по силуэту напоминает аналогичное решение знаменитых самаркандских мавзолеев XV в. – Чупан-ата и Ишратхана, а также ряда шейбанидских сооружений XVI в., относящихся к бухарской школе зодчества – ханака Касим Шейха в Кермине, Хазрати Имам в Бухаре, мавзолея Лянгар-ата в Кашкадарье. Исходя из этого, а также учитывая вакфные данные мы склонны отнести его реконструкцию к XV–XVI вв.

Второе помещение мавзолея Турки-Джанди – зиаратхана перекрыта пологим одинарным куполом на щитовидных парусах со световым фонарем в зените. Перед мавзолеем организован небольшой дворик, куда ведет портальный вход, выстроенный в 1816-17 г. по приказу Амира Хайдара (чтение и перевод Б. Бабаджанова).

Весьма интересен для истории архитектуры малоизвестный мавзолей Бухарского оазиса Чибирдон-бобо, который еще называют Абдурахман Вали, расположенный близ местечка Каракуль на городище Шабурган-ата. Это прямоугольное в плане (18,5х10,8м), трехкамерное и трехкупольное сооружение продольно-осевой композиции, как оказалось, было возведено в XV в.[46]. Небольшой портал, завершенный аркатурой реваком, вел в крупную зиаратхану (8х8м). За ней были устроены две небольшие гурханы (каждая размером 3,8х3,8м), расположенные анфиладой по поперечной оси здания. Позже в мавзолее Чибирдон-бобо углы портала, занимающего весь фасад здания, были закреплены мощными башнями-гульдаста, что придало его объемной композиции еще большую схожесть с мавзолеем Сайф ад-Дина Бохарзи в Бухаре.

Единственным из сохранившихся в Средней Азии торговых сооружений времени Темуридов был выстроенный в Бухаре рядом с медресе Улугбека торговый купол ювелиров Токи Заргарон. По справедливому замечанию Л. Ю. Маньковской, его архитектура «несет черты зрелого, кристаллизировавшегося типа здания, прошедшего к моменту строительства многовековой путь эволюции форм»[47]. Этот торговый ку-

[44] Там же.

[45] Кочнев Б. Д. Заключение по шурфам в комплексе Турки-Джанди. 1973. Инв. № 3564/ к-76. Архив ГлавНПУ С. 14.

[46] Некрасова Е. Г., Шрайбер Ф. И. Новые данные о мавзолеях Шабурган-ата и Абдурахман Вали // АСУ. 1990. № 2. С. 34.

[47] Маньковская Л. Ю. Купол Таки Заргарон // Паспорта памятников архитектуры Бухарской области. Архив Института искусствознания АН РУз., ИЗО. М-23, № 1185/12. Ташкент, 1983-1984 гг.

Торговый купол Токи Заргарон, XV в.
Вид сверху

пол был возведен над перекрестком двух древних магистралей Бухары, что обусловило квадратный план, центрическую многокамерную композицию с раскрытыми по четырем осям крупными арочными проездами. В его архитектуре выделяется восьмигранный купольный центральный объем на четырех столпах. По периметру он обведен купольной галереей, ниши которой связаны с примыкающими к наружным стенам мастерскими. Купол, усиленный восемью ребрами жесткости, основан на 16-гранном барабане с окнами через грань, что дает ощущение обилия света и воздуха в интерьере.

После смерти Улугбека в Мавераннахре и, в частности, в Бухаре, строили мало монументальных сооружений.

Среди построек Бухары второй половины XV в., выявленных по историческим источникам, можно назвать ныне утраченное медресе Мискин, возведенное «внутри старого хисара» недалеко от мечети Калян верховным судьей Бухары Маулана Мухаммад-Амин Мискин, вероятно, в 1480–1492 гг. [48]

Кроме того, в Бухаре строилось множество мелких торговых заведений, дуканов. Таким образом, в число сооружений Бухарского оазиса эпохи Темуридов можно ввести еще ряд построек, среди которых выделяются два замечательных памятника XV в. – столпно-купольная Таш-мечеть в Гиждумаке и портально-купольный трехкамерный мавзолей Чибирдон-бобо (Абдурахман-Вали) близ Каракуля.

ЗОДЧЕСТВО ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ШЕЙБАНИДОВ

В XVI в. в Бухаре, ставшей столицей узбекского государства Шейбанидов, ведется широкомасштабное монументальное строительство. Город переживает наиболее яркий период своего позднесредневекового расцвета.

На протяжении всего XVI в. зодчие вели поиски более экономичных, прочных и эффектных конструктивных и декоративных решений. В результате бухарская школа получает прогрессивное новаторское развитие, наблюдаются рационализаторство и

[48] Джураева Г. А. Новые сведения о жилых кварталах позднесредневековой Бухары // ОНУ. Ташкент. 1997. № 9-11. С. 116.

унификация строительства, кристаллизуются и окончательно формируются типы зданий и т. д. В XVI в. были созданы также крупные городские ансамбли, сформированы наиболее значительные мемориальные комплексы. Благодаря продуманной объемной и планировочной композиции ансамблей, а также соразмерности зданий человеческим масштабам, создавалась комфортная и гуманная среда обитания.

Мечеть Балянд, XVI в.
Декор михрабной ниши в интерьере

Как справедливо отмечает В. Л. Воронина, идеалом этого времени было строительство «не грандиозное и пышное, как во времена Темура и его потомков, а массовое и целесообразное. В этом – значительное достижение эпохи»[49].

Стремительная эволюция столичной бухарской школы зодчества в XVI в. требует более подробного рассмотрения, и поэтому здесь по основным тенденциям ее развития мы впервые в истории архитектуры выделяем три строительных периода, занимающих приблизительно по трети столетия каждый.

Первый период (1500–1533 гг.). Время посттемуридского развития Бухары связано в основном со строительной деятельностью Убайдуллахана (1512–1540 гг.). В этот период здания, с одной стороны, еще в силу темуридских традиций украшаются богатым и трудоемким декором (изразцовая майолика, наборная мозаика, техника кундаль), а с другой – активно формируются самобытные местные черты бухарской школы зодчества.

Современник Убайдуллахана поэт Зайн ад-Дин Васифи отмечал: «В дни своего правления почитание ученых и просвещенных людей считал он (Убайдуллахан) своей первейшей обязанностью. В его царствование были возобновлены, восстановлены и украшены медресе, ханака, обители, мечети и богоугодные учреждения, обветшавшие в прошлые времена»[50].

В 1514–1515 гг. Убайдуллаханом была капитально перестроена фасадная часть мечети Калян (XV в.). В ней появляются новые, ставшие затем характерными для бухарского зодчества, черты. Вместо трудоемкого в исполнении жгута, обрамляющего входную арку пештака, был использован срез каймы арки под углом 45 градусов, с его

[49] Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 304.
[50] Болдырев А. Н. Зайнаддин Васифи – таджикский писатель XVI в. (опыт творческой биографии) / Под ред. А. М. Мирзоева. Сталинабад, 1957. С. 103.

украшением майоликовыми плитами. Впервые в Бухаре в мечети Калян ниша пештака получает пятигранную форму и завершается кверху полусводом.

Возможно, в 1514 г. был изготовлен ее мозаичный михраб изумительной красоты, в декорации которого участвовал известный мастер-каллиграф Байазид Пурани. Михраб находился в помещении максуры – зимнем купольном зале, расположенном напротив главного входа в конце двора мечети. Позже, в 1541 г., у главного входа в мечеть на портале была укреплена мраморная доска с фирманом Абдулазизхана I о снятии с населения Бухары некоторых налогов. Эту дату долгое время ошибочно принимали за дату строительства мечети[51]. Исполнителем текста таблички был известный каллиграф Мир Шайх ʻАли Пурани. Его имя, наряду с каллиграфом декора михраба – Байазидом Пурани, упоминается в сочинении XVI в. «Музаккир ал-ахбаб» в числе лучших профессионалов в своей области[52].

К первой трети XVI в. можно также отнести две весьма схожие по архитектуре и декору постройки – мечеть Баланд и мечеть-ханака Ходжа Зайн ад-Дина.

Мечеть Баланд представляла собой тип богатой монументальной квартальной мечети с двусторонним Г-образным в плане колонным айваном. Интерьер ее, в отличие от скромно оформленных фасадов, был богато украшен декором в темуридских традициях – живописью «кундаль» и мозаичными панно. Подвесной, на железных цепях, плоский кессонированный потолок расписан геометрическим орнаментом, в центре плафона устроен сталактитовый куполок-хаузак. Судя по фрагменту сохранившегося вакфного документа, ее донатором был знаменитый богослов Мир-и Араб (ум. в 1537 г.).

Упоминавшаяся ранее ханака-мечеть Ходжа Зайн ад-Дина доминировала в комплексе дворовой структуры, где двор с огромным хаузом был по периметру застроен худжрами. По архитектуре ханака-мечеть во многом была схожа с мечетью Баланд, в отличие от которой зал Ходжа Зайн ад-Дина был перекрыт куполом с ребристой чашей в интерьере, а комплекс строений вокруг двора был возведен в конце XIX в.

Ханака-мечеть Ходжа Зайн ад-Дина, XVI в.
Общий вид. Фото конца XX в.

Панель стен его зала – уникальный образец резной наборной мозаики XV–XVI вв. Остальная поверхность стен, парусов и ребристый свод купола

[51] Шишкин В. А. Фирман на портале мечети Калян в Бухаре // ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 163.

[52] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVII вв. Музаккир ал-ахбаб. Ташкент, 1985. С. 164.

были покрыты росписью в технике «кундаль» голубым и синим цветом на позолоченном мелкорельефном фоне.

Второй период (1533–1566 гг.). Активная строительная деятельность, развёрнутая Убайдуллаханом и его сыном Абдулазизом I, а также частично Абдуллаханом II, характерна для этого периода, который отмечен совершенствованием композиционных, планировочных и особенно конструктивных приемов строительства зданий. Создаются крупные градоформирующие ансамбли и разнообразные культовые и гражданские сооружения, продолжается совершенствование бухарской школы зодчества.

Убайдуллахан, ставший правителем государства в 1532–1533 г., перенес столицу из Самарканда в Бухару[53]. «При Убайдуллахане, – писал Мирза Мухаммад Хайдар, – Бухара стала таким средоточием искусств и наук, что напоминала Герат в дни мирзы Султан Хусейна»[54]. При бухарском дворе был создан литературный кружок, в котором участвовал и сам Убайдуллахан, получивший прекрасное образование.

Хасан Нисори в книге «Музаккир ал-асхаб», приводя сведения о сооружениях, построенных при Убайдуллахане и Абдулазизхане (1540–1550 гг.), упоминает чарбаг Пир-и марза, расположенный на юго-западе Бухары, «медресе и ханака, построенные этим же хаканом на мазаре ходжа Баха ад-Дина Накшбанда в Каср-и Арифан», а также возведенную «Абдулазизханом библиотеку в Бухаре, не имевшую себе равных на всем свете»[55].

До последнего времени слава строителя Бухары Абдуллахана II затмевала заслуги других шейбанидских правителей, постройки которых порой приписывались Абдуллахану. Теперь же, в результате наших исследований, можно утверждать, что в правление Убайдуллахана I развернулась более обширная строительная деятельность, чем представлялось ранее.

Так, во второй строительный период были сформированы крупные ансамбли Бухары, выстроенные поначалу в приеме кош, т. е. с расположением на одной оси двух противолежащих зданий, обращенных один к другому фасадами. Таковы построенные в правление Убайдуллахана, вероятно, на месте прежних градостроительных узлов, мечеть Калян и медресе Мир-и Араб, Большое и Малое медресе Гозиён. Отметим, что эти ансамбли послужили в дальнейшем примером для подражания, когда Абдуллахан II создавал ансамбль кош-медресе, т. е. парные медресе Мадарихан и Абдуллахан и когда Абдулазизхан II завершал формирование второго в Бухаре ансамбля кош-медресе – Улугбека–Абдулазизхана.

---

[53] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. Силсилат ас-салатин (л. 119 б). Ташкент, 1985. С. 108.

[54] Болдырев А. Н. Указ. соч. С. 153.

[55] Болдырев А. Н. Тазкире Хасана Нисори. ТОВЭ. Т. III. С. 164.

До сих пор наиболее ранним из сохранившихся в Бухаре ансамблей «кош» считали ансамбль Пои Калон, состоявший вначале из мечети Калян и расположенного напротив нее медресе Мир-и Араб (1530–1536 гг.). Однако согласно последним данным, полученным известным востоковедом Б. А. Казаковым при изучении вакфных документов, оказалось, что одним–двумя годами раньше, т. е. в 1534–1535 гг., в Бухаре уже был выстроен ансамбль Гозиён с применением композиции «кош». «Он состоял из трех объектов: двух медресе – Большого (южного) и Малого (северного), а также водоема (хауз), расположенного между ними»[56]. Ныне сохранилось лишь большое медресе Гозиёни Калон, а расположенные напротив него через улицу малое медресе Гозиёни Хурд и хауз Гозиён утрачены[57].

Сохранившееся медресе представляет собой весьма крупное трапециевидное в плане сооружение, которое было первоначально двухэтажным. Ныне оно сохранилось двухэтажным во входной части вдоль главного фасада и с одноэтажными худжрами в остальной части здания. Главный фасад медресе сохранил богатый и выразительный декор: входной портал украшен майоликами; свод пятигранной ниши портала заполняют крупные живописные сталактиты «ироки».

Малое медресе Гозиён также имело трапециевидный и продольно-осевой план с весьма оригинальной структурой, где в центре здания выделялся небольшой прямоугольный дворик поперечного расположения[58].

Автору настоящей монографии удалось выявить, что позднее, вероятно, в XVII – начале XVIII в. при находившейся здесь могиле Имама Гози (имама – борца за веру) – главной святыне квартала Гозиён, с запада от хауза была возведена ныне утраченная ханака – мечеть Гозиён. В пользу этой мечети, согласно двум вакфным документам 1706 г., было передано земельное имущество[59]. По сведениям О. А. Сухаревой, здесь еще на рубеже XIX–XX вв. происходили религиозные радения суфиев[60]. Судя по фотографии, начала XX в., главный фасад ханака имел портальный вход, по его сторонам размещались более низкие двухэтажные крылья с арочными лоджиями[61].

В результате перестроек архитектура Большого медресе, называемого иногда также Мирза Шариф Гозиён, приобрела черты поздней бухарской школы. Б. Бабаджановым была прочитана майоликовая надпись в нише портала медресе, где приведены имена донатора перестройки – Мухаммада Шарифа и мастера – устада Фатхаллаха, а также хронограмма завершения строительства, дающая при вычис-

[56] Казаков Б. А. Документ забытого памятника // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 90.
[57] Казаков Б. А. Документальные памятники Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 10.
[58] Ремпель Л. И. Далекое и близкое: Бухарские записи. Ташкент, 1981, С. 141, с ил.
[59] ЦГИА РУз. Ф. И-323, оп. 1, кн. 1, док. № 450, № 494/32.
[60] Сухарева О. А. Указ. соч. С. 96.
[61] Фото 1930 г. Фасад ханака Гозиён. Архив ГлавНПУ МК РУз. 18336, шифр 99-3.

Ханака Гозиён, XVII–XVIII вв.
Главный фасад, фото 1930-х гг.
(Архив ГлавНПУ, 182296/99-3)

лении дату 1733–1734 гг.[62] Мы же считаем, что указанная на портале дата скорее всего соответствует времени поздней капитальной перестройки данного медресе. На более раннее время его возведения указывают, помимо вакфных данных, характерные для XVI в. планировка медресе; конструкции перекрытия залов мечети и дарсханы, где купол несут пересекающиеся арки и щитовидные паруса; «диагональное» размещение зала мечети (для точной ориентации михраба на запад) в прямоугольном плане здания (как в медресе Абдуллахана XVI в.); а также главный фасад и вход, глубоко «вросшие» в землю (в культурные слои). Отметим также, что в Государственном Музее искусств Узбекистана экспонируются приписываемые «мечети Гозиён» тимпан и мозаичная панджара с изысканным растительным орнаментом, выполненные в технике бесшовной мозаики, присущей XVI–XVII вв. Вероятно, эти фрагменты декора – всё, что осталось от ныне разрушенного Малого медресе или ханака-мечети Гозиён.

Как отмечает О. А. Сухарева, медресе Гозиён упоминается и в более ранней вакфной грамоте XV в.[63]. Можно лишь предположить, что некое медресе Гозиён, возведенное вблизи древней почитаемой могилы Имама Гози, существовало еще при Темуридах и позже послужило основой для строительства одноименного медресе. Как бы то ни было, на основании вакфных документов нам стало достоверно известно, что здесь в 1535 г. был сформирован ансамбль «кош», состоящий из двух противолежащих медресе и хауза между ними. Позже с третьей – западной стороны хауза была сооружена ханака-мечеть, и этот ансамбль существовал здесь еще в первой четверти XX в.

В правление Убайдуллахана в том же 1535 г. также проводилась реставрация медресе Улугбека, при которой главный и дворовые фасады здания были облицованы майоликовым декором.

В 1530–1536 гг. напротив мечети Калян было возведено одно из красивейших учебных зданий Бухары – медресе Мир-и Араб, сооруженное Убайдуллаханом и его духовным наставником – шейхом Абдаллахом Йамани, прозванным Амир-и Араб.

[62] Бабаджанов Б. Указ. соч. С. 159
[63] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. С. 302.

Медресе Мир-и Араб , 1536 г.
Общий вид сверху

Позднее оба они были захоронены в северном угловом зале входной группы медресе, где обычно размещалась аудитория.

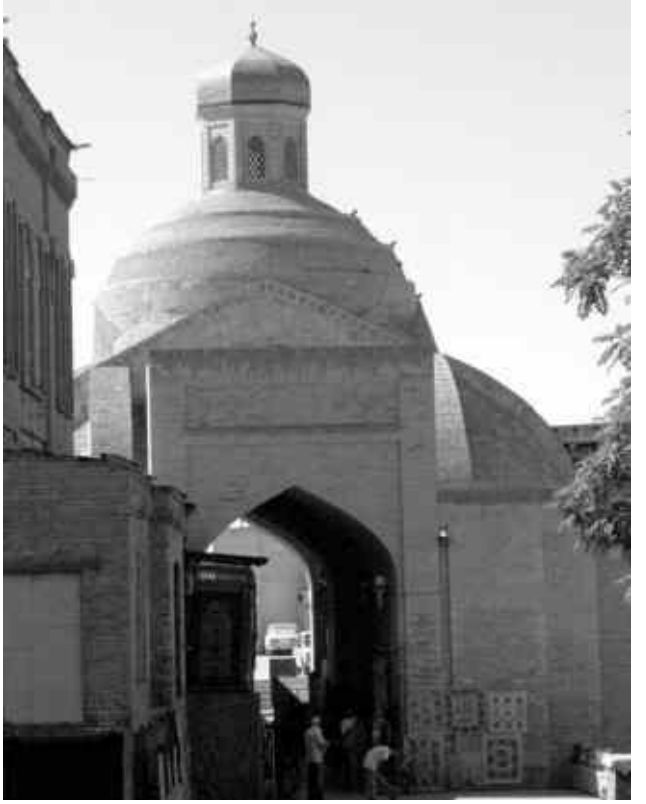
Медресе Мир-и Араб представляет собой традиционное по структуре крупное (план 73 х 55 м, двор 37 х 33 м, более 100 худжр) весьма гармоничное по пропорциям и композиции здание с четким планом. В отличие от других среднеазиатских медресе, здесь ярко проявились как ранее известные, так и новые черты бухарской школы. Так же, как и в бухарском медресе Улугбека, здесь два двухэтажных боковых крыла здания раскрыты наружу арочными лоджиями, фасад фланкируют башни-гульдаста, возвышающиеся до уровня его боковых крыльев. От главного входа в медресе через вестибюль два коленчатых коридора ведут во двор и в высокие (в два этажа) угловые купольные помещения – мечеть и дарсхану. Ниша входного портала на главном фасаде так же, как и ниша противолежащего портала мечети Калян, пятигранна и сведена кверху полукуполом. Однако здесь, в отличие от построенных ранее медресе, для устройства отдельных входов в группу угловых помещений срезаются углы внутреннего двора и более удобными становятся кельи студентов.

Сохраняя внешние декоративные формы, присущие эпохе Темуридов, здесь возвели два крупных голубых декоративных купола на высоких барабанах. Однако под каждым из этих куполов находится внутренний конструктивный купол, который

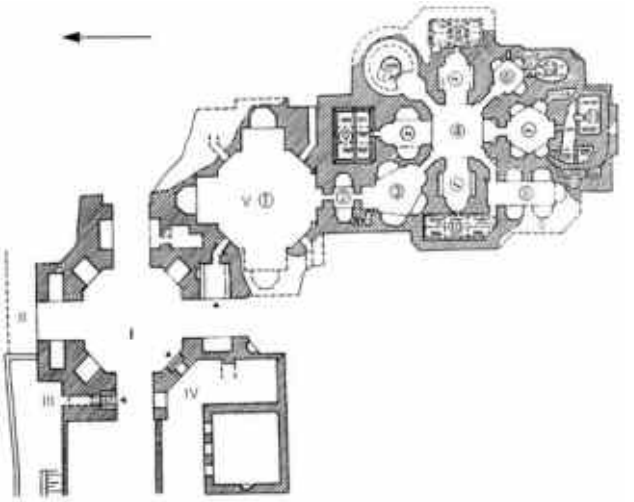
опирается на конструкцию из четырех пересекающихся арок. Для этого в интерьере, отступив от углов перекрываемого помещения, вдоль его четырех стен перебрасывались четыре мощные арки. Образуемый путем их пересечения внутренний квадрат перекрывался с помощью щитовидных парусов уменьшенным в диаметре куполком. В результате даже при крупных размерах помещения значительно уменьшался диаметр купола, и, следовательно, вес перекрытий. Более того, за счет устройства в стенах по осям помещения глубоких ниш или проемов появлялась возможность еще более расширить перекрываемое пространство.

Эта система перекрытия, известная в ряде построек Герата, Харгирда и Самарканда еще во второй трети XV в., особое распространение и новаторское развитие получила в Бухаре на протяжении всего XVI в., о чем будет сказано в одном из разделов последней главы данной работы.

Вероятно, ко времени правления Убайдуллахана I относится торговый купол Саррафон и составляющие с ним единый комплекс угловые сооружения – баня, мечеть, торговые и другие постройки. Так, судя по надписи на мозаичном панно, что над входом в расположенную здесь мечеть Саррафон, торговый купол Саррафон вместе с прилега-



Торговый купол Токи Саррафон, XVI в.
Общий вид



Торговый купол Токи Саррафон, XVI в.
План (крайний слева) с прилегающими сооружениями

Мечеть Валида-и Абдулазизхан, XVI в.
База колонны с датировкой

ющими угловыми сооружениями был возведён в 1534-1535 гг.[64]. Интересно, что надпись была исполнена известным в Бухаре каллиграфом-мозаичистом Мухаммад-Дарвеш Кунаком. К сожалению, ныне она утеряна, но в Архиве ГлавНПУ ОИОКН Министерства по делам культуры и спорта РУз сохранился ее эстампаж.

Абдулазизхан I, став правителем Бухары после смерти отца, уделял большое внимание строительству культовых сооружений – мечетей и ханака. О его активной строительной деятельности свидетельствуют слова Хасана Нисари: «Несмотря на то, что во время его (Абдулазиза – М. А-Ю.) правления было много смут, светлый дух его занимался благоустройством государства и воздвигал замечательные постройки, в том числе ханака и мавзолей (его святейшества Баха ад-Дина Накшбанда – М. А-Ю.)»[65]. Так, в 1544–1545 гг. Абдулазизхан I в пригороде Бухары у могилы почитаемого шейха, главы суфийского ордена Накшбандийя, возвел прекрасное здание, явившееся наиболее крупной в Центральной Азии ханака XVI в. Оно представляло собой прямоугольную в плане постройку фронтальной композиции (т. е. вытянутую вдоль главного фасада). В центре портально-купольного сооружения размещался крупный ритуальный зал, к которому по главному и боковым фасадам здания в два этажа прилегали худжры, раскрытые наружу арочными лоджиями. В XVII в. с тыла к сооружению были пристроены худжры в два яруса[66], что преобразило композицию ханака из фронтальной – в центрическую. На оси фасадов возвышались одинаковые порталы.

Зал ханака перекрывал весьма крупный купол, пронизанный, будто «армированный», четырьмя мощными пересекающимися арками, которые эффектно просматривались даже издали – снаружи здания. В интерьере зала был устроен декоратив-

[64] Бабаджанов Б. Дополнения по эпиграфике и истории памятников архитектуры Бухарской области. Архив НИИ искусствознания, ИА (М), №1152/1. Ташкент, 1992. С. 13.
[65] Болдырев А. Н. Тазкире Хасана Нисори // ТОВЭ Т. III. С. 290.
[66] Маньковская Л. Ю. Свод памятников истории и культуры Узбекистана …С-48.

Мечеть Валида-и Абдулазизхана, XVI в.
Общий вид

ный плафон в виде тонкостенной ганчевой оболочки на жестких ганчевых гуртах (ребрах жесткости). Его покрывал двухцветный ганчевый декор в технике «кырма», когда на терракотовый фон как бы накладывался ажурный белый узор.

Необычна по архитектуре мечеть Валида-и Абдулазизхана в ансамбле Хаузи-Нау. До недавнего времени ее датировали XVII в., считая, что она была возведена Абдулазизханом II Аштарханидом. Однако последние эпиграфические данные (на туловах колонн и над северным входом) и сведения источников свидетельствуют о том, что мечеть эта была сооружена в правление и по приказу Абдулазизхана I, т. е. в 1540–1550 гг.[67] Поэтому уместнее было бы именовать ее мечетью Абдулазиза Шейбани. Мечеть весьма оригинальна по архитектуре. Здесь смешаны приемы, характерные для квартальных (внешний айван на деревянных колоннах) и соборных (внутренний двор с арочно-столпной галереей и купольным залом – максурой на его западе) мечетей. Позже мы выяснили, что эта постройка действительно служила и соборной, и квартальной мечетью, о чем свидетельствует смешанный характер ее архитектуры.

Абдулазизхан I также провел значительную перестройку мечети Магоки-Аттори. Первоначально она называлась мечетью Мох и была возведена еще в IX–X вв. на остатках зороастрийского святилища, в виде четырехстолпного здания, украшенного резным штуком и росписями. Как писал в своей книге «История Бухары»

[67] Бабаджанов Б. Эпиграфические памятники Бухары … С. 159.

Мечеть Магоки Аттори.
Восточный портал XVI в.

Мухаммад Наршахи, это здание было уничтожено пожаром 937 г., что подтвердили археологические раскопки[68]. В XII в. здесь при сохранившемся ее четырехстолпном плане была выстроена новая мечеть, от которой до настоящего времени дошел лишь южный портал, богато украшенный орнаментальной кладкой, декором из резной терракоты с дополнениями ганчевых элементов. Затем сооружение ремонтировалось в середине XIV в., о чем свидетельствует майоликовая надпись над аркой упомянутого выше южного портала[69]. В правление Абдулазизхана I здесь частично на старых фундаментах, с расширением площади мечети и сохранением упомянутого южного портала и уровня пола XII в. была возведена новая прямоугольная в плане однозальная мечеть. Ее перекрыли двенадцатью куполами на шести кирпичных столбах, расположение которых не совпадает с расстановкой четырех устоев мечетей IX и XII вв. К XVI в. эта древняя постройка была почти наполовину скрыта культурными наслоениями. Поэтому от нового восточного портала, устроенного на уровне

[68] Шишкин В. А. Мечеть Магаки-Аттари в Бухаре // Труды Института истории и археологии (Материалы по археологии Узбекистана). Т. 1. Ташкент, 1948. С. 17.
[69] Маньковская Л. Ю. Свод памятников истории и культуры Узбекистана … С-48.

дневной поверхности XVI в., для спуска в мечеть в интерьере был устроен длинный внутренний лестничный спуск. В 1934 г., после расчистки от многометровых культурных слоев южного фасада мечети Магоки-Аттори, Б. Засыпкин и усто Ширин Мурадов великолепно отреставрировали находящийся здесь древний южный портал и на глубине, соответствующей дневной поверхности земли XII в., устроили окружающую здание площадку.

Из гражданских сооружений второго периода можно назвать ныне утраченные, но выявленные по источникам библиотеку Маулана Мира муфтия в Бухаре – 1558 г., возможно, расположенную в специально выстроенном здании[70], а также баню Хамбоми кухак (Баня горки). Последняя упоминается в акте 1561–1562 г. как находящаяся в квартале Хафиз Тафтон[71], который со временем стал называться Калтигиен.

Об архитектуре бань второго периода можно судить по зданию Саррафон, возведенному, как теперь выяснилось, в правление Убайдуллахана I примерно в 1533–1539 гг. Вероятно, об этих банях Бухары английский путешественник А. Дженкинсон восторженно писал: «В особенности бани (Бухары) так искусно выстроены, что подобных им нет на свете; рассказывать о том, как они устроены, было бы слишком долго»[72].

К концу второго периода развития Бухара, процветающая столица Шейбанидов, превратилась в еще более крупный торгово-ремесленный центр. По свидетельству того же А. Дженкинсона, в это время «город (был) очень велик; дома по большей части земляные, но есть также немало каменных домов, храмов и сооружений, роскошно построенных и позолоченных»[73].

Третий период (1560–1590-е гг.). Новые планировочные, композиционные, конструктивные и декоративные приемы в строительстве получили интенсивное развитие в третий период стабилизации и расцвета государства при Абдуллахане II.

Придя к власти, Абдуллахан II (1556–1598 гг.) развил активную строительную деятельность на всей территории государства. Открытие морских путей из Европы в Индию и Китай привело к упадку Великого шелкового пути. Для активизации внутренней и международной торговли с сопредельными странами Абдуллахан II благоустраивал караванные пути, сооружая вдоль них сардоба, рабаты и караван-сараи.

Как свидетельствуют источники, Абдуллахан II «проявлял безграничное старание в деле постройки доброполезных зданий вроде высших учебных заведений (медресе), мечетей, дервишеских ханака, мостов на реках, укрепленных постоялых дворов на торговых путях (рабат) и прочих зданий. Говорят, что он во дни своего правле-

[70] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. Тарих-и Саид Рахим. Ташкент, 1985. С. 133.

[71] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. С. 201.

[72] Дженкинсон А. Указ. соч. С. 182.

[73] Там же.

Комплекс Чор-Бакр.
Здания ханака, мечети и медресе. XVI в. Общий вид

ния спросил однажды архитекторов и ответственных мастеров, какое количество построек ими возведено (по его распоряжению). Они после подсчета доложили, что, помимо всех прочих построек, ими сооружены тысяча один рабат и сардоба»[74].

Разумеется, данная цифра явно преувеличена, но число сохранившихся сооружений этого типа, возведенных при Абдуллахане, свидетельствует о том, что их действительно было много. Согласно данным Хафизи Таниша, в течение десяти лет (1558–1568 гг.) велись активные работы по благоустройству города[75]. Так, в Бухаре были воздвигнуты медресе Абдуллахана на Хиябане напротив ханской бани, медресе Гаукушон, Фатхулло Кушбеги, Миракон, ходжа Мухаммад Порсо (вероятно, капитальный ремонт и перестройки комплекса темуридского времени), новое Чорсу (построено в 1569–1570 гг., возможно, это купол Телпак Фурушон), мост через реку Зеравшан у Кермине (1582 г.) и др.[76] Помимо названных выше сооружений были выстроены также суфийские ханака – Шахи Ахси, в Файзабаде, Чор-Бакр и др.

Мечети, медресе, ханака и караван-сараи возводились и в других городах страны: в Самарканде, Ташкенте, Балхе. На больших и малых караванных дорогах, помимо караван-сараев и рабатов, строились мосты, сардоба, каналы и водохранилища (напри-

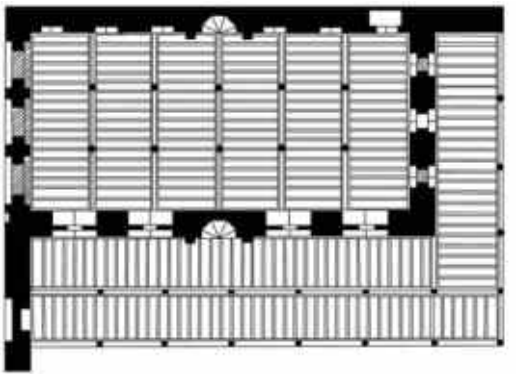
[74] Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история / Пер. и прим. А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 60.
[75] Хофиз Таниш Ал-Бухорий. Абдулланома / Пер. с фарси на узб. яз. Садика Мирзаева. Ташкент, 1999.
[76] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVII вв. Шараф-наме-йи-шахи. Ташкент, 1985. С. 53.

мер, «водохранилище у горного селения Камар, известное в истории под названием Банд-и Абдуллахан»)[77].

Активную строительную деятельность в благотворительных и коммерческих целях вели и духовные главы государства Ходжа Ислам, Ходжа Са'ад, а также приближенные Абдуллахана II, особенно его соратник Кульбаба Кукельдаш.

Мечеть-ханака Шахи Ахси.
Интерьер

Среди построек шейхов Джуйбари – Ходжа Мухаммад Ислама (1493–1563 гг.) и Ходжа Са'ада (1531–1589 гг.), сооруженных в 1570–1580-х гг., – медресе и хауз Гаукушон, а также мечеть Ходжа в Бухаре, кархане в Бухаре на берегу знаменитого Ляби-Хауза (1569–1570 гг.), 11 бань, в основном в Бухарском оазисе, два каменных (из жженого кирпича) караван-сарая в Бухаре (один в Чорсу – возможно, при куполе Фурушон, другой – в квартале Саррафон); 10 сардоба в различных районах Мавераннахра, многочисленные чарбаг (в Джуйбаре, Несефе, Балхе, Мерве и др.), каналы, бани, базары, ханака, мечети и др.[78].



Мечеть-ханака Шахи Ахси, XVI в.
План

По данным последних исследований и письменных источников, вероятно, следует отнести к рубежу второго-третьего периодов и загородный комплекс Чор-Бакр, строившийся, как выяснилось, в 1559–1571 гг. и который прежде датировали 1560–1563 гг.[79] По свидетельству Хафизи Таниша, «Абдуллахан относился с исключительной любовью, искренностью и верой к его святейшеству Ходже Джуйбари. Поэтому он решил возвести у могилы его деда, доблестного Абу Бакра Са'ада, высокие здания ханака, мечети и медресе и украсить местность вокруг них всякого рода красивыми парками и разными приятными и прелестными садами»[80]. К северу от этой почи-

[77] Ахмедов Б. А. Там же.
[78] Иванов П. П. Хозяйство Джуйбарских шейхов (к истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI-XVII вв.). М.-Л., 1954. С. 187.
[79] Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 315.
[80] Хофиз Таниш Ал-Бухорий. Абдулланома / Пер. с фарси на узб. яз. Садика Мирзаева. Ташкент, 1999. С. 226.

Ханака-мечеть Хазрати Имам.
Общий вид

таемой могилы для хана заложили великолепный сад-чарбаг, в центре которого устроили постройку, стилизующую «китайский расписной павильон»[81]. К нему от городских ворот проложили дорогу, обсаженную деревьями.

Приводится и еще одно важное дополнение о том, что комплекс сооружений и сад создавались в течение более десяти лет – в 1559–1571 гг.[82] Эту же дату подтверждают последние исследования архитектурной эпиграфики объектов Чор-Бакр. Было установлено, что мозаичная надпись внутри портальной ниши ханака содержит имя ее исполнителя – Халифа Ниматаллаха и

Ханака Хазрати Имам, XVI в.
Фрагмент главного фасада с айваном

[81] Ахмедов Б. А. Тарихдан сабоқлар. Ташкент, 1994. С. 395.
[82] Там же. С. 394.

дата монтажа декора – 1562–1563 гг.[83] На китабе (горизонтальное прямоугольное панно в полочке над тимпаном) портала приводится дата завершения строительства сооружения – 1569–1570 гг.[84] Следовательно, здание, заложенное в 1558–1559 гг., строилось в несколько приемов. Одним из промежуточных этапов было время монтирования декора ханака – 1562–1563 гг., следующий этап – завершение сооружения здания ханака (вероятно, в комплексе с мечетью и медресе) – 1569–1570 гг. и время окончательного завершения всего комплекса под наблюдением приближенных Абдуллахана II – 1571 г. Сопоставив разновременные и разрозненные сведения – данные Хафизи Таниша в пассаже, переведенном Б. А. Ахмедовым, дополняющие его данные из полного текста этой книги в переводе Садика Мирзаева на узбекский язык, а также содержание надписей, прочтённых Б. Бабаджановым, мы выяснили, что они подтверждают и дополняют друг друга, что даёт чёткое представление об этапах строительства Чор-Бакр.

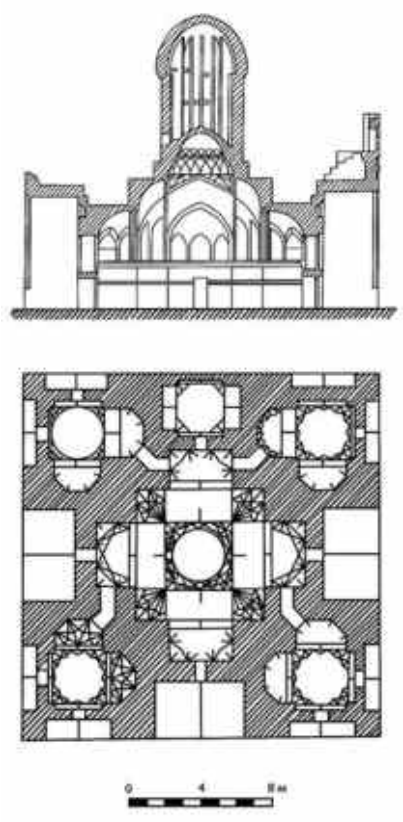
Таким образом, у могилы шейха Абу-Бакра Са'ада – предка шейхов Джуйбари возник сложносоставной мемориальный комплекс, композиционным центром которого были обращенные на небольшую площадь двухэтажные здания ханака, медресе и мечети. Эти три прилегавшие одно к другому здания составляли П-образную в плане композицию, образующую внутренний двор-курдонер. Купольные сооружения ханака и мечети были раскрыты арочными лоджиями на боковые фасады, а расположенное между ними медресе – во внутренний двор-курдонер. В центре каждого здания возвышался портал, обращенный на прилегающую площадь.

В городе Бухаре в конце XVI в. в квартале Шахи Ахси было выстроено большое добротное здание одноимённой ханака, выполнявшей также функции квартальной мечети. Здесь крупный прямоугольный в плане зал был перекрыт плоской балочной кровлей, поддерживаемой десятью деревянными колоннами. К залу с двух сторон прилегал Г-образный в плане айван с 17 деревянными колоннами. Михрабные ниши зала и айвана глубиной 1,6 м имели сложное сталактитовое завершение. Согласно вакфным документам, эта ханака-мечеть была возведена известным бухарским суфием Маулана Поянда-Мухаммад Ахси (Ахсикети–йи Файзободи, известным как Шахи Ахси, ум. в 1601 г.). Мечеть-ханака Шахи Ахси была одной из самых богатых по вакфу в Бухаре[85].

В 1598 г. суфий Шахи Ахси построил другое крупное монументальное порталь-но-купольное ханака в местечке Файзабад на окраине Бухары. Здание имеет фронтальную композицию и выделяется арочно-купольной галереей, расположенной

[83] Бабаджанов Б. Эпиграфика ханака Чор-Бакр (Бухара) // Марказий Осие санъати тарихий тараққиетининг ўзига хослиги. Тезисы конференции. Ташкент, 1997. С. 16.
[84] Там же. С. 16.
[85] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. С. 243, 307.

Ханака Косим Шейха, XVI в.
Общий вид



Ханака Косим Шейха, XVI в.
План и разрез

вдоль его боковых фасадов, а также великолепным декором интерьера – чаши купола в бело-серой гамме в технике «кырма».

Интересны по архитектуре также и другие крупные портально-купольные ханака, возведенные в этот период за пределами столицы. Это ханака Хазрати Имам на кладбище Абу Хафси Кабира, а также ханака, расположенные в Бухарском оазисе: Хаким Мулла-Мир в Ромитане, Касим Шейха в Кермине, ханака в Пешку. Сюда же можно отнести и ханака Дехкан-бобо в Гиждуванском районе[86].

Абдуллахан II так же, как и предшествовавшие ему правители (Амир Темур, Улугбек, Убайдуллахан, Абдулазизхан I) в благотворительных целях занимался благоустройством древних святынь Бухарского оазиса. Так, в Бухаре в его правление были пристроены портал к главному входу в ханака-мавзолей XV в. Сайф ад-Дина Бохарзи, а также входная часть с порталом в мавзолей XIV в. Чашма-Аюб; была, вероятно, переустроена зиаратхана при мавзолее Турки-Джанди. По указанию Абдуллахана была пристроена к михрабной стенке мечети Намазгох XII в. и трехпролетная арочно-купольная галерея на высоком стилобате. Ее центральная часть, перекрытая куполом на пересекающихся арках, по фасаду была выделена порталом с майоликовым декором. В 1583 г. закончился ремонт облицовок медресе-ханака Улугбека в Гиждуване, возведенного в XV в. у могилы почитаемого суфия[87].

Богоугодные заведения строили и шейхи Джуйбари. В 1579–1580 гг. в квартале Гаукушон Ходжа Са'ад (Калон) сын Ходжа Ислама (оба занимали пост шейх-уль-исла-

[86] Пардаева Р. У. Малоизвестные памятники сельской архитектуры Бухарской области // САУ, 1976. № 5. С. 35
[87] Шишкин В. А. Медресе Улугбека в Гиждуване // Материалы Узкомстариса. Вып. 2-3. Ташкент, 1933. С. 15.

ма Бухары) возвели соборную мечеть Ходжа Калон с минаретом Гаукушон севернее выстроенного ими же ранее медресе Гаукушон. Это была традиционная по архитектуре джума-мечеть с арочно-столпной галереей по периметру внутреннего двора и портально-купольным залом на его продольной оси в глубине двора. Рядом с юго-восточным углом мечети возвышался минарет высотой 19,5 м, в точности стилизующий намного превосходивший его по размерам минарет Калян (XII в., высота около 50 м). Еще в XX в. на этой площади находился рынок Ходжа Калон, с рядами продавцов жареного гороха, а также размещалась мужская баня Гаукушон[88]. Отметим, что соборная мечеть Ходжа Калон и минарет Гаукушон были вторыми по величине в Бухаре после мечети Калян (XV–XVI вв.) и минарета (1127 г.) Калян.

Ханака Хаким Мулла Мир. XVI в.
Общий вид

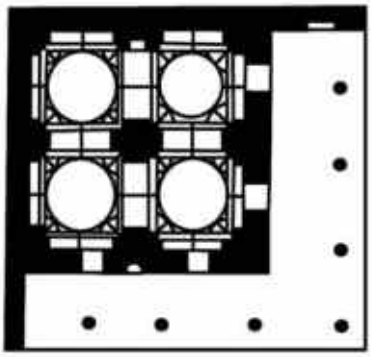
Ханака в Пешку. XVI в.
Общий вид

К числу сохранившихся построек Ходжа Калона теперь можно отнести также мечеть и минарет в кишлаке Вангази в Бухарском оазисе. Выявлено, что эти сооружения воздвигнуты в 1585 г., причём мечеть была выстроена на месте аналогичного деревянного каркасного здания[89]. Мечеть XVI в. была весьма интересной, уникальной и монументальной по архитектуре в целом и по конструкциям в частности. Она представляла собой крупное прямоугольное в плане столпно-купольное сооружение фронтальной композиции. В центре главного фасада находился портал, за ним по оси – средний и далее, перед михрабом, более крупный голубой купол мечети, вознесенный на высоком барабане. По сторонам от этой центральной купольной анфилады на каждой из сторон размещалась столпно-купольная галерея с 16 малыми куполками на шести мощных кирпичных столбах. Весьма выразительным был возведенный вблизи мечети минарет высотой 24 м, в точности повторявший по силуэту, оформлению и изяществу мина-

[88] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. С. 192.

[89] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман. Ркп.ИВ АН РУз, инв. № 2094. л. 290, а, б. Там же., пер. Б. Бабаджанова.

Мечеть Кукельдаш, XVI в.
Дарвазахана. Фото середины XX в.



Мечеть Кукельдаш, XVI в.
План

рет XII в. в Вабкенте. По сведениям старожилов, в XVIII–XIX вв. минареты в Вангази и Вабкенте были реставрированы одним и тем же мастером.

Таким образом, в историю архитектуры XVI в. можно ввести еще два первоклассных памятника бухарской школы зодчества – мечеть и минарет в Вангази.

Из квартальных сооружений Бухары времени Абдуллахана весьма интересна мечеть Кукельдаш, возведенная в 1585-1586 гг. приближенным правителя – его молочным братом Кульбаба Кукельдашем[90]. Как отголосок древних традиций эта постройка также имела столпно-купольное перекрытие, где четыре купола посредством арок опирались на мощный кирпичный столб в центре здания. С двух сторон зал мечети обводил айван на деревянных колоннах. Также во второй половине XVI в. были выстроены две не сохранившиеся мечети Искандархана. Их строителем был номинальный правитель Бухары, отец Абдуллахана II Искандархан (ум. в 1583 г.). Одна из мечетей находилась «на юге Регистана», где в XVII в. она оказалась между торговым куполом вблизи Чахарсук-и Анарфурушон и медресе Ходжа Нихол. Вторая мечеть Искандархан находилась в одноименном квартале, что у северной стены города, к западу от Самаркандских ворот. Вакф на эту мечеть составлен от имени «Искандархана, сына Джанибекхана»[91]. К сожалению, мы не располагаем сведениями об архитектурном облике и планировке этих сооружений.

К числу квартальных построек конца XVI в. теперь можно отнести и мечеть Дуст Чирог Окоси, ранее датированную XVIII–XIX вв. На ее южном портале Б. Бабаджанов прочитал год строительства – 1585–1586 и имя каллиграфа – Абд ал-Азиз, Мухаммад Абид[92]. Эта мечеть из жженого кирпича раньше имела купол,

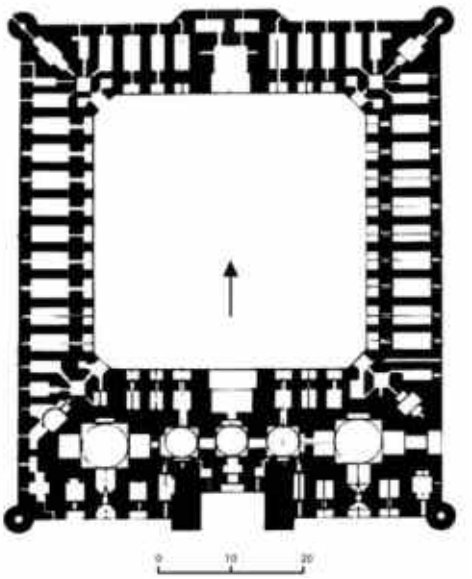
[90] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. С. 183.
[91] Там же. С. 314.
[92] Бабаджанов Б. Эпиграфические памятники Бухары … С. 159.

который обвалился и был заменен балочным перекрытием[93]. Данное сооружение возвел в начале своей карьеры нукер Абдуллахана II Мир Дустум, когда он еще носил низший чин чухра-огоси[94]. Он же затем построил (XVI в.) ныне утраченные купольную мечеть под названием Ханакайи ляби хаузи Мир-Дустум, и одноименный хауз, упоминаемые также в документах 1695 г. Это было двухэтажное здание, рядом с которым возвышался небольшой минарет, стилизующий минарет Калян[95].

Хауз Дуст Чирог Окоси – это большой облицованный камнем водоем, вокруг которого еще в начале XX в. размещались торговые ряды и рынок, где продавались традиционные для Бухары кипяченые сливки и проч.[96]

При Абдуллахане возводились многочисленные учебные здания, в архитектуре которых особенно ярко проявляются региональные черты бухарской школы зодчества. Таковы медресе Кукельдаш, Мадарихан, Абдуллахан, Фатхулло Кушбеги, которые представляли собой классический образец крупного двухэтажного медресе, но при этом каждое из них имело и свои специфические черты. Например, в крупном медресе Кукельдаш обычно глухие задний и боковые фасады на втором этаже были раскрыты наружу арочными лоджиями. В медресе Фатхулло Кушбеги 1585–1586 гг. худжры, расположенные в

Медресе Кукельдаш, XVI в.
Боковой фасад. Открытые лоджии 2-го этажа



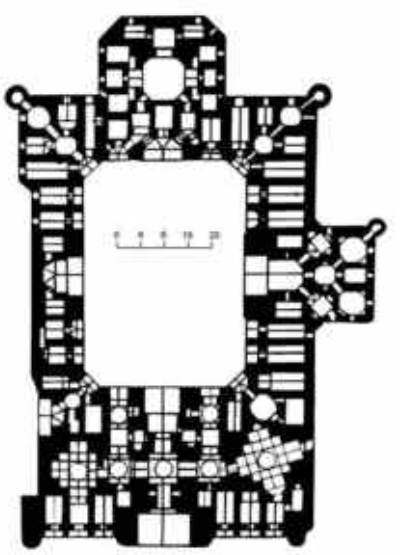
Медресе Кукельдаш, XVI в. *План*

[93] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. С. 177.
[94] Там же. С. 154.
[95] Раҳматова С., Қурбонов Х. Бухоро гузарлари тарихидан лавҳалар. Бухоро, 1995. С. 62.
[96] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. С. 154.

Торговый купол Токи Тельпак Фурушон, XVI в.
Общий вид

два ряда были раскрыты лоджиями на боковые и дворовый фасады[97].

Медресе Мадарихан, исходя из конфигурации участка, получило трапециевидный план и располагалось под углом 15 градусов к улице. Медресе Абдуллахан отличалось рациональностью плана, где для увеличения числа помещений дополнительные худжры были устроены за противоположным главному входу дворовым порталом, вокруг расположенного здесь восьмигранного крытого дворика, а также за одним из боковых дворовых порталов. Эти запортальные объемы значительно выступали снаружи за прямоугольный контур плана медресе на оси заднего и бокового фасадов.

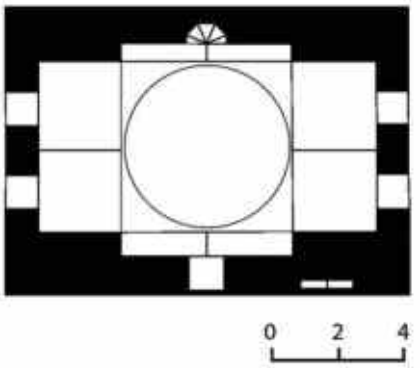


Медресе Абдуллахан, XVI в.
План

Не сохранились до нашего времени сады, загородные и городские дворцы правителей и знати этого периода. Они известны лишь по скупым

[97] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 86.

Мечеть Курган в селе Вангази, XVI в.
Общий вид



Мечеть Равоти Паен, XVI в.
План

историческим сведениям (к примеру, чарбаг Абдуллахана в Бухаре, 1587 г.) и многочисленным изображениям книжной миниатюры.

Бухара богата хорошо сохранившимися гражданскими сооружениями, выстроенными в третий период XVI в. На пересечении торговых улиц строились чорсу – торговые купола с мастерскими и торговыми помещениями, принадлежавшими определенному ремесленному цеху. Из сохранившихся и функционирующих поныне подобных сооружений времени Абдуллахана можно назвать Токи Телпак Фурушон, выстроенный до 1570 г., и Тим Абдуллахана – «тими Калон», возведенный в 1577–1578 гг. Несколько гражданских сооружений было построено в XVI–XVII вв. на площади Регистан. Среди них Токи Тиргарон и Токи Орд Фурушон существовавшие еще в начале XX в.

Как крупный торгово-ремесленный центр Мавераннахра Бухара славилась не только своими торговыми лавками, куполами и тимами, но и караван-сараями, в строительство которых часто вкладывали средства и джуйбарские шейхи. В городе

Мечеть Касри Арифан, XVI в.
Общий вид

сохранился лишь караван-сарай XVI в. – Кулита. Это однодворовое в плане сооружение неправильной трапециевидной формы, что было обусловлено параметрами застраиваемого участка в центре города рядом с торговым куполом Телпак Фурушон. Традиционно при любой форме здания внутренний двор сооружений дворовой структуры (мечети, медресе, караван-сараев, ханака) всегда имел прямоугольное очертание, что было соблюдено и в караван-сарае Кулита.

Из памятников Бухарского оазиса XVI в. можно назвать также ряд других малоизвестных сохранившихся монументальных зданий. Прежде всего – это расположенные в селе Вангази, представленные автором ранее, монументальная Таш-мечеть с минаретом при ней, а также квартальная мечеть Курган.

Мечеть Курган необычна своим вытянутым прямоугольным планом. Ее зал имеет глубокие ниши, устроенные с юга и с севера на продольной оси здания. В западной стене, что напротив главного входа, расположена восьмигранная михрабная ниша, свод ее украшен сталактитами. Интерьеры и фасады мечети несут следы росписи. Прежде мечеть имела не сохранившийся ныне колонный айван, окружавший молитвенный зал с трех сторон.

Аналогична ей по архитектуре Таш-мечеть Равоти Поен в Бухарском районе, которую Р. Пардаева отнесла к XVII в.[98] Однако исходя из архитектуры мечети Курган, можно было бы датировать и эту мечеть XVI в. Мы предполагаем, что первоначально и при этой мечети также был устроен трехсторонний айван, о чем свидетельствуют беспортальные фасады и наличие входов со всех трех сторон, кроме западной.

Весьма интересна и изысканна мечеть Касри Арифан (XVI в., Каганский район) при могиле матери Баха ад-Дина Накшбанда. Расписной потолок ее четырехколонного зала набран из дощечек, а в центральном отсеке меж колонн устроен деревянный звездчатый куполок–хаузак. Первоначально потолок был покрыт изящной росписью в технике «кундаль», которая при ремонте 1856 г. кокандскими мастерами была перекрыта полихромными росписями, присущими ферганской школе зодчества. В зале мечети были заменены три колонны[99].

В числе культовых сооружений рассматриваемого периода следует назвать и монументальную, квадратную в плане, купольную мечеть Хазрати-бобо (XVI–XVII вв.) в Бухарском районе (15 х 15, зал – 12 х 12 м, высота 8,6 м, стены толщиной 1,5 м) с двухсторонним айваном.

Таким образом, в последней трети XVI в. Бухара застраивалась наиболее интенсивно. Совершенствовались объемно-планировочные и декоративные приемы бухарской школы. Особую эволюцию претерпели конструкции перекрытия на пересекающихся арках. Они получили весьма выразительное архитектурно-художественное оформление как снаружи, так и в интерьерах зданий. В этот период, как никогда ранее, строилось много гражданских сооружений. Ряд малоизученных сельских мечетей, для которых были присущи более монументальные столпно-купольные и купольные конструкции перекрытия на мощных стенах, свидетельствует о повсеместном размахе строительства.

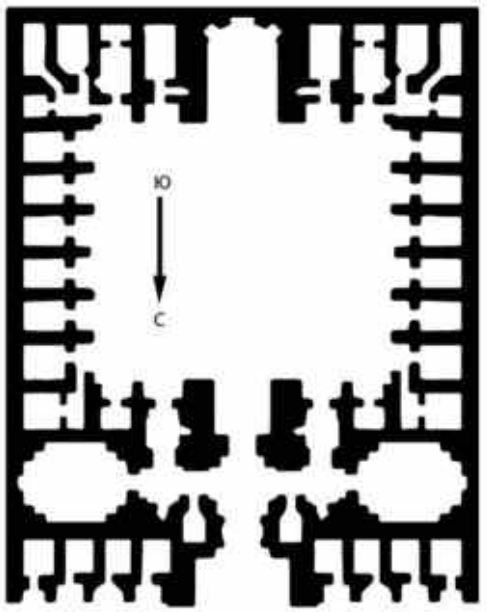
АРХИТЕКТУРА ЭПОХИ АШТАРХАНИДОВ

В зодчестве Бухары первой половины XVII в. редко используются такие достижения времени правления Шейбанидов, как система пересекающихся арок со щитовидными парусами. В декоре вновь возрождались традиции эпохи Темуридов – мозаика, майолика, живопись «кундаль», однако при этом продолжалась уже намеченная ранее прогрессивная линия создания и развития крупных ансамблей в центре города.

Следует отметить, что в XVII в. наиболее активное строительство велось при Имамкулихане (1611-1642 гг.), его племяннике Абдулазизхане II (1645–1680 гг.) и

[98] Пардаева Р. У. Указ. соч.

[99] Маньковская Л. Ю. Свод памятников истории и культуры Узбекистана. Материалы к тому «Бухарская область». Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М). С-48. № 1152. С. 97. Ташкент, 1983-1984 гг.



Медресе Калобод, XVI–XVII вв.
План

Субханкулихане (1680-1702). Ими были возведены наиболее значительные здания этого столетия, а строительством новых сооружений при более ранних постройках были сформированы три значительных ансамбля города – Ляби-Хауз, кош-медресе Улугбека–Абдулазизхана и Хаузи-Нау.

Автору настоящей монографии на основе различных данных удалось с большей или меньшей степенью вероятности уточнить дату строительства и характер архитектуры еще двух значительных, но ныне утраченных сооружений начала XVII в. Так, в начале XVII в. в квартале Калобод было завершено строительство одноименного медресе. О. А. Сухарева, на основе сопоставления ряда вакфных грамот, предполагает, что медресе Калобод могло быть сооружено на месте древнего медресе Арсланхана (XII в.), также находившегося в этом квартале[100].

Медресе Калобод представляло собой двухэтажное здание, которое включало крупную аудиторию, а также около сотни келий для учащихся, где лекции читались вплоть до начала XX в[101]. Согласно одной из вакфных грамот, строителем здания и завещателем вакфа был сам Ходжа Са'ад Калон (ум. в 1589 г.). Согласно другим вакфным документам, его строительство было закончено в 1608–1609 гг. Ходжа Низам ад-Дином. Однако в третьей вакфной грамоте указывается, что в 1608–1609 гг., сын Ходжа Са'ада Абдурахим завещал имущество в пользу данного медресе[102]. Из этого можно заключить, что строительство здания, начатое Ходжа Са'адом, вероятно, в последней трети XVI в., было завершено Ходжа Низам ад-Дином в 1608–1609 гг.

Можно внести следующие уточнения и дополнения в данные о другом значительном и ныне утраченном здании Бухары – о ханака Миракон в квартале Калта Манор (в начале XX в. – квартал Миракон). Эта ханака являлось частью не сохранившегося, скорее всего, суфийского комплекса, где оно занимало западную сторону двора с хаузом. «При ханака имелись кельи, где жили студенты, и потому оно считалось также медресе»[103], отчего весь комплекс порою называли медресе Миракон.

[100] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. С. 298.
[101] Там же. С. 247.
[102] Там же. С. 299.
[103] Там же. С. 98.

Ханака Миракон, XVI–XVII вв.
Фото Б. Засыпкина 1930-х гг. (Архив ГлавНПУ, 18304/99-3)

Ханака было весьма своеобразно по архитектуре. Вдоль его главного фасада, вытянутого по линии север – юг и обращенного во двор медресе, возвышались три купола: два небольших – по сторонам, и более крупный – в центре здания. Последний возвышался на барабане, пронизанном рядом арочных проемов, отчего больше напоминал крупный световой фонарь. Этот купол с барабаном опирался на четыре пересекающиеся арки, которые эффектно просматривались как снаружи, так и в интерьере здания. Медресе Миракон упоминается Б. Ахмедовым, суммировавшим данные средневековых источников в числе построек, сооруженных в XVI в.[104] В. Шишкин же считал, что в медресе «худжры были выстроены в 1654–55 гг.»[105]. Судя по конструкциям центрального купола, ханака могло быть сооружено в XVI в., а часть худжр при нем – достроена или отремонтирована в XVII в. На более раннюю датировку этого комплекса зданий указывает и то, что «мечеть-медресе Миракон» упоминается в вакфе, составленном, вероятно, до 1607–1608 гг.[106]

[104] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVII вв. Ташкент, 1985. С. 53.
[105] Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936. С. 82.
[106] Сухарева О. А. Квартальная община … С. 98.

Медресе Абдулазизхана. 1652 г.
Главный фасад

Медресе Абдулазизхана. 1652 г.
Сталактитовый декор в своде арки входного портала

Из ранних сооружений XVII в. назовем также мечеть Усто Рухи 1615 г. в одноименном квартале[107]. В начале XX в. она использовалась как гузарная мечеть для пятикратных молитв. Отметим, что в этом гузаре были также тахаратхана и баня Биби Халфа.

В первой половине XVII в., как уже отмечалось, продолжалась тенденция создания крупных градоформирующих ансамблей. Так, в 1620–1622 гг. по сторонам площади, расположенной южнее медресе XVI в. Кукельдаш, высокопоставленный сановник Надир Диван-беги выстроил на одной оси здания ханака и медресе, а между ними устроил самый большой в Бухаре хауз. В результате был создан наиболее значительный и живописный в Бухаре ансамбль – Ляби-Хауз (у хауза), где площадь с водоемом была застроена с трех сторон монументальными зданиями, а открытой, незастроенной, стороной была обращена к каналу Шахруд и к параллельной ей торговой улице.

Ханака Надир Диван-беги (1620–1621 гг.) было традиционным для данного типа продольно-осевым, многокамерным, портально-купольным зданием. Рассчитанное на всестороннее восприятие, оно получило рельефную разработку поверхности кирпичной фактуры всех четырех фасадов. Среди них – обращенный к хаузу восточный (главный) фасад выделялся более крупным порталом с башнями-гульдаста по углам и изысканным майоликовым декором тимпана.

Медресе Надир Диван-беги (1622–1623 гг.) поначалу строилось как караван-сарай. Поэтому в этом здании дворовой структуры нет характерных для медресе дворовых айванов, мечети и аудиторий, и внутренний двор застроен по периметру лишь

[107] Раҳматова С., Қурбонов Х. Бухоро гузарлари тарихидан лавҳалар. Бухоро, 1995. С. 53.

худжрами. Запоминается рисунок майоликовых тимпанов его главного фасада с изображением фантастических птиц, летящих к солнцу и когтящих лань.

Наиболее крупным и выразительным из построек этого времени было медресе Абдулазизхана II, составившее в 1652 г. композицию кош с медресе Улугбека (1417 г.). Это второй из сохранившихся в Бухаре ансамблей кош-медресе, первый из которых – медресе Мадарихана–Абдуллахана был сформирован еще в конце XVI в.

По замыслу Абдулазиза II, его постройка по масштабам здания и роскоши декора должна была затмить раннюю постройку Улугбека, и это ему удалось. Однако менее стройные пропорции позднего сооружения и весьма эклектичный декор уже предвещают начало упадка зодчества, хотя и демонстрируют все многообразие архитектурного декора того времени. Медресе Абдулазизхана – это традиционное по архитектуре крупное двухэтажное медресе с четырьмя айванами по осям двора. Угловые залы и своды айванов украшали сложные в построении ганчевые сталактиты – «ироки» с майоликовыми вставками. Стены и плафоны залов покрывала пышноузорная роспись «кундаль». В аудитории–дарсхане сохранилась поздняя роспись с архитектурными пейзажами.

В майоликовом декоре пештака и дворовых фасадов неоднократно использован сюжет, где цветочная ваза с цветущим кустом украшена изображениями птицезмей, выполненных в виде ручек сосуда или деталей у его основания, либо дракончиков, изогнутых в виде ручек вазы. Создателями данного шедевра архитектуры были придворный зодчий – Мухаммад Салих и мастера декора – Мим Хакан и Мухаммад Амин.

Во второй половине XVII в. в Бухаре уже не строились столь крупные и значительные здания. Планировка и объемно-пространственное решение построек все менее соответствовали классическим канонам архитектуры XV–XVI вв. Мельчали масштабы сооружений, ухудшалось качество строительства и нарушалась чистота стиля. Все чаще наблюдалось смешение типов зданий. Например, нередко квартальная мечеть совмещала функции ханака или служила одновременно пятничной мечетью. Часто к мечети прилегал двор, обстроенный по периметру худжрами медресе и мактаба.

Например, мечеть Ахунди Кара-Камал, сооруженная, судя по вакфной грамоте, неким Шахим-бием в 1652–1653 гг. (перестроена в 1870–1875 гг.), представляла собой каркасное здание с потолком из дощечек, вероятно, расписанных полихромным декором[108].

Однако встречаются и весьма оригинальные решения. Так, в XVII в. были сооружены две крупные монументальные мечети: квартальная – Магоки Курпа и соборная – Поянда.

Мечеть Магоки Курпа рядом с куполом Токи Телпак Фурушон была выстроена, как выяснилось, не в 1636 г., а в 1656 г. Маулана Ходжой Калон Девон[109]. Она была

[108] Сухарева О. А Квартальная община …С. 262

[109] Джураева Г. А. Новое о гражданских сооружениях позднесредневековой Бухары (по материалам письменных памятников)// Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 85.

Мечеть Магоки Курпа, **1656 г**.
Главный фасад

двухэтажная, но поскольку основана на месте древней постройки, ее первый этаж был значительно понижен, отсюда и название мечети – Магок («подземная», или «в яме»). Прямоугольный план здания вмещал крупный двенадцатикупольный шестистолпный зал на каждом из двух этажей. Один из средних отсеков зала на втором этаже перекрывал небольшой голубой купол на высоком стройном барабане. Наши натурные исследования дополняют следующие сведения О. А. Сухаревой: «В квартале Магоки Курпа (Камонгарон, Ходжа Мухаммади Паррон – другие названия квартала – М. А-Ю.) была двухэтажная мечеть». И далее: «Еще на рубеже XIX–XX вв. верхний этаж здания служил летней, а нижний – зимней мечетью. Рядом находилось помещение для омовений. Предполагают, что она изначально была квартальной мечетью»[110].

Весьма необычной по планировочной структуре была джума-мечеть Поянда, выстроенная на правительственной площади Регистан вблизи крепости Арк, являвшейся резиденцией хана. Это была «очень старая и низкая постройка, пол которой (в конце XIX в.) был на аршин ниже уровня площади»[111]. По плану она представ-

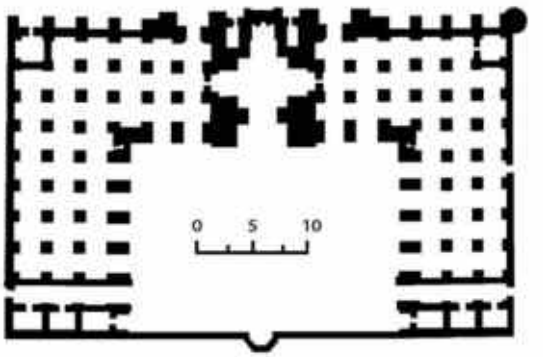
[110] Сухарева О. А. Квартальная община … С. 193.
[111] Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 1972. С. 86

ляла собой усеченную по поперечной оси половину традиционной соборной мечети. «В западной стене ее по обе стороны главного портала было двое ворот», и еще три входа – в южной стене. В северной стене возле тахтапуля (пандуса, ведущего в Арк – М. А-Ю.) был один вход, через который входил только эмир, иногда молившийся в этой мечети. … Восточная стена мечети была глухая»[112].

Во второй половине XVII в. в Бухаре было выстроено несколько относительно крупных учебных зданий. Одно из них, утраченное в 1930-е гг., двухэтажное медресе Хиябан по главному и северному фасаду на втором этаже было раскрыто наружу арочными лоджиями, также как и в медресе Кукельдаш 1568–1569 гг.

В 1670–1671 гг. на оси мечети Валида-и Абдулазизхан (XVI в.) по заказу Ой Подшо Биби – дочери Абдурахима Джуйбари, было возведено медресе Джуйбари Калон, составившее в целом ансамбль из двух противолежащих построек с хаузом между ними. Медресе было одноэтажное, асимметричное по плану, со смещенным к юго-западу от оси здания порталом, украшенным полихромным глазурованным декором.

Активные строительные работы велись при Джанидах в Арке и на прилегающей к нему с запада площади. В результате здесь сложился своеобразный



Мечеть Поянда, XVII в.
План (по: Ремпель, 1981)

Медресе Хиябан, XVII в.
Главный фасад, фото (Архив ГлавНПУ, 4522/40-6)

Медресе Джуйбар, XVII в.
Главный фасад, фото (Архив ГлавНПУ, 60/1-9)

[112] Там же. С. 87.

Медресе Бозори Гусфанд, XVII в.
Главный фасад (Архив ГлавНПУ, 4515/40-5)

ансамбль площади Регистан. Возле западной стены Арка находилась вышеназванная мечеть Поянда.

К западу от входа в Арк располагалась больница – медицинское медресе Дору-Шифо, выстроенное Субханкулиханом в 1682 г. Это было одноэтажное здание с типичной для медресе дворовой структурой плана и водоемом–сардоба в центре внутреннего двора. Мимо этого медресе пролегала дорога, пересекающая площадь и ведущая к воротам Хазрати-Имам (на севере города).

На Регистане также было возведено медресе Шодимбий, включавшее небольшой купольный зал, портал здания был украшен изразцами. Напротив этого медресе – на другой стороне дороги (на северной стороне Регистана) – размещалось выстроенное Абдулазизханом II весьма значительное по размерам медресе – Мадраса-и Гусфанд или Бозори Гусфанд (1669–1670 гг.). Оно было даже больше, чем медресе Абдулазизхана II у купола Заргарон, но менее красиво по отделке[113]. В здание вел высокий портал, украшенный майоликовыми облицовками. Медресе было разрушено в 1930-е гг., но сохранились его майоликовые панно и тимпан, которые экспонируются в Музее искусств Узбекистана.

Западнее мечети Поянда и к югу от медресе Гусфанд находилось медресе Ходжа Нихол, далее – мечеть Усто-Рухи. На этой площади кипела жизнь. Здесь располага-

[113] Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 1972. С. 87.

лись различные лавки, базары, проходили публичные казни и выступления силачей – палванов и т. д.

Главная доминанта этой площади – древняя в своей основе крепость Арк – представляла собой целый «город» со многими строениями, дворами, улочками и главной магистралью, соединявшей западные и восточные ворота. План Арка имеет форму, близкую к трапеции, обращенную основанием на север. Высота Арка, по данным исследований 1940 г., «от уровня площади Регистан» до верха стен колебалась от 16 до 20 м[114], а по сведениям 1990 г. – 15-18 м[115].

Наиболее ранними из сохранившихся ныне сооружений в крепости Арк являются те, что выстроены Аштарханидами в XVII в. Это приемный двор – Куринишхона (вероятно, перестроенный в конце XVII в.) с порталом, возведенным в 1605–1606 гг.[116], мечеть конца XVII в. и др. Входные ворота Арка, обращенные на площадь Регистан, представляли собой фланкированный круглыми башнями-гульдаста крупный портал. Дневная поверхность в крепости из-за наличия платформы, а также многовековых культурных слоев была значительно выше, чем уровень земли снаружи – у ее подножия. Поэтому вход в Арк располагался на некоторой высоте, куда вел пандус-тахтапул. Далее от входа по крытому коридору, по сторонам которого находились камеры для заключенных – канахона, обхона и др., крутой подъем вел к мечети Джами и к другим многочисленным сооружениям цитадели.

Мечеть Джами, выстроенная в конце XVII в. по распоряжению Субханкулихана в Арке, по архитектуре напоминала квартальную мечеть. Ее четырехколонный зал с трех сторон был застроен П-образным в плане колонным айваном. Потолки зала и айвана мечети были богато расписаны полихромным узором.

Во второй половине XVII в. также продолжалось строительство суфийских ханака, среди которых порою встречались и довольно крупные сооружения. Такова была ханака Мухаммад-Яр Аталыка в квартале Бозори-Нау, упоминаемая в грамоте 1668–1669 гг. Она располагалась на широтной улице города, ведущей от торгового купола Токи-Телпак Фурушон к Регистану. Это было монументальное квадратное в плане купольное сооружение, весьма схожее по структуре с ханака Баха ад-Дина – с центральным залом, застроенным по периметру худжрами. Однако здесь центричность здания нарушалась тем, что главный фасад был подчеркнут более высоким порталом и башнями-гульдаста на углах здания[117]. Со временем, видимо, была изменена функция этой постройки. В начале XX в. она все еще называлось ханака, но там суфийские

[114] Андреев М. С., Чехович О. Д. Указ. соч. С. 17.

[115] Некрасова Е. Г. К истории сложения стен Арка Бухары (новые археологические данные) // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990. С. 15.

[116] Маньковская Л. Ю. Паспорт на Арк Бухары. № 1185/6. Архив Ин-та иск. АН РУз. Свод памятников истории и культуры Узбекистана. Бухарский том. Ташкент, 1984.

[117] Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 327, 328.

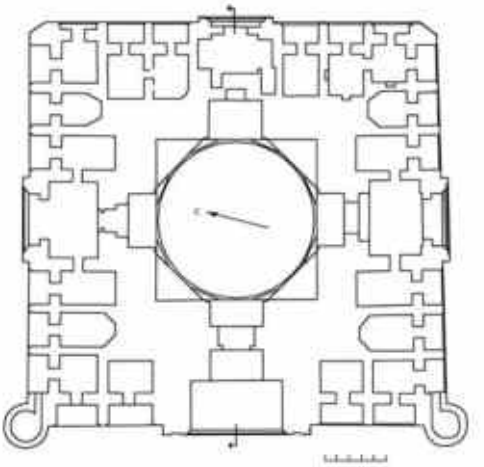
Арк.
Общий вид

Арк. Мечеть Субханкулихана, XVII в.

радения уже не проходили, а проводились ежедневные пятикратные и пятничные молитвы, отчего О. А. Сухарева называет ее соборной мечетью[118].

В вакфной грамоте 1679–1680 гг. упоминается неизвестная нам, ныне утраченная ханака-мечеть Азизон в одноименном квартале вблизи медресе Абдулазизхана[119].

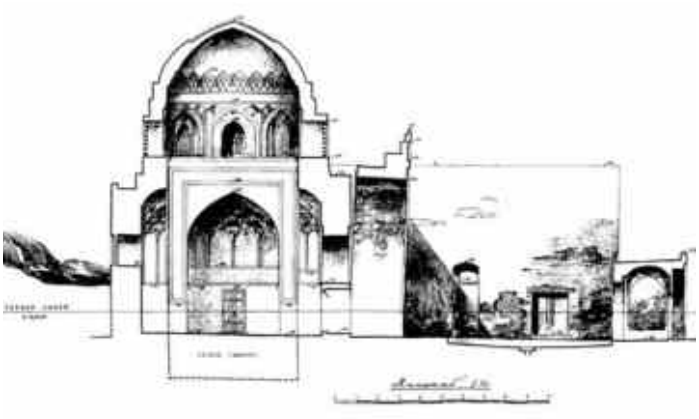
Ханака Мухаммад-Яр Аталык, XVII в.
Входной портал. Фото Е. Юдицкого, 1947
(Архив ГлавНПУ, 861/58-6)



Ханака Мухаммад-Яр Аталык.
План (Архив ГлавНПУ, 5704/51-11)

О сохранившейся в Бухаре крупной ханака-мечети Мавлоно Шариф мы располагаем более обстоятельной информацией. Анализ этой мечети позволил сделать следующие заключения и предположения. Эта большая ханака-мечеть (1679–1680 гг.), по преданию, была выстроена Мавлоно Шарифом на месте пришедшей в упадок бани. По сведениям О. А. Сухаревой, баня являлась вакфом медресе Кукельдаш. Мавлоно Шариф выкупил эту баню, а в вакф медресе Кукельдаш отдал земли в кишлаке Дунгиен. Здание в вакфных грамотах 1679-1680 гг. упоминается как мечеть, а в документах 1779–1780 гг. – как ханака ахунда Мулла Мухаммад-Шарифа, которая находится позади медресе Заргарон, т. е. Абдулазизхана II[120]. По мнению О. А. Сухаревой, это один из двух человек, носивших в XVII в. имя Мавлоно Шариф: или известный теоретик дервишизма, автор трудов о громком зикре, умерший в 1679 г., или законовед ахунд медресе Кукельдаш, живший еще в 1686 г.[121] При капитальной реставрации мечети в конце XIX в. при амире Ахадхане, вероятно, была сохранена ее первоначальная планировка и конструкции. Прямоугольная в плане (14х21м), она имеет плоскую балочную кровлю на колоннах, включает восьмиколонный зал и примыкающий к нему с одной стороны двухколонный айван.

[118] Сухарева О. А. Указ. соч. С. 180.
[119] Там же. С. 208.
[120] Там же. С. 210, 212.
[121] Там же. С. 306.



Комплекс Мавлоно Шариф XVII в.
Чертеж. Разрез здания мавзолея по центральной оси

Рядом с ханака-мечетью над уже существовавшей, вероятно, на рубеже XVII–XVIII вв., могилой Мавлоно Шарифа был сооружен портально-купольный мавзолей. В результате здесь сложился суфийский комплекс с ханака-мечетью и мавзолеем этого шейха. На рубеже XIX–XX вв. эта мечеть–ханака служила для ежедневных пятикратных и пятничных намазов, а также местом суфийских радений.

Из сооружений конца XVII в. можно назвать мечеть Ходжа Мухаммади в квартале Ра'ад Зада (вакфный документ 1692–1693 гг.) и мечеть квартала Масжиди Бесутун (вакфный документ 1695–1696 гг.), потолок которой был типа «тахта-мурабба, состоял из отдельных дощечек и был без столба в центре»[122].

Таковы основные тенденции развития архитектуры и наиболее интересные сооружения периода позднесредневекового расцвета Бухары (XV–XVII вв.). До сих пор были известны лишь несколько крупных и богато украшенных памятников Бухары XV в. Теперь, согласно вышеприведенным данным, можно значительно расширить список памятников эпохи Улугбека в Бухарском оазисе, причислив к ним такие монументальные сооружения, как ханака Мухаммада Ходжа Порсо, мечеть в селе Гиждумак и др. В архитектуре Бухары XV в., наряду с общими для Мавераннахра традициями эпохи Темуридов, просматривались и яркие локальные особенности. В зодчестве государства Шейбанидов (XVI в.) совершенствовались и завершили свою эволюцию наиболее прогрессивные черты предшествующей по времени темуридской архитектуры – система перекрытий на четырех пересекающихся арках и щитовидных парусах, кристаллизация типологических особенностей зданий и др. В целом в XVI–XVII вв. здесь сформировалась и получила прогрессивное развитие бухарская школа зодчества, сложились наиболее интересные и крупные ансамбли Центральной Азии, а также были предложены приемы типизации и унификации строительства; ярко проявился творческий поиск зодчих; были найдены оригинальные и при этом экономичные и эстетичные решения.

[122] Там же. С. 224, 179.

ГЛАВА ВТОРАЯ

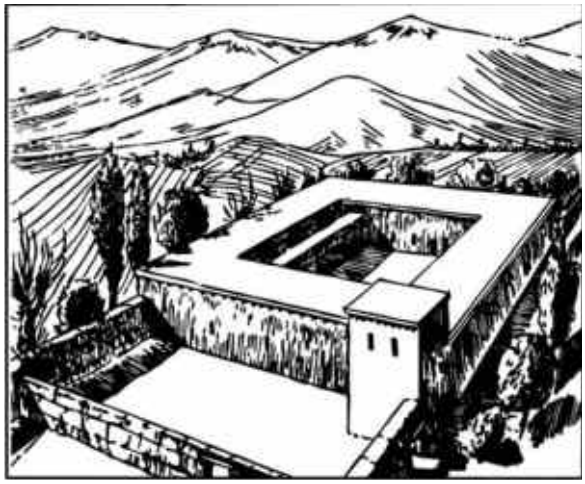
ТИПОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКИХ СООРУЖЕНИЙ

ЖИЛАЯ АРХИТЕКТУРА

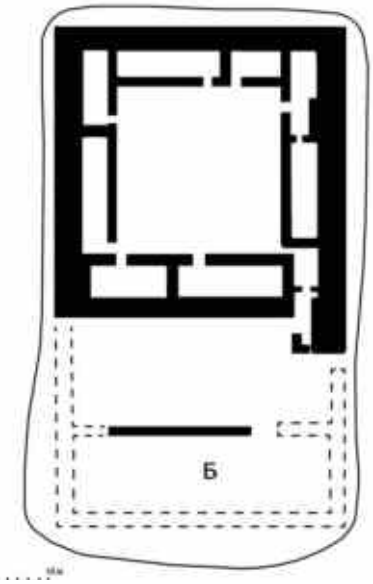
Жилые постройки традиционно являются наиболее массовыми гражданскими сооружениями. Поскольку Бухара постоянно развивалась на одной и той же территории, последующие строения возводились здесь на выровненных и утрамбованных остатках прежних сооружений. Так как стены жилых домов возводились в основном из сырцового кирпича или посредством глино-каркасных конструкций, зачастую весьма недолговечных, в Бухаре, за исключением некоторых дворцовых построек конца XVII в. в Арке, жилые постройки исследуемого периода не сохранились. Однако благодаря традициям, весьма стойким в архитектуре жилища, методы и особенности возведения домов более раннего времени сохранились в строениях подобного типа XVIII–XIX столетий. Используя эти данные, а также данные книжной миниатюры исследуемого периода, в частности бухарской, можно в определенной степени восстановить тип жилых домов Бухары XV–XVII вв. Кроме того, для выяснения истоков некоторых черт жилой архитектуры нами использованы археологические данные о жилищах предшествующих эпох (к примеру, усадьбы VI в. до н. э. типа Кизилча-6, жилые дома Варахши X в.).

В жилой архитектуре бухарской школы зодчества XV–XVII вв. можно выделить две основные разновидности – жилые дома и дворцы.

Жилые дома в средневековой Бухаре, как и по всей Средней Азии, строились преимущественно с применением дворовой структуры, где внутренний замкнутый двор обстраивался по периметру рядом жилых и хозяйственных помещений. Из известных нам ранних примеров таких построек в Бухарском оазисе можно привести серию домов Варахши X в., которые включали небольшой внутренний дворик, об-



Усадьбы типа Кизилча-6.
Реконструкция (по: Сагдуллаев, 1987)



Усадьбы типа Кизилча-6.
План (по: Сагдуллаев, 1987)

веденный жилыми и хозяйственными помещениями[123].

Отметим, что дворовая организация жилища могла быть использована в Бухарской школе и в более ранний период, ибо на территории Узбекистана она известна еще со времен раннего железа[124]. Таковы многочисленные усадьбы типа Кизилча-6, выявленные А. С. Сагдуллаевым на юге Узбекистана, являвшемся в те времена частью территории Древней Бактрии[125]. В этих усадьбах квадратный в плане (30х30м) дом по периметру внутреннего двора был застроен восемью одноэтажными коридорообразными комнатами – по две с каждой стороны. Некоторые дома типа Кизилча-6 имели также небольшой огороженный дворик перед входом. К ряду помещений с внутреннего двора прилегали колонные навесы[126]. Последние, на наш взгляд, являлись эмбрионами будущих колонных айванов, ставших традиционными в среднеазиатском, в том числе и в бухарском, зодчестве.

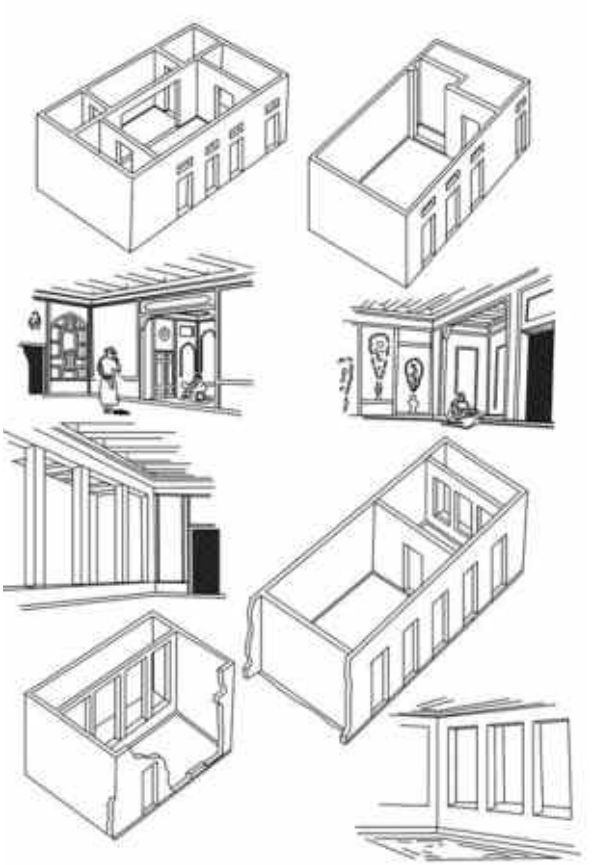
Вероятно, эволюция этого варианта усадеб привела к сложению в Средней Азии в последующее время дома, состоявшего из двух смежных дворов, обстроенных по периметру жилыми и хозяйственными помещениями.

В период раннего средневековья похожий по размерам и планировочной структуре дом, вернее сельская усадьба V-VI вв. Балалык-тепе, что севернее Термеза, так-

[123] Нильсен И. В. К истории развития архитектуры жилища в Средней Азии // Вопросы теории и истории архитектуры Узбекистана. Сб. научных трудов ТашПИ. Вып. 212. Ташкент, 1977. С. 7.
[124] Кругликова И. Т., Сарианиди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции (1969-1973) // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 7.
[125] Сагдуллаев А. С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987. С. 12.
[126] Там же. С. 13.

же включала квадратный внутренний двор, в обводе десяти комнат[127].

В период развитого и позднего средневековья многие жилые дома представляли собой в основном одно-, изредка – двухэтажные постройки, со стенами из деревянного каркаса, заполненного сырцовым кирпичом или гуваля, обращенные на улицу почти глухими стенами, покрытыми глино-саманнной штукатуркой. В отличие от маловыразительных фасадов, внутреннее решение домов отличалось живописной объемно-пространственной композицией и неповторимым своеобразием художественно оформленных интерьеров.



Традиционные бухарские дома.
Устройство альковов-шахнишин (по: Ремпель, 1960)

Перечисленные выше признаки, вероятно, были присущи и домам бухарской школы описываемого периода. Средний бухарский дом также имел два двора: ташкари (внешний), предназначенный для встреч и официальных приемов, и ичкари (внутренний, или интимный), считавшийся женской и, в целом, основной жилой половиной дома. Оба двора были похожи по наличию и оформлению летних и зимних жилых комнат, приемных помещений, хозяйственных построек и айванов. В богатых домах Бухары был еще и третий двор – саисхона (с конюшней), который соединялся с ташкари-ховли.

Жилые дома бухарской школы зодчества отличались рядом ярких региональных особенностей. Так, помещения в доме имели строгую ориентацию в зависимости от их функций. Летние жилые комнаты, гостиные и расположенные вдоль их дворового фасада колонные айваны имели высоту в два этажа и были обращены на прохладную сторону двора – на север. Зимние жилые помещения, одноэтажные, были обращены на юг. С запада и с востока двора размещали хозяйственные помещения. Под складские нужды отводился полуподвальный этаж, устроенный под гостиными либо под всеми строениями дома. Периметральная застройка двора поэтажно сужалась кверху, и как следствие – дворовое пространство ступенчатым образом расширялось

[127] Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965. С.113-115.

кверху, что сообщало ему ощущение обилия воздуха и простора. Гостиные представляли собой большие прямоугольные высокие комнаты с примыкающими к ним с торца прихожей – дахлиз и чуланом – мадон. В залах богатых домов с его торца на первом этаже устраивали альков – шахнишин. Последний мог размещаться и в верхнем ярусе над прихожей, в виде антресоли, раскрытой проемами в интерьер зала[128].

Л. И. Ремпель считал, что «шахнишины возводились в домах богатых владельцев исключительно из подражания дворцовой архитектуре. В народном жилище они не применялись»[129]. Дворовый фасад летних комнат, как отмечалось, затенял айван на высоких стройных колоннах. Напротив летней жилой группы размещались обращенные на юг более низкие зимние помещения. Над ними, выравнивая общую верхнюю линию застройки двора, часто устраивали помещения второго этажа либо небольшие колонные навесы – айванча.

Интерьеры богатых домов были обильно украшены полихромной росписью плоских деревянных потолков, декором в виде ганчевых карнизов из сталактитов мукарнас, фигурными нишами стен для посуды – косамон, изящной полихромной росписью стенных панно с преобладающим мотивом цветущего куста в вазе. Оконные проемы были забраны в изящные деревянные либо ганчевые решетки – панджара.

Архитектура жилых домов, естественно, зависела от имущественного и социального положения владельца. Среди домов Бухары XIX – начала XX в. Л. И. Ремпель, например, выделяет семь категорий. Их характеристики, наверняка, в большей степени были присущи и жилищу рассматриваемого нами времени. Следует лишь отметить, что XV–XVII вв. – это период расцвета бухарского зодчества, и потому жилые дома этого времени, скорее всего, имели более монументальную и помпезную архитектуру относительно соответствующих построек более позднего времени.

Семь категорий домов согласно классификации Л. И. Ремпеля[130]:

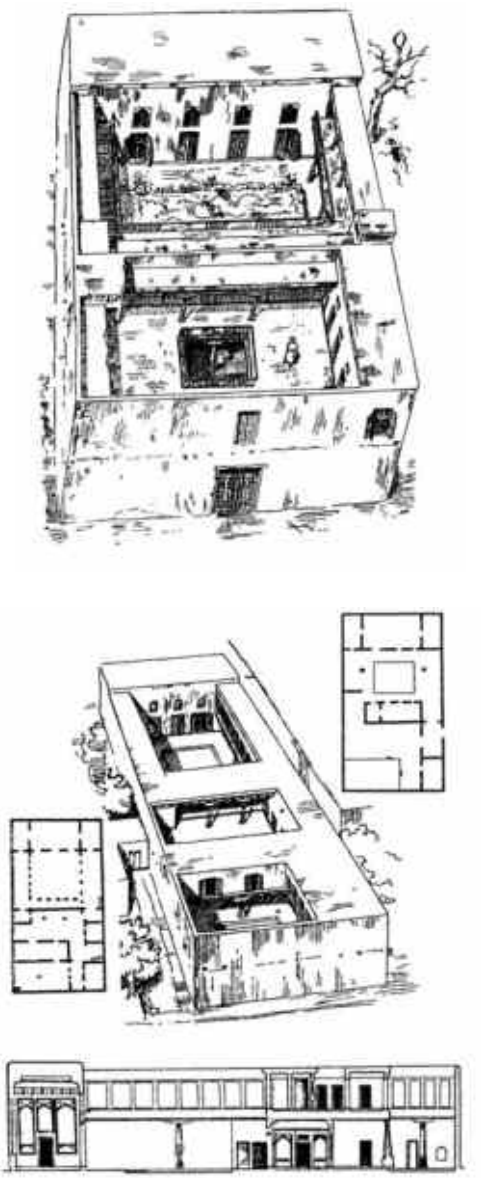
1. *Постройки бедноты в глухих окраинах города.* Это одноэтажные, обмазанные глиной изнутри и снаружи дома, преимущественно без деления на ичкари и ташкари, изредка с жалкими айванами.

2. *Дома рядовых ремесленников имели* два небольших двора – внешний с мастерской и внутренний. Между ними располагалось более крупное помещение, служившее по необходимости летней комнатой для ичкари либо гостиной для ташкари.

В этой связи отметим, что на взгляд европейца, не знакомого с местным укладом жизни, а также с преимуществами термо- и сейсмостойких глинокаркасных конструкций, продуманной ориентацией помещений и др., архитектура домов среднего сословия может показаться несколько убогой. Тем не менее, их беспристрастные описания дают достоверную картину среднего жилища Бухары более позднего времени. Так, по свидетельству побывавшего здесь в 1836 г. И. В. Виткевича, «строения в Бухаре все,

[128] Ремпель Л. И. Архитектура старого Джуйбара // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 187.
[129] Там же. С. 196.
[130] Ремпель Л. И. Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары) // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. С. 234-237.

за исключением немногих мечетей и сараев (т. е. дворцов), глиняные; делают деревянную, из мелкого лесу, решетину и обмазывают ее с обеих сторон глиною… Дома все подняты, так что под жильем – кладовые или конюшни. Дом к дому с улицы примыкает вплоть; изредка есть промежутки, которые ведут опять в другие дворы. …окон на улицу нет почти нигде…Ни во двор, ни в дом никогда не пускают чужого, калитки всегда заперты; хозяин выходит, если кто постучится, и иногда принимает гостя; особенно приезжего, в особой комнате – михман-хане, гостиной, которая, однако же, есть не везде. Она стоит у самых ворот и ограждена особою стеною. В домах редко бывает более одной комнаты, в которую ведут двое, трое дверей, а из нее вправо и влево бывает по темному чуланчику. Двери выходят на крытый ход, род галереи на столбах, с которой крыльцо или лестница ведет на двор. В некоторых дворах есть колодцы»[131]. Это описание, на наш взгляд, отчасти подходило бы и к бухарскому дому конца XVII в., ибо черты традиционной исламской жилой архитектуры весьма стойки.



Традиционный бухарский дом
(по: Ремпель, 1960)

3. *Дома богатых ремесленников*, которые имели более четкое деление на ичкари и ташкари, иногда были двухэтажными. На первом этаже размещались хозяйственные комнаты и мастерские, на втором – мощеный двор с высокой летней комнатой, дахлизом и мадоном, напротив нее – зимняя комната с теми же службами. На остальных сторонах двора – хозяйственные помещения и кухни.

4. *Байский дом на окраине города* был также двухдворовым, но имел большую территорию. Бирун (внешний) включал помещения для лошадей и скота, галерею для сушки фруктов и хранения дынь на его втором этаже, а также дарун (внутренний) с зимним и летним комплексом комнат на первом этаже и галереей-айванча по трем сторонам второго этажа, четвертую сторону замыкала летняя комната высотой в два

[131] Лунин Б. В. Записка по рассказам И. В. Виткевича о его поездке в Бухарское ханство (1835-1836) // История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20-80-е годы XIX в.). Ташкент, 1990. С. 54-55.

Традиционный богатый жилой дом Бухары.
Дом Ф. Ходжаева рубежа XIX–XX вв. Вид со двора на айван

этажа. Представление о доме этого типа может дать жилой дом Усто Пулата в районе Джуйбар в Бухаре[132].

5. *Богатый дом в центральной части города* представлял собой тип среднекупеческого, реже – чиновничьего дома. Дефицит дорогостоящей земли в центре города обусловил живописное развитие здесь домов в высоту, в два–три этажа. Дворы бирун и дарун находились по обе стороны от входа. Высокие гостиные и айваны были богато разделаны нишами, украшены росписью и резьбой, проемы забраны ганчевыми и деревянными решетками. Эти черты можно увидеть в доме Гафурбая более позднего времени[133].

6. *Жилой дом крупного бая в центре города* имел два-три двора, более монументальную и богато декорированную двухэтажную застройку по периметру жилого и приемного двора. Вход в дом осуществлялся через дарвазахану, где теснились рабы и слуги. За ней была стенка «гулом гард» – «раб, вернись!» Подразумевалось, что раб не имеет права идти дальше этой стенки, при этом дом обслуживали специальные слуги. Отметим, что такая же стенка сохранилась в крепости Арк в Бухаре, тут же за входом в тронный зал эмира – куринишхону. От других байских домов жилища крупных баев отличались большим количеством зимних и летних комплексов, а также наличием высоких, в два этажа, айванов перед летними залами. Айваны были пышно украшены и являлись декоративным акцентом, а также высотной доминантой двора. Ичкари в таких домах мог быть меньших размеров, но украшался более ярко и претенциозно. Примером может служить дом рубежа XIX–XX вв. Убайдулло Ходжаева – крупного бая, торговца каракулем[134].

В домах чиновников и баев иногда были две летние комнаты, из которых одна с шахнишином играла роль гостиной, а другая с мадоном служила обычной жилой комнатой. В целом, в традиционных бухарских домах большое значение придавалось гостиным, строили много подсобных, хозяйственных помещений, и при этом – непропорционально мало жилых комнат. Так, по свидетельству Л. И. Ремпеля, в домах Бухары рубежа XIX–XX вв., например, в доме торговца Абдурасула из 31 помещения под жилье было отведено только пять комнат на первом этаже и две запасные комнаты на втором; в доме Шарифбека было 7 жилых комнат (из них 5 в женской половине) и при этом 20 подсобных помещений (7 передних, 8 мадонов, 3 кладовых и др.).

7. *Дома евреев Бухары* Л. И. Ремпель, в отличие от других исследователей, весьма справедливо, на наш взгляд, выделяет в отдельную категорию жилых домов. В городе существовала крупнейшая в Средней Азии еврейская диаспора, и потому, наверное, среднеазиатских иудеев называли в основном бухарскими евреями.

---

[132] Ремпель Л. И. Архитектура старого Джуйбара … С. 176, 177.
[133] Там же. С. 176.
[134] Там же. С. 183.

Миграция иудеев в Среднюю Азию подтверждается материальными находками в Мерве (Туркменистан) во II–III вв. н. э.[135] В Бухаре евреи, согласно местным легендам, появились задолго до завоеваний Чингизхана. Во всяком случае уже в XIV–XV вв. в среде бухарских евреев велась активная литературная жизнь[136]. Евреям предписывалось жить в специально выделенном для них квартале, не смешиваясь с мусульманским населением; устраивать калитки домов ниже (на аршин) калиток правоверных; не приобретать земельной собственности и т. д.[137] Им был отведен квартал Махаллаи Кухна, который, согласно О. А. Сухаревой, в XV – начале XVI в. располагался на окраине Бухары и прилегал к городской стене между воротами Кавола и Саллахона. Со временем территория города значительно увеличилась, и эта слобода оказалась вблизи его торгового центра[138]. Со строительством сохранившейся здесь первой синагоги связана известная легенда, согласно которой визирь Имамкулихана Надир Диван-беги неоднократно просит старуху-еврейку продать ему принадлежащий ей земельный участок для строительства им хауза. После долгих отказов женщина, наконец, была вынуждена согласиться, лишь при условии, что взамен этого евреям будет разрешено возвести синагогу. Разрешение было получено, и так, согласно легенде, в Бухаре появляется самый крупный общественный хауз Надир Диван-беги в ансамбле Ляби-Хауз, а у евреев – их первая синагога в Махаллаи Кухна[139]. Этот древний еврейский район всегда оставался на своем месте, ибо, несмотря на притеснения иудеев, мусульмане почитали право на собственность и не могли посягать на чужие земли[140].

Результаты наших натурных исследований архитектуры еврейских кварталов Бухары[141] позволили сделать следующие обобщения и дополнить имевшиеся данные Л. И. Ремпеля по особенностям устройства еврейских домов:

По организации жилого двора иудейские дома были аналогичны мусульманским – та же обстройка внутреннего двора комплексом летних, зимних, гостевых и хозяйственных помещений со строгой ориентацией по сторонам света соответственно их функциям, те же варианты внутри общей схемы, соответствующие имущественному положению владельца.

---

[135] Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь. Ташкент, 1999. С. 86.

[136] Амитин-Шапиро З. Предание о постройке первой синагоги в Бухаре // Сб. науч. кружка при восточном факультете САГУ. Вып. I. 1928. С. 100.

[137] Ниязов Д. М. Среднеазиатские евреи в прошлом и настоящем. Ташкент 1992. С. 5.

[138] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1976. С. 76.

[139] Амитин-Шапиро З. Предание о постройке первой синагоги в Бухаре // Сб. науч. кружка при восточном факультете САГУ. Вып. I. 1928.

[140] Позднее (вероятно, в XIX в.) с увеличением диаспоры на окраинах Бухары появились, с разрешения правителей, еще два еврейских квартала – Махаллаи Нау и Амиробод.

[141] В том числе исследования, проведенные автором данных строк совместно с израильскими коллегами в составе ряда экспедиций в 2000-е гг. (под руководством проф. А. Коэн-Мушлин и архитектора З. А. Аршавской) Центра еврейского искусства при Иерусалимском университете.

Главным отличием еврейских домов от домов мусульман было то, что они в основной своей массе имели только один, зачастую небольшой, двор и не знали деления на внешнюю – мужскую и внутреннюю – женскую половины. Недостаток земли в еврейских домах компенсировали устройством под всеми постройками, а также на значительной части двора полуподвального хозяйственного блока, возвышающегося в виде платформы-суфы. Ее плоская, вымощенная кирпичом, кровля служила верхним двором дома – болои-хаули. Остальную, меньшую, площадь занимал нижний двор – руи-хаули, куда вел вход с улицы через крытый коридорообразный проход – рахрау. Из руи-хаули кирпичная лестница вела на верхний двор и в помещения первого этажа.

Дома евреев с еще меньшим участком земли были трехъярусными и, по свидетельству Л. И. Ремпеля «были вытянуты вверх до необычайности. Весь нижний этаж представляла собой тахана (типа подвала), на столбах которой лежал мощеный двор второго этажа. Тахана освещалась через небольшой люк … так, что дворик с люком, зажатый со всех сторон строениями, выглядел глубоким, мрачным и темным колодцем»[142].

В мусульманских дворах также использовали болои-хаули и хозяйственный блок в виде суфы, однако в еврейских домах из-за нехватки земли их применяли чаще, и они занимали относительно большую часть двора.

Не менее важным отличием иудейских домов от мусульманских было то, что в богатых домах гостиные залы – мехмонхона одновременно могли служить и домашней синагогой. З. А. Аршавская отмечает, что «для условий скрытого отправления культа мехмонхона подходила наилучшим образом – просторная, двусветная, нарядно оформленная, она приобрела постоянные признаки – западную ориентацию на Иерусалим … и антресоли для женщин – *израт-нашим* (ивр.) с восточной стороны и отдельным входом с фасада»[143]. В Бухаре для моления женщин использовался традиционный для местных домов шахнишин, раскрытый в мехмонхону арочными окнами. Декор стен таких гостиных включал религиозные надписи на иврите в небольших фигурных панно, «содержащие цитаты из Писания, как правило, идентичные в разных домах»[144], а также иудейскую символику – шестиконечные звезды, раскрытые ладони и др. Таковы, к примеру, еврейские дома Бухары второй половины XIX в.: по ул. Эшони Пир, 22; по ул. А. Тукая, 39; по ул. Аму-Дарьинской, 5 и многие другие. Можно предположить, что эти же особенности были присущи еврейским домам рассматриваемого в книге периода.

Отметим, что к строительству и украшению лучших иудейских домов привлекали известных местных строителей – усто. Архитектура еврейских кварталов донесла до

[142] Ремпель Л. И. Архитектура старого Джуйбара … С. 237.

[143] Аршавская З. А. Жилые дома и синагоги среднеазиатских евреев. // Трансоксиана. М., 2004. С. 238.

[144] Вышенская Т. Результаты экспедиций в Среднюю Азию // Евреи Средней Азии. Прошлое и настоящее. Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 4. СПб, 1995. С. 53.

нас как древние местные традиции зодчества, так и черты самобытной культуры иудеев, что является уникальным и еще недостаточно изученным явлением в истории архитектуры Средней Азии.

Дворцы составляют отдельную категорию жилища. Это крупные, более монументальные по архитектуре и богатые по декору парадные сооружения, среди которых по планировке в Бухаре можно выделить два типа дворцов – дворовой и компактной композиции.

Дворцы дворовой композиции. Наиболее живучей, как мы выявили, анализируя эволюцию архитектуры Средней Азии с VI в. до н. э. по настоящее время, оказалась традиция дворовой организации жилища, то есть двор, застроенный по периметру помещениями, с входом в центре главного фасада, иногда оформленного (во дворцах) в виде портала. Эта оптимальная в местном климате и удобная по структуре планировка оказалась универсальной по функции, и потому была присуща основным типам монументальных культовых сооружений – пятничным мечетям; медресе; иногда суфийским комплексам, ряду крупных гражданских построек – рабатам и караван-сараям, в том числе и зданиям дворцов. Таков по структуре дворец Термезшахов XI–XII вв. в Термезе. В этом строении периметр внутреннего двора обводили жилые помещения, а в глубине двора, напротив входа, размещался зал приемов, богато украшенный первоначально кирпичным, а позже – поверх него – ганчевым декором.

Видимо, такова была, исходя из ряда косвенных исторических данных, планировка некоторых средневековых бухарских дворцов. Например, известно, что правитель Бухары Исмаил Самани в конце IX–начале X в. решил превратить домусульманский дворец в соборную мечеть[145]. Это, вероятно, было нетрудно и удобно сделать при дворовой композиции дворца, поскольку, как отмечает Л. Ю. Маньковская, «в типологии джума-мечетей также преобладали дворовые композиции»[146]. Согласно Кубави, в XII в. «Арсланхан приказал построить дворец в местности Дарвазача, на улице Бу-Ляйса... Во дворце жили бухарские правители много лет, но потом хан приказал обратить дворец в мадрасу для факихов» (ученых)[147]. Зная, что в этот период медресе представляли собой также здания дворовой композиции, можно предположить, что и городской дворец Арсланхана имел схожую структуру плана. Его с небольшими перестройками можно было легко приспособить под медресе. Исследователи предполагают, что на остатках именно этого медресе Арсланхана, которое ранее служило дворцом, на рубеже XVI–XVII вв. было возведено медресе Калобод. Это здание существовало еще в 1930-е гг. и представляло собой обычное медресе с внутренним двором.

[145] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. История Бухары / Пер. Н. Лыкошина. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. С. 26.
[146] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 43.
[147] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. Указ. соч. С. 23.

Такую же дворовую композицию имели и городские дворцы Амира Темура, например, Ак-Сарай в Шахрисабзе и др. Единственным, фрагментарно сохранившимся дворцом указанной структуры XVI–XVII вв. является резиденция бухарских правителей в крепости Арк, где также выделялось несколько смежных дворов с периметральной застройкой помещениями.

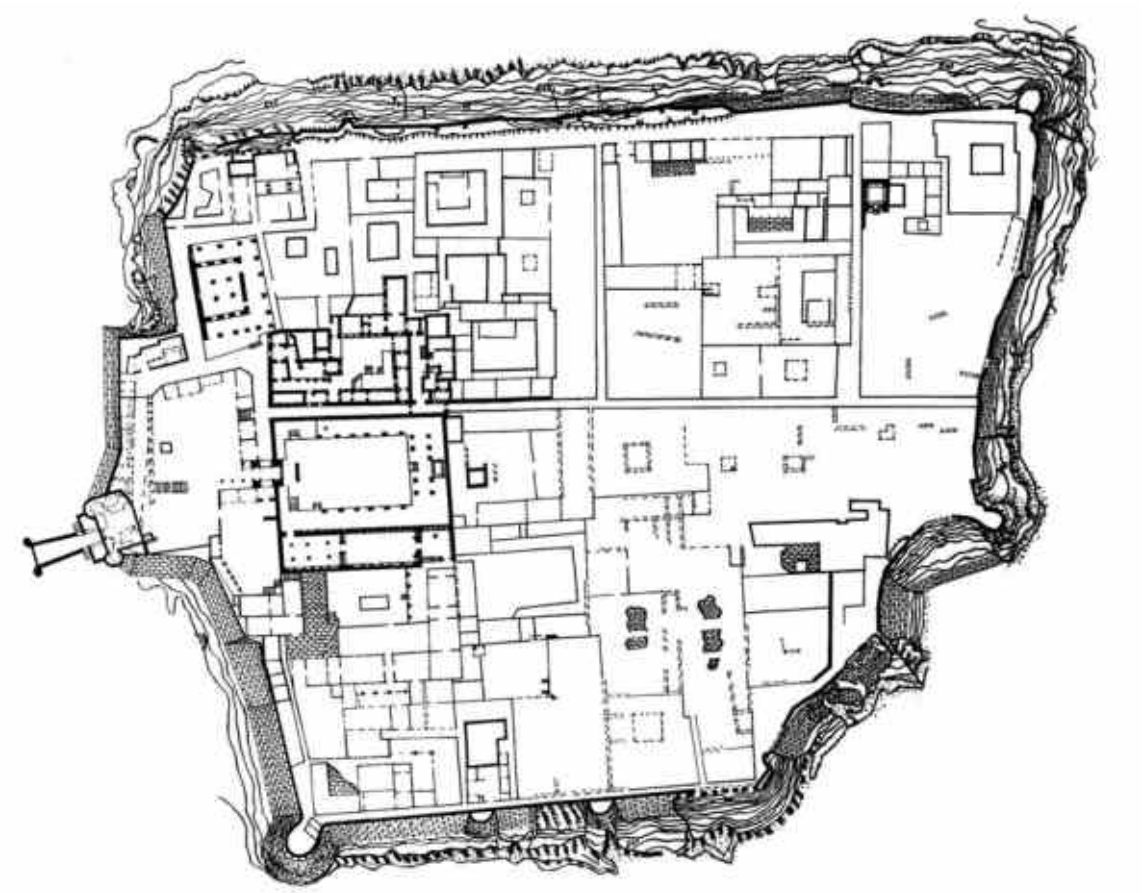
В XIX–XX вв. отдельные дворцы Бухары (старый дворец Ситтораи Мохи Хоса, Гарм Чарбаг и др.), Хорезма (Таш-Хаули и в Куня-Арке в Хиве), Ферганской долины (дворец Худаярхана в Коканде) и других городов Средней Азии также состояли из нескольких замкнутых дворов, застроенных по периметру.

Учитывая эти данные, а также факт живучести и преемственности традиций, особенно в жилой архитектуре, мы можем полагать, что городские дворцы Бухары представляли собой тот же тип дома богатого горожанина, но имели более монументальную архитектуру и богатый декор.

Рассмотрим дворец с группой жилых и хозяйственных дворов, который существовал и в бухарском Арке, сочетающем в себе функции крепости и городской резиденции главы государства. Как отмечалось, Арк – это самое древнее в своей основе сооружение Бухары. В XV в. оно уже было вознесено на более чем 10-метровый культурный слой.

В рассматриваемое время Арк представлял собой целый город, состоящий из тесно сросшихся между собой дворов и двориков эмира, его жен, родственников и чиновников двора. По линии запад–восток, соединяя двое его ворот, в XV – начале XVI вв. проходила главная магистраль крепости, от которой отходили поперечные улицы. Здесь выделялись крупные дворы саломхона (жилище эмира), Куринишхона (тронный зал), саисхона (конюшни), жилые дворы (кушбеги, царевичей, стражи), а также мечеть, мазар и др.[148]. Из сохранившихся дворцовых сооружений наиболее примечательна Куринишхона. Одни исследователи датируют ее 1605–1606 гг.[149], другие приводят данные источников, где эту постройку «приписывают Субханкулихану (1680–1702)»[150]. Здесь обширный вымощенный кирпичом двор был обведен с четырех сторон айванами на высоких деревянных колоннах со сталактитовыми капителями. В глубине двора напротив входа на его продольной оси был установлен мраморный трон – тахт Бухарского хана, датированный 1669 г. Его затенял расписной деревянный балдахин на изящных мраморных колоннах, выполненных нуратинскими мастерами[151]. В Куринишхану вел украшенный майоликой портал, за которым прямо за

[148] Маньковская Л. Ю. Свод памятников истории и культуры Узбекистана. Материалы к тому «Бухарская область». Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М). С-48. № 1152. С. 87. Ташкент, 1983-1984 гг.
[149] Маньковская Л. Ю. Указ. соч. С. 88.
[150] Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк Бухары. Душанбе, 1972. С. 41.
[151] Маньковская Л. Ю. Указ. соч. С. 88.



Арк.
План крепости (по: Андреев, Чехович, 1982)

входом в виде ширмы, закрывающей перспективу двора, располагалась стенка – гулом гард.

Дворцы компактной планировки, расположенные в центре парка-сада – чарбаг, во множестве существовали в архитектуре эпохи Амира Темура и Темуридов.

По данным книжной миниатюры, мы выяснили, что в XV–XVII вв. бухарской школе зодчества был присущ еще один, не дошедший до нашего времени и весьма распространенный тип богатого жилого городского дома, который по характеру архитектуры вполне можно назвать дворцом. Он возводился в центре участка, где перед стро-

Арк. Куринишхана, XVII– XVIII в.
Общий вид со двора (Архив ГлавНПУ, фото начала XX в., 12994/80-1)

Арк. Куринишхана, XVII– XVIII в.
Стенка Гулом-гард

ением располагался двор с небольшим бассейном в центре, а за домом – сад. С улицы участок был огорожен глухой кирпичной стеной, увенчанной зубцами – кунгра, которую прорезают входные ворота, выделенные по высоте и декору.

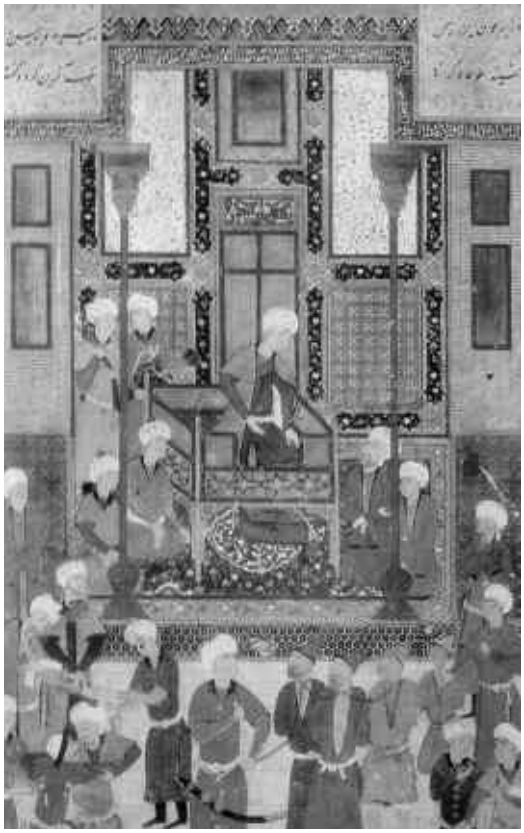
Вероятно, более благоприятные экономические и социальные условия этой эпохи, и особенно XV–XVI вв., способствовали строительству здесь подобных монументальных и богато декорированных жилых домов-дворцов. Сам дом имел компактную многокамерную структуру, прямоугольный или многогранный план, высоту в два–три этажа. В центре дома выделялся крупный, зачастую купольный зал, по сторонам которого в два-три этажа прилегали помещения с различными лоджиями и живописными навесными балконами. Плоская кровля ограждалась высоким парапетом, мостилась кирпичом и служила домочадцам для досуга и сна. Над приемным залом, что в центре дома, часто устраивали световой фонарь. На многих книжных миниатюрах запечатлены сцены, когда женщины наблюдают за происходящим в расположенной в центре дома гостиной с крыши через проемы такого светового фонаря.

Относительно богатым был, судя по изображениям, декор подобных двух трехэтажных особняков – майолика и мозаика панелей стен, изящная стенопись, яркая полихромная роспись потолков, резьба деревянных деталей и проч. Похожую архитектуру имели монументальные загородные дворцы, расположенные в центре традиционных для Мавераннахра обширных благоустроенных садов – чарбаг, с той лишь разницей, что эти здания были крупнее по масштабам и богаче по декору. Перед домом размещали двор с цветниками, декоративными деревьями, бассейном и ручьями, а за ним – фруктовый сад.

Дворец раскрывался во двор портальным входом либо колонным айваном, расположенным в центре богато украшенного главного фасада. В тени глубокой арочной ниши портала или колонного айвана обитатели дома устраивались на отдых, проводили свой досуг и встречали гостей. Таков был, судя по раскопкам, и дворцовый павильон XV в. эпохи Темуридов Давлятабад в Самарканде, где в здании продольно-осевой композиции в центре возвышался, вероятно, двусветный купольный зал с помещениями на его четырех углах и входом в дом через овальный двухколонный айван[152]. Похожий двухколонный айван (но прямоугольный в плане) изображен на бухарской миниатюре «Великодушный визирь избавляет от казни юношу разбойника» к рукописи Саъади «Гулистан»[153].

[152] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества … С. 42.

[153] Пугаченкова Г. А., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии. М., 1979. Ил. 44. С. 142-143. «Великодушный визирь избавляет от казни юношу разбойника», Саъади «Гулистан». Бухара, 1566-1567 гг. ГПБ, ПНС 110, л.12 б.



Кайван айвана во дворце.
Миниатюра «Великодушный визирь избавляет от казни юношу - разбойника», 1566-1567 гг. (по: Пугаченкова, Галеркина, 1979)

Примечательно, что верхний архитрав айвана в центральной части имеет традиционный для этого периода П-образный выступ вверх – «кайван». Отметим, что наиболее ранний из таких кайванов сохранился в Бухаре в монументальном айване ханака-мечети Ходжа Зайн ад-Дина начала XVI в. Здесь кайваны, возвышавшиеся в центре каждой из двух сторон Г-образного в плане айвана, подчеркивали устроенные в этом месте входы в зал мечети.

Изображенные на указанной выше миниатюре крупные сталактитовые капители изящных колонн, кайван с полосой эпиграфики, нижние панели и мелкоузорчатая роспись стен были присущи также сохранившимся в Бухаре гузарным мечетям начала XVI в. Баланд и Ходжа Зайн ад-Дин. Следовательно, методы оформления особняков, дворцов и богатых квартальных мечетей иногда были весьма схожи, и на примере упомянутых сохранившихся мечетей мы можем весьма достоверно представить в реальности декорацию дворцов и богатых домов Бухары XV–XVII вв.

Подобный по архитектуре и расположению дворец изображен в миниатюрах Гератской школы конца XV в. «Пир с музыкантами», «Пиршество» (Королевская библиотека в Винздоре, Султан Али Мешхеди)[154], в миниатюрах Бухарской школы XVI в. (из коллекций США) – «Свадьба Михра и Нахид» (1523 г., Бухара), «Юсуф перед женщинами Египта» (1550-е гг., Бухара)[155] и многих других. Через широкую арку обращенного во двор портала, просматривается интерьер зала и сквозной выход из него в прилегающий к дому с тыла сад. Интерьер зала богато расписан изысканным растительным орнаментом в бело-голубой, бело-розовой либо в бело-кремовой гамме, иногда с изображением фантастических зверушек. По низу стен проходят

[154] Сулейман Х., Сулейманова Ф. Миниатюры к произведениям Алишера Навои XV-XIX вв. Ташкент, 1982. Ил. 94. «Пир с музыкантами», к рук. Навои «Диван», Герат, конец XV в., Виндзор, Королевская дворцовая библиотека; Там же. Илл. 222. «Пиршество», к рук. Навои «Диван», Мешхед, Нац. Библиотека в Париже.

[155] Пугаченкова Г., Галеркина О. Указ. соч. Ил. 15. С. 82. «Свадьба Михра и Нахид», к рук. Ассар «Михр ва Муштари», 1523 г., Бухара. Галерея Фрир. Вашингтон; Там же. Ил. 36. С. 126. «Юсуф перед женщинами Египта», к рук. Джами. «Юсуф и Зулейха», 1550-е гг., Бухара. Частное собрание. США.

майоликовые панели, составленные из шестигранных шашек либо украшенные утонченным растительным орнаментом. Горизонтальный бордюр панели, образуя излом в виде П-образной рамки, окаймляет также и расположенный в глубине зала прямоугольный проем, за которым виден пейзаж цветущего сада или цветника.

Подобно изображению на миниатюрах «Свадьба Михра и Нахид» (1523 г., Бухара), «Царь застает кази пьяным» (1566–1567 гг., Бухара), территорию усадьбы или чарбаг обносили глухим забором, кирпичную поверхность которого украшали вкрапления цветных глазурованных деталей. Главный вход в ограде оформлялся в виде портала, щедро украшенного мозаикой и майоликой, с парапетом из ряда зубцов-«кунгра». На территории чарбаг были разбросаны живописные беседки. Иногда двор с дворцом отделял от расположенного сзади них сада штакетник красного цвета, прерываемый прямоугольной рамой входа.

В XV в. уже был выработан как бы типовой проект разбивки чарбаг, где определяется и расположение самого дворца. Так, в земледельческом трактате «Иршад-аз Зиръа», написанном в Герате в 1515–1516 гг., рекомендовалось устраивать дом со строгой ориентацией по направлению север – юг с раскрытием айвана на север[156]. Отметим, что ориентация летнего высокого айвана на север – это апробированный веками прием, используемый издавна также и в жилой архитектуре Бухарского оазиса.

Сбоку от расположенного перед домом вымощенного дворика-пешгох устраивали легкую беседку самой различной архитектуры. Беседки располагались и в других местах сада. Есть упоминания о беседках, украшенных китайским фарфором. Такова Чинихона («Фарфоровый павильон», XV в.) Улугбека в Самарканде, облицованная плитками подлинно китайского фарфора и частично его местными имитациями на кашине. Возможно, в подражание ей в Стамбуле чуть позже, в 1466–1474 гг., был возведен чинили-киоск (фарфоровый павильон), а в XVI в. в Ардебиле выстроена Чинихона (фарфоровая комната)[157]. Вероятно, в то время существовал образ некоего фарфорового павильона, украшавшего раеподобный сад, вошедшего в поговорки и считавшегося эталоном изысканности и хорошего вкуса. Хафизи-Таниш, восхваляя постройки, сооруженные в чарбаг при могиле Абу-Бакра Са'ада в XVI в. в комплексе Чор-Бакр близ Бухары, пишет о том, что в середине этого чарбаг было выстроено сооружение, стилизующее китайский павильон. Здесь, вероятно, речь идет об использовании в декоре местных имитаций расписного китайского фарфора.

Некоторые ранние сады, разбитые за пределами Бухары, со временем оказались в черте города. Думается, что в центре известных нам по источникам чарбаг Бухары XVI в.

[156] Пугаченкова Г. А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды САГУ. Вып. XXII. Ташкент, 1951. С. 161.
[157] Там же. С. 163.

– Пир-и марза, Абдуллахана (1587 г.), многочисленных садов Средней Азии, принадлежавших шейхам Джуйбари и др.[158], также возвышались дворцы компактной планировки.

БИБЛИОТЕКИ

Искусство рукописной книги известно издревле. С запретов ислама на изображения живых существ на Среднем Востоке интенсивное развитие получило искусство каллиграфии и книжной миниатюры. Последняя, будучи предназначенной в основном для аристократических слоев общества, несмотря на запреты, оставалась чуть ли не единственным видом искусства, где могла еще присутствовать и свободно развиваться живопись с изображением живых существ. Известными библиофилами были многие правители Востока и их придворные.

Представление об архитектуре и устройстве одной из крупнейших библиотек Востока X в. могут дать сведения очевидцев. Так, Ал-Мукаддаси (X в.) пишет, что библиотека халифа Адуд ад-Даула «помещалась в специальном здании, ведали ею управляющий (вакил), библиотекарь (хазин) и инспектор (мушриф). Адуд ад-Даула собрал там все книги, которые только были сочинены до него по всем отраслям знаний. Библиотека состояла из большого вестибюля и длинного сводчатого зала, к которому со всех сторон были пристроены боковые помещения. Вдоль всех стен как самого зала, так и боковых комнат он разместил шкафы из накладного дерева высотой и шириной в три локтя с дверцами, опускавшимися сверху вниз. Книги помещались слоями на полках. Каждая отрасль знания имела свой шкаф и каталог, в который были занесены названия книг. Допуск в библиотеку имели только именитые граждане»[159].

Славилась своими библиотеками и Бухара – один из крупнейших образовательных центров Востока. В 985 г. в городе строится широко известная крупнейшая на Востоке библиотека Саманидов, «Савои Ул-Хикмат», которой пользовались Ибн-Сина, Рудаки, Дакики, Фирдоуси и др. Ибн-Сина восторженно писал, что в этой библиотеке он нашел книги, о существовании которых он не знал ранее и не встретил позднее. Судя по его сведениям, библиотека представляла собой многокомнатное сооружение, где «книги хранились в особых сундуках, расставленных в отдельных комнатах по тематике»[160].

Существовало большое количество частных библиотек знатных и образованных людей. Помимо этого, почти каждые крупные мечети и медресе имели свою библиотеку.

---

[158] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVII вв. Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман. Ташкент, 1985. С. 187.

[159] Мец А. Мусульманский ренессанс / Пер. с немецкого. Предисловие, библиография и указатель Д. Е. Бертельса. М., 1966. С. 146.

[160] Вафоев О. Бухоро – дуне уйғониш даврининг барча босқичларига муҳим таъсир кўрсатган Ўзбекистон ренессанси бешикларидан бири // Узбекистан – вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура. Тезисы. Вып. III. Ч. I. Бухара, 1995. С. 28.

Библиотеки Мерва (ныне городище Старый Мерв в Туркмении) предмонгольского времени были настолько богаты книгами, что, не в силах оторваться от них, путешественник Йакут задержался там на три года. О мервских библиотеках Йакут писал: «В то время как я его покидал (в 1219 г. – незадолго до наступления Чингизхана), там (в Мерве) было десять книгохранилищ – вакфов. Во всем мире я не видал подобных им по количеству и превосходству их». Две из них находились в соборной мечети, третья – в ханака и остальные библиотеки – в разных медресе. Одну из библиотек, расположенных в мечети, называли «Азизийе», и пожертвовал ее кравчий главы тюрков-сельджукидов Султана Санджара Азиз ад-Дин Абубекр. В ней было около 12 тысяч томов. В библиотеке мервского ханака Думайрийе было легко получать книги, и Йакут без какого-либо залога держал у себя по 200 дорогостоящих книг[161].

Пример устройства многокомнатной дворцовой библиотеки.
Могольская миниатюра «Художники и каллиграфы за работой», 1590-1595 гг. Собрание принца Садруддина Ага-хана

Монголы неоднократно жгли, рушили и грабили города Средней Азии и даже те, которые позже им же принадлежали, например, Бухару[162].

В пылу пожарищ горели и библиотеки. Так, в Бухаре как редкий для монгольского времени пример в XIII в. было выстроено два крупных медресе – Маъсудийе и Хайнийе, рассчитанных на тысячу учащихся каждое. Их возвели правитель Бухары Маъсудбек и его мать. Однако и эти сооружения при монгольских междоусобицах постигла участь многих зданий. «Медресе Маъсудбека, величайшее и самое благоустроенное из медресе тамошних, они (монголы) зажгли и сожгли его вместе с редкостными книгами»[163].

Традиция создания и содержания крупных общественных и частных библиотек стала вновь возрождаться в Средней Азии вместе с укреплением и ростом го-

[161] Якут. «Китаб муъджам ал-булдан» Извлечения // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том 1. Под ред. С. Волина. Арабские и персидские источники. М.-Л., 1939. С. 434.
[162] Петрушевский И. П. Из истории Бухары в XIII в. // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 1. М., 1949. С. 105-106.
[163] Там же. С. 107.

сударства Темуридов. В рассматриваемое нами время (XV–XVII вв.), как и прежде, крупные библиотеки являлись не только местом хранения, но и местом создания (переписки, иллюстрирования и переплета) рукописной книги.

Одна из лучших библиотек была у главы государства Темуридов Шахруха (1409–1447 гг.) в его столице Герат. Любовь к книгам и воскрешение традиций восточного книголюбия обусловили создание здесь наиболее яркой в это время гератской школы миниатюры, где были воспитаны и работали такие известные миниатюристы Востока, как Мирак Наккаш, Камал ад-Дин Бехзад и др., а также знаменитые каллиграфы, позолотчики и другие известные специалисты книжного дела.

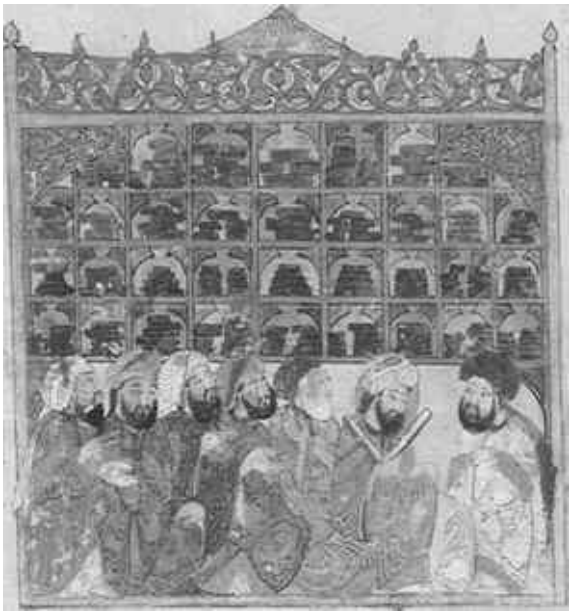
Нам удалось выявить сведения об одном небольшом здании в Бухаре, которое предположительно могло быть частью библиотеки Ходжа Порсо темуридского времени и/или его чилляханой.

Вакфные документы свидетельствовали о том, что в 1407–1408 гг. известный суфий Мухаммад Ходжа Порсо в Бухаре выстроил библиотеку, расположенную на территории шахристана – древней части города, на улице Дехканов в квартале Куи Дехкан (в XX в. этот квартал называли Мулло Пайрави). До начала XX в. здесь сохранилось небольшое сооружение, которое считалось святыней квартала – чилляханой Ходжа Порсо и вплоть до революции (1917–1920 гг.) «содержалось в порядке, над ним возвышался шест с хвостом яка»[164]. Эту же постройку порою трактовали как мактаб или же как библиотеку Ходжа Порсо. Нам удалось выявить архивные сведения об архитектуре этого сооружения. Так, осмотревшие его в 1936 г. специалисты Узкомстариса В. А. Шапошников и др. свидетельствовали, что «здание это очень небольшое, мало заметное, вросло сильно в землю. Это простой восьмиугольный в плане зал, перекрытый куполом и, в сущности говоря, внутри здания на всех (восьми) стенах имеются ниши с полками. Любопытна довольно дверь, обитая железом… Вход к двери идет определенно вниз и довольно значительно, ступеньки три-четыре… (освещение) через световой фонарь наверху»[165]. Из этого описания явствует, что постройка представляла собой небольшое однокупольное восьмигранное в плане сооружение, на всех восьми гранях которого были устроены ниши. С одной стороны, здесь имеются все необходимые признаки библиотеки – верхнее освещение, ниши с полками в стенах, удобными для размещения там рукописей, а также дверь, обитая (возможно, позднее) железом для защиты книг от пожара. С другой стороны, это помещение слишком мало для крупной и знаменитой библиотеки Ходжа Порсо, поэтому автор данных строк не исключает, что это сооружение могло служить лишь небольшим филиалом библиотеки суфия, где он мог подолгу уединяться. Вероятно, поэтому, эту постройку также называли чилляханой Ходжа Порсо, чему, впрочем,

[164] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 183, 221.

[165] Стенографический отчет второй конференции Узкомстариса. 1936. Смена 25, 8/1 вечер. Архив ГлавНПУ при МК РУз. С. 58.

не противоречит и архитектура данного однокамерного восьмиугольного купольного здания, соответствующая функциям чилляханы.



Пример хранения книг на полках. Библиотека в Хульване в Иране.
Миниатюра из сборника «Собрание макам» аль-Харири. Художник Аль-Васити. Багдадская школа, XIII в. Национальная библиотека в Париже

Придя к власти, Шейбаниды, наверняка, захватили библиотеки своих предшественников. Более того, при вновь возводимых медресе они учреждали новые книгохранилища. Об одной из таких библиотек, открытых при Самаркандском медресе Шейбанихана начала XVI в., свидетельствуют данные вакфных грамот. В них говорится, что Михр Султан-Ханым (жена старшего сына Шейбанихана Мухаммада Темур Султана) приказала приготовить и положить в сундуки «редкие книги». В пользу этой библиотеки был выделен вакф, в котором определялись функции библиотекаря, обязанности по выдаче книг, их реставрации, приобретению новой литературы, а также по свидетельствованию их печатью с именем учредителя вакфа[166]. Приводится сумма, израсходованная на ремонт здания. Из этих данных мы не можем узнать об архитектуре данной библиотеки, и было ли это вообще отдельное здание, а не несколько выделенных для нее помещений в медресе. Однако, судя по этим сведениям, можем утверждать, что традиция учреждения библиотек при медресе продолжалась при Шейбанидах с первых лет их правления, что книги хранились в отдельных сундуках, вероятно, по тематике, как это было уже в X в. в книгохранилище Саманидов, о котором писал еще Ибн-Сина.

Судя по историческим данным, библиотеки (китобхона) с должностью заведующего (китобдор) были, вероятно, во многих медресе. К примеру, в вакф-наме 1535 г., составленного на медресе Гозиён, оговорены обязанности китобдора «хранить и оберегать книги из библиотеки медресе, выдавать их студентам и при этом вести учет выдачи книг»[167].

В дарственной грамоте 1594 г. в пользу другого бухарского медресе, где речь идет о пожертвовании около 450 книг в пользу библиотеки, в обязанности ее заведующего

[166] Мукминова Р. Г. Медресе Мухаммад Шейбанихана // К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. по материалам «Вакф-наме». Ташкент, 1966. С. 23.
[167] Казаков Б. А. Документальные памятники … С. 11.

вменяется на выделяемые деньги произвести ремонт помещения, отреставрировать существующие и докупить новые книги[168].

В целом, судя по вакфным документам, библиотеки некоторых медресе «носили общедоступный характер, и книгами из их фондов могли пользоваться как горожане, так и приезжие»[169].

В первой половине XVI в. в источниках упоминается библиотека Убайдуллахана I. «Конечно же, придворная библиотека не могла спонтанно возникнуть на пустом месте. Известно, что … (они) в течение всего XV в. существовали при дворах правителей в Бухаре и Самарканде»[170], справедливо считает О. Ф. Акимушкин.

Вероятно, библиотека после смены правителей автоматически переходила в собственность либо победителей, как престижный трофей, либо к преемникам, как законное наследство. Шейбани-хан, не уступавший в образованности темуридской элите, также уделял своей библиотеке очень большое внимание, пополняя ее в набегах на Хорасан и другие регионы, а также собирая там лучших мастеров книжного дела[171]. Абдулазизхан I продолжил пополнение библиотеки своего отца. В рукописи «Музаккир ал-асхаб» имеются сведения о «библиотеке Абдулазизхана в Бухаре, не имевшей себе равных на всем свете»[172]. Хасанходжа Нисори писал: «У этого хана (Абдулазиза I) была такая библиотека, что я не знаю, была ли еще у кого-нибудь на свете подобная ей. Руководил ею один из лучших библиотекарей Амир Али Хусайний, который был непревзойденным во владении почерком насталик и «письмом райхон». Здесь работали лучшие каллиграфы своего времени (например, Султан Мирак Мунши) и миниатюристы (не хуже чем Мани и Бехзад)»[173]. Эту библиотеку называли «Нафоис-ул-маосир». В один из походов на Хорасан Абдулазизхан I захватил библиотеку темуридского правителя Хусайна Байкара[174], которая пополнила его личное книгохранилище. Известно, что Камал ад-Дин Бехзад, некоторое время работавший в книгохранилище Алишера Навои, позже возглавлял вышеназванную библиотеку Султана Хусейна, которой до него (в 1480-е гг.) руководил его учитель – Мирак Наккаш[175] (некоторые рукописи этой библиотеки хранятся ныне в музеях и библиотеках Англии, Франции и других стран). Не обошел своим вниманием это учреждение и Абдуллахан II, для которого был исполнен или дооформлен и украшен миниатюрами ряд прекрасных рукописных книг.

Хафиз-и Таниш – историограф Абдуллахана упоминает еще одну, вероятно, частную библиотеку, принадлежавшую маулане Мир муфтию в Бухаре – 1558 г.[176]

---

[168] Там же, 1987. С. 11.
[169] Там же, 1987. С. 12.
[170] Акимушкин О. Ф. Библиотека Шейбанидов в Бухаре XVI в. // Из истории культурного наследия Бухары. Вып. II. Бухара, 1987. С. 90.
[171] Там же. С. 11.
[172] Хасанходжа Нисорий. Музаккири Ахбоб / Пер. с фарси на узб. Исмаила Бекжона. Ташкент, 1993. С. 164.
[173] Там же. С. 47.
[174] Там же. С. 302.
[175] Сулейман Х., Сулейманова Ф. Указ. соч. С. 21.
[176] Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии … С. 53.

К сожалению, помимо помещений библиотек, входивших в состав уцелевших медресе, до настоящего времени не сохранились ни сами здания библиотек, ни точные описания их архитектуры. Исходя из вышеизложенного, можно лишь заключить, что:

1. Издревле в Бухаре, как и на всем Среднем Востоке, существовали различные библиотеки. Самые крупные из них были у правителей, в мечетях, медресе, ханака и у состоятельных частных лиц. Помимо других способов, книги в XV–XVII вв., как и в X в., могли хранить в сундуках, где они были разложены по тематике.

2. Как и на Среднем Востоке, библиотеки, часто описываемые как «лучшие в мире» или «каких не видел свет», были и у правителей Бухары.

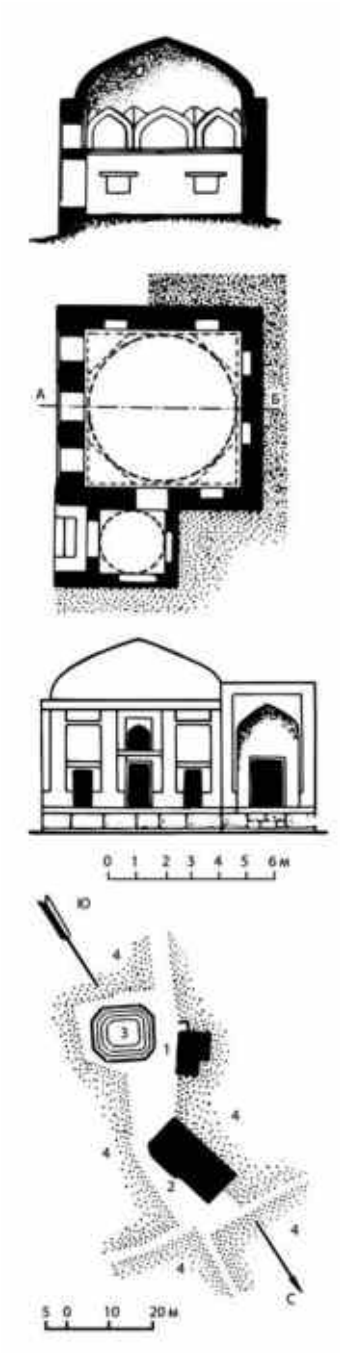
3. В медресе и мечетях под библиотеку отдавали несколько залов. В медресе они нередко находились в помещениях над вестибюлем-мионсараем, а именно – в зале и в прилегающих к нему худжрах в запортальной части главного фасада. Вход в библиотеку, находящуюся в медресе, осуществлялся из мионсарая по винтовым лестницам, размещенным в теле входного портала, в угловых цилиндрических башнях – гульдаста. Например, в медресе XVII в. Абдулазизхана II библиотека располагалась над вестибюлем на втором этаже и занимала купольный зал и две худжры, прилегающие к нему по одной сбоку. Зал был богато расписан и украшен сталактитовым сводом ироки. Такое же расположение имели библиотеки и во многих других медресе Бухары XVI в. – Мир-и Араб, Кукельдаш, Абдуллахана, вероятно, Малого Гозиён и др.

4. Существовали и частные библиотеки, например, Мир-Муфтия 1558 г. Как вариант небольшой библиотеки или ее филиала, наверное, совмещавшей функции чилляханы, можно привести постройку Ходжа Порсо начала XV в. в виде отдельно стоящего восьмигранного купольного здания, со световым фонарем в зените свода и нишами в стенах.

Таким образом, подтверждается мнение Л. Ю. Маньковской о том, что в типологии библиотек не было выработано каких-либо жестких канонов архитектуры, как это было в зданиях бань, медресе и др. Мы уточнили, что функции библиотеки могли выполняться в специальном здании, группе комнат или даже в единственном помещении. Основным критерием при этом были условия для содержания книг – полки, ниши или сундуки, где книги размещались по тематике, а также достаточное освещение, как вариант – сверху, через световой фонарь.

МАКТАБЫ

Начальные образовательные и духовные школы – мактабы – размещались в основном в квартальном центре в комплексе с гузарной мечетью, святым местом и др. Мактабы в целом предназначались для мальчиков. Судя по изображениям миниатюр XV-XVI вв., в этот период девочки до определенного возраста еще могли обучать-



Мактаб Кози Файзи в г. Бухара, XVI в.
План (по: Ремпель, 1981)

ся вместе с мальчиками, вероятно, только в придворных школах. В основном же девочки обучались на дому у учительницы.

Здания мактабов не имели строгой типологии, свидетельство чему – сохранившиеся в Бухаре мактабы и данные книжной миниатюры. Поэтому в зависимости от величины и монументальности сооружения мы условно выделяем три категории мактабов – малые, средние и крупные.

Малые мактабы состояли из зимнего классного помещения – дарсхоны и прихожей (как пример – мактаб более позднего времени Кази Файзи), иногда они решались еще проще. Например, сохранившийся в комплексе Чор-Бакр мактаб XVI–XVII вв. состоял из единственного помещения с двумя входами. Дарсхоны в основном освещались через проемы верхнего светового фонаря. Фасады зданий были покрыты облицовочной кирпичной кладкой, и, вероятно, местами (тимпаны, панно) были украшены полихромным глазурованным декором.

Средние мактабы были одноэтажны, многокамерны, имели непременно – колонный или сводчатый айван, а также несколько учебных комнат, среди которых выделялся более крупный купольный зал в центре здания. Подобный мактаб изображен на миниатюре «В школе» к Бухарской рукописи начала XVII в. Дурбека «Юсуф и Зулейха»[177]. Такова же архитектура частично сохранившегося здания мактаба XVI–XVII вв. в Бухаре. В его плане вокруг центрального более крупного купольного зала, освещенного сверху световым фонарем, располагались меньшие сводчатые помещения. Так, с северо-запада к центральному залу примыкали расположенные вдоль нынешнего главного фасада купольный зал, купольный вестибюль, глубокий айван на колоннах, раскрытые наружу проемами. С северо-востока к центральному залу прилегало восьмигранное купольное помещение с выходами на колонный айван и на улицу. По три небольшие худжры

[177] Полякова Е. А., Рахимова З. И. Миниатюра и литература Востока. Ташкент, 1987. Ил. 100. «В школе», Дурбек «Юсуф и Зулейха». Бухара, 1615 г. Каллиграф Мухаммад Сайид ибн Мирза Мухаммад. Ркп. ИВ АН РУз, 1433, л. 59.

Школа в комплексе Чор-Бакр.
Общий вид

располагалось с юго-востока (две из них купольные) и юго-запада (с сомкнутыми сводами) от центрального зала.

Далее мы предлагаем свою интерпретацию первоначальной структуры данного здания мактаба и теоретическую реконструкцию его расположения на участке, подтвержденную архитектурой сохранившейся части самого сооружения. Первоначально главным, на наш взгляд, являлся глухой юго-восточный фасад с единственным входом с улицы в восьмигранный вестибюль. Он, как уже упоминалось, вел в расположенный сбоку от него центральный зал и в помещенный напротив него колонный айван. Северо-западный и юго-западный фасады, судя по раскрытию наружу проемами и айваном, были обращены на прилегающий внутренний двор. Из них более парадным являлся северо-западный дворовый фасад, раскрытый во двор

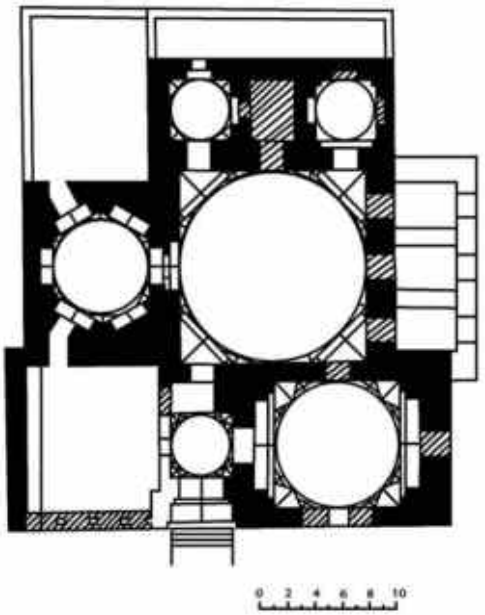
Миниатюра «Лайли и Маджнун в школе», 1495 г. *(по: Полякова, Рахимова, 1987)*

Мактаб в г. Бухара, XVI в.
Общий вид

глубоким колонным айваном, аркой дворового входа и весьма крупным арочным проемом второго по величине купольного зала. В перспективе и на оси названного арочного проема второго зала просматривалась анфилада дальних комнат мактаба. Таким образом, здесь можно наблюдать изображаемый на миниатюрах тот же прием раскрытия помещений мактаба на прилегающий дворик колонным айваном и крупным глубоким арочным проемом.

Декор этой категории школ был богаче, чем в зданиях малых мактабов, и состоял из стенописи интерьеров, майоликовых акцентов на фасадах и др.

Крупные мактабы. Наиболее монументальные сооружения этого типа, судя по миниатюрам, строили из жженого кирпича и щедро украшали разнообразным декором. По архитектуре они часто представляли собой портально-купольное здание с центральным купольным двухсветным залом и помещениями в два этажа



Мактаб в г. Бухара, XVI в.
План

на его углах. Часто строение своим пышно декорированным глубоким портальным айваном было обращено на вымощенный огороженный двор, где и велись занятия в теплое время года.

Так, в миниатюре «Мактаб» рубежа XV–XVI вв. к рукописи Навои «Диван» портальный вход в здание мактаба раскрыт в прилегающий двор глубокой арочной нишей[178]. Стены в интерьере школы покрывает изящная роспись растительного рисунка и панель, набранная из шестиугольных майоликовых плиток.

На другой миниатюре конца XV в. «Лайли и Маджнун в школе» к рукописи Низами «Хамса» купольное здание мактаба обращено на благоустроенный двор с фонтаном и крупным деревом, в тени которого занимаются группы учеников. Здание богато украшено майоликой и мозаикой[179].

Разумеется, мактабы, представленные на миниатюрах, создают не точную копию, а некий образ здания этого типа, часто приукрашенного. В то же время, по изображениям школ на миниатюрах можно уловить черты архитектуры построек этого типа.

Следует отметить, что в архитектуре зданий мактабов бухарской школы не было четкой типологии так же, как и в зданиях библиотек. Все мактабы имели прилегающий двор и нередко обращенный на него колонный айван. В соответствии со значимостью и категорией мактаба интерьеры их украшали стенописью и майоликовыми панелями, а фасады – глазурованным полихромным декором, выделяя локально детали портала (тимпаны, китоба, панно).

БОЛЬНИЦЫ

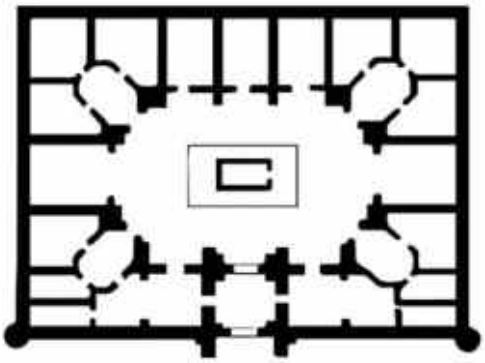
Мавераннахр, в частности Бухара, известны своими достижениями в медицине и своим институтом народного целительства – табибами. Самым знаменитым среди медиков Бухары был Абу Али Ибн-Сина, или Авиценна, всемирно известный ученый-энциклопедист, автор многотомного трактата «Канон врачебной науки». В благодарность за исцеление правитель государства Саманидов (X в.) разрешил Ибн-Сине работать в личной библиотеке, считавшейся в то время одной из лучших на Востоке.

Отметим, что в Бухаре как во времена Ибн-Сины, так и позже, были и другие талантливые медики, авторы книг о целительстве. Известны современники Ибн-Сины: его учитель – Мансур ал-Кумри (ум. в 999 г.), Абу Бакр Раби ал-Бухари (ум. в 988 г.), Яхъя ибн-Иса ал-Бухари (ум. в 1100 г.), а также многие другие табибы. Среди их последователей – такие позднесредневековые правители Мавераннахра, написавшие специальные трактаты по медицине и лично занимавшиеся медицинской практикой, как хивин-

[178] Сулейман Х., Сулейманова Ф. Указ. соч. Ил. 109.

[179] Полякова Е. А., Рахимова З. И. Указ. соч. Ил. 40. «Лайли и Маджнун в школе» (художник Касим Али) 1495 г. Низами «Хамса». Ркп. Британского музея, Лондон, От 6810, л. 106.

Медресе Дору Шифо, XVII в.
Фрагмент здания на фоне Арка



Медресе Дору Шифо, XVII в.
План (по: Уралов, 1992)

ский хан Абулгази Бахадыр (1643–1663 гг.), автор труда «Манофиъ ул-инсон» («Польза для людей»), а также бухарский хан Субханкули (1680–1702 гг.) – создатель крупного произведения «Ахе ут-тибби Субхоний» («Оживление целительства Субханкулихана»).

В 1682 г. Субханкулихан выстроил на площади Регистан в Бухаре больницу, известную как медресе Дору-Шифо[180].

Судя по источникам, больницы–маристаны, выстроенные в благотворительных целях за государственный счет со стационарной и поликлинической формами лечения, были известны на Востоке, в частности, в Сирии и Египте, уже с VIII в.[181]. Как справедливо отмечает Л. Ю. Маньковская, «этот комплекс осуществлялся в дворовой или многодворовой пространственной организации с секционной или галерейной застройкой»[182].

Маристаны обеспечивались вакфным имуществом, на прибыли с которого содержали больницу, включая ее имущество, весь медицинский и хозяйственный персонал, а также питание, пребывание, лечение и медикаментозные средства для больных.

В Средней Азии в XI в. аналогичные «дома для больных», видимо, называли «бемористон». Один из них был организован Ибрагим-Тамгач-ханом в 1065–1066 гг. на

[180] Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936. С. 84.
[181] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 91.
[182] Там же. С. 92.

территории, что вблизи нынешнего Регистана в Самарканде[183]. Судя по его вакфному документу, лечебница представляла собой здание типа медресе, т. е. его внутренний двор был обстроен секционными рядами худжр и несколькими крупными залами мечети, джамаатханы (общественный зал) и др.

Побывавший в Средней Азии Ибн Баттута сообщает: «В Хорезме (в г. Куня-Ургенче) есть лечебница, в которой работает сирийский врач по нисбе Сахйуни»[184]. Ибн-Баттута называет этот медицинский комплекс привычным на его родине термином «маристан».

Видимо, уже в период развитого и позднего средневековья больницы стали называть дар-уш шифо, шифоийия. Так, лечебница, выстроенная знаменитым поэтом Алишером Навои в 1480–1481 гг. в Герате на берегу канала Инджиль, называлась «Шифоия». Есть сведения, что в XVI в. в окрестностях Ташкента также была выстроена больница Шифохона[185].

О здании больницы, сооруженной в Бухаре Субханкулиханом в исследуемое нами время, мы можем привести более подробные сведения, поскольку оно существовало еще в начале XX столетия.

В источнике XVIII в. говорится: «По вступлении на престол Бухары (Субханкулихан) приказал построить в пределах Регистана такой водоем, который бы напоминал о Земземе. И там же построил здание, которое предназначил для лечебницы (дар-аш-шифа) с тем, чтобы там находились опытные врачи и лечили больных (врачебными) питиями и пищей»[186].

Дору-Шифо было возведено Субханкулиханом к северу от входных ворот в его городскую резиденцию – Арк. Прямоугольный план этой небольшой одноэтажной больницы, совмещавшей функции медицинского медресе, включал восьмигранный двор, обстроенный худжрами, и водохранилище-сардоба в центре двора. Кроме больничных палат, здесь был общественный зал (джамаатхана), библиотека медицинской литературы, столовая, аптека и амбулатория[187]. Здесь преподавал ученый-медик Миркасим Хаким. Среди 18 худжр этого медицинского центра были предусмотрены специальные помещения для лаборатории, а также для приготовления лекарств и снадобий. Лечение было бесплатным и проводилось как амбулаторно, так и стационарно[188].

«По вакфному документу, это здание предназначалось специально для обучения в нем молодых людей медицинским наукам (конечно, вместе с религиозными нау-

[183] Там же. С. 92.
[184] Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. С. 73.
[185] Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV-XVII вв. Ташкент, 1985. С. 104.
[186] Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история / Пер. и прим. А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 184.
[187] Уралов А. С. Больничные учреждения средневековой Средней Азии // Маскан. 1992. № 1. С. 15.
[188] Хасаний М. Бухорода табобат фани ривожи тарихидан // Шарқшунослик, Ташкент, 1997. № 8. С. 7-8.

ками)»[189], поэтому его называли медресе Дору-Шифо. Оно и по архитектуре напоминало медресе. В центре главного (западного) фасада, обращенного на площадь, возвышался пештак. От него расходились крылья с тремя декоративными плоскими нишами на каждой стороне. Углы фасада фланкировали массивные башни-гульдаста, завершенные световыми фонарями. Крупные двухсветные залы этого сооружения были перекрыты куполами со световыми фонарями в зените, которые просматривались снаружи.

Эта больница-медресе в Бухаре имела стандартное для аналогичных сооружений Средней Азии расположение – среди базаров, вблизи соборной мечети. Здание было удобно, ибо, как отмечалось, имело свой водный источник – сардоба и озелененный дворик. Приведенные выше сведения о ныне утраченной средневековой больнице Дору-Шифо в целом дают нам представление об архитектуре и функциях данного редкого типа зданий в рассматриваемое время.

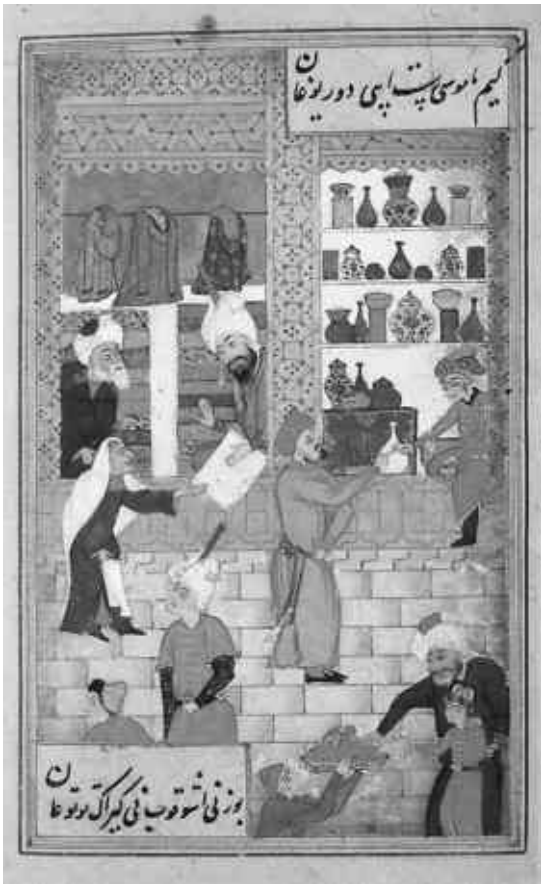
ТОРГОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Великий шелковый путь, проходивший по территории Средней Азии и функционировавший здесь со второй половины II в. до н. э.[190], активизировал внутреннюю и международную торговлю региона. Это обусловило издревле обусловило развитие отлаженной инфраструктуры различных торговых заведений в городах и местностях, расположенных вдоль этой торговой магистрали. В рассматриваемое время в Бухаре продолжалось активное развитие ремесел и торговли, рассчитанных на международную торговлю с сопредельными странами. В городе существовала разросшаяся система торгово-ремесленных учреждений, шла бойкая торговля в многочисленных лавках, крытых рынках и базарах, специализировавшихся на продаже определенных видов товаров.

Дуканы (лавки) были самым примитивным торговым сооружением для производства и сбыта продукции либо просто для торговли. Лавки были в виде простого навеса – айвана «с одной стеной и крышей», либо помещения с плоской «деревянной крышей» и часто прилегающим к нему по фасаду айваном, иногда такая лавка была двухэтажной, с балаханой в верхнем (втором) ярусе[191]. Блокировка таких дуканов создавала торговые ряды – раста, которые тянулись по сторонам торговых улиц Бухары. Проезжая часть таких улиц часто перекрывалась для защиты от зноя и осадков плоским деревянным балочным перекрытием на стойках. Поверх балок перекрытия устраивали легкий настил из камыша или соломенных циновок. Нередко

[189] Шишкин В. А. Указ. соч. С. 85.
[190] Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 11.
[191] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества … С. 54-55.

производили более прочные перекрытия из деревянного настила, поверх которого укладывали слой камыша, а сверх него – глиняную кровлю, которая хорошо спасала от зноя и холода. Издревле известны крытые таким образом торговые улицы крупных городов Среднего Востока. В периоды расцвета государства такие улицы в проезжей части перекрывались более мощными конструкциями – преимущественно купольной галереей из жженого кирпича. Таковы были, по описанию Клавихо, торговые улицы, выстроенные Амиром Темуром в Самарканде, об одной из которых он писал: улица «сверху вся была накрыта сводом с окошками, через которые проходил свет»[192]. Но в основном преобладали вышеописанные облегченные варианты – деревянный стоечно-балочный каркас с обшивкой плоской кровли перекрытия деревом, выстилкой камышом либо другим материалом.

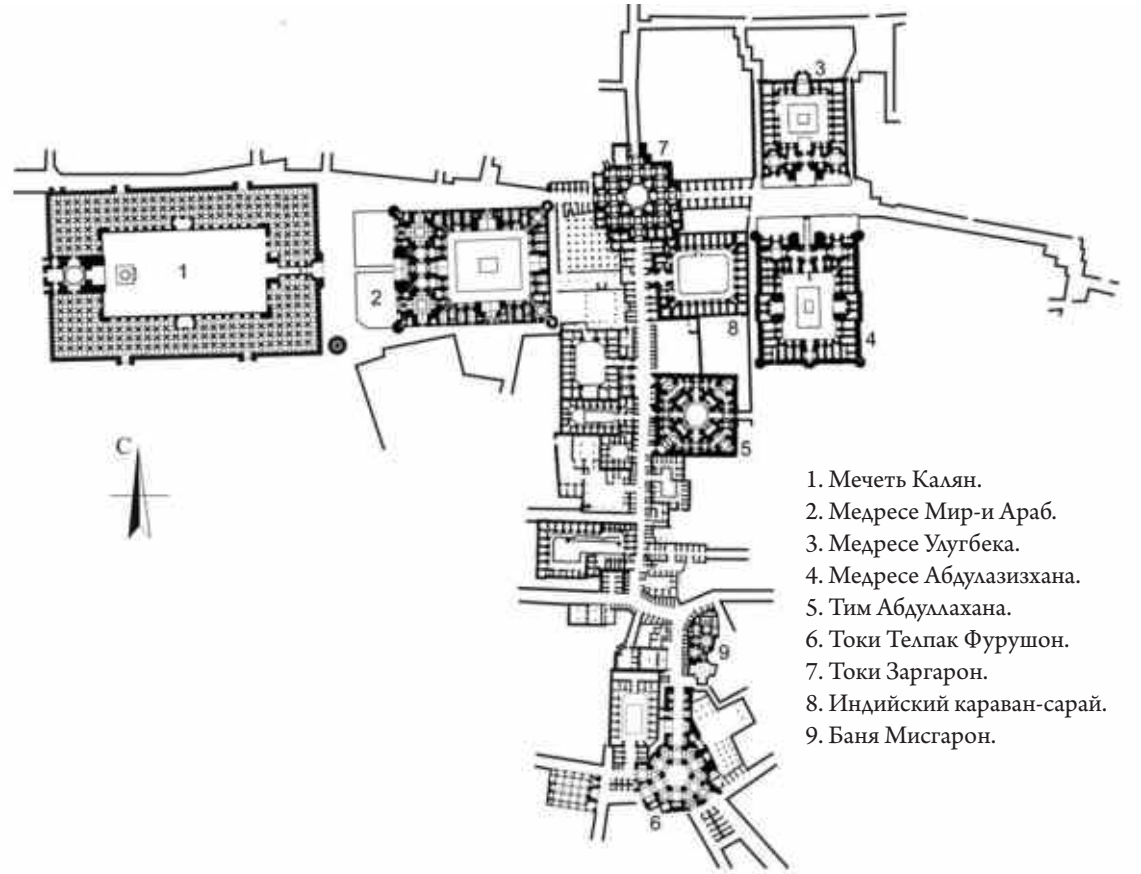


Дукан. Миниатюра «Торговый ряд», 1553 г.
(по: Сулейман, Сулейманова, 1982)

В эпоху раннего и развитого средневековья городские рынки и торговые улицы Согда арабские источники называли «сук», а те, что на перекрестках, получили название «чорсу». В ряде восточных стран, а также в Мавераннахре на перекрестке торговых улиц сооружали купол – «так», от которого в четыре стороны расходились улицы, нередко крытые цепью куполков. Отрезок такой крытой улицы XVI в., отходящей рукавом от купола над перекрестком, сохранился и поныне при бухарском торговом куполе Токи Телпак Фурушон.

Во второй половине XVI в. Бухара стала центром частного предпринимательства, кредита и обмена денег. Активизировалась деятельность саррафов, занимавшихся в основном обменом иностранной валюты на местную, крупных денег – на мелкие и наоборот, а также ростовщичеством, хранением денег и ценностей. Еще в «XI в. товарно-денежные отношения приобрели характер кредитно-вексельной системы»[193], что практиковали и в Бухаре рассматриваемого времени, где саррафы также выда-

[192] Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. И. С. Мироковой. М., 1990. С. 135.
[193] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 53.



Схематический план застройки торговой улицы Бухары
(по: Лавров, 1950)

вали «деньги по чекам, предоставленным достойным доверия людям в других городах и странах»[194]. В Бухаре существовали: Дом менял – Сарраф-хона; караван-сарай саррафов; и даже целый квартал Саррафон с одноименными улицей, мостом, мечетью, с сохранившимися и функционирующими и поныне торговым куполом и баней Саррафон. «Известно, что шариат запрещал мусульманам заниматься ростовщичеством. Однако в обход запрета отдельные лица прибегали к завуалированной форме взимания процентов с предоставленной ими денежной ссуды. При этом в акте исчисление ростовщического процента выражалось платой якобы за хранение какого-либо предмета домашнего обихода, например, обычного ножа, принадлежащего человеку, получившему ссуду»[195].

Специализация крытых рынков и торговых заведений на определенных видах товаров, судя по источникам, существовала в городах Средней Азии и, в частности,

[194] Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV-XVII вв. Ташкент, 1985. С. 119.
[195] Мукминова Р. Г. Бухара – столица ханства, город купцов и искусных мастеров // ОНУ. 1997. № 9-11. С. 56.

в Бухаре еще в доисламское время[196]. Эту специализацию отмечали и авторы XVI в. Например, английский путешественник Антони Дженкинсон писал о Бухаре: «Каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок»[197]. Такую же особенность имели и лавки-дуканы, что красочно проиллюстрировано на бухарских миниатюрах «Шейх Санъан в торговом ряду» и «Торговый ряд» к рукописи Алишера Навои «Лисан ат-тайр»[198].

Во внутренней и особенно во внешней торговле принимали активное участие представители светской и духовной знати. В вакфных документах как владельцы торговых сооружений фигурируют правитель Бухары Баки Тархан и Лятиф Мирек – приближенный Убайдуллахана I[199] и др.

Известно, что Ходжа Ислам на протяжении 1544–1563 гг. скупил 104 лавки и мастерские, а Ходжа Саʿад позже выстроил еще 12 коммерческих объектов – «дуканов, торговых рядов (расти-базар), крытых базаров, караван-сараев и торговых бань»[200].

В рассматриваемое время, особенно в XVI в. многие гражданские сооружения Бухары были значительными и весьма интересными по архитектуре. До наших дней сохранились монументальные торговые сооружения Бухары того времени – три «така» и «Тим», до сих пор используемые по первоначальному назначению.

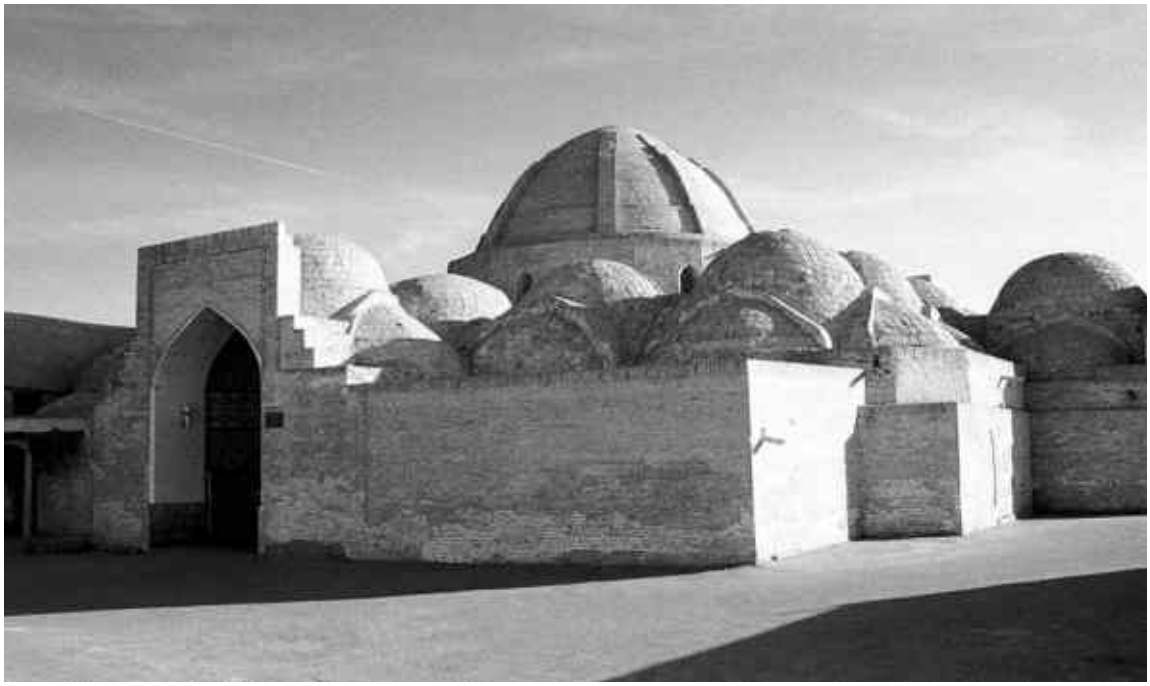
Торговые купола – токи, как и в прежние периоды, строились над перекрестком торговых магистралей.

До недавнего времени исследователи, исходя из хронограммы бухарского поэта Мушфики, относили строительство этих торговых куполов в Бухаре к 1586–1587 гг. В настоящее время на основе вакфных документов и архитектурной эпиграфики уточнены даты строительства некоторых торговых куполов и тима.

В XVI в. в Бухаре было возведено несколько монументальных по архитектуре торговых куполов с мастерскими и торговыми помещениями, принадлежавшими определенному ремесленному цеху. По мнению В. Ворониной, эти чисто утилитарные сооружения «почти лишены элементов декора... их открытая конструкция достаточно логична и красива сама по себе»[201]. Действительно, «токи» ныне возвышаются без какого-либо декора, с выразительными обнаженными конструкциями многокупольного перекрытия.

Однако В. Шишкин в 1936 г. еще застал снаружи купола Токи Телпак Фурушон «следы облицовки изразцами, внутри – следы росписи, покрытой… пылью и копо-

[196] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX - начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 52.
[197] Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг. … С. 182.
[198] Сулейман Х., Сулейманова Ф. Указ. соч. Ил. 198, 199. «Шейх Санъан в торговом ряду» и «Торговый ряд» к ркп. Навои «Лисан ат-тайр.», Бухара, 1553 г. Национальная библиотека в Париже.
[199] Агзамова А. А. К истории торговли Бухары XVI – первой половины XIX в. // ОНУ. 1997. № 9-11. С. 62.
[200] Там же. С. 58.
[201] Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI–XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 318.

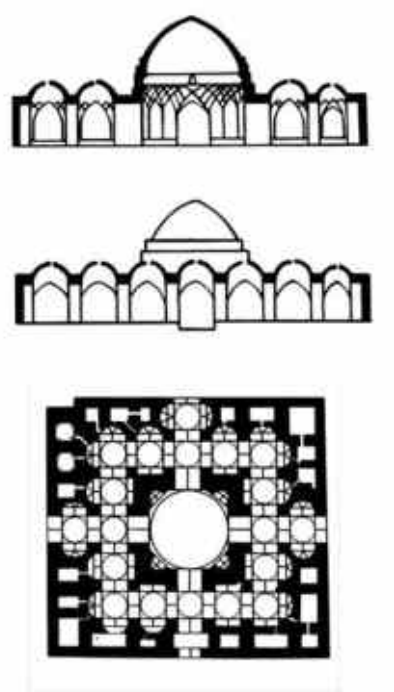


Торговый купол Токи Заргарон, XV в.
План и разрезы

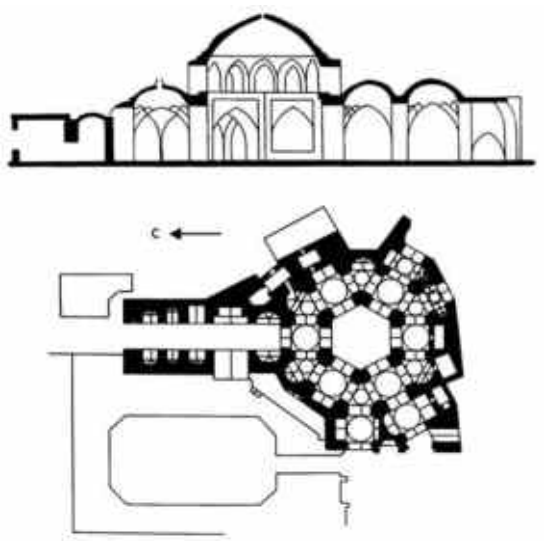
Торговый купол Токи Телпак Фурушон.
Общий вид

тью»[202]. Ныне установлено, что утилитарные и потому описанные некоторыми исследователями как не имевшие декора бани и ряд городских ворот первоначально также были украшены изразцами. Исходя из вышеизложенного, автор настоящего исследования предполагает, что в период расцвета столицы государства – Бухары, торговые купола были декорированы снаружи и в интерьере. В силу непрестанной эксплуатации и неоднократных ремонтов этих сооружений, расположенных над проезжей частью перекрестка улиц, их первоначальный декор со временем был утрачен и не восстанавливался вновь из-за недостатка средств, так как последующие периоды были временем экономического упадка страны.

В зависимости от местоположения в сети улиц бухарские торговые купола имели различную форму. Центральное пространство, крытое куполом на мощных устоях, обводила купольная галерея с лавками и мастерскими по периметру внешних стен пассажа. Таков самый крупный и наиболее ранний из трех сохранившихся в Бухаре купол – Токи Заргарон XV в. (для продажи ювелирных изделий). Вероятно, он был подвергнут капитальной реставрации во второй половине XVI в. и поэтому часто датировался временем Абдуллахана II.



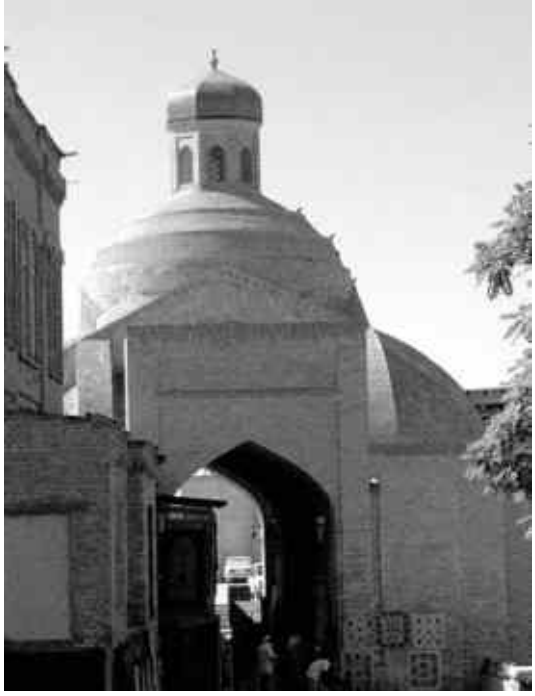
Торговый купол Токи Заргарон, XV в. *План и разрезы*



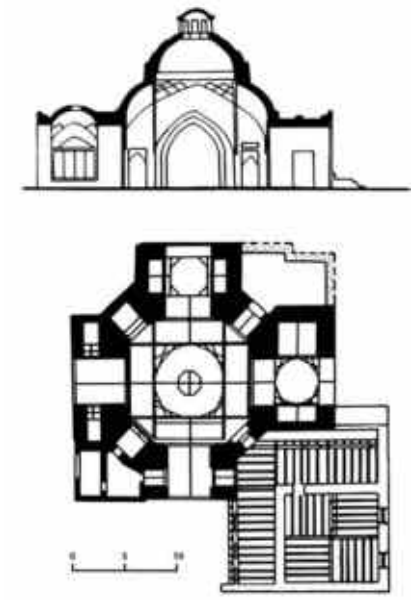
Торговый купол Токи Телпак Фурушон, XVI в. *План и разрез*

Вторым по величине из сохранившихся куполов является Токи Телпак Фурушон (для производства и продажи головных уборов). Он был возведен, судя по вакфным данным, не позднее 1570–1571 гг., над перекрестком пяти улиц, сходящихся под разными углами. Этот торговый купол имел несколько

[202] Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936. С. 69.



Торговый купол Токи Саррафон, XVI в.
Общий вид



Торговый купол Токи Саррафон, XVI в.
План и разрез

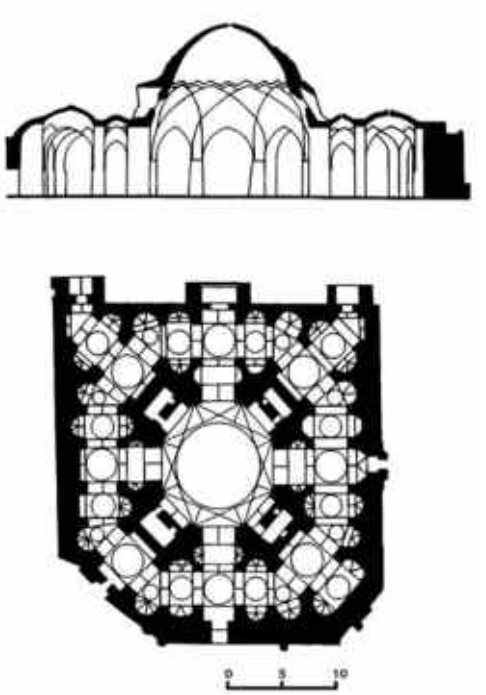
названий, которые либо сменяли одно другим, либо они существовали одновременно: Чахарсук-и Аханин, Токи Китаб Фурушон, Токи Ходжа Мухаммад Паррон, а также самое распространенное и сохранившееся до сего времени – Токи Телпак Фурушон.

Самый небольшой купол Токи Саррафон (ростовщиков-менял), возведенный на пересечении двух важных торговых улиц шахристана, не имел обводной купольной галереи. Здесь к одному из четырех скошенных углов подкупольного пространства примыкала квартальная мечеть, к другому – бани Саррафон, к двум другим – места менял-ростовщиков. Над входом в мечеть, расположенную в юго-западной части торгового купола, исследователями была выявлена надпись: «Завершено это строительство в дни царствования… Убайдуллах-Бахадур-хана в 1534–1535 гг.», вероятно, датирующая и сам купол со всеми прилегающими помещениями[203].

В XVI в. южнее площади Регистан в Бухаре располагалось еще три ныне утраченных торговых купола. Первый из них – Чахарсук-и Дунбафурушон (продавцов курдючного сала) известен менее всего, ибо давно утрачен. Два других существовали еще в начале XX в. и располагались по сторонам медресе Ходжа Нихол. С востока от него возвышался меньший купол, именуемый в XVI в. Чахарсук-и Анарфурушон (продавцов гранатов), более известный позже как Токи Ардфурушон или Аллафи. По архитектуре он был схож с куполом Токи Саррафон[204]. С запада от медресе Ходжа Нихол находился большой купол

[203] Бабаджанов Б. Дополнения по эпиграфике и истории памятников архитектуры Бухарской обл. Архив НИИ искусствознания, ИА (М), С-48, № 1152/1. Ташкент, 1992. С. 10.
[204] Ремпель Л. И. Далекое и близкое… С. 112.

Токи Тиргарон, который имел еще три забытых названия: Чахарсук-и Тах-и Шур (у солончака); Абдуллахан (вероятно, по имени строителя Абдуллахана II) и Регистан[205]. По внешнему облику он напоминал самое крупное из сохранившихся в Бухаре сооружений этого типа – торговый купол Токи Заргарон[206].



Тим Абдуллахана, XVI в.
План и разрез

Крытые рынки-тимы. В XVI в. в Бухаре существовал тип крупного крытого рынка из жженого кирпича с монументальными столпно-купольными конструкциями и с выделяющимся в центре здания крупным залом. Единственный из сохранившихся в Бухаре Тим Абдуллахана прежде назывался Тим-и Калон (Большой тим). Он был выстроен в 1577–1578 гг. на главной торговой улице специально для продажи шелковых тканей. В ядре его подквадратного плана выделялся зал, обстроенный купольной галереей, к которой по внешнему периметру здания прилегали торговые лавки. Вплоть до начала XX в. в тиме торговали шелковыми и другими тканями, которые хранились в специальных шкафах-сундуках. Эта традиция была возобновлена в 1990-е гг.: здесь ныне демонстрируют традиционную методику ткачества на станках по древнему образцу и продают натуральные, в том числе шелковые ткани. Рядом с Тим-и Калон в конце XVI в. размещался Чахарсук-и Дарун (внутренний пассаж), который имел около тридцати лавок-дуканов для реализации различных универсальных товаров – бакалеи, сапог, ковров и др[207].

В источниках упоминается также Тим-и Лячакфурушон, сооруженный из жженого кирпича, состоявший из различных дуканов и предназначенный для продажи платков[208].

Таким образом, в Бухаре, как нигде в Средней Азии, сохранились торговые сооружения XV–XVI вв. – тим, таки и фрагменты прилегающих к ним многокупольных крытых улиц. Тимы и таки имели столпно-купольную конструкцию с выделяющимся в центре крупным купольным залом, обведенным по периметру купольной галереей с прилегающими торговыми лавками.

[205] Джураева Г. А. Новое о гражданских сооружениях позднесредневековой Бухары (по материалам письменных памятников)// Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 87.
[206] Ремпель Л. И. Далекое и близкое… С. 112.
[207] Джураева Г. А. Указ. соч. С. 89.
[208] Там же. С. 89

КАРАВАН-САРАИ

Караванная торговля по Великому шелковому пути обусловила возведение вдоль него многочисленных постоялых дворов – караван-сараев и рабатов, а также сардоба – водохранилищ при них. Рабаты в первые века распространения ислама строились как пограничные военные укрепления газиев – борцов за веру. Позже они частично превратились в ханака, а в основном – в постоялые дворы на торговом пути.

Строительство в Бухарском оазисе городских и придорожных караван-сараев в XV–XVII вв. было основано на традициях предшествующего времени, о чем свидетельствуют здесь остатки ранних сооружений этого типа и археологические данные о них.

Поначалу, в IX–X вв., караван-сараи и рабаты Бухарского оазиса, судя по наиболее ранней постройке этого времени в Пайкенде, имели подквадратный план с угловыми башнями и выделенным портальным входом, ведущим в обширный двор[209]. В целом Пайкенд – крупный торговый город, расположенный вблизи Бухары, в домонгольский период, по некоторым источникам, имел сотни рабатов.

Караван-сараи Средней Азии домонгольского времени (IX–XII вв.) строились из сырца, иногда (с XI в.) с облицовкой стен и возведением купольных перекрытий из жженого кирпича. Они включали один-два, реже – три двора. При этом первый двор был рассчитан на проживание, второй – на хранение товаров и третий – для содержания вьючных животных. В двухдворовых караван-сараях, например в караван-сарае XI в. Ахча-кала (Туркмения), в первом дворе размещались грузы, фураж и животные[210]. Второй двор по периметру обводили помещения жилого и общественного назначения.

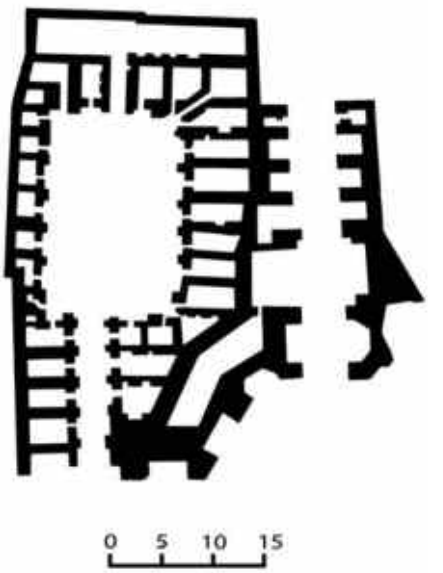
Караван-сарай Рабат-и-Малик, XI–XII вв.
Входной портал
(фото Архива ГлавНПУ, 14930/88-2)

Одним из крупнейших в Бухарском оазисе был караван-сарай Рабат-и-Малик, сооруженный в XI–XII вв. близ города Кермине на дороге из Бухары в Самарканд. Это сооружение имело сложную многодворовую

[209] Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988. С. 116–117.

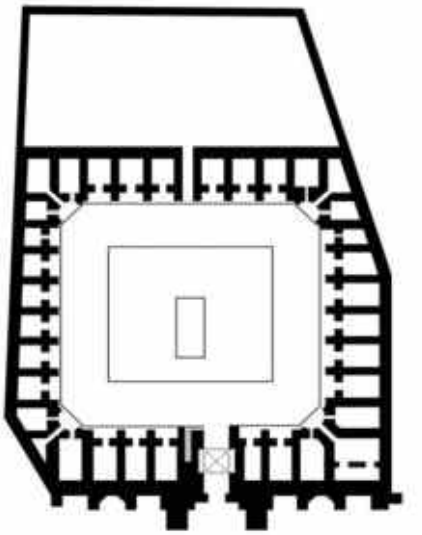
[210] Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. II. М., 1958. С. 78.

структуру. На углах здания возвышались круглоствольные башни, одна из которых являлась минаретом. От караван-сарая сохранился лишь портал с великолепным декором. Его П-образная рама заполнялась восьмигранными звездами, архивольт входной арки украшал эпиграфический орнамент из резной терракоты[211]. Результаты последних раскопок выявили, что на основе некоторых строений XI в. здание было капитально перестроено в первой четверти XII в. по заказу правителя Арсланхана и представляло собой «царскую крепость» – помпезную степную резиденцию тюркских правителей Караханидов[212]. Со сменой правящей династии это сооружение в дальнейшем использовали как придорожный караван-сарай.



Караван-сарай Кулита, XVI в.
План

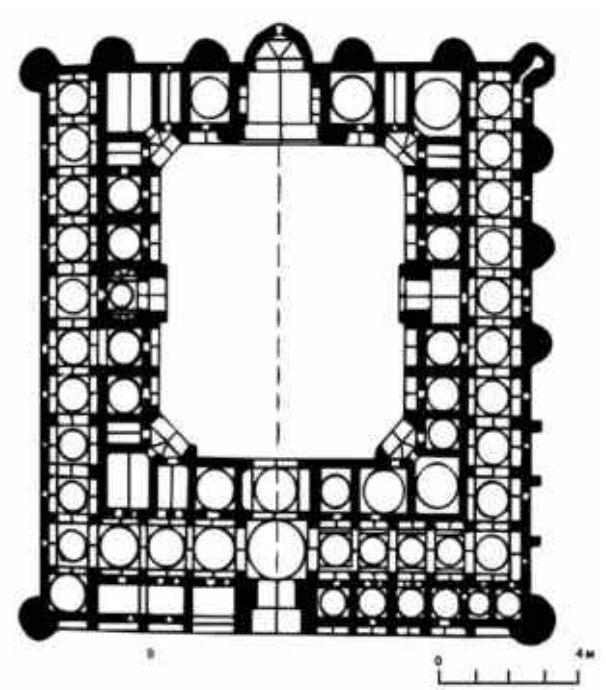
Значение караванной торговли в Бухаре отмечали и зарубежные авторы XVI в. По свидетельству английского путешественника Антони Дженкинсона, «в городе Бухаре проводился ежегодный съезд купцов, приезжающих караванами из прилегающих стран – Индии, Персии, Балха, России и разных других, а в прежние времена и из Китая, когда оттуда можно было свободно проехать...»[213]. Эти сведения подтверждает и Бадриддин Кашмири, сообщая, что в некоторых караван-сараях Бухары для осуществления коммерческих операций собирались соудогары (торговцы) и туджары (купцы) из Ирана и арабских стран, со всего мира»[214].



Караван-сарай Надир Диван Беги, XVII в.
План (по: Лавров, 1950)

В международной караванной торговле порой участвовали и сами правители государства – Абдуллахан II, Имамкулихан и др., а также гла-

[211] Нильсен В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI-XII вв. Ташкент, 1956. С. 49.
[212] Немцева Н. Б. Степная резиденция Караханидов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы Международной конференции. М., 2000. С. 234.
[213] Дженкинсон А. Указ. соч. С. 184.
[214] Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван ..., л. 294. а б. Перевод Б. Бабаджанова.



Рабат Абдуллахана,
План (по: Маньковская, 1980)

вы духовенства Ходжа Са'ад и Ходжа Ислам Джуйбари[215].

В Бухаре – крупнейшем торговом центре Востока – было много и городских караван-сараев. Они, помимо временного жилища для купцов, путешественников, прислуги, служили местом сделок, оптовой торговли и хранения товаров, нередко также местом производства и продажи ряда видов продукции. Большие караван-сараи были двухэтажными, и приезжие купцы обычно располагались в худжрах верхнего этажа. Верблюдов и лошадей оставляли в специальных заведениях вне города, но некоторые крупные караван-сараи имели конюшни во внутреннем дворе. К примеру, в караван-сарае Саррафон имелись пристройки для вьючных животных[216].

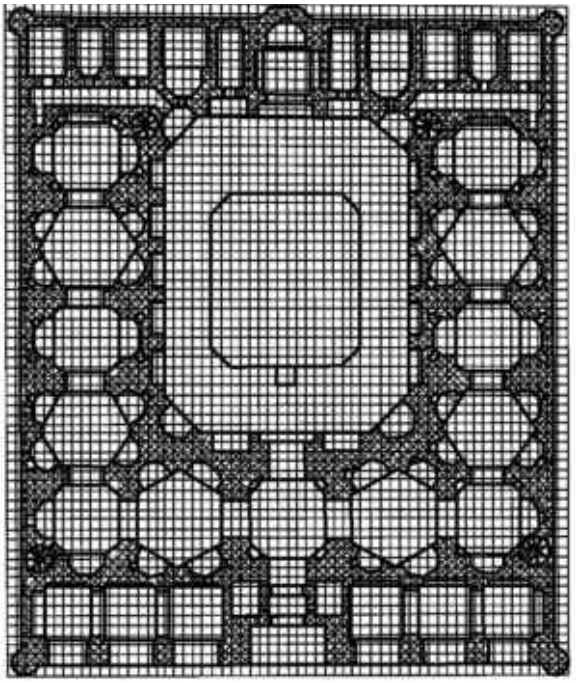
Строителями и владельцами караван-сараев и рабатов иногда являлись и представители светской и духовной знати. Например, в Бухаре глава духовенства страны Ходжа Са'ад отремонтировал принадлежащие ему два огромных караван-сарая из жженого кирпича. Один из них на Чорсу – в «даруни шахар», второй – в квартале Саррафон в «беруни шахар»[217]. Последний располагался «на оживленном месте на базаре квартала Мечети Магак близ Пул-и Саррафон (мост Менял) ….(он) состоял из множества помещений: это комнаты-худжры с айванами, конюшни и дуканы. Караван-сарай Саррафон был выкуплен Ходжа Са'адом за 3000 ханских танга, а (другой) караван-сарай–Гаукушон на улице Гаукушон в Бухаре – за 3400 танга»[218].

Караван-сараи Средней Азии издревле имели несколько вариантов планировки. Здесь мы рассмотрим караван-сараи, наиболее распространенные в Мавераннахре и присущие бухарской школе зодчества XV–XVII вв. Среди них выделяется два ос-

[215] Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV-XVII вв. Ташкент, 1985. С. 96, 120.
[216] Там же. С. 114.
[217] Мукминова Р. Г. Бухара – столица ханства … С. 56.
[218] Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация … С. 95.

новных типа – с секционной и галерейно-секционной застройкой вокруг внутреннего жилого двора.

В караван-сараях с секционной застройкой внутренний двор по периметру обводили худжры, а основной вход в центре главного фасада оформлялся в виде портала, выделенного по высоте, объему и декору. Таковы были городские караван-сараи Бухары – Кулита, или Кальта-сарай XVI в., что рядом с торговым куполом Токи Телпак Фурушон, и караван-сарай XVII в. Надир Диван-беги в ансамбле Ляби-Хауз, приспособленный позже под одноименное медресе. Вероятно, такую же композицию и архитектуру в целом имели и два других караван-сарая – Саррафон и Гаукушон, выкупленные Ходжа Са'адом в Бухаре. Первоначально караван-сарай Надир Диван-беги имел трапециевидный в плане задний двор. Этот двор был огорожен стеной и, вероятно, предназначался для хозяйственных нужд и содержания вьючных животных. Однако по наущению религиозных деятелей это здание при открытии было провозглашено правителем Имамкули-ханом как медресе, и его визирь Надир Диван-беги был вынужден отдать выстроенное им здание под исламский университет.



План караван-сарая.
Чертеж бухарского мастера XVI в.
(по: Пугаченкова, 1962)

Караван-сарай галерейно-секционной композиции был обстроен худжрами по периметру здания, двор дополнительно обводила галерея, через которую проходили в худжры. Этот тип построек также был распространен в Средней Азии в предшествующий период (IX–XII вв.). Видимо, и секционный, и секционно-галерейный типы имели одинаковое распространение вплоть до XVI в. Остатки двух таких придорожных караван-сараев Бухарского оазиса обнаружили исследователи в Каршинской степи вблизи железнодорожной станции Караул-Базар. Первый из них, называемый рабат Абдуллахана II, находился в двух километрах от станции (по Ашхабадской железной дороге). По описаниям А. А. Семенова, это было прямоугольное в плане (до ста шагов в сторону), крупное сооружение, с купольными перекрытиями. Он полагает, что это был «центральный укрепленный караван-сарай всей Каршинской степи»[219]. На его наружных глухих стенах был устроен ряд полукруглых

[219] Семенов А. А. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Сталинабад, 1945. С. 34.

выступов наподобие башен, местами соединенных стрельчатыми арками, и арочная раскреповка ниш. Отметим, что похожий мотив объединения по верху полукруглых вертикальных выступов-гофр арками, был использован уже в XI–XII вв. в караван-сарае Рабат-и Малик. На северной и южной сторонах караван-сарая в Караул-Базаре располагались огромные, высотой до 17 м, ворота. Сохранились также остатки изразцовой облицовки стен с преобладанием желтого цвета. Рядом с караван-сараем находилась сардоба. «Этот комплекс, – констатирует А. А. Семенов, – приписывают Абдуллахану II»[220].

Второй караван-сарай и две сардоба вблизи него располагались в 16 км от станции Караул-Базар между Бухарой и Карши. Они были размещены у небольшой речки, откуда когда-то вода отводилась к двум сардоба. Этот караван-сарай также представлял собой крупное прямоугольное в плане сооружение (49х34 м) с купольными помещениями, обводящими по периметру внутренний двор. Главные ворота высотой 12,78 м находились в северной, а другие ворота – в южной стене. Здесь не было обнаружено следов изразцов и облицовки[221].

Интересно, что похожая планировка была представлена на чертеже узбекского мастера XVI в.[222]

Таким образом, в XV–XVII вв. караван-сараи бухарской школы зодчества:

– при любой, даже неправильной, конфигурации плана имели прямоугольный жилой внутренний двор, обстроенный худжрами (Кулита в Бухаре);

– секционный тип был больше присущ городским, а галерейно-секционный – загородным придорожным караван-сараям;

– караван-сараи XV–XVII вв. не только городские, но и некоторые придорожные загородные преимущественно имели богатый майоликовый декор (Надир Диван-беги, так называемый рабат Абдуллахана в 2 км от Караул-Базара);

– рядом с загородными караван-сараями строилась одна, изредка (там, где позволяли водные ресурсы и рельеф местности) – две сардоба.

В рассматриваемый период, являвшийся временем расцвета Бухары, караван-сараев, вероятно, было значительно больше. Изучение и анализ вакфных и исторических сведений позволили нам установить пока нижеследующий уточненный и дополненный список караван-сараев XVI–XVII вв.: в столице – Лятиф Мирека, Кулита, Саррафон, Гаукушон, Надир Диван-беги и здание у купола Заргарон; в Бухарском оазисе – рабат Абдуллахана в Караул-Базаре и караван-сарай в 16 км от Караул-Базара.

[220] Там же.

[221] Там же. С. 35.

[222] Бакланов Н. Б. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. // Академия архитектуры СССР. Сообщения Института истории и теории архитектуры. Вып. 4. М., 1944. С. 4.

САРДОБА

Сардоба – это крытые куполом цилиндрические резервуары для воды, куда через небольшой портал вел лестничный спуск, забранный в коридор. Такие водохранилища в основном устраивали вдоль караванных дорог, при рабатах или караван-сараях и реже – в городах (например, во дворе медресе, суфийского центра и др.). Сардоба наполнялись в основном талыми и дождевыми водами, иногда подпитывались водой, подводимой к ним из ближайшего источника по арыкам, изредка по кяризам (сардоба в Сауране), или заполнялись грунтовыми водами (три поздние сардоба в городе Бухаре).

Генезис и развитие архитектуры сардоба, как считал М. Е. Массон, скорее всего связаны с опытом использования в условиях пустыни естественных углублений, куда стекали осадки. Это и подсказало создание искусственных дождевых ям с введением ряда примитивных сооружений, что в дальнейшем постепенно привело к эмпирически выработанному типу существующих ныне сардоба[223]. Поэтому для сбора талых и дождевых вод самотеком через специальные водозаборные отверстия в основании купола эти водохранилища сооружались в местах с пониженным рельефом.

Сардоба возводились издавна, во всяком случае они известны с античного времени (I в. до н. э. – на городище Дильберджин вблизи Балха[224]). В архитектуре сардоба Средней Азии А. Уралов выделяет четыре вида[225]:

1. Античные сардоба с обходным коридором по периметру квадратного резервуара, питаемого грунтовыми водами.

2. Подземные сардоба.

3. Наиболее распространенные – сардоба с наземным куполом с входным порталом и подземным резервуаром, равным внутреннему диаметру купола.

4. Такие же, как сардоба типа 3, но снабженные для отдыха путников круговой площадкой-лоджией вокруг цистерны или дополнительно (помимо лоджии) жилыми помещениями вокруг сардоба с входами снаружи.

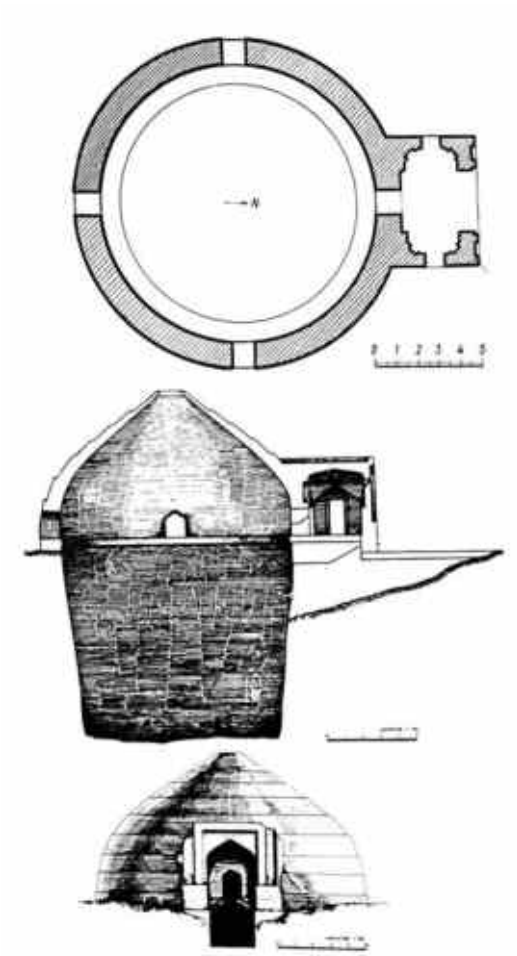
Наиболее распространенными в Бухарском оазисе были сардоба третьего типа, но встречались и постройки четвертого типа.

Для проветривания сардоба в зените купола оставлялось круглое отверстие. В целях забора стекающих вод, дополнительного проветривания и освещения сооружения у основания купола устраивалось еще несколько проемов. Предохранение от просачивания воды из цистерны в грунт в ее кладке и в оштукатуривание внутренней поверхности резервуара обеспечивал гидравлический раствор – «кыр», изготовля-

[223] Массон М. Е. Проблема изучения цистерн-сардоба. Материалы Узкомстариса. Вып. 8. Ташкент, 1935. С. 35.

[224] Уралов А. Гражданское зодчество средневековой Центральной Азии (общественные здания и сооружения). Автореф. дисс.... докт. архитектуры. Ташкент, 1998. С. 30.

[225] Уралов А. Там же. С. 31.



Сардоба при караван-сарае Рабат-и-Малик, XI–XII вв.
План, разрез, фасад (по: Немцева, 1983)

емый путем добавления золы кустарников. Сардоба перекрывали пологим куполом, толщина которого достигала 1,5 м у основания и не менее одного кирпича (25-27 см) в зените. Небольшой портальный вход, пристроенный непосредственно к куполу или стоящий несколько впереди него, вел по лестничному спуску в коридоре внутрь сардоба – к воде. Для охраны от животных и сохранения чистоты в водохранилище территорию сардоба зачастую окружали забором.

Такова архитектура сохранившихся сардоба Бухарского оазиса, наиболее значительной из которых является постройка XI–XII вв. при караван-сарае Рабат-и-Малик. Согласно Бадр ад-Дину Кашмири, в 1574 г. шейх Ходжа Са'ад Джуйбари, «не жалея денег, соизволил приказать искусным зодчим приступить к восстановлению купола сардоба, которая находится в 100 гязах в сторону кыблы от пиштака караван-сарая Малик, известного как Рабат[226]. Вокруг ее резервуара устроена обходная площадка для отдыха путников в прохладе подкупольного пространства. Такую же структуру имела сардоба, представленная как проект в чертеже узбекского мастера XVI в. Большая часть сардоба Бухарского региона возведена или капитально отремонтирована в XVI и отчасти в XVII в. Это сардоба, сооруженные Абдуллаханом II, а также 10 подобных водохранилищ, возведенных в 1570–1580-е гг. в различных районах Мавераннахра шейхами Джуйбари – Мухаммад Исламом и Ходжа Са'адом[227] и др. В медицинском медресе Дору-Шифо XVII в., как отмечалось, также была сардоба[228].

Значительное количество водохранилищ было выстроено вдоль караванных дорог, проходящих по пустынным и степным районам. Особенно много их было

[226] Немцева Н. Б. Степная резиденция Караханидов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы Международной конференции. М., 2000. С. 235.
[227] Ахмедов Б. А. Указ. соч. С. 187.
[228] Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история / Пер. и прим. А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 87.

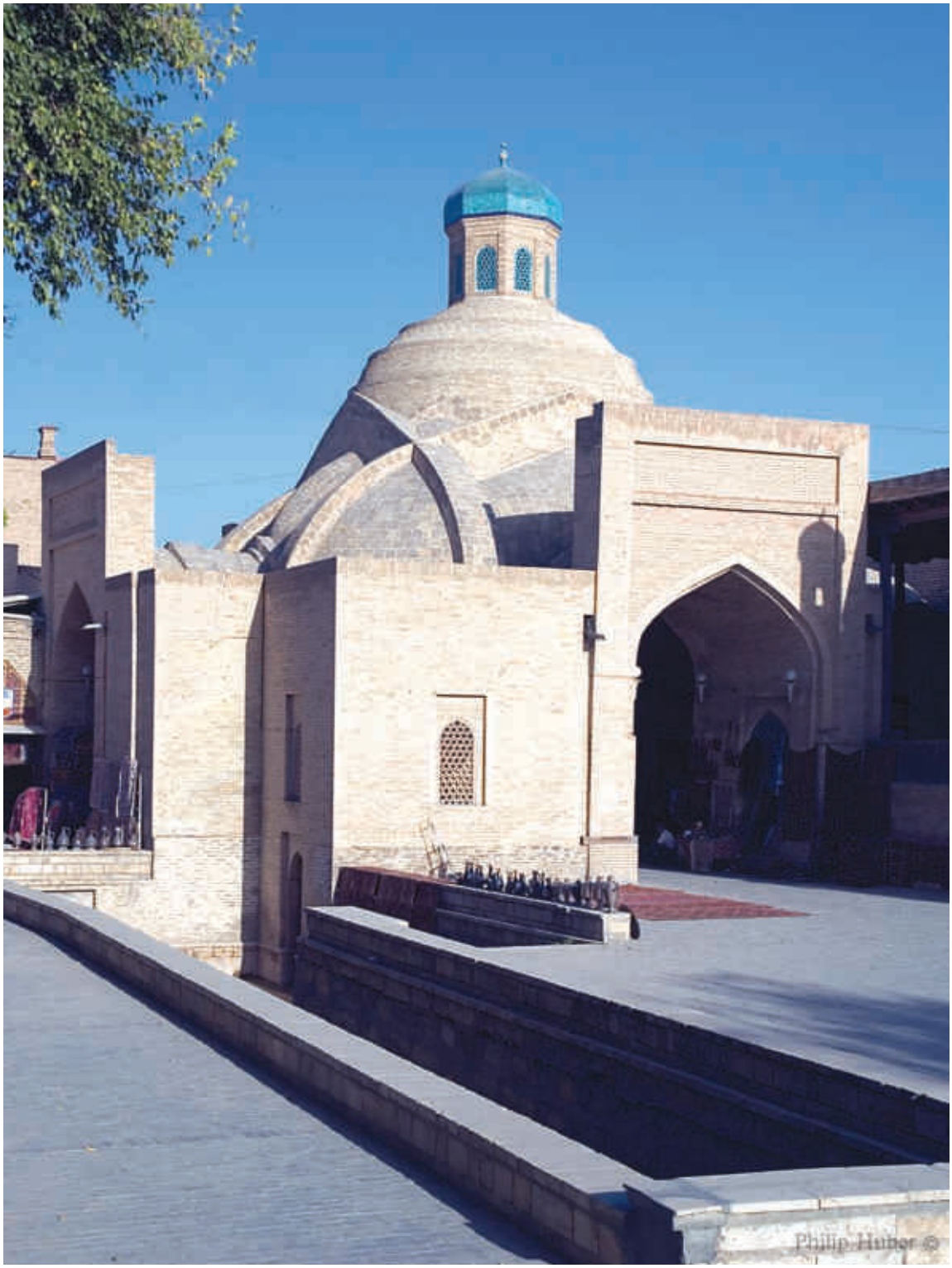
Мечеть Калян.
Входной портал XVI в.

Мечеть Калян. Панорама мечети с минаретом Калян XII в.
Вид сверху. Фотоархив МИЦАИ

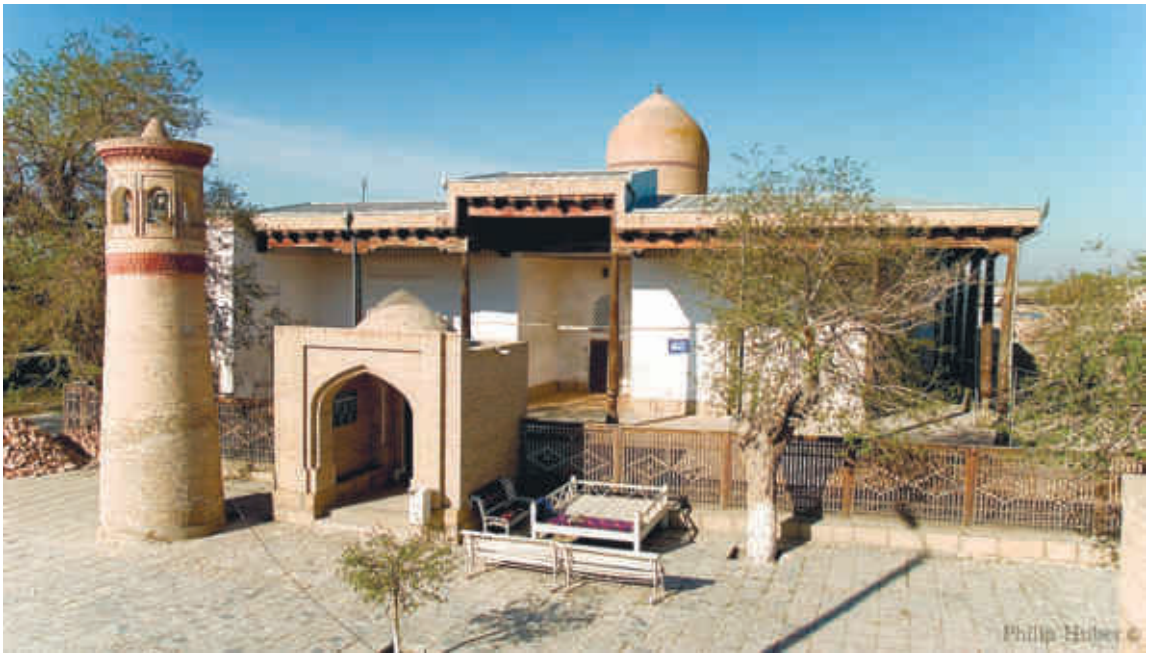
Медресе Улугбека в Гиждуване, 1433-34 гг.
Общий вид. Фото Ф. Хубер

Ханака Сайф ад-Дина Бохарзи XIV-XVI вв.
На заднем плане мавзолей Баян Кулихана XIV в.

Мавзолей Баян Кулихана.
Декор тимпана портала из резной поливной терракоты



Торговый купол Токи Саррафон, XVI в.
Общий вид. Фото Ф. Хубер



Ханака XVI в. в комплексе Хазрати Имам (Абу Хавси Кабир).
Фото Ф. Хубер

Арк.
Декор верхней части портала Куринишханы. XVII в.

Медресе Улугбека, 1419 г.
Главный фасад

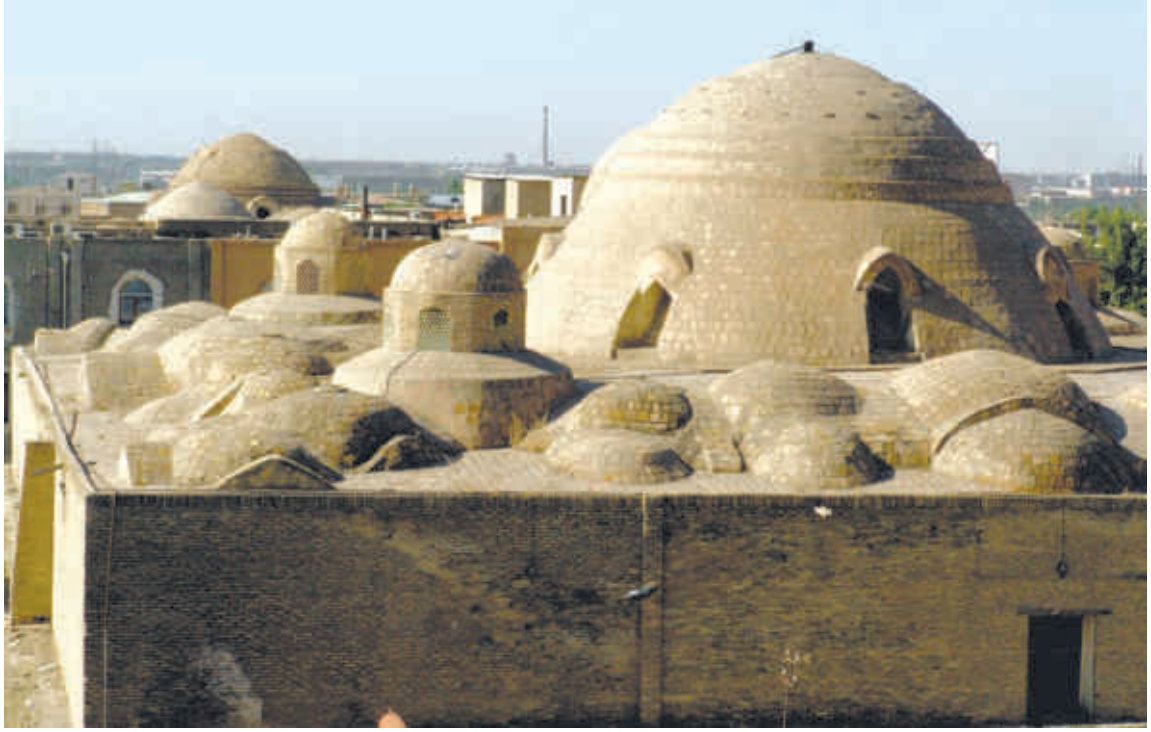
Медресе Улугбека.
Вид сверху. Фотоархив МИЦАИ

Дом купца Файзуллы Ходжаева XIX в. как пример традиционного Бухарского жилища.
Двор внутренний – ичкари. Общий вид с айваном

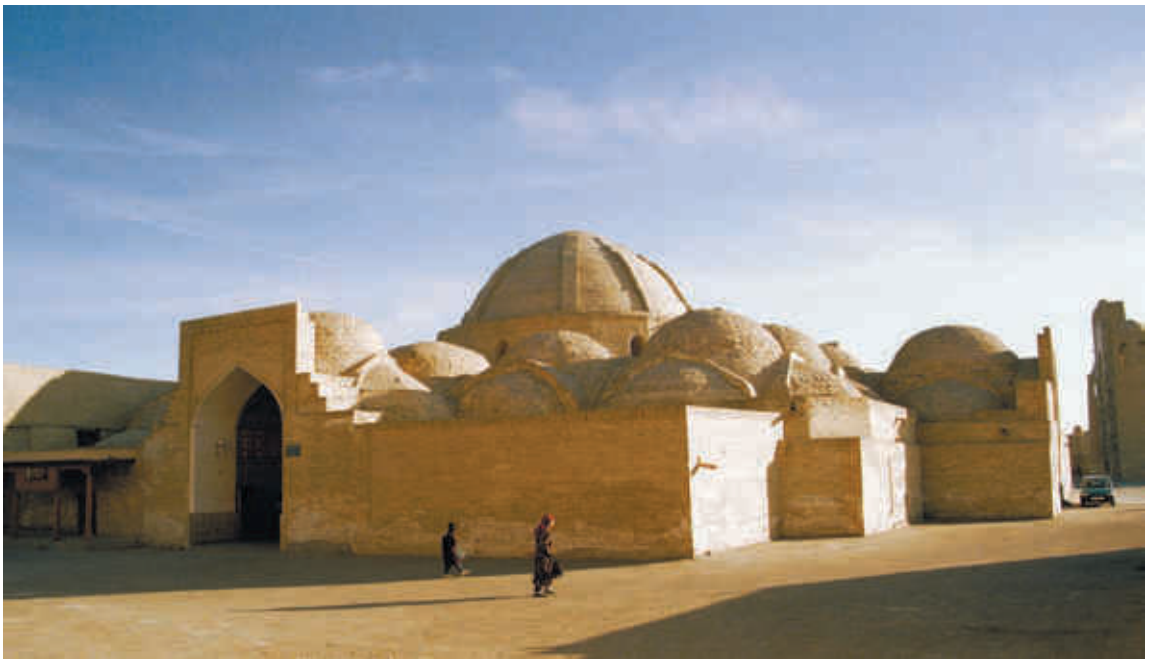
Дом купца Файзуллы Ходжаева XIX в.
Интерьер жилой комнаты

Миниатюра XV в. «Пир с музыкантами».
Пример дворцовой архитектуры (по: Сулейман, Сулейманова, 1982)

Миниатюра рубежа XV-XVI вв. «Лайли и Кайс в школе».
Пример архитектурного облика школы с использованием кайванов на айване
(по: Полякова, Рахимова, 1987)

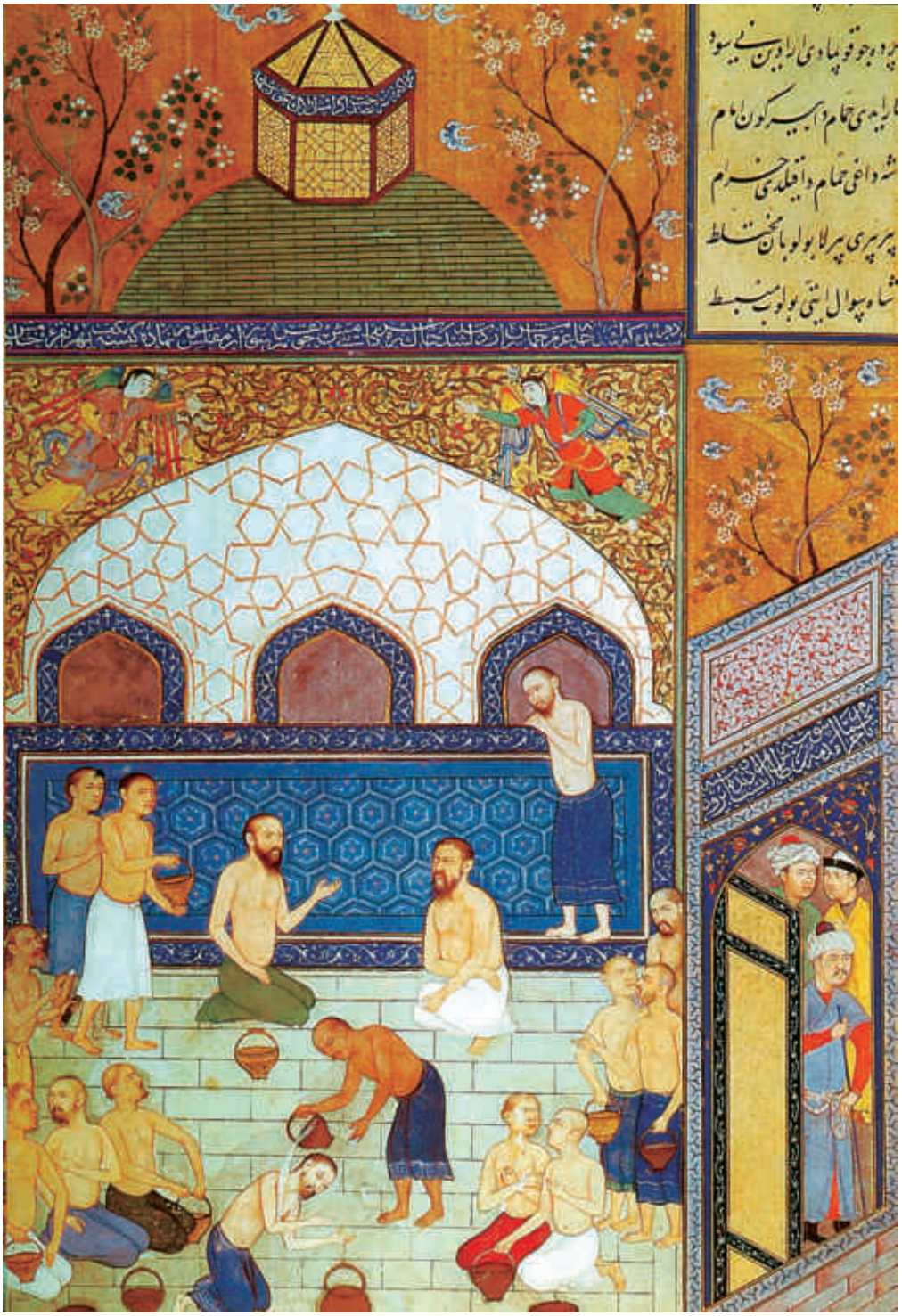


Тим Абдуллахана, XVI в.
Купола, вид сверху. Фото Ф. Хубер



Торговый купол Токи Заргон

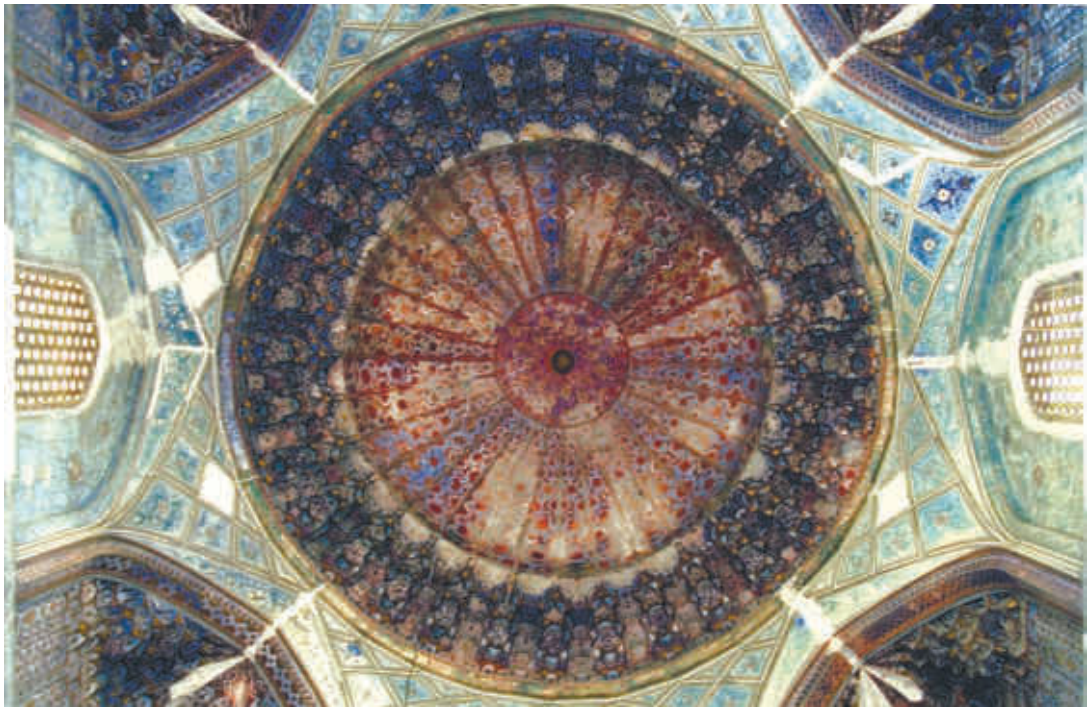
Миниатюра XVI в. «Шейх Санан в торговых рядах».
Пример дукана и торгового ряда (по: Сулейман, Сулейманова, 1982)



Миниатюра «Хорезмшах Фахр ар-Рази в бане»,1491-92 гг.
Пример архитектуры, внутреннего устройства и быта средневековых бань
(по: Сулейман, Сулейманова, 1982)

Мечеть Субханкулихана XVII в. в Арке.
Фото Ф. Хубер

Ханака-мечеть Ходжа Зайн ад-Дина. XVI в.
Общий вид со двора



Ханака-мечеть Ходжа Зайн ад-Дина.
Декор чаши купола в интерьере

Мечеть Намазгох, XII, XV-XVI вв.
Общий вид

Мечеть Намазгох.
Декор михрабной стены

Комплекс Турки-Джанди, XIV-XVIII вв.
Купола зиаратханы и гурханы

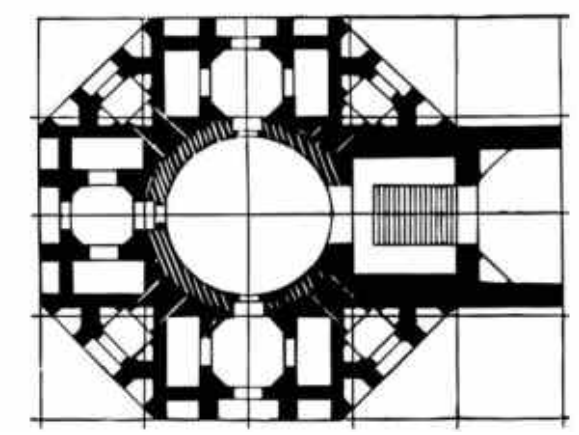
Комплекс Турки-Джанди.
Входной портал

Сардоба при караван-сарае Рабат-и-Малик, XI–XII вв. *Фото начала XX в.*

сконцентрировано вдоль магистрали, ведущей по Каршинской степи из Бухары в Карши, где еще в начале XX в. существовали описанные М. Е. Массоном сардоба в Караулбазаре, Бузачи, Кошсардоба (две первые сохранились до настоящего времени)[229]. Указанные три сардоба, расположенные вдоль русла Кашкадарьи, питались ее водой, проведенной к цистернам по арыкам.

Сардоба в Караулбазаре – самая крупная из сооружений этого типа XV–XVII вв. – располагалась напротив одноименного караван-сарая XVI в. Диаметр ее сферического купола – около 16 м, высота купола – 6,35 м, глубина самой цистерны – 8,40 м. Вход в виде выдвинутого далеко вперед портала вел по лестничному спуску в коридоре к цистерне сардоба. Над коридором были устроены небольшие комнаты для обслуживающего сардоба персонала. Купол имел гладкую сферу изнутри и ступенчатую (семь ярусов) снаружи, что отражало сокращение толщины его кладки (толщина купола у основания – 1,5 м, в зените – 0,37 м).

Сардоба при караван-сарае Рабат-и-Малик. *Общий вид. Фото 1990-х гг.*



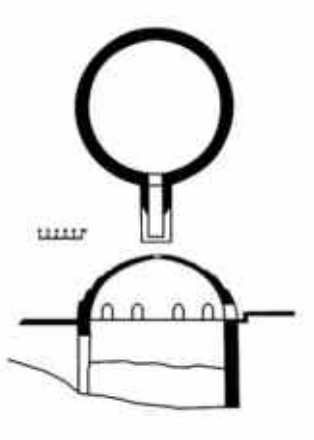
Чертеж средневекового бухарского мастера, XVI в. *План сардобы (по: Бакланов, 1949)*

Сардоба Бузачи состояла из двух купольных цистерн, отстоящих на 50-60 м одна от другой. Из них более крупная имела купол диаметром 12 м, с толщиной у основания – 1,5

[229] Массон М. Е. Проблема изучения цистерн-сардоба … С. 26-27.

м при глубине резервуара в 6 м[230]. В большую сардоба вел портальный вход, купол имел три окна и один люк. Обе цистерны соединялись между собой каналом с поперечным сечением в 1,5 м. Вероятно, малая, ныне утраченная, цистерна служила для отстаивания речной воды перед ее подачей в более крупную. Обе цистерны первоначально были обнесены земляным валом.

Сардоба Караул Базар, XVI в.
Общий вид.
Фото Н. И. Миронович 1930 г.
(Архив ГлавНПУ, 1257/22-4)

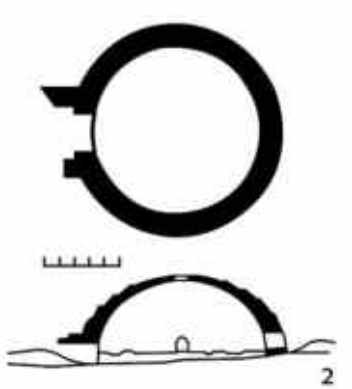


Сардоба Караул Базар, XVI в.
План и разрез

Кошсардоба, расположенная вдоль Каршинской дороги между сардоба в Караулбазаре и Бузачи, ныне утрачена. Она также имела две разновеликие купольные цистерны, отстоящие на два метра одна от другой.

М. Е. Массон приводит фрагментарное описание сардоба, расположенных в Бухарском оазисе по дороге Бухара – Бурдалык, пролегавшей западнее – параллельно пути Бухара-Карши также по Каршинской степи. Это типичные по архитектуре однокупольные сардоба – Аккана, Шахсувар и Чарча, питавшиеся дождевыми и талыми водами[231]. Скорее всего, они были также возведены заново либо переустроены в XVI–XVII вв.

Сардоба Бузачи, XVI в.
Общий вид. Фото 1980-х гг.



Сардоба Бузачи, XVI в.
План и разрез

[230] Там же. С. 27.
[231] Там же. С. 30.

Таким образом, архитектуре бухарской школы XVI–XVII вв. было свойственно активное строительство караван-сараев и сардоба при них. Здесь в основном сооружались наиболее распространенные в Средней Азии сардоба в виде крытого куполом резервуара, куда через выдвинутый на несколько метров вперед или пристроенный к куполу портальный вход лестничный спуск вел к воде внутрь сооружения.

Кроме того, в Бухарском оазисе вдоль дороги Бухара – Карши были возведены и весьма специфичные сардоба, заполняемые посредством арыков водой из русла Кашкадарьи, протекавшей параллельно данному пути. Эти сардоба в своей основе имели вышеописанную архитектуру, но усложненную рядом дополнительных устройств. Так, сардоба в Караулбазаре имела группу комнат над лестничным спуском с входом в них снаружи. Сардоба Бузачи и Кошсардоба первоначально имели две соединенные каналом – большую и малую купольную – цистерны каждая. Предположительно, малый резервуар использовался для отстаивания воды перед ее подачей в большую цистерну, которая имела вход через арочный портал. Эти три сардоба объединял близкий размер купола диаметром 16; 15; 14,5 м, одинаковая толщина стен у основания купола – 1,5 м, и у зенита – 0,37 м, что говорит об определенной типологии и унификации сардоба XVI–XVII вв.

БАНИ

Как свидетельствуют исторические данные и восторженные описания путешественников, бани Востока были широко известны. «Количество и качество бань служили мерилом процветания города и непременно отмечались в описаниях средневековых авторов»[232].

По свидетельству А. Меца, общественные бани строились в городах Персии уже в V в. Сначала их возводил персидский царь Балаш (484–488 гг.), затем царь Кубад. На Среднем Востоке сооружения этого рода были распространены и в раннеисламское время. Но их число начало сокращаться уже с конца X в. Ал-Мукаддаси отмечает, что в бане часто можно было встретить изображение сказочного животного ал-Анка – птицу с человеческим лицом, орлиным клювом, с двумя крыльями и руками. Персонал бани X–XIII вв. состоял по меньшей мере из 5 человек: банщик (хаммами), служитель (кайим), человек, приготовляющий кизяк (заббал) для топки бани, истопник (ваккас) и разносчик питьевой воды (сакка)[233].

Общественные бани служили не только для гигиенических целей. Здесь проводились также лечебные процедуры, а кроме того, они были своеобразным мужским

[232] Воронина В. Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство. М., 1983, № 31. С. 133.
[233] Мец А. Указ. соч. С. 305.

клубом, где общались за чаем, обсуждали новости, заключали выгодные сделки. В этом отношении не составляли исключения и многочисленные бани Средней Азии. О проводимых в них лечебных процедурах, включавших не только оздоровительный массаж, но и исцеление различными травами и настоями, писал еще в X–XI вв. Абу Али Ибн-Сина в своем произведении «Сохранение здоровья». В частности, он подчеркивал, что в хорошей бане должны быть умеренная температура, яркий свет, просторный предбанник, а в нем – «картины хорошей работы, явной красоты, вроде возлюбленного и возлюбленной, вроде парков и садов, скачущих всадников и диких зверей» для поддержания здорового духа[234].

В IX–X вв. своими банями славились многие города Средней Азии. В саманидской Бухаре, по данным Мукаддаси, имелись «прекрасные бани, широкие улицы, свежая вода и красивые постройки»[235]. Бани сооружались вдоль оживленных торговых улиц, на рынках и в непосредственной близости от медресе и мечетей. Это подтверждают и сведения Наршахи о том, что в X в. визирь Абди-Малика Самани Ахмад ал-Утби «около ханской бани, насупротив мадрасы, построил очень хорошую мечеть, которая составила украшение этой местности»[236].

О банях Бухары XII в. упоминает Кубави: «Арсланхан приказал построить дворец в местности Дарвазача, на улице Бу-Ляйса, и там же приказал выстроить царскую баню. Другую баню (он) выстроил у ворот дворца; эта баня была великолепна; раньше не бывало ничего подобного»[237].

Расположенные в общественных центрах – вблизи мечетей, базаров и медресе – будучи весьма посещаемым общественным учреждением, бани приносили большой доход своим владельцам. Поэтому высокие государственные чиновники и представители духовенства не гнушались строить и покупать сооружения этого рода, либо отдавать их в вакфное имущество.

Так, в XII в. в Бухаре Арсланхан «приказал обратить дворец в мадрасу для факихов (ученых). Баня, которая была у ворот дворца, и несколько селений также были обращены в вакф этой мадрасы»[238].

В XV–XVII вв. несколькими банями в Бухаре владели главы духовенства. В XV в. два здания этого рода принадлежали главе ордена Накшбандия – Ходжа Ахрару, а в XVI в. несколько бань были в распоряжении глав духовенства из шейхов Джуйбари. Всего ходжа Мухаммад Ислам (1493–1563) и ходжа Са'ад (1531–1589) в 1570–1580-х гг. выстроили в Бухарском оазисе 11 подобных сооружений[239].

---

[234] Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство // Труды Государственного Этмитажа. Т. X. Ленинград, 1969. С. 148.

[235] Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. С. 26.

[236] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. Указ.соч. С. 36-37.

[237] Там же. С. 41.

[238] Там же. С. 41.

[239] Ахмедов Б. А. Указ.соч. С. 187.

Ранние бани Средней Азии не сохранились, их архитектура нам известна по археологическим данным, согласно которым тип архитектуры подобных зданий сложился не сразу и прошел определенные стадии формирования. Например, архитектура пяти бань IX–X вв., расположенных в разных частях древнего городища Самарканда – Афрасиаб, весьма отдаленно напоминала структуру аналогичных по функции сооружений XV–XVII вв.

На северо-западе Афрасиаба под бани был отведен целый городской квартал. Один из комплексов бань включал не менее пяти смежных дворов, вымощенных жженым кирпичом. За главным входом лежал самый крупный двор. В окружающих дворы комнатах была углубленная в пол ванна, облицованная кирпичом и обмазанная гидростойким раствором[240]. Некоторые небольшие бани Афрасиаба имели автономную систему обогрева в каждой из комнат. Лишь два помещения из этого комплекса «обслуживались цистерной с горячей водой и топкой, как это принято в позднесредневековых банях. В состав гидравлических растворов, которыми здесь затирались днища резервуаров и низ стен, «входили: известь, зола камыша, степной колючки-янтака, полыни; для вязкости добавлялись камышовый пух или мелкорубленый саман»[241].

Баня в Таразе X–XI вв. уже представляла собой многокамерное сооружение с обогревом по подпольным жаровым каналам. В полу были обнаружены ванна и корытца. Интерьеры, вероятно, вестибюля, украшали полихромная стенопись геометрического орнамента и резьба по ганчу.

Больше всего бань эпохи позднего средневековья сохранилось в Бухаре (более 10), причем некоторые бани (Кунджак и др.) функционируют и поныне. К XV в. уже сложился тип среднеазиатских бань. Они, как и многие аналогичные сооружения Среднего Востока, обогревались системой подпольных жаровых каналов, откуда копоть и ил из резервуаров вычищались один раз в год. Жаровые каналы прокладывались лишь под полом самой моечной части. Вестибюль же согревался лишь проникавшим туда теплым воздухом.

Позже бани представляли собой многокупольное, утопленное в грунт сооружение, где выделялся основной многокупольный моечный комплекс из обожженного кирпича, раздевальня – каркасная пристройка, топка и склад топлива. Основным принципом такой бани было постепенное нарастание от входа вглубь здания температуры купальных залов, каждый из которых имел свое название.

В банях Бухары, как во всех среднеазиатских банях позднего средневековья, дно и стенки цистерн, пол и стены самой бани на высоту 1 м многослойно покрывали гидравлическим раствором – «кыр». Каждый слой опрыскивали молоком или смесью воды

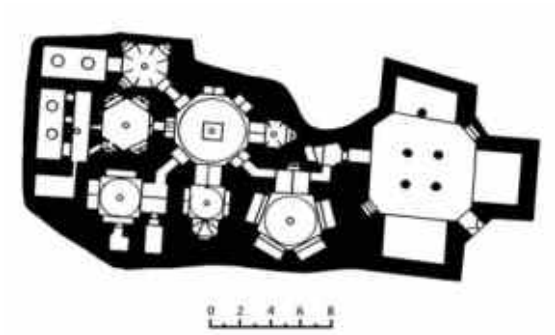
[240] Воронина В. Л. Бани-хаммам … С. 134-135.
[241] Там же.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ

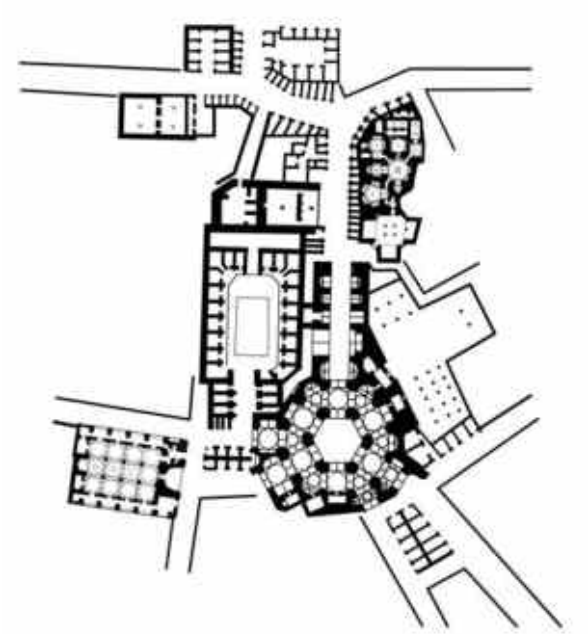
ХРОНО-ЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ		БИБЛИОТЕКИ	МАКТАБЫ		БОЛЬНИЦЫ	ТОРГОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ	
			МАЛЫЕ ЗДАНИЯ	КРУПНЫЕ ЗДАНИЯ		ДУКАНЫ	ТОРГОВЫЕ КУПОЛА- ТОКИ
XV век ТЕМУРИДЫ		*Библиотека Ходжа Порсо в Бухаре*				*многочисленные*	*Купол Токи Заргарон*
XVI век ШЕЙБАНИДЫ	ПЕРВАЯ ТРЕТЬ	*Библиотека Абдуллазизхана*				*Многие*	
	ВТОРАЯ ТРЕТЬ	*Библиотека Мауляна Мири муфтия в Бухаре*				*Многие*	*Купол Токи Саррафон*
	ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ	*Библиотека Абдуллахана и библиотеки в ряде медресе*	*Мактаб в комплексе Чор Бакр*	*Мактаб в г. Бухаре*		*многочисленные*	*Купол Токи Теллак Фурушон* *Токи Дарун, Токи Думба Фурушон*
XVII век АШТАРХАНИДЫ	ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА					*Многие*	*Купол Токи Тирграрон* *Купол Чахарсук-и Анарфурушон*
	ВТОРАЯ ПОЛОВИНА	*Библиотека в медресе Абдуллазизхана*	*Мактаб Кази Файзи*		*Медицинское медресе с больницей Дору Шифо*	*многочисленные*	

ОБЩЕСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ БУХАРСКОГО ОАЗИСА

ТОРГОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ	КАРАВАН-САРАИ		САРДОБЫ	БАНИ
КРЫТЫЕ РЫНКИ - ТИМЫ	КАРАВАН-САРАИ СЕКЦИОННЫЕ	КАРАВАН-САРАИ СЕКЦИОННО-ГАЛЕРЕЙНЫЕ		
				Баня Ходжа Пороо
План базара с чертежа Бухарского мастера XVI в.				
			Сардоба Бузачи	*Баня Сарраффон*
Тим Абдуллахана *Тим-и Лячакфурушон*	*Караван-сарай Купита* *Караван-сарай у купола Заргарон* *Караван-сарай Гаукушон*	*Рабат Абдуллахана* *Караван-сарай близ Караул-базара*	*План сардобы с чертежа Бухарского мастера XVI в.*	*Баня Мисгарон* *Хаммоми Кухак* *и многие другие бани*
	Караван-сарай Надир Диван-беги			
			Сардоба в Караулбазаре	*Баня в Вабкенте* *Баня Бозори Корд*



Баня Мисгарон, XVI в.
План

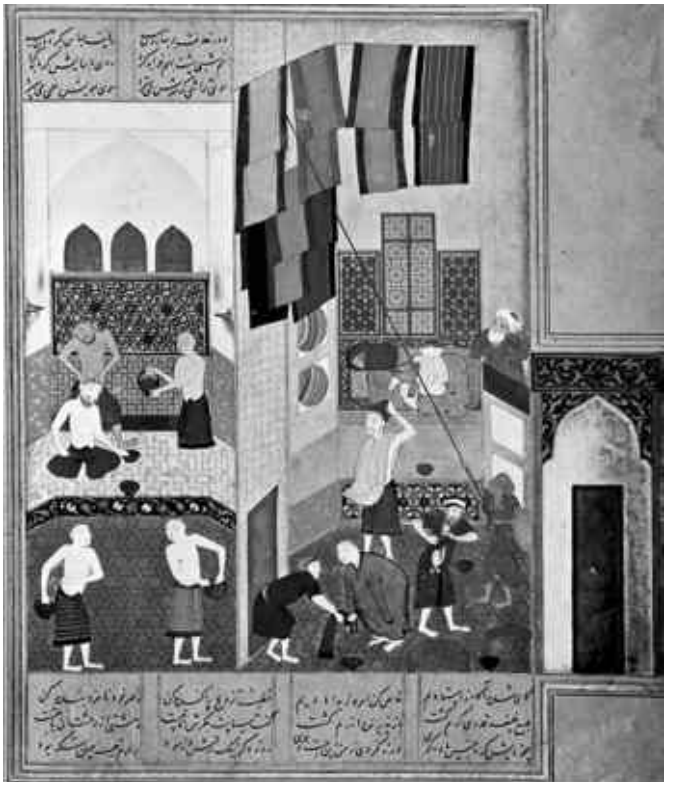


Баня Мисгарон, XVI в.
Расположение в системе торговых улиц

с патокой и затирали до блеска гладким камнем – галькой[242], что занимало несколько дней, но придавало покрытию прочность и непроницаемость цемента. Кыровый раствор в XV–XVII вв. был в основном следующего состава: известь, зола, виноградная патока, яйца, зола рисовой соломы и болотного камыша, пух камышовых шишек[243]. Эту смесь готовили сами мастера, у которых незначительно варьировались состав и пропорции раствора. Дифференциация планировки бань различных регионов Средней Азии обстоятельно представлена В. Л. Ворониной[244], судя по данным исследований которой, бани Средней Азии имели аналогичный состав помещений и единый принцип обогрева – по подпольным каналам. Однако бани Бухарского оазиса отличались рисунком плана. Из комнаты отдыха чор-хары (четыре прогона), которая в XX в. превратилась в раздевальню, проходили за набедренной повязкой «люнги» в люнги-хона (в Бухаре это помещение называли по фарси пои-шуи аваль), за которой следовала промежуточная комната – пои-шуи сони, т. е., соответственно, первая и вторая комнаты для мытья ног. После адаптации к теплу в этих комнатах посетитель проходил в основной купольный зал – мион-сарай с небольшой возвышенной платформой – суфой в центре. Эта суфа, а также суфы в лоджиях по сторонам зала служили лежанками для массажа. Из главного восьмиугольного зала узкие про-

[242] Воронина В. Л. Бани-хаммам …. С. 142.
[243] Там же.
[244] Там же. С. 133-145.

ходы вели в моечные помещения с высокой и умеренной температурой – гарм хона и хунук хона. Эти моечные, соответственно, соединялись с резервуарами с горячей и холодной водой, которую черпали через окошечко в стене. В. Л. Воронина среднеазиатские бани XV–XVII вв. подразделяет на три основных типа. Среди них обособленным третьим типом выделены бани Бухары, обладающие рядом отличительных черт, что свидетельствует о самобытности традиций бухарской школы зодчества и в устройстве бань.



Миниатюра «Харун ар-Рашид и цирюльник», конец XV в. *(по: Полякова, Рахимова, 1987)*

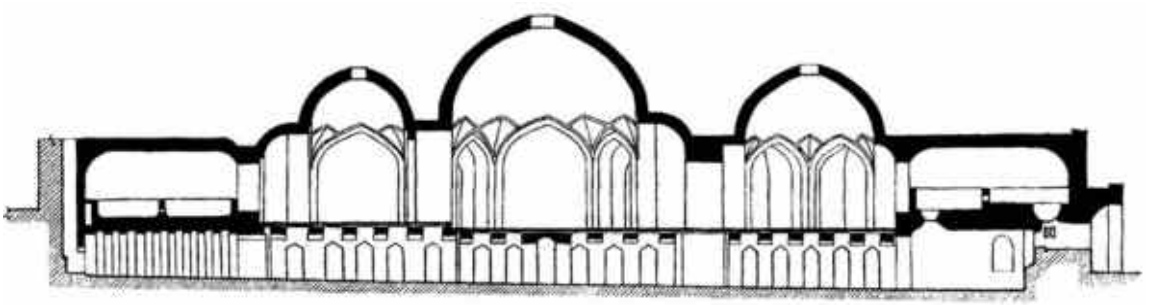
Многие бани Бухары были вписаны в состав торговых либо других общественных центров, отчего их план получал форму застраиваемого участка. Бани Саррафон и Мисгарон, входящие в комплекс торговых куполов, примыкая к ним с угла, были весьма схожи по плану и почти зеркально повторяли друг друга.

Вестибюль бани часто сооружали с каркасными стенами и плоскими балочными перекрытиями на колоннах. Еще одно отличие – в бухарских банях в мион-сарае суфа была преимущественно квадратной, а сам мион-сарай – восьмиугольной формы.

Некоторые бани имели крошечные туалеты, а также небольшие мечети, размещавшиеся в боковых лоджиях (в банях Саррафон и Мисгарон) часто с ориентированной на запад михрабной нишей (в банях Мисгарон, Махсидузлик, Чашма-Аюб)[245].

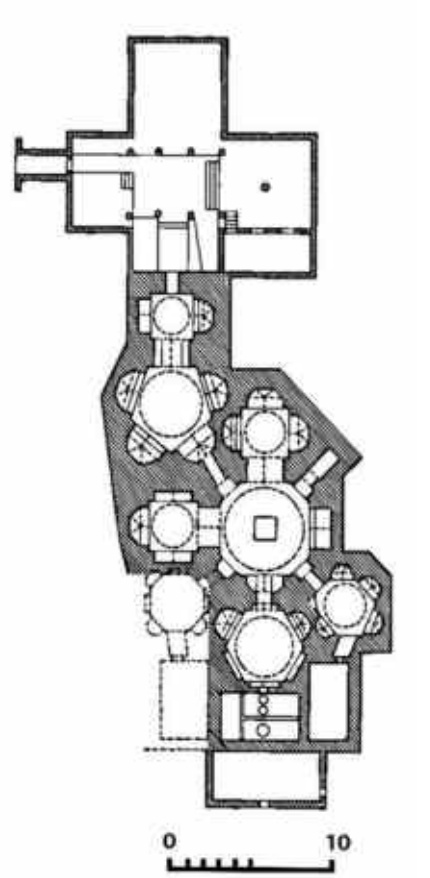
В. Л. Воронина считает, что средневековые бани «теряют свой декор. И лишь редкие упоминания говорят о стремлении украсить» их, или что «внешний облик зданий (бань) никого не заботил»[246]. Мы же не согласны с таким утверждением, поскольку, судя по данным книжной миниатюры XV–XVII вв., «вход в баню с улицы разрабатывался с особой тщательностью в виде небольшого парадного портала»[247].

[245] Воронина В. Л. Бани-хаммам … С. 141.
[246] Там же. С. 145.
[247] Рахматуллаева С. Дж. Образ средневекового зодчества в миниатюре Мавераннахра XV-XVII вв. // Автореф. дисс…. канд. искусствоведения. Ташкент, 1991. С. 12.



Баня Саррафон XVI в.
Разрез с реконструкцией (по: Filimonov, Nekrasova, 1998)

В силу высокой изнашиваемости и в результате многочисленных реконструкций эти сооружения ныне утратили свой богатый декор. Однако по ряду миниатюр конца XV в., к примеру, «Хорезмшах Фахр ар-Рази в бане»[248] к рукописи «Хайрат ал-абрар» Алишера Навои, «Харун ар-Рашид и цирюльник» к рукописи «Хамса» Низами[249] и др., можно заключить, что эти здания первоначально имели разнообразный декор. Полы бань, как и в ныне сохранившихся зданиях, выложены мрамором, панели отделаны шестигранными майоликовыми плитками и обведены по периметру полосой утонченного растительного орнамента, стены покрыты изящными росписями растительного рисунка, фонарь в зените купола украшен решеткой-панджара и полосой эпиграфического декора в основании фонаря. Сказанное отчасти подтверждают поздние археологические изыскания, в ходе которых исследователи выявили ныне утраченные остатки майоликовых облицовок XVI в. бухарской бани Саррафон[250].



Баня Саррафон XVI в.
План (по: Filimonov, Nekrasova, 1998)

[248] Сулейман Х., Сулейманова Ф. Миниатюры к произведениям Алишера Навои XV-XIX вв. … Ил. 87. «Хорезмшах Фахр ар-Рази в бане» к ркп. «Хайрат ал-абрар» Навои. Герат, 1491-1492 гг., каллиграф Султан Али Мешхеди, Винздор, Королевская дворцовая библиотека, ms, 65.

[249] Полякова Е., Рахимова З. Указ. соч. Ил. 36. «Харун ар-Рашид и цирюльник», Герат, конец XV в. К рукописи «Хамса» Низами. Британский музей, Лондон.

[250] Filimonov V., Nekrasova E. L'ensemble architectural de Taq-e Sarrafan a Boukhara // Cahiers D'ASIE CENTRALE, № 5-6, 1998. C. 117.

Хорошо сохранившаяся, эта баня использовалась по первоначальному назначению еще в недавнее время. Она, вероятно, была возведена одновременно с прилегающим к ней торговым куполом Саррафон, датируемым 1534–1535 гг. Наземная часть бани – это вестибюль из глино-каркаса с земляной кровлей, который служит раздевальней и комнатой отдыха. Отсюда лестница ведет в заглубленную в землю основную часть из жженого кирпича на водоустойчивом кыровом растворе, перекрытую куполами. Затем из комнаты с умеренной температурой для мытья ног посетитель попадает через пятигранный зал с нишами в стенах в центральное восьмигранное помещение. Оно связано проходами и арками с восемью обводящими его залами. Из них сохранились массажная – ходимхона, самое жаркое помещение – гармхона, откуда брали горячую воду из резервуара через окошко в смежной стене, зал с прохладной водой – хунукхона, связанный проемом с соответствующим бассейном и др. Обогрев бани и резервуаров осуществлялся подпольными дымовыми каналами, идущими от топки в южном конце здания. Пол бани был вымощен мраморными плитами. Залы освещались только через отверстия в зените куполов.

В Бухаре в XVI–XVII вв., помимо названных выше, судя по вакфным документам, работали еще и «бани Хиебон (или Ходжа Хабибулла), Тиркашдузон, Регистан, Заргарон, Мохичапази, Шахи Минор, Гаукушон, Газиян, Каппа, Джуйбар, Сари Базари Регистан, Ходжа, Гарибия, Кафшфурушон и др.»[251].

Хотелось бы отметить еще одну особенность в строительстве бань Бухары. Согласно нашим исследованиям, многие бани возводились напротив здания медресе, вблизи мечети, что было весьма удобным как для обитателей медресе, так и посетителей мечети и жителей прилегающих кварталов. Эта взаимосвязь была распространенной уже в X в. Например, при Саманидах (X в.) напротив некоего медресе в Бухаре располагалась баня, рядом с которой визирь Ахмад ал-Утби построил мечеть[252]. В XII в. дворец, отданный Арсланханом под медресе, перешел в вакф этого учебного заведения вместе с близлежащей баней.

Такие же примеры мы выявили и в архитектуре XV–XVII вв. Стало известно, что напротив медресе Улугбека с XV–XVI вв. до строительства здесь медресе Абдулазизхана 1552 г. находилась баня Ходжа Ахрара[253].

В 1566–1567 гг. напротив ханской бани, выстроенной Абдуллаханом II, он же воздвиг величественное медресе Мадарихан[254]. Эти примеры иллюстрируют факт того, что традиция возведения бани напротив или вблизи медресе и мечети существовала в X и продолжалась еще и в конце XVII столетия.

[251] Джураева Г. А. Средневековые бани и другие водные сооружения Бухары // ОНУ. 1998. № 4-5. С. 67.
[252] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. Указ. соч. С. 36-37.
[253] Чехович О. Д. Самаркандские документы XV-XVI вв. (О владениях Ходжа Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974. С. 32.
[254] Хофиз Таниш Ал-Бухорий. Абдулланома. Том I / Пер. с фарси на узб. яз. Садика Мирзаева. Ташкент, 1999. С. 180.

Следует отметить, что рассмотренные выше памятники гражданской архитектуры Бухары представляют собой уникальный и важный раздел зодчества Центральной Азии. Здесь, в блистательной столице Мавераннахра, были выстроены и, как нигде в регионе, хорошо сохранились, используемые по настоящее время великолепные бани, выразительные торговые купола над перекрестком древних торговых улиц, крупный крытый рынок, гидротехнические постройки – купольные сардоба и открытые водоемы – хаузы, являющиеся одними из немногих сохранившихся гражданских сооружений Центральной Азии XV–XVII вв.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ

Средневековая Бухара, которую называли «Бухорои-Шариф» – Благородная Бухара, а также «Куббат ал-Ислом» – Купол Ислама, была важным религиозным центром Среднего Востока. С ней связаны имена таких знаменитых ученых-богословов, как Мухаммад Имам ал-Бухари, Абу Хавси Кабир, Сайф ад-Дин Бохарзи, а также основоположников тариката Хожагон – Абдулхалика Гиждувани, второго и основного эпонима – Мухаммада Баха ад-Дина Накшбанда и др.

Среди сотни монументальных высокохудожественных сооружений города исследуемого периода – мечетей, медресе, суфийских ханака, по функциям и архитектуре мы выделили ряд их видов и подвидов, свидетельствующих о многообразии данных строений.

МЕЧЕТИ

Традиционно наиболее многочисленными и разнообразными по архитектуре среди культовых сооружений были мечети. В Средней Азии они появились после ее завоевания арабами, вероятно, в конце VII – начале VIII в. «Специфический облик мечети складывается к концу VIII в., когда оформляются минарет, максура (место для молений высокопоставленных лиц) и михраб», затем появляется минбар для проповедника»[255].

В ранние периоды ислама наряду с пятничными мечетями строились квартальные, домашние (во дворцах), позже – праздничные мечети – намазгох и мечети в составе караван-сараев, медресе, а также поминальные мечети на кладбищах. Среди них по функциям и архитектуре выделяются три основных типа: квартальные сооруже-

[255] Милославский Г. В., Пиотровский М. Б., Прозоров С. М. Ислам. Энциклопедический справочник / Под ред. Г. В. Милославского, Ю. А. Петросяна и др. М., 1991. С. 160.

Мечеть Балянд, XVI в.
Фрагмент главного фасада

ния для ежедневных пятикратных молитв, предназначенные для жителей определенного квартала; джами‘ или соборные, мечети для общегородских молений по пятницам; праздничные – намазгох (идгох, мусалля) для молений населения города и его округи два раза в год по праздникам Фитр и Курбан-хаит. Архитектурные особенности каждого из этих трех типов мечетей, сформированные в основном уже в XII в., совершенствовались в XV–XVI вв.

Бухара, пожалуй, единственный город Средней Азии, где сохранились образцы (или основания) каждого их трех типов мечетей начиная с XII в. Все они реконструировались, восстанавливались или дополнялись в XV и XVI вв. Это мечети – квартальная Магоки-Аттори и праздничная Намазгох, возведенные в XII в., дополнительно декорированные в XV и перестроенные в XVI в., а также соборная мечеть Калян, возведенная в XV в. на сохранившихся от XII в. фундаментах и реконструированная (во входной части) в XVI в.

Помимо реконструкции этих древних в своей основе зданий, в Бухаре в XV–XVII вв. было возведено множество новых мечетей. Ниже мы рассмотрим их, дифференцируя по функциональным типам, а среди типов выделяя разновидности по объемно-планировочной композиции зданий.

Квартальные, или гузарные, мечети как и в других регионах, в Бухаре устраивались в домусульманских культовых зданиях или на их месте. Так, по свидетельству Наршахи, в Бухаре на месте храма огнепоклонников мусульмане возвели мечеть Мох, которая сгорела при пожаре в 937 г. [256]

Раскопками было выявлено, что в IX–X и XII вв. здесь действительно существовала четырехстолпная мечеть. В 1540-е гг. частично на ее старых фундаментах, с расширением площади, а также с сохранением южного портала и древнего уровня пола XII в., была возведена новая прямоугольная в плане однокамерная столпно-купольная мечеть Магоки-Аттори[257]. Эта постройка, расположенная рядом с торговыми

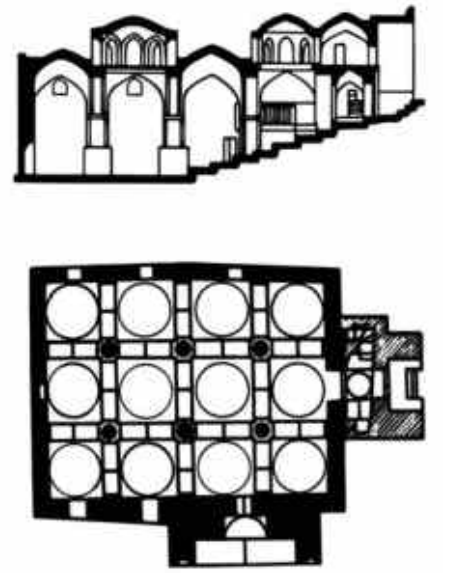
[256] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. История Бухары / Пер. Н. Лыкошина. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. С. 30.
[257] Маньковская Л. Ю. Мечеть Магоки-Аттори // Паспорта памятников архитектуры Бухарской области. Архив Института искусствознания АН РУз., ИЗО. М-23, № 1185/19. С. 2. Ташкент, 1983-1984 гг.

рядами и базаром Атторон, служила квартальной мечетью, хотя ее монументальная и древняя в своей основе архитектура с многокупольным залом на кирпичных столбах не была традиционной для квартальных мечетей Бухары XV–XVII вв.

Более характерными для квартальных мечетей изучаемого периода были перекрытия однокупольные и плоскокровельные, на деревянных колоннах, а иногда вовсе без них. Молельный зал такой мечети с одной, но чаще с двух или трех сторон обводил айван на деревянных колоннах. В Бухаре в XVI–XVII вв. насчитывалось около сотни мечетей такого типа. Более ранние и значительные из них, принадлежавшие богатым кварталам, имели монументальные конструкциии из жженого кирпича. Остальные сооружались глино-каркасными, то есть со стенами из двойного деревянного каркаса, заполненного сырцовым кирпичом или гуваля.

Квартальные мечети Бухары (XVI в.) Баланд и Ходжа Зайн ад-Дин (XVI в.) являются наиболее древними из сохранившихся в Средней Азии построек этого типа.

Мечеть Субханкулихана, XVII в.
Айван перед входом



Мечеть Магоки Аттори, XII, XVI вв.
План и разрез

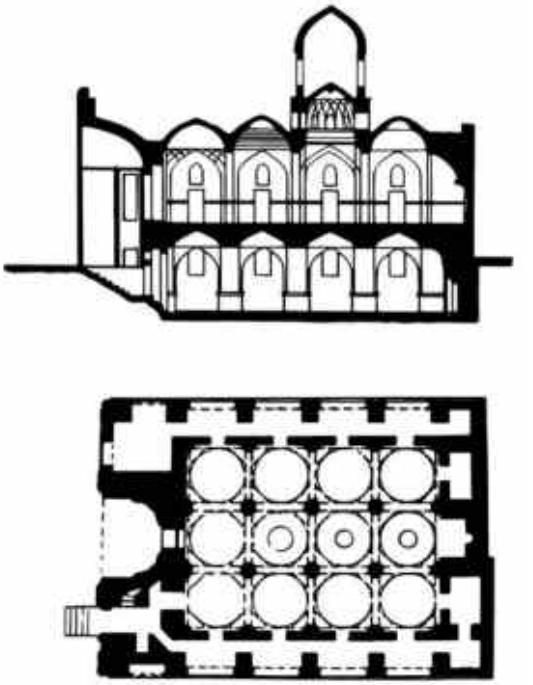
В отличие от других квартальных мечетей, традиционно сооружаемых глинокаркасными, гузарная мечеть Баланд была выстроена из жженого кирпича на высоком каменном стилобате, что и явилось причиной ее хорошей сохранности. Как уже отмечалось, небольшая кубовидная постройка с Г-образным в плане колонным айваном была скромно оформлена с фасадов и обильно украшена декором (мозаика, майолика и живопись кундаль) внутри зала.

Мечеть-ханака Ходжа Зайн ад-Дина, также была возведена из жженого кирпича, на высоком стилобате, с Г-образным айваном. Интерьер зала был украшен богатым

Мечеть Магоки Курпа, XVII в.
Общий вид

декором (мозаика, майолика и живопись кундаль). В отличие от мечети Баланд здание Ходжа Зайн ад-Дина, совмещавшее функции ханака и квартальной мечети, – многокамерное, зал мечети перекрыт куполом. Эта мечеть-ханака входила в состав культового комплекса, где по диагонали от нее располагался упомянутый выше крупный каменный хауз, а прилегающий двор по периметру был застроен худжрами конца XIX в.

К монументальным и пышно декорированным мечетям можно отнести также здание, возведенное Субханкулиханом (1680-1702 гг.) по принципу квартальной мечети в резиденции бухарских ханов – крепости Арк. Зал мечети на четырех деревянных колоннах с трех сторон обводил колонный



Мечеть Магоки Курпа, XVII в.
План и разрез

Таш-мечеть в Вабкенте, XVI в.
Общий вид. Фото 2000 г.

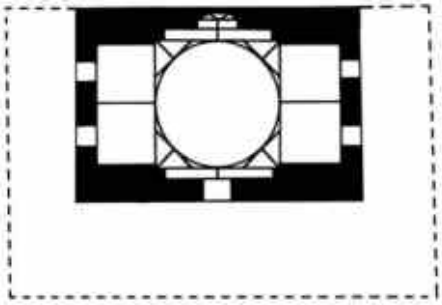
Таш-мечеть в Вабкенте, XVI в.
Фрагмент интерьера, фото 2000 г.

айван. Плафоны зала и айвана были богато расписаны полихромным узором.

Как отголосок древних традиций в XV–XVII вв. квартальные мечети изредка строились полностью из жженого кирпича со столпно-купольными конструкциями. При этом потолок разбивался на квадратные ячейки, соответственно числу куполов. В каждой из ячеек купол возводился на четырех сквозных стрельчатых арках, которые опирались на кирпичные столбы или же пилоны, выступающие из ограждающих стен. Простое блокирование подобных ячеек создавало количественные варианты купольно-столпных композиций.

По справедливому замечанию Л. Ю. Маньковской, «увеличение числа опор и расширение размеров зала не было процессом эволюции во времени: одно- и четырехстолпные композиции существова-

Мечеть Курган в Вангази.
Общий вид, фото 2000 г.



Мечеть Курган в Вангази, XVI в.
План

ли параллельно с шести–восьмистолпными»[258]. Отметим, что наиболее древние из купольно-столпных мечетей Бухары – Магоки-Аттори IX–XI вв., а также хорошо сохранившаяся мечеть XI в. Диггарон в селе Хазара в Бухарском оазисе были четырехстолпными.

Эти редкие по типу столпно-купольные квартальные мечети в Бухаре были выстроены в период ее расцвета в XVI – середине XVII вв. Среди них – одностолпная четырехкупольная мечеть Кульбаба Кукельдаша (1585–1586 гг.)[259] и две схожие по плану шестистолпные двенадцатикупольные мечети Магоки-Аттори и Магоки Курпа (1656 г.).

В различных населенных пунктах Бухарского оазиса также возводились сельские столпно-купольные мечети из жженого кирпича, которые из-за их монументальных конструкций называли Таш-мечеть (каменная, т. е. кирпичная). Это малоизвестные

[258] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX - начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 109.
[259] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 183.

четырехстолпная девятикупольная Таш-мечеть XV в. у села Гиждумак в Гиждуванском районе и двухстолпная шестикупольная Таш-мечеть XVI в. в Вабкентском районе и др.

Иногда к таким столпно-купольным залам мечети снаружи с 2-3 сторон пристраивался айван на деревянных колоннах. Таковы Таш-мечеть в Вабкентском районе и мечеть Кукельдаш в Бухаре, где к монументальному по конструкциям столпно-купольному залу снаружи с северной и восточной сторон примыкали айваны с плоским перекрытием на деревянных колоннах и михрабной нишей на западной стене.

Многие квартальные и сельские мечети XV–XVII вв., как и в позднее время, имели прилегающий двор, по периметру которого размещались (в зависимости от развитости комплекса) входное помещение – далон или дарвазахана, мактаб, несколько худжр, тахаратхана (место для ритуальных омовений), а иногда – гуслхана (место для полных омовений), тавутхана (место для хранения погребальных носилок) с хаузом в центре двора. Со второй половины XVII в. в связи с экономическим кризисом сокращался объем строительства и, вероятно, поэтому некоторые гузарные мечети стали совмещать также и функции суфийского ханака. Иногда, наоборот, здание ханака, расположенное в суфийском комплексе дворовой структуры, служило мечетью прилегающего квартала. Эта тенденция нарастала и стала обычным явлением в архитектуре Бухары XVIII–XIX вв. (мечети-ханака в суфийских комплексах Халифа Ниязкул, Халифа Худайдот и др.)

В архитектуре квартальных мечетей Бухарского оазиса XV–XVII вв. мы выделяем следующие три типа:

а. *Купольный зал мечети* *с двухсторонним Г-образным в плане айваном.* Это ханака-мечеть Ходжа Зайн ад-Дина, мечеть Ханака-и Ляби Хауз-и Мир-Дустум (XVI в., двухэтажная, утрачена) и Дуст Чирог Окоси (судя по эпиграфике – 1587 г.; после обрушения купола в зале устроено балочное одноколонное перекрытие) в Бухаре, а также мечеть Хазрати-бобо (XVI–XVII вв., обмер Р. У. Пардаевой) в Бухарском районе;

с трехсторонним П-образным в плане айваном: мечети Курган (XVI в., село Вангази) и Равоти-Поен (Бухарский район);

б. *Зал мечети с балочным перекрытием на колоннах* *с прилегающим к залу с 1-3 сторон колонным айваном*:

с односторонним колонным айваном: в Бухаре – мечеть Имам Газали (XVI–XVII вв., с одноколонным залом), мечеть-ханака Мавлоно Шариф (1679–1680 гг., с многоколонным залом);

с двухсторонним Г-образным в плане айваном: ханака-мечеть Шахи Ахси (конец XVI в., с десятиколонным залом);

с трехсторонним П-образным в плане айваном: Касри-Арифан (XVI в., Бухарская область) – поминальная мечеть, совмещавшая функции квартальной, и мечеть Кози-Абдулло (XVII в., г. Вабкент) – обе с четырехколонными залами.

Исключение составляют здания, возведенные с плоской кровлей без колонн в зале, но традиционно с двухсторонним колонным айваном (мечеть Баланд и др.);

в. *Столпно-купольные мечети.* *Одностолпные* четырехкупольные: мечеть Кульбаба Кукельдаша в Бухаре (1585–1586 гг.);

двухстолпные шестикупольные: Таш-мечеть в Вабкентском районе (XVI в.);

четырехстолпные девятикупольные: Таш-мечеть у села Гиждумак (начало XV в., Гиждуванский район);

шестистолпные двенадцатикупольные: перестроенная в XVI в. мечеть Магоки-Аттори и сооруженная в XVII в. (1656 г.) на старых основаниях двухэтажная мечеть Магоки Курпа (обе постройки древние в своей основе, глубинной композиции с торцевым входом).

Джума-мечети. Первую соборную мечеть Бухары выстроил в 713 г. Кутайба ибн Муслим в крепости на месте капища идолов и приказал жителям города собираться туда на молитву каждую пятницу[260].

Мухаммад Наршахи отмечал, что из-за тесноты и ветхости первой вторая соборная мечеть была построена в 770 г. между крепостью и шахристаном при наместнике Фазле ибн Йахйа. Он потратил много средств и усилий для возведения этого крупного сооружения. Последующие правители, в том числе и амир Исмаил Самани, неоднократно его расширяли. При Саманидах мечеть обрушивалась, а затем дважды восстанавливалась. В 918–919 гг. визирем Саманидов Джейхани при этом здании был возведен минарет. В 1067 г. в схватке за город двух сыновей Караханида Ибрагима Тамгачхана при штурме крепости загорелся деревянный фонарь этого минарета. Головни упали на соборную мечеть, и она сгорела. Победивший в сражении Шамс ал-Мульк вновь выстроил соборную мечеть, но уже вырыв между нею и крепостью ров и соорудив верх минарета из кирпича. Максура, михраб и минбар (ступенчатое возвышение для имама) мечети были вытесаны и украшены орнаментом в Самарканде и привезены в Бухару[261].

Спустя полстолетия караханидский правитель Бухары Арсланхан, во избежание пожаров, решил выстроить новую соборную мечеть в значительном отдалении от крепости на территории шахристана. Вышеупомянутый минарет был вырыт и перенесен сюда от мечети Шамс ал-Мулька, но из-за неправильных расчетов он обрушился на новую мечеть. Арсланхану пришлось вновь возводить джума-мечеть и новый минарет, но уже с большим запасом прочности. Этот минарет – Калян – высотой 45,6 м работы ма-

[260] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. Указ. соч. С. 63.
[261] Там же. С. 66-67.

стера Бако сохранился и поныне, пережив возведенные при нем позднее несколько мечетей.

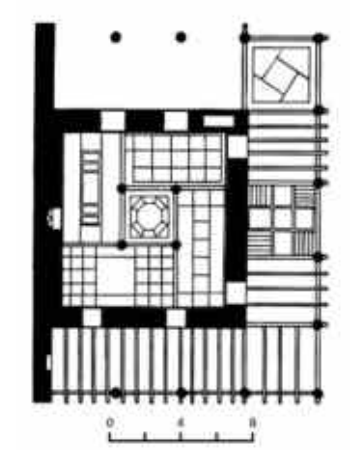
Соборная мечеть, выстроенная Арсланханом в XII в. одновременно с этим минаретом, имела характерную для зданий данной функции планировочную структуру. В сооружении прямоугольного плана обширный внутренний двор по периметру был застроен галереей, вероятно, с деревянным балочным перекрытием на деревянных колоннах. Вход в здание был устроен в центре восточного фасада. Напротив входа на продольной оси находилась максура с михрабной нишей. От этой мечети XII в., сгоревшей при взятии Бухары в 1220 г. войсками Чингиз-хана, сохранились лишь фундаменты из кирпичного боя и следы ганча от заливки полов. Позднее, в XIII в., она была выстроена из кирпича на выровненной после пожарища площадке[262].

Основания этого здания были непрочными, и оно вскоре разрушилось.

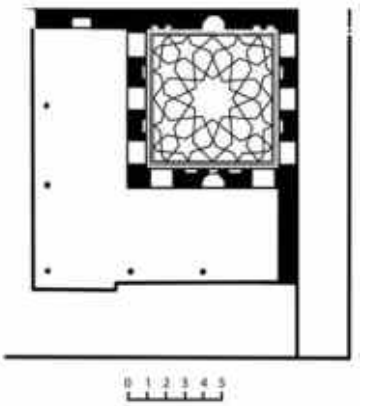
Лишь в XV в. при Темуридах была выстроена новая джума-мечеть Калян с использованием фундаментов XII в. Она дошла до нашего времени с перестроенным в XVI в. главным фасадом и обновленным декором михраба.

Развивая традиции предшествующего времени, зодчие как в эпоху Темуридов, так и после них совершенствовали архитектурный тип джума-мечетей. В Средней Азии существовало два основных типа классических соборных мечетей – дворовой структуры и гипостильные. Они возводились как с монументальными кирпичными столпно-купольными, так и более легкими деревянными балочно-стоечными конструкциями перекрытий.

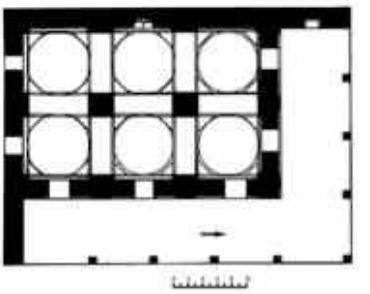
Первый тип – это наиболее распространенные в Средней Азии вышеописанные ***джума-мечети дворовой структуры,*** которые были здесь монументаль-



Мечеть Касри Орифон, XVI в.
План

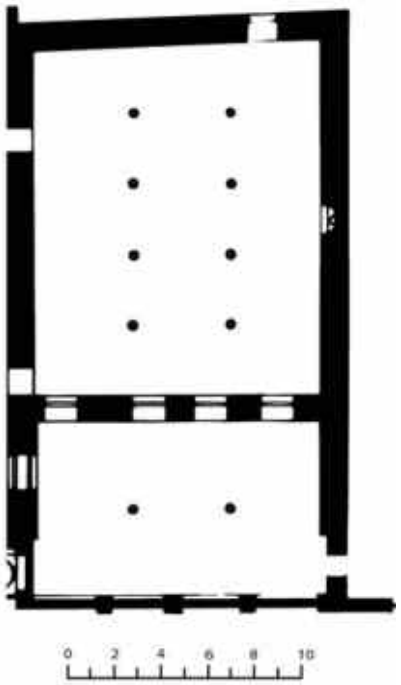


Мечеть Балянд, XVI в.
План



Таш-мечеть в Вабкенте, XVI в.
План

[262] Маньковская Л. Ю. Мечеть Калян // Паспорта памятников архитектуры Бухарской области. Архив Института искусствознания АН РУз., ИЗО. М-23, №1185/5. С. 3. Ташкент, 1983-1984 гг.



Мечеть Мавлоно Шариф, XVII в.
План

Мечеть в Гиждумаке, XV в.
Фрагмент интерьера, фото 2000 г.

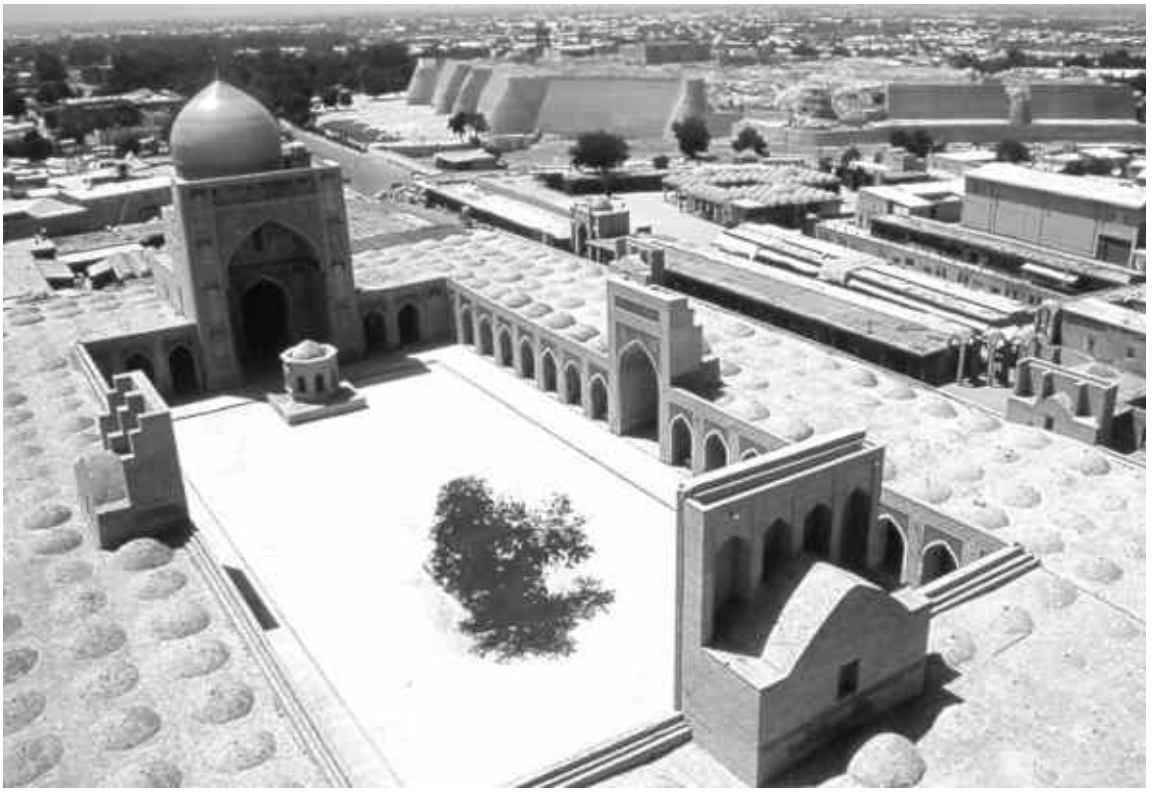
ными по конструкциям и возводились из жженого кирпича.

Классический тип джума-мечети в XV–XVII вв. представлял собой весьма крупное здание, в котором внутренний прямоугольный двор обводила купольно-столпная галерея. На главной – продольной оси устраивали парадный вход – пештак, а в глубине двора – купольное здание зимней мечети. В крупных соборных мечетях на поперечной оси двора размещали сводчатые айваны – мечеть Калян в Бухаре, либо дополнительные портально-купольные объемы зимнего зала – мечеть Биби-ханым в Самарканде.

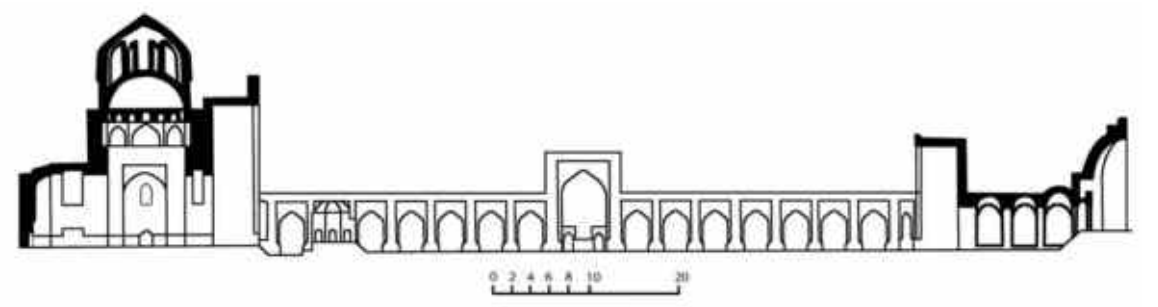
В 1514–1515 гг. по приказу Убайдуллахана была капитально перестроена и декорирована майоликой и изразцами фасадная часть соборной мечети Калян. Судя по укрепленной над входом мраморной доске с посвятительной надписью, хан использовал на реставрацию средства, приобретенные во время похода на Герат в 1514 г. Над зимним залом мечети возвышался высокий голубой купол, доминирующий в окружающей застройке и придающий особую выразительность силуэту здания.

Соборную мечеть Ходжа Калон вместе с минаретом возвел в 1579–1580 гг. джуйбарский шейх Ходжа Са'ад севернее медресе Гаукушон. Это была традиционная по архитектуре, но двухайванная джума-мечеть с арочно-столпной галереей по периметру двора, с портально-купольным залом в его глубине на продольной оси.

При строительстве менее крупных джума-мечетей этого типа, соблюдая дворовую композицию, иногда допускались отдельные отклонения от вышеназванных устоявшихся канонов. Так, весьма необычной по архитектуре была мечеть Валида-и Абдулазизхан в ансамбле Хаузи-Нау. До недавнего времени ее относили к XVII в. и строителем считали правителя Абдулазизхана II Аштарханида. Однако исходя из последних эпиграфических данных (на



Мечеть Калян. XII, XV, XVI вв.
Вид сверху

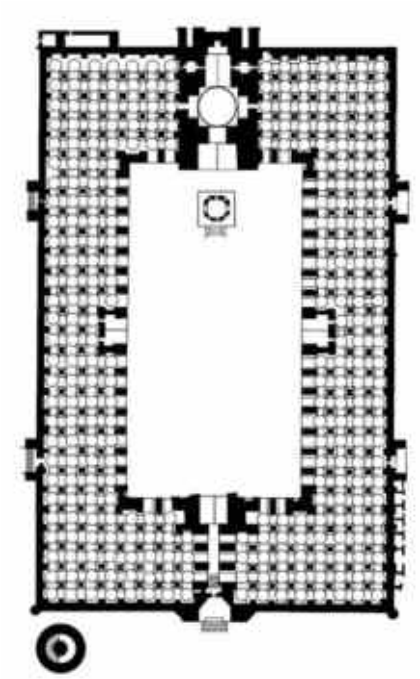


Мечеть Калян.
Разрез по продольной оси

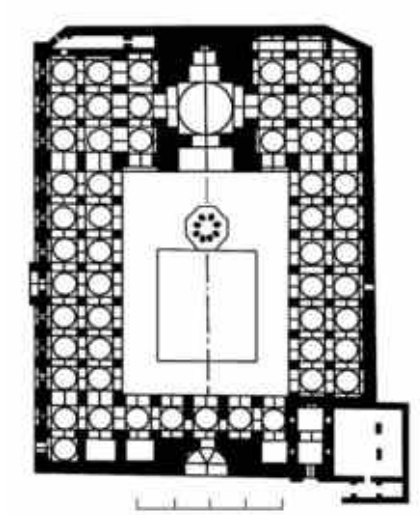
туловах колонн и над северным входом) и вакфных документов, следует, что мечеть эта была выстроена в правление Абдулазизхана I Шейбанида в 1540–1550 гг.[263]

В ходе натурных исследований мы были удивлены необычностью структуры и в целом архитектуры этого сооружения. Здесь были смешаны приемы, характерные для соборных и квартальных мечетей. Так, здание похоже на соборную мечеть

[263] Бабаджанов Б. Эпиграфические памятники Бухары (проблемы и перспективы изучения) // ОНУ. 1997. № 9-11. С. 159.



Мечеть Калян.
План



Мечеть Ходжа Калон, XVI в.
План

наличием внутреннего двора, застроенного по периметру столпно-купольной галереей, где на поперечной оси по высоте выступает портал, а на продольной оси двора с запада – купольный зал с богато украшенным михрабом. Постройка также обладает чертами, которые присущи квартальным мечетям – это, например, пристройка снаружи к зданию Г-образного в плане айвана на деревянных колоннах. Объяснение этому автор настоящей монографии нашла позже в замечании О. И. Сухаревой о том, что это здание служило как соборной, так и квартальной мечетью[264], что и объяснило причину смешанного характера ее архитектуры.

Со второй половины XVII в. с началом упадка экономики и, как следствие – сокращением масштабов строительства, наблюдаются еще большие отклонения от классических канонов архитектуры соборной мечети дворовой структуры. Так, еще одна небольшая джума-мечеть – Поянда Аталык была возведена на бухарском Регистане по плану традиционной джума-мечети, однако план мечети был механически усечен вполовину по поперечной оси. Мечеть имела внутренний двор, обведенный с трех сторон п-образно расположенной в плане столпно-купольной галереей. С четвертой, западной, стороны двор замыкала обычная глухая стена с михрабом. В центре входной части располагался крестовидный в плане купольный зал мечети, раскрытый во внутренний двор крупным портальным айваном.

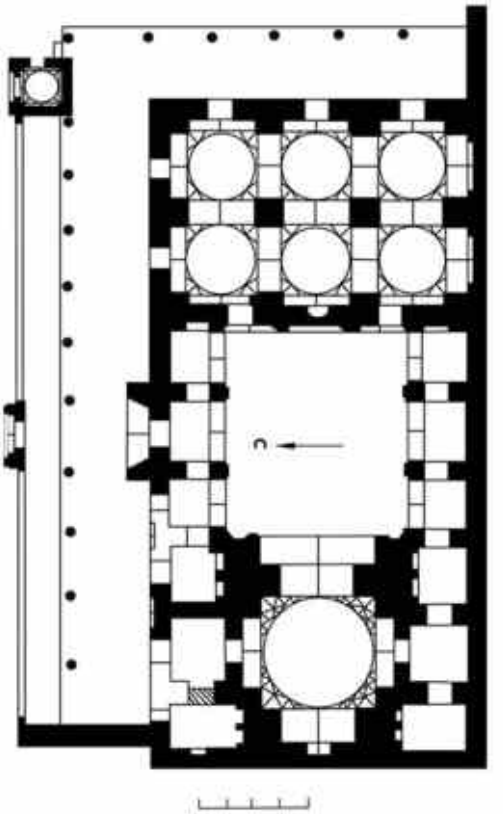
Джума-мечети с гипостильным залом в исследуемый период в Средней Азии не имели широкого распространения.

Они редко встречались и в зодчестве бухарской школы этого времени. Но и в единичных существующих зданиях предпочтение отдавалось

[264] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 103.

в основном монументальным кирпичным конструкциям перекрытия. При этом получался вариант рассмотренной выше столпно-купольной композиции квартальных мечетей. Только в соборных мечетях увеличивалось число квадратных купольных ячеек, на главной оси возводился входной портал, а за ним в центре здания устраивались более крупные купола. Такова архитектура Таш-мечети в селе Вангази. Как выяснилось, ее возвел вместе со стройным минаретом в 1585 г. ходжа Са'ад Джуйбари[265]. Прямоугольная в плане мечеть имела фронтальную столпно-купольную композицию. По центральной поперечной оси поочередно располагались: портальный вход, за ним в центре – средний по размерам купол, и далее перед михрабом – крупный купол мечети. Остальную часть здания, по сторонам (с севера и с юга) от этой центральной анфилады куполов, занимает столпно-купольная галерея из 16 одинаковых малых куполов на шести кирпичных столбах в каждой стороне. По свидетельству Бадр ад-Дина Кашмири, она была выстроена на месте аналогичной деревянной каркасной постройки[266]. Из этого можно заключить, что до конца XVI в. старая мечеть в Вангази могла представлять собой большое помещение с перекрытием на многих деревянных колоннах (типа сохранившейся Джума-мечети XVIII в. в Хиве). В 1585 г. мечеть была перестроена с применением монументальных столпно-купольных конструкций.

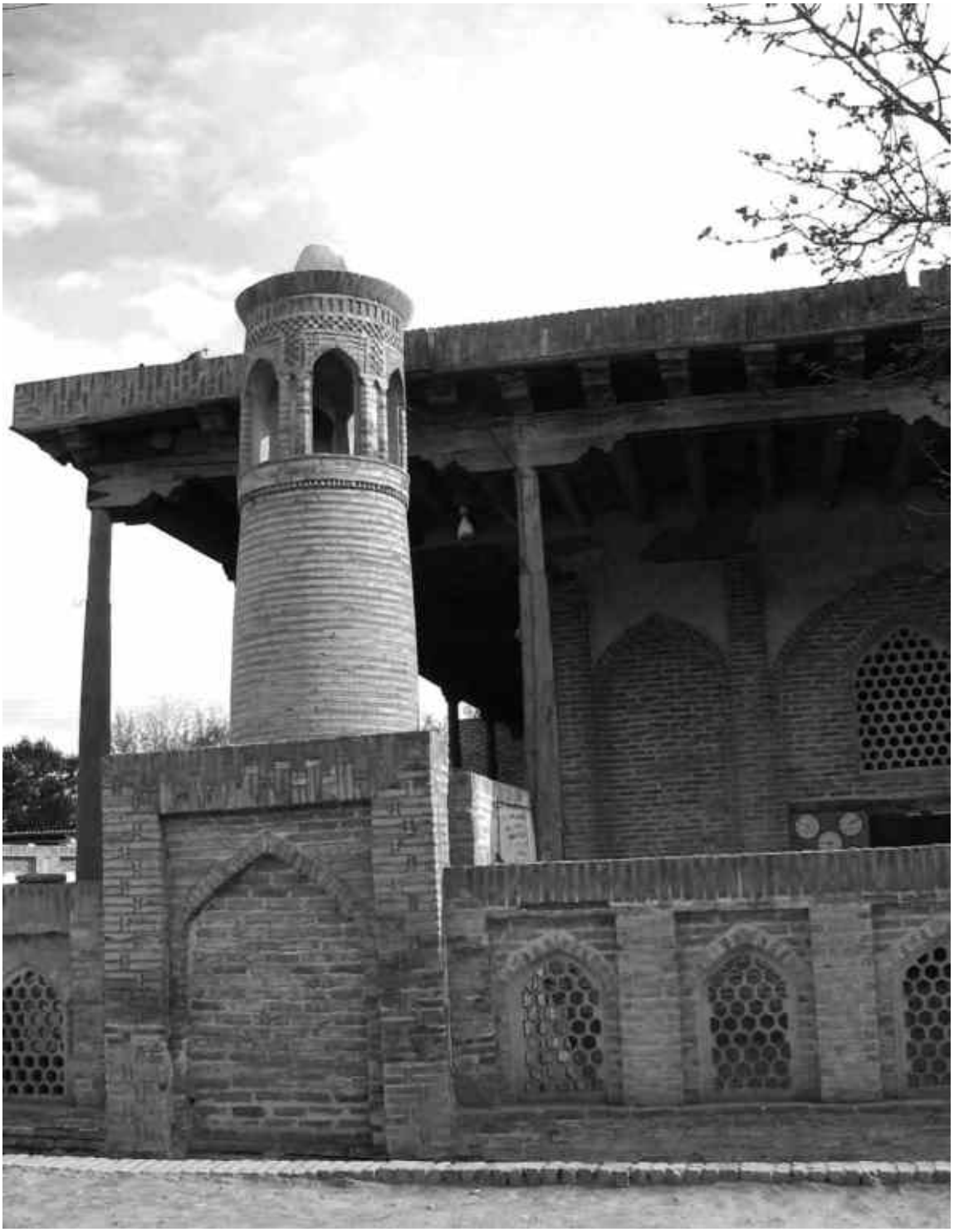
Мечеть Валида-и Абдулазизхан, XVI в.
Фрагмент галереи во дворе



Мечеть Валида-и Абдулазизхана.
План

[265] Бабаджанов Б. Дополнения по эпиграфике и истории памятников архитектуры Бухарской обл. Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М), №1152/1. Ташкент, 1992. С. 13; Извлечения из: Бадриддин Кашмири. Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 2094. Л. 290. а, б.

[266] Там же, извлечения из Бадриддин Кашмири.



Мечеть Валида-и Абдулазихана.
Фрагмент фасада

Мечеть Намазгох.
Общий вид

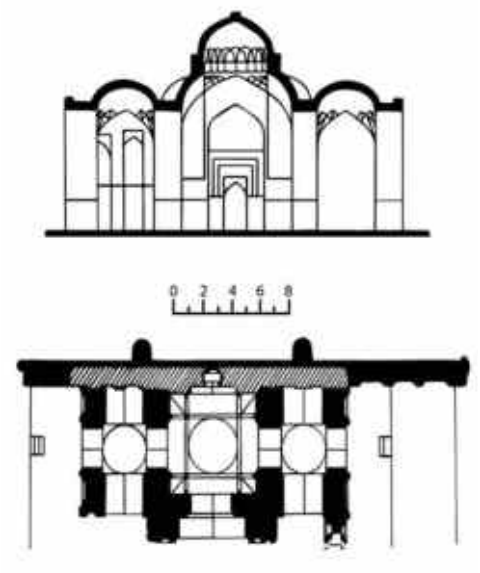
Мечеть Намазгох.
Декор XII и XV в.

Праздничные мечети Намазгох (мусалла, идгох). Первая мечеть намазгох Бухары была выстроена Кутайбой ибн Муслимом. Располагалась она на площади Регистан, прилегающей к городской крепости с запада. С течением времени Намазгох стала тесной, и Мансур ибн Нух на расстоянии в полфарсанга от крепости возвел другую Намазгох[267]. В 1119 г. из стратегических соображений и для удобства жителей Бухары Арсланхан решил выстроить новую мечеть-намазгох вблизи города. Она была сооружена у ворот Ибрагима (позже – ворота Шайх Джалал) на землях царских садов Шамсабад и являлась типичным образцом праздничных мечетей того времени. Намазгох представляла собой монументальную стену из жженого кирпича с михрабной нишей и минба-

[267] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. Указ. соч. С. 68–69.

ром. С востока к ней примыкала обширная площадь для молений, обнесенная сырцовой оградой. Михраб, расположенный в центре стены, был богато декорирован резной терракотой, которая сохранилась и поныне под поздними облицовками XV–XVI вв.

В правление Амира Темура (в конце XIV в.) в мечети Намазгох была произведена некоторая перестройка и нанесен дополнительный декор, от которого сохранилась лишь полоса надписей в технике резной поливной терракоты. В XVI в. при Абдуллахане II к михрабной стене была пристроена трехпролетная арочно-купольная галерея на высоком стилобате. Центральная часть галереи, перекрытая куполом на пересекающихся арках, по фасаду была выделена порталом с майоликовым декором и наборными мозаичными тимпанами[268]. Намазгох с прилегающей к ней обширной площадью, огороженной дувалом, располагалась за городом. Вероятно, размеры ее площади были достаточны, поэтому мечеть долгое время использовалась для публичных молений всех жителей города вплоть до позднего средневековья. Отметим, что архитектура бухарской намазгох была традиционной для аналогичных построек Средней Азии этого времени. К примеру, такую же однорядную трехнефную композицию с предлежащим двором, обнесенным дувалом, представляет мечеть XVI в. в комплексе Султан Мир-Хайдар.



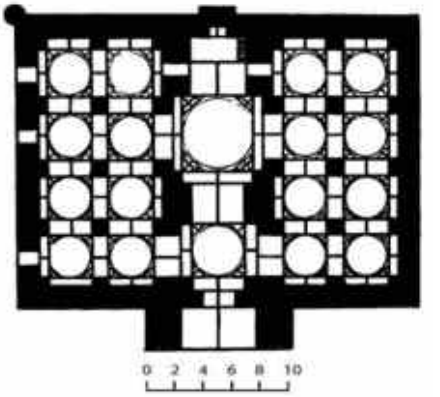
Мечеть Намазгох. XII, XV, XVI вв.
План и разрез

Таким образом, в Бухаре не позднее XII в. уже строились мечети трех основных типов – джума, намазгох и гузарные. Их архитектура явилась основой для последующего развития и совершенствования сооружений этого типа. В XV–XVI вв. окончательно формируется классический тип квартальной, соборной и праздничной мечетей. В Бухаре они представлены такими блестящими образцами, как квартальная мечеть Баланд, джума мечеть Калян и праздничная мечеть Намазгох. Поскольку, как замечено выше, функционально квартальные мечети могли использоваться и как соборные, поэтому наша классификация связана, скорее, с расположением мечетей и их планировочными решениями.

В XVI в. среди мечетей дворового типа, помимо классических образцов, существовала еще и мечеть усеченного состава (Поянда), а также соборные мечети, одновременно выполнявшие функции квартальной мечети. По этой причине они имели архитектуру, характерную для обоих типов мечетей (Валида-и Абдулазизхан).

[268] Маньковская Л. Ю. Свод памятников истории и культуры Узбекистана. Материалы к тому «Бухарская область». Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М). С-48. № 1152. Ташкент, 1983-1984 гг.

Таш-мечеть в Вангази, XVI в.
Интерьер



Таш-мечеть в Вангази, XVI в.
План

Некоторые квартальные мечети XVI в. одновременно служили суфийскими ханака (Ходжа Зайн ад-Дина, Шахи Ахси). Эта тенденция – совмещение в одном здании мечети и ханака – возобладает в конце XVII в. и получит распространение в последующее время.

Наконец отметим, что о существовании в XVI в. поминальных мечетей, представляющих собой постройку в виде айвана на колоннах, свидетельствует наличие таковой в хазира Абдулхалика Гиждувани, устроенной в 1540-1541 гг. Абдулазизханом I. Об этом гласит надпись, прочтенная М. Е. Массоном на каменной базе колонн западного айвана[269].

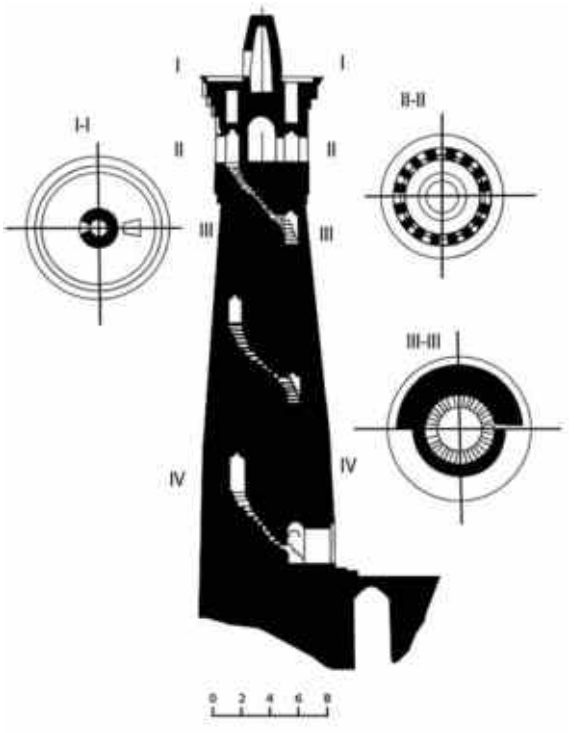
МИНАРЕТЫ

Непременным атрибутом соборной, а часто и квартальной мечети были минареты, предназначенные для созыва мусульман на молитву. Но наиболее крупные и высокие из них, возведенные при джума-мечетях, служили также сторожевыми башнями в военное время. Минареты имели весьма важное градостроительное значение: они оживляли панораму города, в некоторых городах служили надежным высотным ориентиром в его застройке, отмечая место общественного центра города с соборной мечетью, базарами, медресе и т. д.

Генезис минаретов рассматривался в ряде работ, где приводились различные и близкие по сути версии[270]. Обобщая их, можно сказать, что генезис минаретов восходит к архитектуре башнеобразных сооружений доисламского времени, связанных со сто-

[269] Маньковская Л. Ю. Комплекс Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване // АСУ. 1983. № 4. С. 31.

[270] Массон М. Е. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах // Материалы Узкомстариса. Вып. 2-3. Ташкент, 1933. С. 3-11.



Минарет Калян, 1127 г.
Разрезы продольный и поперечные

рожевыми, сигнальными (маяк), культовыми (стамбха в буддизме, аташкеды, колокольни и проч.) и идеологическими (триумфальный памятник, символ могущества государей) функциями, требующими большой высоты и, в ряде случаев, хорошей акустики[271]. В Средней Азии более распространенным был тип минарета с круглым, утончающимся кверху с легким энтазисом стволом, завершенным арочным фонарем. Коничность ствола, продуманная система внутренних связей и мощных оснований придавали минаретам большую устойчивость. Конструктивно минарет состоял из внутреннего столба, вокруг которого вилась винтовая лестница, и наружной стенки кольцевого сечения. Кирпичные ступени и радиальные деревянные брусья, закладываемые по ребрам ступеней, соединяли внутренний столб и внешнюю стенку минарета, как бы армируя всю его конструкцию. Винтовая лестница вела на верхнюю площадку, перекрытую фонарем с арочными проемами, откуда азанчи созывали прихожан на молитву. Устройство оснований этих сооружений мы рассмотрим позднее.

Ранние минареты Средней Азии не сохранились, но известно, что они были выстроены из сырца. Некоторые сырцовые минареты позже облицовывались жженым кирпичом. Иногда фонари минаретов были деревянными. Например, в Бухаре таковым был минарет X в. Джайхони[272]. Впоследствии их стали сооружать полностью из жженого кирпича, с украшением ствола горизонтальными поясами рельефной фигурной выкладки кирпича, а также одним и более рядами эпиграфического орнамента (минарет Абу Джафар Ахмеда 1004–1005 г. в Мешхеди-Месториане, ныне Туркменистан). С XII в. небольшие участки декора минаретов стали выделять голубой глазурью. Таковы Калян в Бухаре и минарет в Вабкенте (оба XII в.), где впервые в Средней Азии в декор верхней части минарета (Калян) были введены вкрапления резной поливной терракоты. Крупные минареты преимущественно возводились как отдельно стоящее сооружение близ соборной мечети. В их числе хорошо сохранившиеся минареты XII в. в Джаркургане, Бухаре и в Вабкенте, а также минарет в Куня-Ургенче, верхняя часть ко-

[271] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. С. 121.
[272] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. Указ. соч. С. 66.

торого была реконструирована в середине XIV в. Все они первоначально являлись частью ныне утерянных джума-мечетей, «пережили» их и теперь возвышаются как одинокие постройки. Судя по взаимосвязи единственного сохранившегося при мечети минарета Калян, вход в минарет, вероятно, устраивался по мостику, переброшенному с крыши прилегающей соборной мечети, и потому входные проемы в некоторые минареты ныне зияют на высоте нескольких (5-8 м) метров от земли[273].

Минарет Калян, 1127 г.
Мостик, ведущий с крыши мечети в минарет

Наиболее значительным из сохранившихся в Средней Азии минаретов по своим конструктивным и художественным достоинствам был бухарский минарет Калян. Его соорудили в 1127 г. с большим запасом прочности, и потому он сохранился почти на всю свою первоначальную высоту. Согласно местному преданию, мастер, соорудив основание постройки, скрылся на три года, чтобы фундаменты успели набрать прочность, а затем, вернувшись, закончил начатое строительство. Так возник самый высокий (почти 50 м) и один из наиболее ранних – минарет Калян (великий), ставший архитектурным символом города Бухары и его главным высотным ориентиром. Ствол минарета с нижним диаметром 9 м и верхним 6 м заключает столб – стержень нижним диаметром в 3,25 м и вьющуюся вокруг него винтовую лестницу шириной в 1 м. Минарет завершен 16-арочным фонарем, над которым устроен пышный, расклешенный кверху карниз – шарафа из нескольких рядов терракотовых сталактитов. Фонарь в своем основании слегка нависает над стволом и опирается на консоли, оформленные также в виде небольшого карниза – шарафа.

Большое внимание уделялось прочности оснований этих инженерных сооружений. Минарет Калян установлен на многогранном цоколе, основанном на кирпичном фундаменте. Исследовавшая основания минарета Н. С. Гражданкина сообщает, что мощ-

[273] Юсупова М. А. Архитектура Средней Азии эпохи Хорезмшахов // Джалалиддин Мангуберди. Ташкент, 1999. С. 165.

Минарет в ансамбле Гаукушон

ный, расширяющийся книзу, фундамент имеет глубину подземной части свыше 16 м; его кладка выполнена весьма тщательно из крупноразмерного квадратного жженого кирпича (32 х 32 х 3-3,5 см); на равных расстояниях в фундаменте проложены три пояса из камня-известняка. Нижние две трети фундамента сложены на лессовом растворе, а в верхней трети в раствор постепенно примешиваются гипс и растительная зола. На границе с цоколем фундамент косо перерезают деревянные балки, а раствор кладки уже состоит из гипса с примесью 3-12 процентов растительной активной золы[274]. Ствол минарета сложен из квадратного жженого кирпича (26-27 х 5 см) на ганчевом растворе. Продуманная глубина оснований, варьирование состава раствора на разных уровнях фундамента, закладка в него косых деревянных связей и другие качества свидетельствуют о секретах древних мастеров, знакомых с физическими свойствами строительных материалов, «работающих» в среде высоко залегающих грунтовых вод в Бухаре.

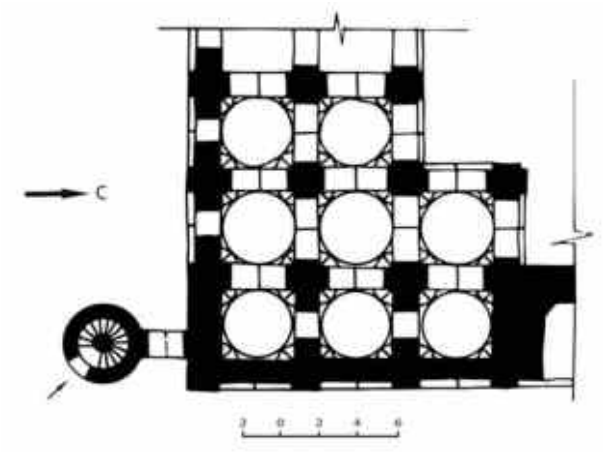
Поражает безукоризненно тщательная орнаментальная кладка и высокохудожественный рельефный декор минарета, где в 14 ярусах горизонтальной разбивки почти не повторяется рисунок: бантики с парной кладкой; ромбы; гирих; восьмиконечные звезды; куфические письмена. Первоначально верхний поясок ствола был облицован резной терракотой с бирюзовой поливой и содержал надпись с датой окончания постройки, – соответствующей 1127 г.

Калян – единственный в Средней Азии древний минарет, служивший во все время своего существования первоначальному назначению. В XV в. на месте мечети Арсланхана, возведенной в XII в. одновременно с этим минаретом, была выстроена новая джума-мечеть Калян, фасадная часть которой была перестроена Убайдуллаханом в начале XVI в. Она была возведена таким образом, что в этот минарет, как и прежде, можно было попасть с крыши мечети XV-XVI вв. по кирпичному переходу-мостику, поддерживаемому кирпичной аркой. Мы не случайно столь тщательно описывали это раннее сооружение, ибо оно послужило прообразом почти всех последующих минаретов Бухарского оазиса, возводимых вплоть до начала XX в.

Наиболее ранним ему подражанием является минарет, сооруженный спустя 70 лет (в 1197 г.) при ныне утерянной соборной мечети в Вабкенте. По архитектуре он весьма близок минарету Калян. Однако благодаря более стройным пропорциям ствола (диаметр в основании – 6,2 м, в верхней части – 2,8 м при высоте 40,3 м диаметр опорного столба– 1,05 м) вабкентский минарет, кажется, выше и выглядит изящнее.

В рассматриваемый нами период и во все последующее время минареты, возводимые в Бухарском регионе при соборных и ряде квартальных мечетей, а также в составе некоторых мемориально – культовых комплексов, как уже отмечалось, в некоторой степени воспроизводили или, стилизовали архитектуру минарета Калян, только в уменьшенном масштабе. Отметим, что даже самые крупные минареты XVI в. были в 2-2,5 раза меньше своего прототипа. Поэтому главным высотным ориентиром Бухары

[274] Гражданкина Н. С. Архитектурно-строительные материалы Средней Азии. Ташкент, 1989. С. 177.



План минарета Гаукушон во взаимосвязи с мечетью Ходжа Калон XVI в.

с XII в. оставался минарет Калян, а возникшие позже наиболее высокие минареты города служили высотной доминантой лишь в прилегающих кварталах или в комплексе.

Схожий с Каляном по облику и пропорциям минарет Гаукушон 1579-1580 гг. был увенчан двенадцатиарочным фонарем, ствол украшали девять декоративных поясов; диаметр нижнего ствола составлял 4,8 м, верхнего – 2,76 м при общей высоте 19,5 м. Его каменные фундаменты, как и многих других минаретов этого времени, имеют деревянную обвязку. Минарет Гаукушон, например, доминировал по высоте в одноименном комплексе и так же, как и Калян, соединялся с крышей прилегающей соборной мечети Ходжа Калон посредством кирпичного моста-перехода.

Малоизвестный минарет, сооруженный ходжа Са'адом Джуйбари в 1585–1586 гг.[275] при Таш-мечети в с. Вангази был самым высоким из возведенных в рассматриваемое время (высота, вероятно, до верха карниза – 24 м) и монументальным (каменные цоколь и фундамент глубиной 6 м). По сведению местных жителей, высота минарета с выступающим сверху стержнем-столбом равна 27 м. Ствол (нижний диаметр 3,8 м) украшен шестью поясами рельефной кладки и завершен восьмиарочным фонарем. Отметим, что здесь мы датируем минарет в с. Вангази по рукописи Бадриддина Кашмири «Равзат ар-ризван ва хадикат ал-гилман (Райский сад и роща пажей)» в переводе Б. Бабаджанова и впервые определяем его место в архитектуре минаретов Бухарского оазиса.

Зодчие исследуемого периода, создавая небольшие и среднего размера минареты в Бухарском регионе, старались стилизовать художественный облик и придерживаться пропорций древнего минарета Калян. У поздних минаретов бухарской школы, которые были меньших размеров, соответственно сокращалось количество арочных проемов фонаря и поясов декоративного узора ствола. Таким был и ныне утраченный, но известный нам по историческому фото минарет при мечети Мир Дустум второй половины XVI в.

Согласно исследованиям инженера А. А. Асанова, все среднеазиатские минареты в соответствии с инженерными требованиями и особенностями их функций имели ряд постоянных величин. Отметим основные из них: толщина наружной стенки в самом узком сечении была не менее 1-1,5 кирпича (вместе с облицовкой – это 30-40

[275] Бабаджанов Б. Указ. соч. Извлечения из: Бадриддин Кашмири.

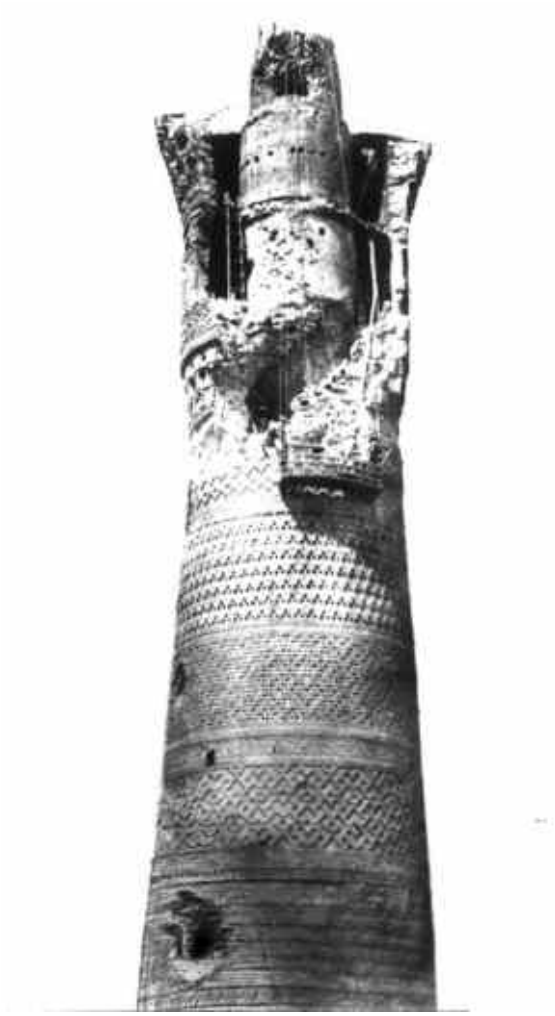
см); высота камеры при различной ширине фонаря – 1-2,5 м; размер верхнего диаметра минарета не менее 2,1-2,2 м; максимальные напряжения в кладке не более 2–4 кгс/кв.см, а это меньше, чем максимальные напряжения в кладке большинства сооружений того же времени[276]. В минаретах бухарской школы были соблюдены данные требования, и при этом они имели весьма прочные основания и оптимальные пропорции. В результате из всех регионов Средней Азии минареты XII–XVI вв. на свою первоначальную высоту сохранились только в Бухарском оазисе. Это сооружения XII в. – Калян и минарет в Вабкенте, XVI в. – Гаукушон и минарет в с. Вангази. Следует отметить, что минарет Калян, подвергавшийся в начале XX в. артиллерийскому обстрелу при взятии Бухары в 1920 г. красногвардейцами, устоял даже при значительных повреждениях его ствола и фонаря. Высокопрофессиональная реставрация минарета, проведенная в 1934–1936 гг. Б. Засыпкиным и усто Ширином Мурадовым, вернула ему первоначальный облик.

Минарет в селе Вангази, XVI в.
Общий вид

А. А. Асанов, изучавший конструктивные особенности и напряженные состояния среднеазиатских минаретов, отмечал высокий уровень инженерных познаний зодчих прошлого. На основе этого он выдвинул верную, на наш взгляд, гипотезу «о существовании у среднеазиатских мастеров определенных методов построения архитектурной формы минаретов, обеспечивающих их статическую прочность и устойчивость, которые выражались либо в виде эмпирических формул, либо в виде каких-то геометрических зависимостей»[277].

Удивительно, что мощная по своему творческому потенциалу бухарская школа зодчества, отличавшаяся в XVI в. новаторством в развитии конструкций, объемно-планировочной композиции и декора при возведении минаретов лишь повторяла однажды найденные инженерное решение, пропорции и художественный образ минарета Калян. Однако в свете всего вышесказанного это оказалось вполне оправданным.

[276] Асанов А. А. О некоторых конструктивных особенностях среднеазиатских минаретов // САУ (Ташкент). 1973. № 4. С. 51.
[277] Там же. С. 52.



Минарет Калян, 1127 г.
После обстрела артиллерийскими снарядами в 1920 г. Фото 1920-х гг.

По положению в пространстве в зодчестве X – начала XX в. Л. Ю. Маньковская выделяет отдельно стоящие и встроенные минареты. Последние возводились в основном в эпоху Темуридов на углах гигантских порталов или зданий Самарканда (мечеть Биби-ханым), Шахрисабза, Герата и других городов империи Темуридов. Однако в силу особенностей бухарской школы даже в монументальных темуридских зданиях Бухары (медресе Улугбека, мечеть Калян) не было сооружено встроенных в углы зданий или порталов одно-двухзвеньевых минаретов. Вместо них, например, на углах здания медресе Улугбека были устроены цилиндрические башни-гульдаста, выступающие на три четверти от угла боковых крыльев и высотой почти вровень с основным корпусом здания. Такие башни-гульдаста впоследствии будут непременным атрибутом главного фасада крупных зданий бухарской школы XV–XVII вв. Позже в теле гульдаста стали устраивать лестницы, ведущие на крышу, а сами башни завершали арочным фонарем (Мир-и Араб, Гозиён, Абдулазизхан и многие другие).

В архитектуре Бухарского региона XV–XVII вв. мы выделяем лишь один тип отдельно возведенного минарета. Встроенные в тело гульдаста и ведущие на крышу лестницы были присущи в основном зданиям медресе или ханака. Здесь функция призыва на молитву в XV–XVII вв. была еще вторичной, смешение двух типов сооружений — угловой башни и усеченного минарета — было весьма эклектичным, и потому мы считаем неправомерным причислять башни-гульдаста к типу встроенных минаретов.

Следует отметить еще одну особенность бухарских сооружений этого типа. Ряд минаретов Средней Азии (многозвенные игольчатые минареты эпохи Темуридов) и сопредельных регионов (Кутб-Минар в Индии и др.) были весьма высоки и уже не отвечали функциям призыва на молитву, служа в основном значительным высотно-художественным акцентом и символом власти строителя. По меткой характеристике

Л. Ю. Маньковской, они несли в основном «идейно-образную функцию»[278]. Однако минареты Бухарского региона никогда не теряли связи с практикой и всегда исполняли свое «утилитарно-образное» назначение.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Мавзолеи. Согласно установлениям раннего ислама мусульманина хоронили под открытым небом, а место его захоронения отмечалось лишь небольшим могильным холмиком. Однако к IX в. намечается тенденция к возрождению домусульманского культа поклонения святым и назревает необходимость обессмертить память о могущественном владыке или верховном духовном правителе. Так, «когда в 862 г. умер халиф ал-Мунтасир, его гречанка-мать, вдова халифа ал-Мутаваккиля, обратилась за разрешением на возведение мавзолея»[279]. Разрешение было дано. Так возник один из первых мусульманских мавзолеев Кубба ас-Сулабия, в котором вслед за ал-Мунтасиром похоронили еще двух халифов – ал-Мутазза и ал-Мухтади[280]. В дальнейшем по примеру халифов начали возводить многочисленные мавзолеи, которые со временем становились все более монументальными по объему и насыщенными по декору.

Традиционно мавзолеи – это самый многочисленный тип из сохранившихся средневековых построек, которые оберегались и не разрушались завоевателями из-за суеверного страха. Наиболее ранним из существующих на территории Средней Азии является мавзолей династии Саманидов рубежа IX–X вв., выстроенный в Бухаре полностью из жженого кирпича, с мощными стенами, благодаря чему сохранилось до наших дней почти в первозданном виде. Мавзолей представляет собой центрическое по композиции и кубическое по форме однокамерное здание, увенчанное сферическим куполом.

В последующем, с использованием многих деталей этой бухарской постройки, начинает формироваться новый, портально-купольный, затем и многокамерный тип мавзолеев.

При Темуридах в Мавераннахре строительство мавзолеев приобрело невиданный размах и великолепие. Они составляют большую часть сохранившихся сооружений XV в. и в Бухаре, где мавзолеи имели двух-трехкамерную продольно-осевую композицию со ступенчатым или призматическим корпусом. Согласно данным Л. Ю. Маньковской, постройки этого рода в Средней Азии получают распространение с середины XIV в.[281]

[278] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества … С. 122.
[279] Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. II. Ташкент, 1963. С. 60.
[280] Там же. С. 61.
[281] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества … С. 36.

Мавзолей Турки-Джанди. XII, XV, XVI вв.
Купол на высоком барабане

Мавзолей Турки-Джанди.
Интерьер. Пересекающиеся арки, несущие перекрытие, XVI в.

По планировочной и объемно-пространственной композиции в архитектуре названного периода мы полагаем уместным выделить два типа мавзолеев:

а. ***Мавзолеи продольно-осевой композиции,*** которые были распространены в основном в столице. В их плане на вытянутой продольной оси располагались зиаратхана (помещение для ритуалов при посещении могил) и прилегающая к ней гурхана (погребальная камера). С XVI в. к некоторым из таких двухкамерных мавзолеев Бухары пристраивают монументальные входные порталы (Сайф ад-Дина Бохарзи) или входную часть с вестибюлем (Чашма Аюб).

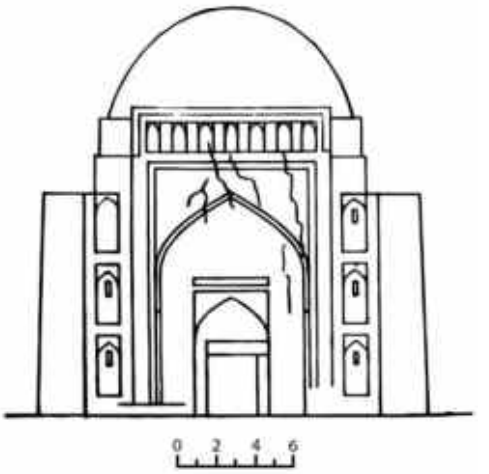
К XVI в. относится устройство на прежней основе двухкамерного мавзолея Турки-Джанди – с разновременной и еще недостаточно изученной архитектурой. В XIII–XIV вв. к квадратной в плане усыпальнице XI в. типа чартак с запада была пристроена зиаратхана[282]. Возможно, некоторые работы осуществлялись здесь и в XV в. Это разновременное двухкамерное сооружение, судя по вакфному документу (чтение и перевод Б. Бабаджанова), было значительно перестроено в 1542 г. по приказу и на средства Абдулазизхана. Вход в зиаратхану был отмечен небольшим порталом, к югу от которого размещалась полуподземная чилляхана, а с севера – дополнительный вход в зиаратхану. Усыпальницу перекрыли двойным куполом на четырех пере-

[282] Кочнев Б. Д. Заключение по шурфам в комплексе Турки-Джанди. 1973. Инв. № 3564/ к-76. Архив ГлавНПУ МК РУз. Ташкент, 1973. С. 13.

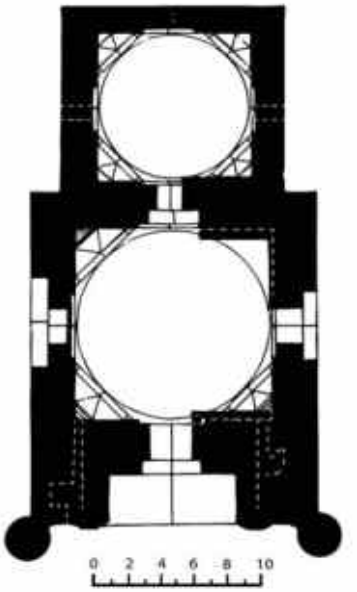
секающихся арках. Внешний купол был вознесен на высоком цилиндрическом барабане. Над зиаратханой устроили одинарный сфероконический свод, опирающийся на 16-гранник щитовидных парусов.

Такую же продольноосевую композицию имел двухкамерный мавзолей-ханака Сайф ад-Дина Бохарзи (1190–1261 гг.), являвшийся самой значительной и почитаемой святыней Бухары при Темуридах. В 1358 г. рядом с этой усыпальницей был захоронен монгольский правитель Баян-Кулихан в небольшом прекрасно декорированном изразцами мавзолее. По сведениям Н. Б. Немцевой, «начале или в первой половине XV в.» впритык к этому мавзолею, на месте обветшавшего ханака-мавзолея шейха XIV в. была выстроена новая усыпальница Сайф ад-Дина Бохарзи[283]. Она представляла собой двухкамерное, ступенчатое в плане здание, состоящее из просторного зала ханака-зиаратханы с входами на четырех осях и прилегающей к ней гурханы. В XVI в. вход в зиаратхану на главной оси был оформлен крупным, на всю ширину корпуса, порталом с мощными пилонами, фланкированный башнями-гульдаста и завершенным наверху парапетом в виде аркатуры – ревака.

Вероятно, такую же продольно-осевую композицию имел и теоретически реконструируемый по фундаментам двухкамерный мавзолей Дехкан-бобо XV в., расположенный в одноименном комплексе в с. Зеравшан Гиждуванского района[284].



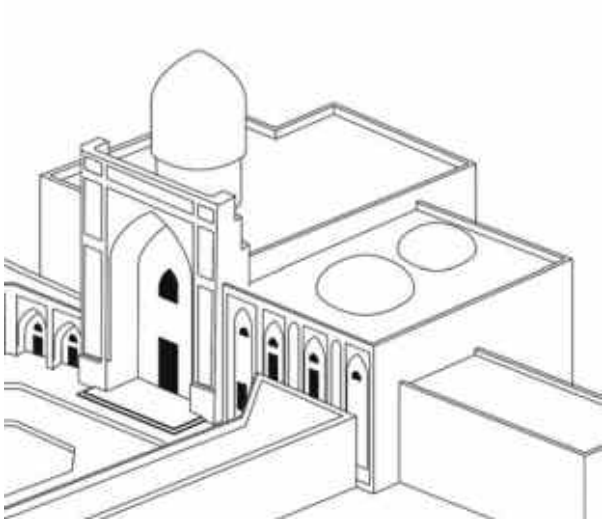
Ханака-мавзолей Сайф ад-Дина Бохарзи, XV–XVI вв. *Чертеж фасада*



Ханака-мавзолей Сайф ад-Дина Бохарзи, XV–XVI вв. *План*

[283] Немцева Н. Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре (к истории архитектурного комплекса). Бухара, 2003. С. 77.

[284] Маньковская Л. Ю., Пардаева Р. У. Неизвестные мемориальные комплексы Бухарской области // САУ. 1976. № 10. С. 12-13.



Комплекс Ходжа Порсо, XV – начало XX в.
Реконструкция мавзолея (по: Панкратьева, 1987)

Комплекс Ходжа Порсо, XV–XIX в.
Остатки мавзолея XV в.

Трехкамерную продольно-осевую композицию имел мавзолей Чибирдон-бобо XV в., называемый еще Абдурахман Вали в Каракульском районе Бухарской области, на городище Шабурган-ата. Это здание, весьма похожее по облику на мавзолей Сайф ад-Дина Бохарзи, имело призматический корпус, где за порталом, занимающим весь главный фасад, располагалась зиаратхана, за ней – две одинаковые гурханы, размещенные поперек оси корпуса. Все три помещения перекрыты куполами на арочных парусах. В конструкциях куполов зиаратханы они дополнены двойными щитовидными парусами.

б. *Мавзолеи фронтальной композиции* могут быть представлены на примере мавзолея в комплексе Ходжа Мухаммада Порсо, от которого ныне сохранились лишь остатки гурханы с захоронениями. В конце XIV–начале XV в. в портально-купольном мавзолее, состоящем из гурханы и зиаратханы, были погребены ближайшие родственники (родители, брат, а позже и сыновья) шейха Ходжа Порсо.

Судя по теоретической реконструкции Т. Ф. Панкратьевой[285] его дворовой части, которая не вызывает у нас возражений, мавзолей в комплексе Ходжа Порсо представлял собой трехкамерное сооружение фронтальной композиции[286]. В плане крупная зиаратхана вела в два примкнувших к ней с севера помещения гурханы. Главный вход в зиаратхану в виде монументального портала был размещен на центральной оси двора. Ныне комплекс находится в руинах, а от мавзолея сохранилась только гурхана с захоронениями, куда можно попасть лишь с крыши – через небольшой проем в его позднем перекрытии.

[285] Панкратьева Т. Ф. Комплекс Ходжа Порсо в Бухаре // АСУ, 1987, № 12. С. 27.
[286] Там же. С. 29.

В XVI–XVII вв. в Бухарском оазисе, вероятно не сооружали новых мавзолеев (по крайней мере, они не сохранились), ограничиваясь лишь пристройкой зиаратханы (Чашма Аюб, возможно, Турки-Джанди) или монументального портала (Чашма Аюб, Сайф ад-Дина Бохарзи) к существовавшей почитаемой святыне – мавзолею. В это время большее распространение получает традиция захоронений под открытым небом в погребальных комплексах дворового типа «хазира».

ХАЗИРА

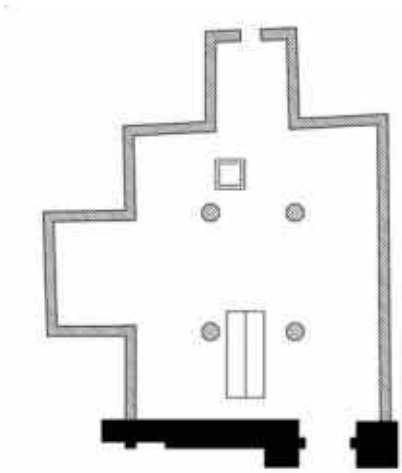
В XVI в. при Шейбанидах почитаемых суфиев и даже могущественных правителей хоронили под открытым небом в хазира – в небольших погребальных двориках, обведенных по периметру кирпичной стеной с портальным входом. Внутри хазира располагалось захоронение в сагана (Хазрати Имам в Бухаре, ложное – кадамжой – в Чашма Аюб в Вабкенте, 1208 г.) либо в дахме (Касим Шейха, Чор-Бакр и др.).

В исследуемый период основным ядром в хазира являлись дахмы. Дахмы XV–XVII вв. внешне были весьма схожи и представляли собой устроенную на фундаменте и значительно возвышающуюся над землей (порой до двух метров) крупную платформу, облицованную камнем либо кирпичом. По внутренней структуре дахм Бухарской области тщательно исследовавшая их Е. Г. Некрасова выделяет десять видов, пять из которых были наиболее распространенными[287]. По ее данным, внутри дахмы – в ящиках, в грунте либо в погребальных камерах – осуществляли захоронения, отмечаемые на верхней площадке платформы саганой, каменной стелой и др. Самыми монументальными и значимыми в XV–XVII вв. были дахмы с прямоугольником стен из жженого кирпича (часто облицованные камнем), известняка или мрамора, возводимые на капитальном фундаменте и цоколе. Получаемый таким образом в виде гигантского ящика крупный монументальный объем засыпался чистым грунтом, в котором и устраивали захоронения. Верхнюю площадку в дахмах особо почитаемых лиц по периметру обводили невысокой ажурной мраморной решеткой[288].

Остатки одной из первых дахм Бухары изучены Е. Некрасовой в комплексе Чор-Бакр в Сумитане (4 км к западу от Бухары). В X в. здесь, в дахме, расположенной в дворике-хазира (39 кв. м) были захоронены Абу Бакр Са'ад и Абу Бакр Ахмад ибн Са'ад. Позже к этому святому месту прокладывают дорогу с устройством дарвазаханы в ее восточной стороне. В конце XIII–XV вв. хазира расширяется до 54 кв. м, а дахма увеличивается в размерах и обкладывается жженым кирпичом[289]. Позднее на востоке комплекса возникает ряд семейных хазира.

[287] Некрасова Е. Г. Позднесредневековые мемориально-культовые комплексы Бухары и Бухарской области по археологическим данным // Автореф. дисс.… канд. ист. наук. Ташкент, 1994. С. 5.
[288] Там же. С. 4.
[289] Там же. С. 5.

Хазира Чашма Аюб в Вабкенте.
Портал 1208 г.



Хазира Чашма Аюб в Вабкенте.
План

Вернемся к характеристике погребальных двориков-хазира, в которых устраивали дахмы и сагана.

Наиболее ранней из сохранившихся в Бухарском оазисе является хазира Чашма Аюб 1208 г., расположенная в Вабкентском районе. Это кадамгох, то есть мнимая могила святого Аюба (библейско-коранический персонаж – Иов), возникшая в XI в. у почитаемого источника (чашма). С возросшей популярностью святого места здесь возводится хазира, от которой сохранились входной портал с частью прилегающей стены и расположенные за ним сагана и колодец[290]. Великолепный декор портала содержит дату строительства, соответствующую 1208 г., т.е. это – хазира, сооруженная за 12 лет до монгольского нашествия. Тимпан портала украшен орнаментом в виде символов – «свастик» и зубчатыми фигурами, характерными для эпохи караханидов. Надпись на портале: «Пророк, мир ему! – сказал: Сначала я запрещал вам посещение (зиарат) могил, теперь посещайте их!»[291]. Этот хадис (предание) Пророка легитимировал посещение могил и отчасти способствовал развитию культа святых в исламе.

Отметим, что весьма похожая по пропорциям и оформлению входного портала и прилегающих к нему стен хазира изображена на миниатюре «Плач сына на похоронах его отца» к рукописи Фарид ад-Дин Аттара «Мантик ат-тайр»[292]. На миниатюре изображен небольшой мемориальный дворик – хазира, где расположены две дахмы. Хазира обведена кирпичной стеной с портальным входом, богато украшенными глазурованным декором.

[290] Некрасова Е. Г., Галкин А. Н. Чашма-Аюб - архитектурный памятник предмонгольского времени // АСУ. № 10. С. 33.
[291] Бабаджанов Б. Дополнения по эпиграфике и истории памятников архитектуры Бухарской обл.... С. 7.
[292] Bahari Ebadollah. Bihzad. Master of Persian Painting. London-New York. 1996. «The Son's Lamentation at His Father's Funeral'» Attributed to Bihzad, from the Mantiq al-Tayr of Attar.1486. Metropolitan Museum of Art, New York, Fletcher Fund.

Похожее оформление мы находим во многих хазира XV–XVII вв., что свидетельствует о том, что традиции архитектуры хазира, сложившиеся к началу XIII в., были весьма стойкими и продолжались в рассматриваемое время[293].

Еще в XIV в. именитые основатели суфийского братства Накшбандия были захоронены под открытым небом[294]. В конце XV в. глава ордена Накшбандия, богатейший человек своего времени Ходжа Ахрар (ум. в 1489) был также погребен без какого-либо мавзолея в крупной дахме под открытым небом во дворе, который позже был обведен постройками (поминальными мечетями и др.). Двор здесь также называли «хазира».

Следуя сложившейся традиции, первые правители из династии Шейбанидов в Самарканде были также захоронены в дахме во дворе выстроенного ими же медресе Шейбанихана[295]. Эта дахма, называемая еще «суфой Шейбанихана», в связи с разрушением медресе была перенесена на площадь Регистан в Самарканде, где ныне она возвышается на участке между медресе Шер-Дор и медресе Тилля-Кари.

Последующие представители династии Шейбанидов продолжили эту традицию, и потому в Бухарском оазисе со второй половины XVI в. получают большое распространение захоронения под открытым небом в дахмах, иногда устроенных в хазира.

С приходом в Бухару Шейбанидов прекращается массовое строительство мавзоле-

Хазира в комплексе Чор-Бакр , XVI в.
План

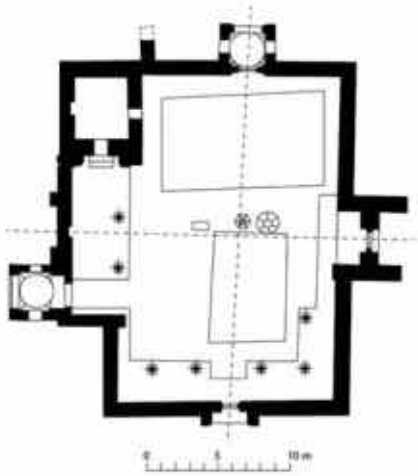
Прорисовка с миниатюры «Плач сына на похоронах его отца»
(по: Bahari, 1996)

[293] Юсупова М. А. Архитектура дахм и хазира по данным миниатюры Бехзада // Камолиддин Бехзоднинг жахон маданиятида тутган урни. Материалы конференции. Ташкент, 2005. С. 18.

[294] Golombek L. The Timurid Shrine at Gazur-Gah. Toronto, 1969; Golombek L., Wilber D. The Timurid Architecture of Iran and Turan. Vol.1. Princeton – New Jersey, 1988.

[295] Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «вакф-наме». Ташкент, 1966. С.15.

Поминальная мечеть в хазира Абдулхалика Гиждувани, XVI в.
Общий вид. Фото Е. Юдицкого 1950 г.



Хазира в комплексе Абдулхалика Гиждувани, XVI в.
План

Хазира в комплексе Баха ад-Дина Накшбанда, XVI в.
Общий вид

ев. Однако в первой половине XVI в. еще допускаются погребения именитых лиц в уже существовавшем помещении. Так, Убайдуллахан и его духовный наставник шейх Абдулла Йамани были захоронены в купольном зале, расположенном в выстроенном ими же медресе Мир-и Араб . Заметим, что погребения донаторов или строителей в возведенном ими медресе – это весьма давняя традиция. Но с 40-х гг. XVI в. в Бухаре прекращается и эта практика. С середины XVI – по середину XVII вв. в Бухарском оазисе почти все захоронения осуществляются только под открытым небом и отмечаются могильным холмиком, сагана или дахмой, порою размещенными в хазира.

Наиболее ранней в исследуемое время была хазира, возведенная Абдулазизханом I в Гиждуване в 1541 г. на месте почитаемого захоронения Абдулхалика Гиждувани (ум. в 1179–1180 гг.), оформленного в виде дахмы. Здесь дворик-хазира был обведен стенами с двумя небольшими портальными входами.

С ростом в Мавераннахре популярности суфизма погребения в хазира, присущие прежде в основном почитаемым суфиям, становятся наиболее распространенным видом захоронений в среде светской и духовной знати. В пределах хазира, вдоль ее стен, нередко возводили поминальные мечети (в хазира Чашма-Аюб в Вабкентском районе – XIII в., Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване – 1541 г. и др.). В особо почитаемых комплексах вне стен, но вблизи дворика хазира сооружали ханака и нередко дополнительные мечети и медресе для обучения и проживания суфиев (в комплексах Баха ад-Дина Накшбанда, Чор-Бакр, Касим Шейха и др.).

МЕДРЕСЕ

Высшее духовное учебное заведение медресе впервые упоминается в «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи, который писал о медресе Фарджека в Бухаре, сгоревшем при пожаре 937 г.[296] В исторических источниках встречаются упоминания о «многих (!) медресе Самарканда» X в.[297] Называются самаркандские медресе Кадия ал-Хасана и медресе Ибрагима Тамгач Бограхана[298]. Последнее было выстроено у могилы Кусама ибн Аббаса и, вероятно, ремонтировалось в первой половине XII в. Султаном Санджаром. Здание известно также как медресе Куссамийа[299].

В Бухаре известны медресе XII в. Абу Бакра ибн ал-Фадла в квартале ал-Джадид, а также медресе Арсланхана в квартале Калобод. Последнее называлось еще «медресе Хана», а позднее – Калобод, существовавшее до середины XX в. Судя по копии

[296] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад Указ. соч. С. 118.

[297] Камалиддинов Ш. С. “Китаб ал-ансаб” Абу Са’да Абдалкарима ибн Мухаммада ас Сам’ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 157.

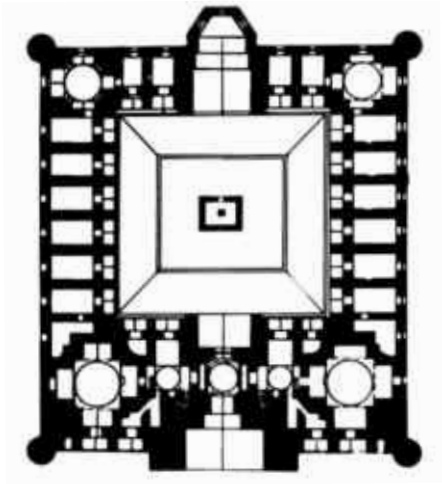
[298] Немцева Н. Б. Медресе Тамгач-Бограхана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 132.

[299] Камалиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 82-83.

Медресе Улугбека в Бухаре, XV в.
Главный фасад

вакфной грамоты, оно было восстановлено Ходжа Низам ад-Дином в 1609 г. (вероятно, на основах здания XII в.)[300]. Наршахи, упоминая еще об одном бухарском медресе XII в., писал: «Амир Бухары Тогрулбек, по прозвищу Куляртегин, из деревянных частей разрушенной мечети выстроил в Бухаре, недалеко от Чуба-и бакалян, мадрасу Куляртегин». Позже здесь был похоронен выстроивший его амир (ум. в 1102 г.)[301].

Из древних медресе Средней Азии, по данным раскопок и вакфной грамоты, лучше других известна архитектура самаркандского медресе XI в. Тамгач Бограхана.



Медресе Улугбека в Бухаре, XV в.
План

[300] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 299.
[301] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. 1897. Указ. соч. С. 22.

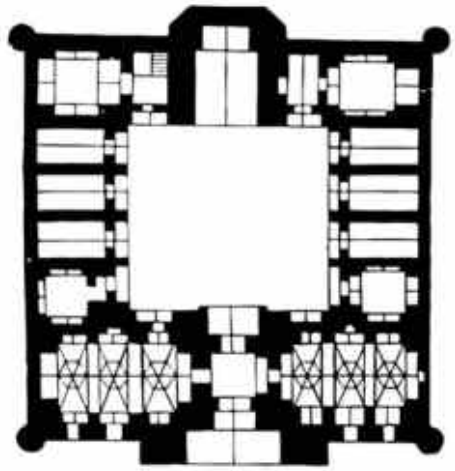
Это ад-дина здание с прямоугольным внутренним двором, застроенным худжрами по периметру и айванами – по его осям. Главный портальный вход в центре фасада вел в купольный вестибюль с боковыми проходами в угловые залы[302]. Судя по вакфному документу XI в., в медресе Тамгачхана изначально были предусмотрены общественные залы – мечеть, дарсхана, помещения для чтения Корана и изучения «адаба», что подтвердила и выявленная археологами планировочная структура здания. Следовательно, перестройки XII в., если таковые имели место, мало повлияли на его планировку. Медресе Тамгачхана уже в XI в. представляло собой вполне зрелый архитектурный тип, что говорит о том, что в Средней Азии медресе бытовали еще задолго до этого времени (судя по медресе Фарджека – не позднее начала X в.).

В дальнейшем происходит значительное развитие и совершенствование типа медресе. Это видно по архитектуре наиболее ранних из сохранившихся в Мавераннахре учебных зданий эпохи Темуридов. Особенности трех медресе, выстроенных Улугбеком в Бухаре в 1417 г., в Самарканде в 1423 г. и в Гиждуване в 1433 г., а также медресе Ходжа Ахрара в Ташкенте (1451 г.), свидетельствуют о том, что этот тип зданий, претерпев с XI в. определенную эволюцию, к XV в. приобрел свои устоявшиеся черты, которые использовались в последующие века, как канонические примеры.

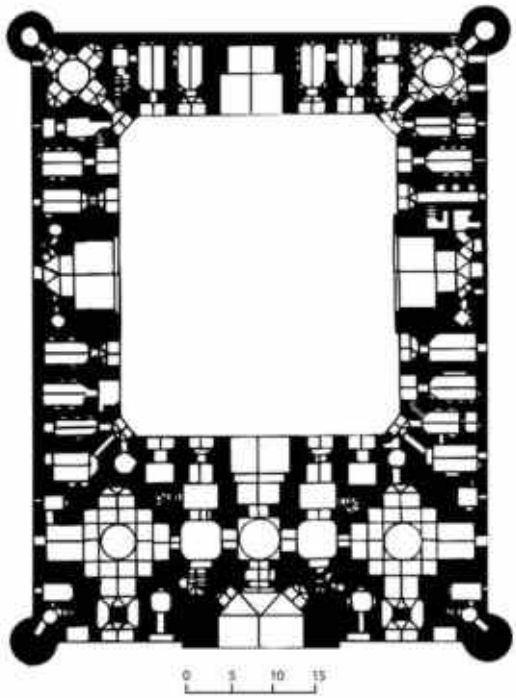
Для архитектуры медресе Средней Азии XV в. характерны: прямоугольный план с периметральной застройкой внутреннего двора худжрами в один или два этажа (медресе Улугбека в Самарканде и Бухаре); квадратный (медресе Улугбека в Бухаре) или прямоугольный двор, вытянутый по продольной (медресе Улугбека в Самарканде, Ходжа Ахрара в Ташкенте) либо поперечной (медресе Улугбека в Гиждуване) оси; расположение в угловых частях здания высоких – в два этажа – просторных залов (дарсхана, мечеть и др.) однокупольных (медресе Улугбека в Бухаре и Самарканде) или многокупольных на параллельных арках (оба варианта в медресе Улугбека в Гиждуване, Ходжа Ахрара в Ташкенте). В крупных медресе четыре сводчатых портальных айвана размещались на осях двора (медресе Улугбека в Самарканде), в средних два айвана располагались на главной – продольной оси (медресе Улугбека в Бухаре и Гиждуване, Ходжа Ахрара в Ташкенте). В одноэтажных медресе XV в., для большей представительности, главный фасад поднимали высокой стеной-экраном, закрывающим расположенные вдоль него купольные конструкции (впервые в медресе Улугбека в Гиждуване, затем Ходжа Ахрара в Ташкенте.), что стало традиционным в небольших поздних медресе Мавераннахра.

На основе этого канонизированного в Средней Азии типа были созданы медресе разных региональных школ, и в первую очередь бухарской школы XVI–XVII вв., послужившие основой для развития зданий этого типа в сопредельных регионах в последующее время. Так, уже в самом раннем из сохранившихся в Средней Азии медресе Улугбека в Бухаре (1417 г.) в типичную планировку региональная школа внесла ряд дополнений и изменений. В нем появляются первые черты бухарского типа

[302] Немцева Н. Б. Медресе Тамгач-Боврахана… С. 106.



Медресе-ханака Улугбека в Гиждуване.
План



Медресе Мир-и Араб . 1536 г.
План

медресе: главный фасад на обоих этажах впервые раскрывается наружу арочными лоджиями, расположенный напротив главного входа сквозной выход во двор забирается металлической решеткой – панджара, а по сторонам от купольного вестибюля расходятся коленчатые коридоры, ведущие во внутренний двор и в угловые залы входной группы (в мечеть и дарсхану).

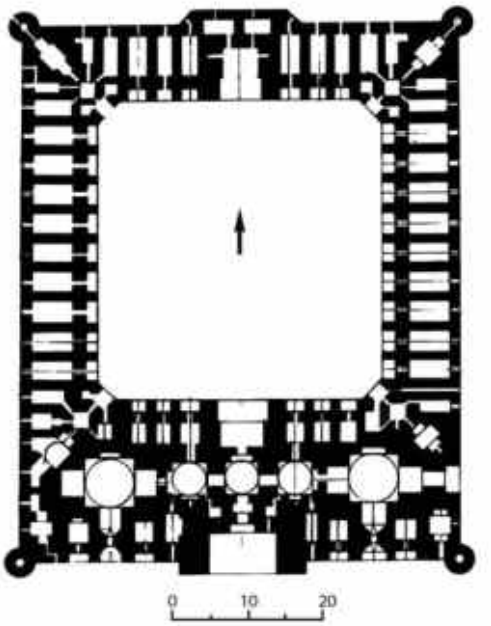
Медресе Улугбека в Гиждуване (1433 г.), находящееся на границе Бухарского оазиса с Самаркандским (Л. Ю. Маньковская, на наш взгляд, весьма обоснованно предполагает, что это было общежитие суфиев, воплощенное в виде здания медресе), было возведено больше в традициях самаркандской школы. Однако здесь углы постройки на бухарский манер фланкируют не высокие минареты, а трехчетвертные башни-гульдаста. Влияние Самарканда здесь проявлено глухими стенами главного фасада, а также устройством вдоль главного фасада прямоугольных залов с перекрытиями на мощных параллельных арках, какими была в XV в. перекрыта джамоатхона самаркандского медресе Улугбека, мечеть Абдулазиза в комплексе Шахи-Зинда и впоследствии мечеть в медресе Ходжа Ахрара в Ташкенте.

В XVI в., когда Бухара становится столицей государства Шейбанидов, в пору дальнейшего и более интенсивного формирования типологии зданий, в том числе архитектуры медресе, обнаруживаются новые специфические черты бухарской школы. Так, для устройства самостоятельных входов в угловые кельи

или в группу помещений срезаются углы внутреннего двора (Мир-и Араб). На главном фасаде входная ниша пештака получает пятигранную форму, углы фасада до уровня боковых крыльев закрепляются башнями-гульдаста, арочная галерея связывает не только кельи этой части здания, но и открывает доступ к запортальным помещениям второго этажа. В интерьерах богато разрабатываются кирпичным декором своды многокупольного мионсарая (вестибюля и коленчатых коридоров), для освещения угловых залов в зените купола устраивают световые фонари. Купола залов часто сооружались на несущей их системе пересекающихся арок и щитовидных парусов. Освещенные сверху рельефные переплетения этой конструкции демонстрировали в интерьере ясную и рациональную тектонику перекрытий, создавая богатую игру светотени, что было красиво само по себе и не требовало дополнительного украшения трудоемкой майоликой и мозаикой.

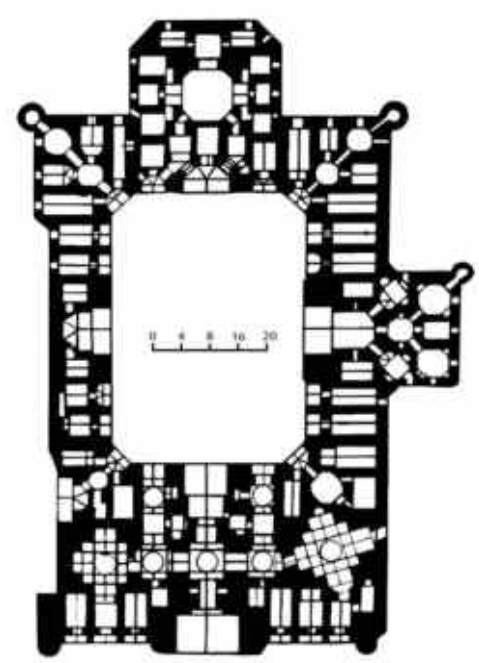
Примерно такова архитектура наиболее богатого декором и выразительного по объемной композиции бухарского медресе Мир-и Араб (1536 г.) (1535–1538 гг.), где в угловом зале, как отмечалось, захоронены шейх Абдаллах Йамани, прозванный Амир-и Арабом, и его мюрид – правитель Мавераннахра Убайдуллахан.

Медресе Кукельдаш, XVI в.
Вид сверху



Медресе Кукельдаш, XVI в.
План

Медресе Абдуллахана, XVI в.
Перекрытие внутреннего дворика



Медресе Абдуллахана, XVI в.
План

Крупнейшее в Бухаре медресе Кукельдаш (1568–1569 гг.) в целях экономии средств и площади было выстроено двухайванным, а вместо дворовых айванов на поперечной оси сооружены дополнительные рядовые худжры. Примечательно, что здесь впервые в медресе Центральной Азии обычно глухие боковые и задние фасады были раскрыты наружу арочными лоджиями второго этажа. До этого такой метод применялся лишь в загородных ханака Абдулазизхана I (1544–1545 гг.) и в комплексе Чор-Бакр.

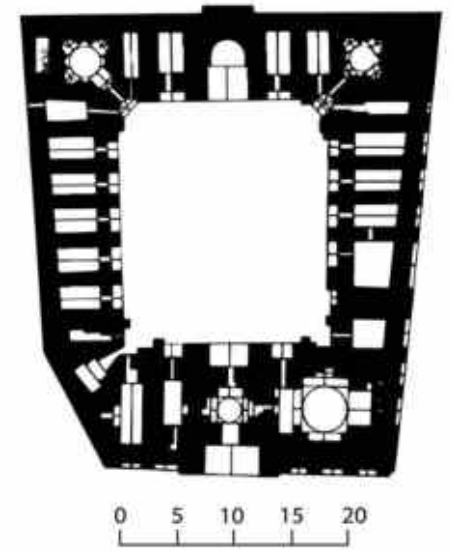
По-иному эта тема (раскрытие лоджиями) была интерпретирована в ныне утраченном крупном двухэтажном медресе Фатхулло Кушбеги 1585–1586 гг. Оно имело традиционный портал и дарсхану, однако худжры здесь, а их было около ста, располагались нестандартно – в два ряда на обоих этажах «спиной друг к другу». Один ряд худжр был обращен во внутренний двор, другой – внешний ряд, устроенный вдоль боковых фасадов, был обращен на улицу. Такие двухсторонние худжры называли «дуруя»[303] (буквально – «двуликие»). Это здание также имело характерное для бухарских медресе раскрытие уличных фасадов арочными лоджиями, но при этом уже в новом решении – типа «дуруйи».

Позже другое, также не сохранившееся крупное двухэтажное медресе Хиябан (1654–1655 гг.) по главному и северному фасаду на втором этаже было раскрыто наружу арочными лоджиями наподобие медресе Кукельдаш.

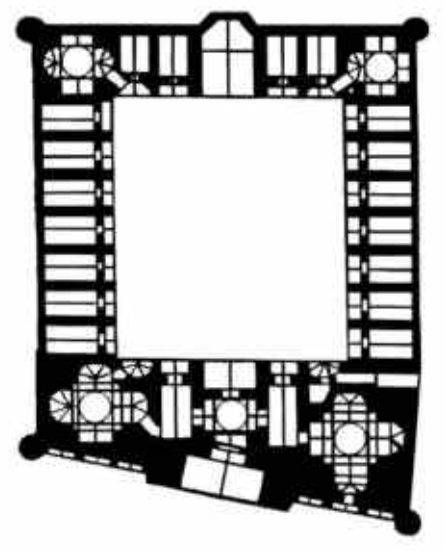
Двухайванные медресе Бухары XVI в. Гаукушон, Мадарихан, большое медресе

[303] Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX-начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 86.

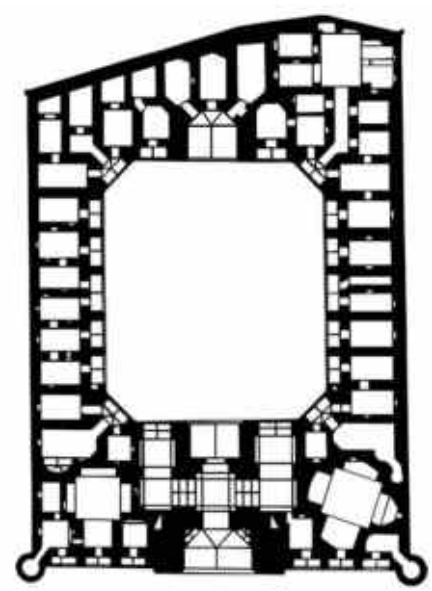
Медресе Гаукушон, XVI в.
Главный фасад



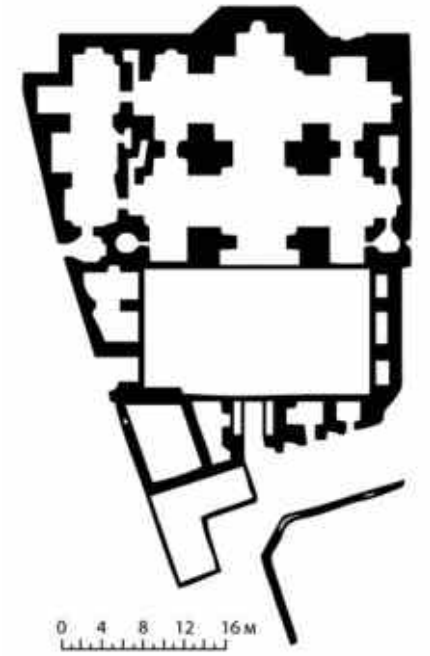
Медресе Гаукушон, XVI в.
План



Медресе Мадарихан, XVI в.
План.



Медресе Большое Гозиён, XVI в.
План



Медресе Малое Гозиён, XVI в.
План (по: Ремпель, 1981)

Гозиён, а также безайванное медресе Малое Гозиён имели трапециевидный план, что было обусловлено формой застраиваемого участка. Однако при любой конфигурации плана медресе его внутреннему двору придавали прямоугольную форму, вытянутую по продольной (Большое Гозиён, Мадарихан, Гаукушон) или поперечной (Малое Гозиён) оси.

Наиболее ярко бухарскую школу зодчества представляло медресе Абдуллахана (1589–1590 гг.), в котором проявились в совокупности почти все перечисленные региональные особенности. К тому же это крупное четырехайванное медресе дополнили два новых оригинальных приема. Во-первых, это диагональное расположение зала мечети для точной ориентации его михраба в сторону Мекки (на запад). И, во-вторых, в целях размещения большего числа дополнительных келий здесь было устроено два эффектных купольных дворика, обведенных худжрами. Они, как отмечалось, размещались за северо–западным порталом на продольной оси в глубине двора и на поперечной оси двора справа от входа. Эти группы худжр выступали за внешний абрис здания на оси заднего и бокового фасада в виде крупных объемов.

Весьма своеобразным было медресе Надир Диван-беги (1622–1624 гг.). Выстроенное первоначально как караван-сарай, оно не имело характерной для медресе планировки с залами мечети и дарсхоны и пр. Его фасад запоминается красочным тимпаном, украшенным крупными фантастическими птицами, когтящими лань.

Одним из крупнейших в XVII в. было медресе Абдулазизхана (1650–1652 гг.) с богатым и весьма разнообразным декором в виде сталактитов, майолики, мозаики, стенописи и др.

Медресе Гозиён (по Б. Казакову, это и есть называемое в вакфном документе Гозиёни Калон –

Большое Гозиён, существовавшее в 1534 г.[304]), называемое еще Мирза Шариф Гозиён, вероятно, было значительно перестроено в XVIII в.[305] с применением некоторых нестандартных решений, дающих возможность увеличения числа келий.

К примеру, здесь использована идея устройства дополнительного дворика, застроенного худжрами, как в медресе Абдуллахана, но в более упрощенном решении. В медресе Гозиён этот дворик занимал юго-западный отсек в выступающем углу трапециевидного плана. В большом центральном дворе медресе на его поперечной оси, имитируя приемы классического четырехайванного двора, были выстроены «ложные» дворовые порталы. Вернее, это были декоративные порталы, за которыми вместо традиционной глубокой арочной ниши располагались по две худжры. Вероятно, под влиянием бухарской школы этот прием в последующем активно использовался и стал традиционным для медресе Хивы XVIII–XIX вв.

Первоначально медресе Большое Гозиён было двухэтажным. Как свидетельствует И. Муксинов, проработавший более 30 лет в области реставрации и охраны памятников Бухары, худжры второго этажа этого медресе были разрушены в 1940-е гг. При этом были сохранены глухие стены его внешних фасадов, отчего снаружи медресе все же казалось двухэтажным. В настоящее время медресе двухэтажно по главному фасаду и примыкающей к нему дворовой части, но одноэтажно во внутреннем дворе в боковой и задний фасад частях. Сохранившаяся на высоту второго этажа вдоль внешних – заднего и боковых фасадов здания глухая стена ныне возвышается в виде высокого парапета.

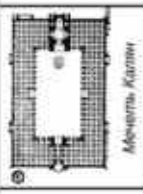
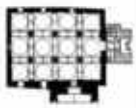
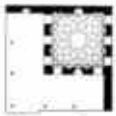
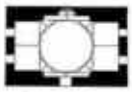
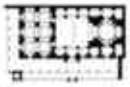
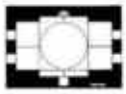
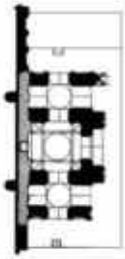
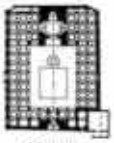
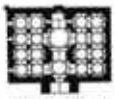
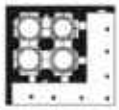
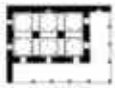
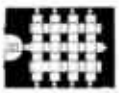
Малое медресе Гозиён, судя по архивному чертежу, было также трапециевидным в плане[306]. Оно заключало небольшой прямоугольный дворик поперечного расположения в южной половине здания. Оно было обведено несколькими худжрами и рядом крупных помещений. Всю северную половину медресе занимал крупный зал, предназначенный, скорее всего, для обучения (дарсхана), дискуссий (джамоатхана) и молений (как дополнительная мечеть). Шестикупольное перекрытие зала несли четыре крестовидных в основе устоя, в теле которых были устроены лестницы, ведущие на второй этаж. К этому помещению с запада примыкал вытянутый по оси север – юг второй зал, возможно, служивший мечетью. Думается, что на втором этаже размещались худжры и, вероятно, библиотека, упоминаемая в вакфном документе. Из этого же документа известно, что Малое медресе Гозиён было высшим учебным заведением, готовившим преподавателей – мударрисов для рядовых (средних) ме-

[304] Казаков Б. А. Документ забытого памятника // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 88.

[305] Бабаджанов Б. Эпиграфические памятники Бухары… С. 160.

[306] Ремпель Л. И. Далекое и близкое: Бухарские записи. Ташкент, 1981. С. 141.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КУЛЬТОВЫХ

Хронологическая периодизация		МЕЧЕТИ					МИНАРЕТЫ
		НАМАЗГОХ	ДЖУМА МЕЧЕТИ	КВАРТАЛЬНЫЕ МЕЧЕТИ С КОЛОННЫМ АЙВАНОМ ПРИ ЗАЛЕ:			
				СТОЛПНО-КУПОЛЬНОМ	КОЛОННОМ	КУПОЛЬНОМ	
XV век ТЕМУРИДЫ			 Мечеть Калян	Таш-мечеть в с. Гиждумак			
XVI век ШЕЙБАНИДЫ	первая треть		 Мечеть Маазоки Аттори		 Мечеть Баланд	 Мечеть Курган в с. Вангази	
	вторая треть			 Мечеть Валида-и Абдуллаизхан		 Мечеть Равоти Поен	
	последняя треть	 Намазгох в Бухаре	 Мечеть Ходжа Калон  Таш-мечеть в с. Вангази	 Мечеть Кукельдаш  Таш-мечеть в с. Бозорижой	Мечеть Каср-и Арифан Мечеть Имам Газали, Мечеть масжиди Бесутун	Мечеть Дуст Чирог Окоси Мечеть-1 Искандархана, Мечеть-2 Искандархана, Мечеть Мир Дустум	Минарет в с. Вангази, Минарет Гаукушон, Минарет Мир Дустум,
XVII век АШТАРХАНИДЫ	первая половина				Мечеть Кози-Абдулло в г. Вабкенте	Мечеть Хазрати-бобо	
	вторая половина		Мечеть Поянда Аталык	 Мечеть Маазоки Курга	Мечеть Субханкулихана	Мечеть Ахунди Кара-Камал	

СООРУЖЕНИЙ БУХАРСКОГО ОАЗИСА

МЕМОРИАЛЫ			МЕДРЕСЕ			ХАНАКА			
МАВЗОЛЕИ		ХАЗИРА в комплексах	Крупные четырех-айванные	Средние двух-айванные	Малые одно-айванные	С колонным айваном	Портально-купольные		
Мавзолеи продольно-осевые	Фронтальные						Центри-ческой композиции	Продольно-осевой композиции	Фронталь-ной композиции
Мавзолей С. Бохарзи, Деккан -бобо, Чибирдон-бобо, Турки-Джанди.	мавзолей Ходжа Порсо			Медресе Улугбека в Бухаре, в Гиждуване		Мухаммада Ходжа Порсо			
			Медресе Мир-и Араб	Медресе Большое Газиян	Медресе Газиян Хурд или Малое Газиян	Ходжа Зайн ад-Дина	Ханака Деккан-бобо		
Пристройка к мавзолею С. Бохарзи		Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване		Медресе Мадарихан			Ханака Баха ад-Дина Накшбанда	Ханака в комплексе Чор-Бакр	
Пристройки к мавзолею Чашма Аюб		Баха ад-дина Накшбанда; Хазира и дахмы в комплексе Чор-Бакр; Хазира в комплексе Касим-шейха	Медресе Абдуллахана; Медресе Фатхулло Кушбеги	Медресе Гаукушон; Медресе Кукельдаш в Бухаре		Хазрати Имам в Бухаре; Шоки Аксы	Ханака Касим-Шейха в Кермине	Ханака Хаким Мулла-Мир в Рокитане	Ханака в Фейзабаде
			Медресе Абдулазизхана				Ханака-медресе Мирикон	Ханака Надир Диван-беги	
мавзолей Мавлоно Шариф		Char Bakr Baha al-din	медресе Бозори Гусфанд; медресе Хинбан	Медресе Капобад	Медресе Джуйбари Калян	Ханака Мавлоно Шарифа	Ханака Мухаммад-ят Аталык	Ханака Суфи-деккан в Вабкентском районе	

дресе[307]. Здесь жил 21 учащийся, по 7 человек в каждой из трех ступеней – начальной, средней и высшей[308].

И, наконец, говоря о помещениях в составе медресе Средней Азии, и, в частности, города Бухары, следует отметить приемы размещения в них библиотек, а также подробнее осветить редко встречаемые здесь мавзолеи (или помещения с захоронениями). Так, мы выяснили, что в Бухаре издревле донаторов строительства медресе иногда хоронили в угловом зале мечети либо в другом крупном (специально предназначенном под мавзолей) помещении медресе. Например, правители Бухары амир Тогрулбек в 1102 г.[309] и Масудбек в XIII в.[310] были захоронены в выстроенных ими же медресе в Бухаре. Темуриды продолжили эту традицию в медресе других регионов. Так, в структуру медресе, сооруженных Сарай Мульк-ханым в Самарканде и Гавхаршад-бегим (супруга Шахруха Мирзо) в Герате, входили мавзолеи названных женщин – донаторов строительства. Правда, по некоторым данным Биби-ханым захоронена в комплексе Шахи-Зинда в Самарканде[311]. Тем не менее, это не опровергает факта изначального включения в состав медресе специальных помещений мавзолеев или позднего захоронения в одном из залов медресе причастного к строительству лица. Даже тело умершей в Кабуле одной из невесток Амира Темура Милкат-ого перевезли в Балх для погребения в выстроенном ею медресе[312].

В Бухаре эта традиция в изучаемый нами период была поддержана лишь единожды, когда в угловом зале мечети в медресе Мир-и Араб были захоронены сам шейх Мир-и Араб и его последователи.

Почти каждое медресе имело собственную библиотеку, для которой в здании отводилось специальное помещение. Часто это были просторные залы, расположенные над мион-сараем за пештаком (в медресе Мир-и Араб, Кукельдаш, Абдулазизхана и проч.). На основании вакфного документа, констатирующего наличие крупной библиотеки в ныне утраченном здании Малого медресе Гозиён, а также анализа его архивного плана, мы предполагаем, что там библиотека могла размещаться в двух залах его второго этажа.

Следует отметить, что в XVI–XVII вв. в период расцвета Бухары как столицы, каждый из городских ансамблей непременно включал одно (Пои Калон с медресе Мир-и Араб, Хауз-и Нау с медресе Ходжа Калон), два (ансамбль Гозиён с Большим и Малым Гозиён; кош-медресе Мадарихана–Абдуллахана; кош-медресе Улугбека–Абдулазизхана;

[307] Казаков Б. А. Документальные памятники Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 11.

[308] Казаков Б. А. Документ забытого памятника // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 90.

[309] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. Указ. соч. С. 22.

[310] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 89.

[311] Зоҳидов П. Ш. Меъмор олами. Тошкент, 1996. С. 237.

[312] Гулямов Я. Г. К вопросу о традициях архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в. // Великий узбекский поэт. Сб. ст. под ред. М. Т. Айбека. Ташкент, 1948. С. 112.

Ляби-Хауз с медресе Кукельдаш и Надир Диван-беги;) и более (ансамбль Регистан с медресе – Бозори-Гусфанд, Дору-Шифо, Ходжа Нихол и Шодимбий) зданий медресе.

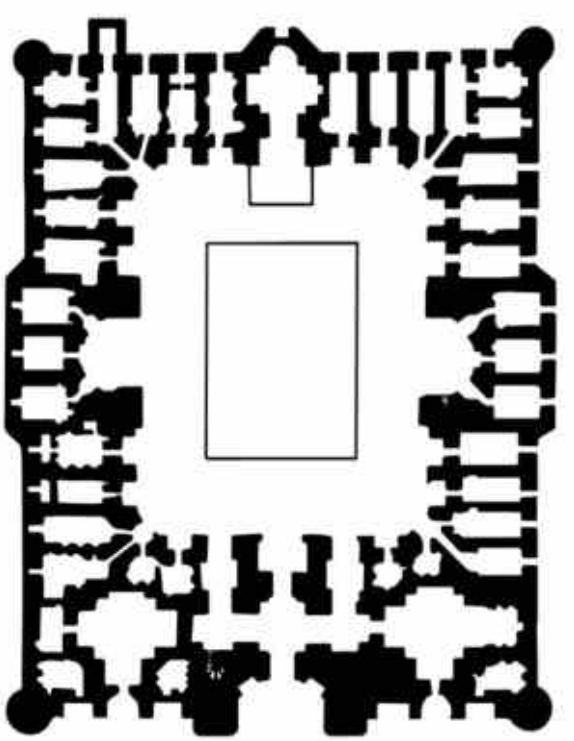
Заметим, что в XV в. термин «медресе» применяли не только к классическим мусульманским университетам, но и к ряду ханака (обителей суфиев), имевших дворовую структуру и выстроенных у почитаемой могилы. Таковы ханака при династийной усыпальнице (родичей) известного суфия Мухаммада Ходжа Порсо в Бухаре и Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване, именуемые медресе.

Таким образом, в Бухарском регионе по величине здания и архитектуре его внутреннего двора выделяются:

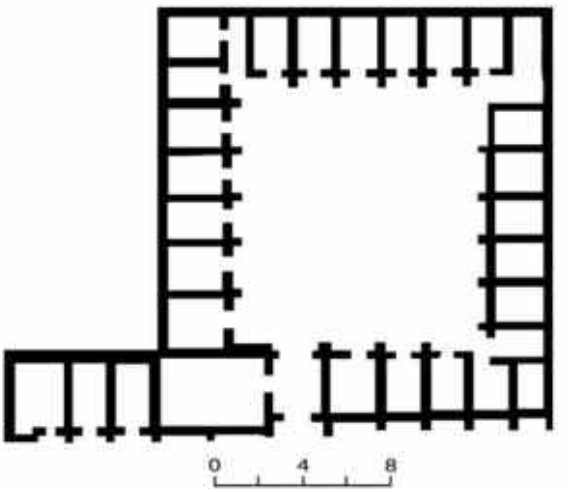
1. *Четырехайванные крупные медресе* – Мир-и Араб, Абдуллахан, Абдулазизхан, а также ныне утраченные крупные медресе Бозори Гусфанд и Хиябан.

2. *Средние двухайванные медресе* – Улугбека в Бухаре и в Гиждуване, Большое Гозиён, Мадарихан, Гаукушон и, как исключение, весьма крупное медресе Кукельдаш, которое тоже было двухайванным.

3. *Малые медресе с одним айваном* во дворе напротив входа – Малое Гозиён, и условно – Джуйбари Калян.



Медресе Абдулазизхана, XVII в.
План



Медресе Джуйбари Калян, XVII в.
План

ХАНАКА

Ханака – это обитель и ритуальный зал суфиев. Основная цель суфиев – достичь познания Бога. Этому их обучал наставник – пир (шейх, муршид). Наши исследования по архитектуре суфийских обителей[313] показали, что с распространением суфизма в Средней Азии с IX в. бытовали два их основных вида. Это – возводимые до начала XX в. и сохранившиеся в многочисленных образцах здания ханака, а также – специальные рабаты для суфиев, бытовавшие в Средней Азии в IX–XII вв. и известные нам лишь по письменным источникам. Поначалу они имели разный генезис и архитектуру, но в последующем приобрели сходную структуру и назначение.

Архитектура суфийских обителей Средней Азии, в частности, Бухары, не подвергалась специальному обстоятельному изучению и была затронута некоторыми авторами фрагментарно либо в общем контексте их работ. Так, архитектура наиболее известных ханака Средней Азии была рассмотрена В. Л. Ворониной[314]. Классификацию ханака Средней Азии и Хорасана, в основном по их объемной композиции, кратко наметила Г. А. Пугаченкова[315], затем классификацию известных суфийских обителей Средней Азии по типу их планировки составила Л. Ю. Маньковская[316], изучению комплекса Сайф ад-Дина Бохарзи посвящена монография Н. Б. Немцевой[317] и др.

Анализ и обобщение перечисленных выше и ряда других исследований по связанной с суфизмом архитектуре, включая собственные архивные и натурные изыскания позволили нам существенно дополнить, а в некоторых вопросах и скорректировать имеющиеся сведения. Характер и этапы развития архитектуры суфийских обителей, хронологическая трансформация их функций и связанной с ними терминологии были рассмотрены нами в других, опубликованных ранее работах.

Здесь мы остановимся лишь на эволюции ханака – основного вида суфийской обители, бытовавшего в исследуемое нами время – XV–XVII вв.

Эволюция архитектуры ханака – весьма сложный и многогранный процесс, который, на наш взгляд, уместно было бы рассматривать в тесной взаимосвязи с хронологическими трансформациями самого суфизма. Поэтому в развитии зодчества ханака по основным тенденциям мы условно выделяем четыре периода, связанные с этапами развития учения суфизма. В предлагаемой периодизации этапы не имеют жестких границ,

---

[313] Юсупова М. А. Архитектура хонако эпохи Темуридов (к эволюции суфийских обителей Средней Азии) // ОНУ. (Ташкент). 1997. № 3-4. С. 51-59; Yusupova Mavluda. L'evolution architecturall des couvents soufis a l'epoque timouride et post - timouride. L'heretage timouride. Iran - Asie Cemtreale - Inde, XV-XVIII siecle, Cageir d'Asie Centrale // No 3-4 (1997); Yusupova Mavlyuda. The Architecture of Sufi Complexes in Bukhara // Bukhara: The Myth and the Architecture. (A publication of the Aga Khan Program for Islamic Architecture at Harvard University and the Massachusetts Institute of Technology, Cambridge - USA) – Rome: «Art Aldo Palombi», 1999. P.121-132. и др.

[314] Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969.

[315] Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV в. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976; Пугаченкова Г. А. Памятники позднефеодальной архитектуры Северного Афганистана // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989.

[316] Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии… С. 125-134.

[317] Немцева Н. Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре (к истории архитектурного комплекса). Бухара, 2003.

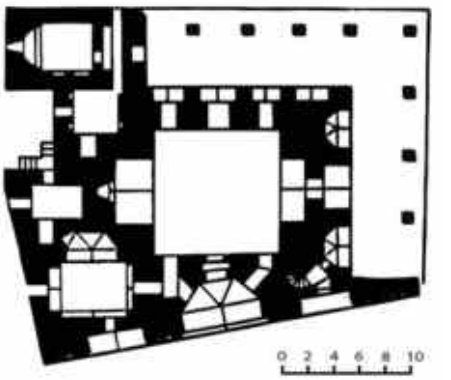
ибо зачастую очередной из них зарождался в предыдущем. Два первых периода в некоторой степени совпадают с периодизацией Дж. Тримингэма[318].

1) *Первый период – VIII–XI вв.* – время зарождения суфизма и формирования основных положений его теории «ал-илм ат-тасаввуф», начало строительства первых обителей суфиев, которые в разных регионах мусульманского мира назывались рабат, заввийа и/или ханака. Разные по генезису, они, в результате эволюции к концу первого периода приобрели сходную структуру и функции.

Здания ханака изначально служили приютом для суфиев, не имеющих жилья, местом совместного проведения религиозных ритуалов, диспутов, а иногда и обучения суфиев. С конца X в. ханака (при сохранении прежних функций) становится суфийским центром со складывающимся институтом «наставник – ученик» (пир – мюрид). В этот период ханака еще не имели определенной типологии. Так, ханака Мавераннахра и Хорасана IX–X вв., размещенные в зданиях, оставленных манихеями (в Самарканде) и каррамитами, по мнению Л. Ю. Маньковской[319], вероятно, представляли собой сооружения монастырского типа с периметральной застройкой внутреннего двора.

Нередко ханака формировались рядом с уже существовавшей могилой суфия, либо, наоборот, шейх устраивал ханака в собственном или в любом другом жилом доме, вблизи которого его затем и хоронили. Таковы расположенные напро-

Ханака-мечеть Ходжа Порсо, XV в.
Общий вид. Фото нач. XX в.



Ханака-мечеть Ходжа Зайн ад-Дина, XVI в.
План

[318] Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989. С. 90.
[319] Маньковская Л. Ю. Типологические основы … С. 128.

тив друг друга ханака и мавзолей Абу-Саида в Мехне, а также могила и ханака Абу Мухаммада аз-Займуни (ум. в 1025 г.) в Бухаре[320]. По преданию, данное ханака – это бывший дом шейха, а купольный мавзолей – бывшая чилляхона (глухое помещение для ритуальных уединений).

2. *Второй период – XI–XIV вв.* С возникновением суфийских орденов и более активным распространением в исламе культа святых захоронения суфийских шейхов становятся объектами поклонения и паломничества; при них поэтапно формируются крупные суфийские обители. Теперь рабаты и ханака Средней Азии и ряда смежных регионов приобретают одинаковое значение и сходную структуру. В целом они представляют собой комплекс сооружений, включающий мавзолей святого, зал для суфийских радений и других ритуальных собраний – ханака (сумаʻ-хана) и небольшую мечеть (иногда обе функции совмещали в одном зале); жилище шейха и его семьи; комнаты для чтения Корана и обучения; кельи мюридов; странноприимные худжры с бесплатным приютом и пищей и др.[321]. По мнению Б. Бабаджанова, поскольку здание ханака считалось главной составляющей – «ритуальным центром» всего комплекса, то и собственно комплекс именовался иногда «ханака». Но в местных источниках чаще его называли сума' или заввийа[322].

По структуре эти комплексы представляли собой периметральную застройку вокруг тенистого двора с водоемом. Таковы комплексы Сайф ад-Дина Бохарзи в Бухаре с хаузом во дворе[323] и Кусам ибн Аббаса в Самарканде на берегу тенистого живописного арыка[324]. Эти два зиаратгоха, как и многие другие ханака Средней Азии, марокканский путешественник Ибн Баттута, посетивший их в 1333 г., называет привычным на его родине термином «заввийа».

3. *Третий период – XIV–XVII вв.* Аскетичный изначально, суфизм претерпевает существенную трансформацию. Суфии все активнее сотрудничают с властями и получают большие пожертвования. Теперь бывшие ханака дворового типа при мавзолеях преображаются в мемориально-культовые центры (часто с захоронениями в дахмах в центре хазира), а само значение ханака распространяется не на весь комплекс, а на входящее в него сооружение с обрядовым залом. В этот период преимущественным становится центрально-купольный тип ханака с крупным подквадратным или крестовидным в плане залом – зикрхана в центре и худжрами в 2 яруса по его сторонам или углам (изредка с 2–3-сторонней галереей). Архитектуру ханака этого периода, соответствующего в основном времени нашего исследования, мы рассмотрим далее.

---

[320] Камалиддинов Ш. С. "Китаб ал-ансаб" Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 61-62.

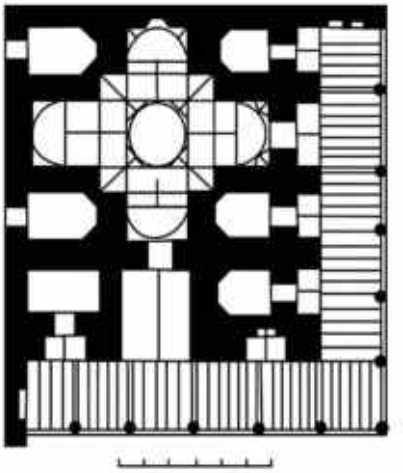
[321] Милославский Г. В., Петросян Ю. А., Пиотровский М. Б., Прозоров С. М. Ислам. Энциклопедический справочник / Под ред. Г. В. Милославского, Ю. А. Петросяна и др. М., 1991. С. 72.

[322] Пользуясь случаем, выражаю благодарность проф. Б. Бабаджанову за его ценные советы и замечания.

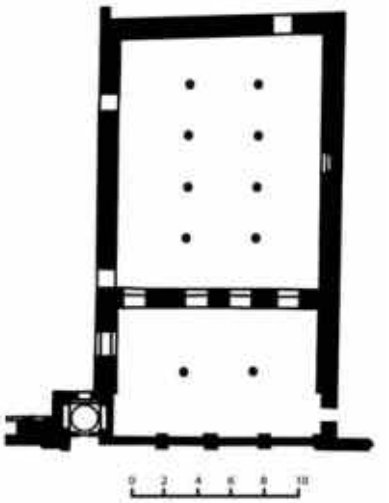
[323] Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965. С. 166.

[324] Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. С. 92-93.

4. *Четвертый период – XVIII–XIX вв.* Это время упадка учения ат-Тасаввуф, когда суфизм становится более массовым, с упрощением его доктрин и ритуальной практики. Кроме того, экономический кризис обусловил возведение более скромных по архитектуре и размерам зданий ханака. В Бухарском оазисе это в основном небольшое купольное или с плоской кровлей (по деревянным балкам на деревянных колоннах) здание с обводящим его с двух сторон Г-образным колонным айваном, часто совмещавшее в себе также и функции квартальной мечети. Нередко такие ханака наряду с одноэтажными худжрами, дарвазаханой, тахаратханой и др. входили в периметральную застройку двора, составлявшую суфийский культовый комплекс. К примеру, таковы в Бухаре ханака в комплексах Халифа Худайдот, Халифа Ниязкул и др.



Ханака-мечеть Хазрати Имам, XVI в.
План

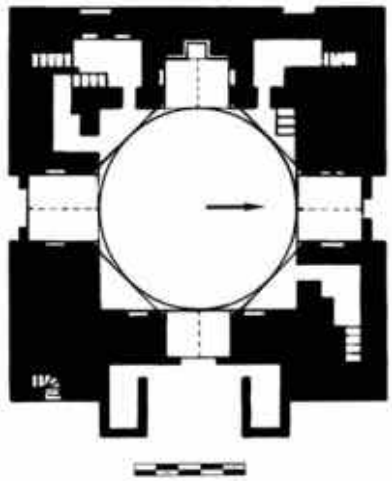


Ханака Мавлоно Шариф, XVII в.
План

В эволюции ханака Средней Азии наиболее интенсивное формирование их зодчества с апробацией новых вариантов сооружений наблюдается в эпоху Темуридов, Шейбанидов и отчасти Аштарханидов (1599–1785), что, согласно нашей периодизации, соответствует третьему периоду развития архитектуры ханака. Суфизм в это время серьезно упрощается, но одновременно сильно влияет на местные формы бытования ислама и превращается в официальное и главенствующее течение в исламе. Суфийские шейхи теперь сотрудничают с правителями, активно вмешиваются в дела политиков и становятся богатейшими и влиятельнейшими людьми своего времени (Ходжа Ахрар, Махдум-и А‘зам, шейхи Джуйбари и др.). Строителями ханака все чаще выступают правители и духовные лидеры Мавераннахра, отчего архитектура этих построек обретает великолепие, монументальность и грандиозные масштабы.

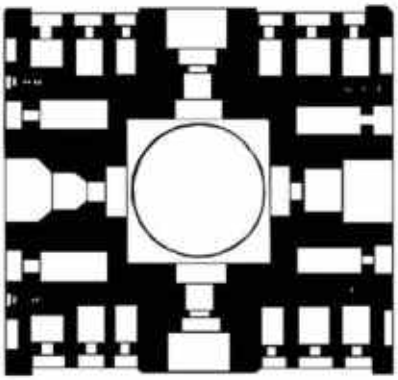
К началу XV в. ханака представляли собой многофункциональный комплекс сооружений, сложившийся у могилы местного святого, с периметральной застройкой

вокруг двора. Эти комплексы включали в основном святыню-мавзолей, мечеть, медресе, худжры мюридов и странноприимного дома, помещение для омовений – тахаратхана, кухни, иногда бани и другие служебные постройки и, наконец, одно из основных помещений комплекса –ритуальный зал для суфийских радений, который мог служить и мечетью. Причем в этот период термин «ханака» в узком смысле обозначал ритуальный зал суфиев, а в более широком – весь суфийский комплекс.



Ханака Дехкон-бобо, XV в.
План

Некоторые ханака пристраивали к гурхане святого, либо, наоборот, шейха хоронили вблизи его же ханака. В результате появился своеобразный тип здания – ханака-мавзолей. Часто это были продольно-осевые двухкамерные сооружения, где за крупным входным порталом размещался зал ханака-зиаратханы, а за ним – небольшое помещение гурханы. По данным вакфного документа начала XIV в., в Бухаре над захоронением почитаемого шейха Сайф ад-Дина Бохарзи возвышалась гурхана, куда вело примкнувшее к ней с юга ханака, «а дверь для входа в это ханака и в усыпальницу (была) одна»[325]. Ханака-зиаратхана, возведенные на одной оси с меньшим по размерам мавзолеем шейха, хорошо известны в зодчестве Темуридов. Например, ханака с мавзолеем Ходжа Абди-Даруна в Самарканде, ханака-зиаратхана с мавзолеем Сайф ад-Дина Бохарзи в Бухаре (отстроенное заново в первой половине XV в.).



Ханака Баха ад-Дина.
План после пристроек XVII в.

Идея размещения вокруг двора набора необходимых для суфийских обителей сооружений у могилы святого с расположением на продольной оси гурханы и зала ханака-зиаратханы к началу XV в., исходя из заказа Амира Темура, а также наличия творческих (в том числе и иноземных) и материальных ресурсов, сосредоточенных им в своем государстве, трансформируется и воплощается в виде единого гигантского здания. Таково выстроенное Амиром Темуром на рубеже XIV–XV вв. ханака в Туркестане над могилой известного суфия Ходжа Ахмада Яссави (ум. в 1166–1167 гг.). В центре прямоугольно-

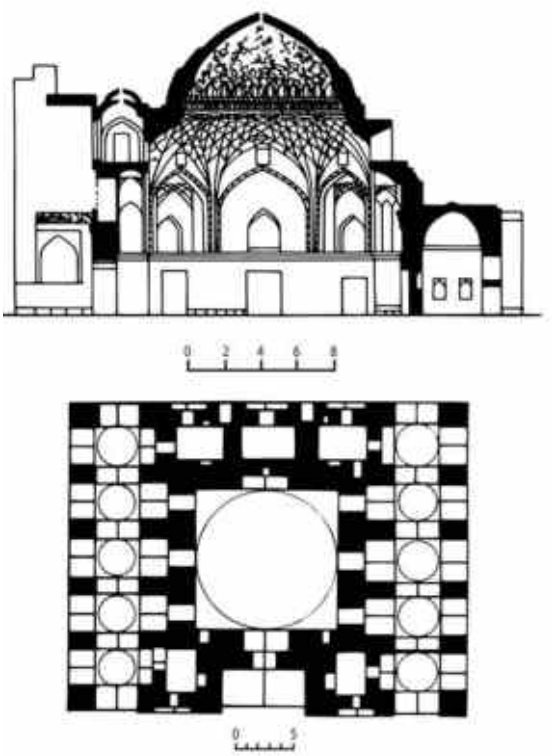
[325] Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965. С. 166.

го продольно-осевого в плане сооружения размещался обширный зал, за ним, на главной оси – гурхана Ахмада Яссави. Это было огромное многокамерное строение, совмещавшее в себе все функции мемориального суфийского комплекса: гурхану, зикрхану, жилые и странноприимные худжры, библиотеку, кухню, халимхану и другие служебные помещения, располагавшиеся вокруг крупного купольного зала в центре. Как видим, здесь использована та же идея периметральной застройки вокруг двора, который как бы перекрыт большим куполом и превращен в общественный зал.

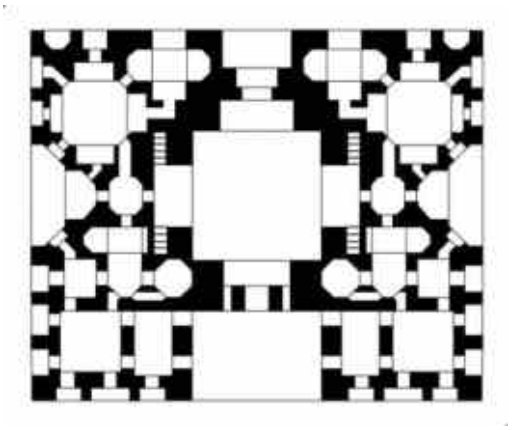
В Бухарском оазисе уже с начала XV в. преимущественным было размещение ханака не смежно, а отдельно от мавзолея (ханака Ходжа Порсо в Бухаре, Дехканбобо в Бухарской области). По архитектуре эти отдельно выстроенные ханака представляли собой сооружение с крупным купольным или, изредка, плоскокровельным колонным залом.

В целом по архитектурному решению зданий ханака Бухарского оазиса XV-XVII вв. мы выделяем два их типа.

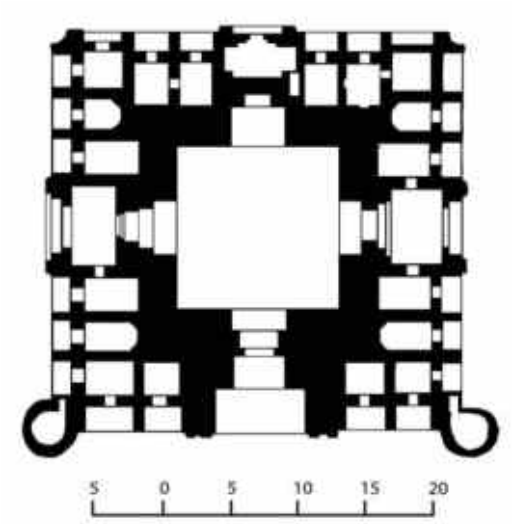
Первый, или ранний, тип – это ханака с крупным залом и худжрами на углах, обведенное с двух или трех сторон колонным айваном (этот тип впервые вводится нами в типологическую классификацию). Данный тип ханака, генетически связанный с обычными жилыми домами, в которых устраивали свою обитель ранние суфии, в результате эволюции к началу XV в. приобрел более монументальные формы. Об одном из них – ханака Мухаммада



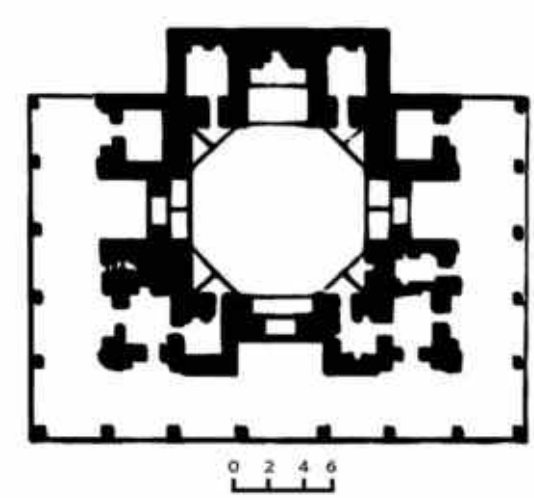
Ханака в Файзабаде, XVI в.
План и разрез



Чертеж плана ханака из свитка бухарского мастера XVI в.
(по: Бакланов, 1949)



Ханака Мухаммад-Яр Аталык, XVII в.
План



Ханака в Пешку, XVI в.
План.

Ходжа Порсо – свидетельствует вакфный документ, составленный в 1407–1408 гг. на комплекс сооружений, воздвигнутых у мавзолея матери Ходжа Порсо. В нем сказано: «Ханака включает в себя айван на северной, восточной и южной сторонах. Ханака построено из жженого кирпича, ганча и горного камня (санги-кух)»[326]. Ныне от этого ханака сохранилась лишь стена с михрабной нишей. Это одно из ранних свидетельств о виде ханака с колонным айваном, который, скорее всего, был наиболее распространен в XII–XIV вв. и бытовал в Узбекистане параллельно с последующими видами ханака вплоть до начала XX в.

Среди немногочисленных в XV–XVII вв. ханака с колонными айванами можно назвать здания с купольным залом – ханака Ходжа Порсо, Ходжа Зайн ад-Дина и Хазрати Имам в Бухаре, ханака с плоским деревянным балочным перекрытием зала на колоннах (с колонным залом) – это ханака Шахи Ахси и Мавлоно Шариф в Бухаре.

Однако наиболее распространенным в XV–XVII вв. становится второй тип ханака в виде монументального портально-купольного здания, которое служило в основном ритуальным залом суфиев и могло быть сооружено как в мемориальном комплексе, так и в центре города. Такие ханака включали непременно крупный (подквадратный или крестовидный в плане) купольный зал – сам'а или зикрхона в центре здания и несколько худжр, размещенных в 2-3 яруса по сторонам или углам зала.

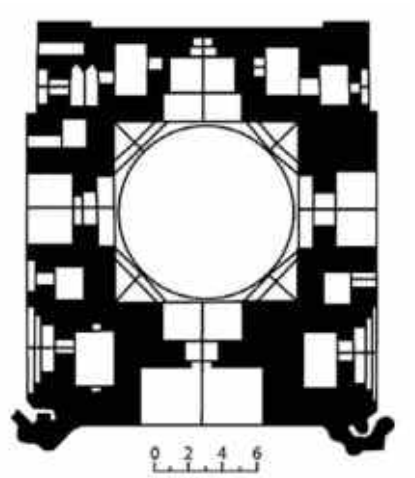
По свидетельству Мухаммада Захр ад-дина Бабура, купол ханака, выстроенного Мирзо Улугбеком в XV в. напротив его же медресе на площади Регистан в Самарканде,

[326] ЦГИА РУз, фонд И-323, N 1291/16 (30). Чтение и перевод Б. Бабаджанова.

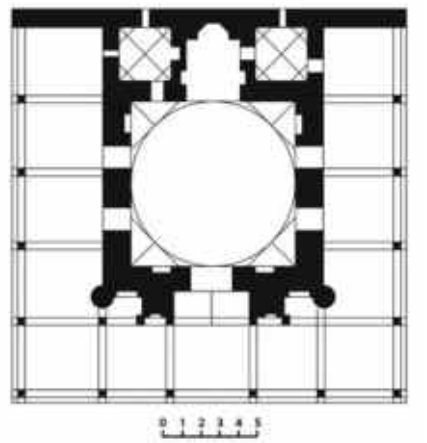
был так высок, что «во всем мире показывают немного таких высоких куполов»[327].

По нашему мнению, появление ханака нового типа – без прилегающего помещения гурханы и большого количества жилых худжр – было обусловлено следующими факторами:

во-первых, это было связано с распространением в Средней Азии братства Накшбандия, шейхи которого отвергали возведение мавзолеев над захоронениями, а городской характер и ритуальная практика не требовали большого числа жилых и странноприимных худжр со службами при них. Основные доктрины Накшбандия предписывали необязательность отшельничества и бродяжничества, тихий зикр, более приличествующий богатым и солидным мюридам ордена, а также жизнеутверждающий девиз «Руки – труду, а сердце – Богу», т. е. призыв жить созидательной жизнью и при этом стремиться к познанию Бога. Последователями этого братства были не только ремесленники и торговый люд, но и богатые горожане, аристократы, включая самих правителей (Абдулазизхан I, Абдуллахан II и многие другие), а также известные поэты (Алишер Навои, Абдурахман Джами), ученые и представители искусства (миниатюрист Камал ад-Дин Бехзад и др.). Таким образом, члены ордена могли жить в своих семьях и собираться в ханака лишь для совместного проведения ритуалов (молитва, проповеди шейха, сеансы коллективных зикров, ночные бдения и др.), иногда для обучения или периодических трапез (худои), что не требовало большой площади застройки;



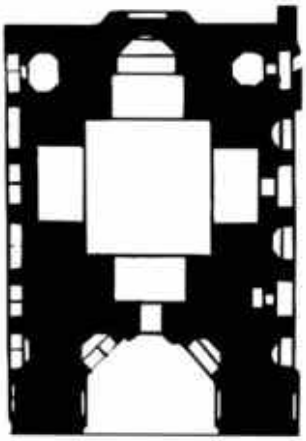
Ханака Хаким Мулла Мир, XVI в.
План



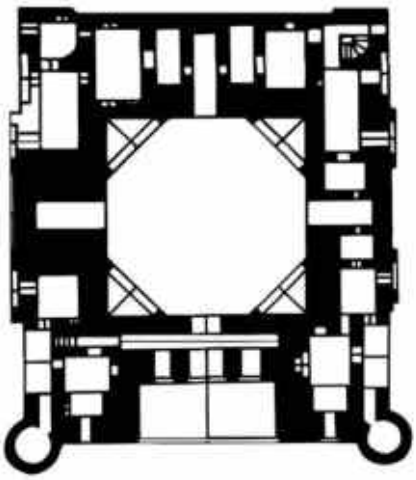
Ханака Суфи Дехкан, XVII в.
с поздним айваном.
План

во-вторых, в связи с усилением культа святых, что привело к трансформации прежних ханака при мавзолеях в центры паломников, где значение «ханака» закрепилось лишь за постройкой с ритуальным залом суфиев – купольной зикрхана. В

[327] Бабур Захр ад-Дин Мухаммад. Бабур-наме (Записки Бабура) / Пер. М. Салье. Ташкент, 1993. С. 71.



Ханака в Чор-Бакр, XVI в.
План



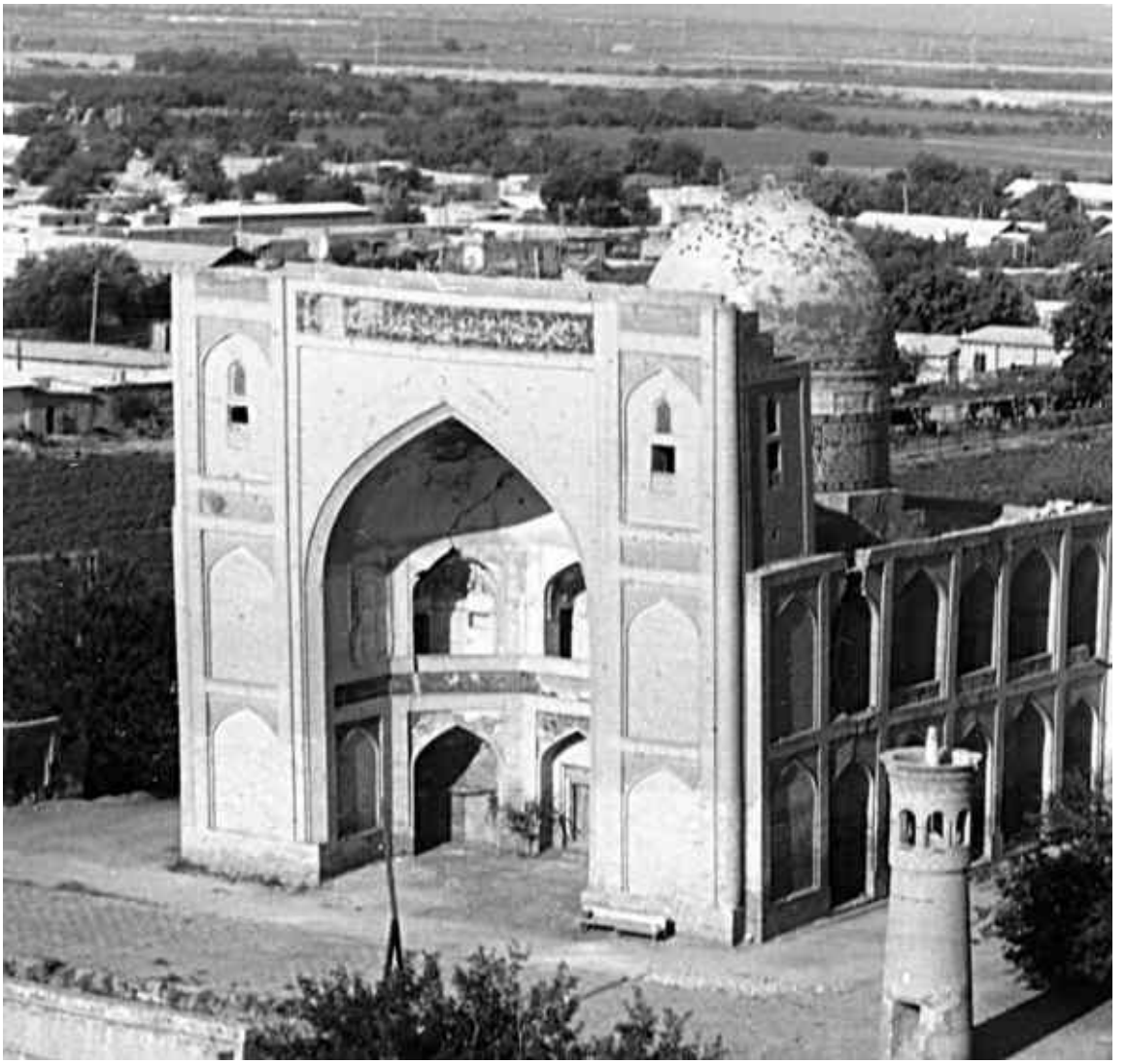
Ханака Надир Диван-беги, XVII в.
План 2-го этажа

таких мемориальных комплексах захоронение осуществлялось либо в отдельном мавзолее (до второй трети XVI в. – ханака Дехкан-бобо в Бухарской области), либо в прилегающем дворике-хазира в дахме (XVI–XVII вв. – ханака Баха ад-Дина, Касим Шейха и др.) (здесь в этой классификации одно слабое место – дело в том, что часть этих ханака – Д-бобо, Касим шайха, Шахи Ахси – принадлежала братству Йасавийа или его ответвлений).

В результате последующей эволюции произошла кристаллизация типа портально-купольных ханака, которые приобрели более четкий и удобный план, а также более выразительную объемную композицию. Большую роль в облегчении несущих конструкций, совершенствовании планов и создании живописной объемно-пространственной композиции зданий этого типа играли перекрытия на четырех пересекающихся арках, распространенные в Мавераннахре со второй трети XV в. и особо популярные в Бухарском регионе со второй трети XVI в. Они обстоятельно рассмотрены нами в соответствующем разделе книги.

Таким образом, в XV–XVII вв. в Средней Азии, в частности, в Бухарском оазисе, преимущественно строятся представительные монументальные ханака в виде портально-купольного сооружения с просторным ритуальным залом – купольной зикрхана с подквадратным или крестовидным планом в центре здания, с одной кельей или группой худжр в два яруса в угловых массивах ханака и расположенной здесь же лестницей, ведущей на кровлю и в худжры. Иногда дополнительные худжры размещались по сторонам зала и в 2-3 яруса – в мощных пилонах входного портала (Хаким Мулла-Мир в Ромитане).

Наиболее активно такие ханака строились в Бухарском оазисе в XVI в. богатыми меценатами при могилах почитаемых суфиев и размещались на центральной город-



Ханака в комплексе Чор-Бакр, XVI в.
Общий вид, фото 1980 г.

ской площади (например, ханака Улугбека на площади Регистан в Самарканде, а в XVII в. – ханака Надир Диван-беги на площади Ляби-Хауз в Бухаре).

Среди ханака второго типа в Бухарском оазисе можно выделить три следующих варианта:

ханака центрической композиции: в XV–XVI вв. – Дехкан-бобо в Гиждуванском районе (условно); в XVI в. – ханака Касим Шейха в Кермине; в XVII в. – ханака Баха ад-Дина Накшбанда (2-й этап строительства), Мухаммад-Яр Аталыка и ханака в Пешку.

Ханака-мечеть в комплексе Хазрати Имам, XVI в.
Общий вид

Ханака продольно-осевой или глубинной композиции: в XVI в. – ханака в комплексе Чор-Бакр в Сумитане, Хаким Мулла-Мир в Ромитане, и в XVII в. – ханака Надир Диван-беги в Бухаре, ханака Суфи-дехкон в Вабкентском районе. Ханака Суфи-дехкон – малоизученный памятник конца XVII в. сначала был портально-купольным. Существующий ныне айван на деревянных колоннах, окружающий здание с трех сторон, был пристроен к нему в XVIII в., поэтому мы не стали причислять это ханака к первому типу.

Ханака фронтальной композиции: в XVI в. под Бухарой – ханака в Файзабаде и первый этап строительства ханака Баха ад-Дина. Последнее было сооружено в 1544–1545 гг. Абдулазизханом I и поначалу имело развернутую по фасаду фронтальную композицию. Спустя сто лет, в 1642–1645 гг., Надирхан пристроил к зданию ханака с тыла ряд худжр в два этажа, отчего план получил центрическую композицию. Сюда же можно отнести ханака, представленное в виде типового проекта на чертеже неизвестного бухарского зодчего XVI в., а также, вероятно, ныне утраченные ханака XVI–XVII вв. Гозиён и Миракон в Бухаре.

Следовательно, можно заключить, что в изучаемый нами период в Средней Азии ханака возводилось как наиболее крупное сооружение в мемориально-культовом комплексе дворовой (иногда многодворовой) структуры или как отдельно стоящее здание в составе ансамбля в центральной части города. Среди ханака этого времени можно выделить два типа здания с 2-3 подтипами в каждом.

Из них первый тип – ханака в виде купольного или колонного зала, обведенного с трех сторон айваном на деревянных колоннах, классифицируется нами впервые. Наиболее ранним ханака Средней Азии с колонным айваном до сих пор считалось здание ханака-мечети Ходжа Зайн ад-Дина (XVI в.,) в Бухаре. Однако по архитектуре ханака Мухаммада Ходжа Порсо 1407 г. стало достоверно известно, что этот (первый) тип существовал в Бухаре и раньше, во всяком случае, не позднее начала XV в. Обители первого типа получили в XVI в. дальнейшее развитие и весьма яркое воплощение в зданиях ханака– Ходжа Зайн ад-Дина, Хазрати Имам и Шояхси в Бухаре.

Расцвет архитектуры суфийских обителей в Бухарском регионе приходится на XVI–XVII вв. Выбранный в качестве образца для дальнейшего развития второй тип ханака в результате эволюции и кристаллизации архитектурного типа приобрел удобную и рациональную планировку, более сейсмостойкие конструкции и выразительную портально-купольную объемную композицию. Черты этого, более монументального, типа ханака в Бухарском оазисе сначала проявились в XV в. в здании Дехкан-бобо и получили значительную эволюцию в XVI в. в ханака – Баха ад-Дина Накшбанда, Касим Шейха, Хакима Мулла-Мир и др., в XVII в. – в ханака Надир Диван-беги в Бухаре, Суфи-дехкон в Вабкентском районе и др.

Интересно, что ритуальный купольный зал, располагавшийся в центре здания, независимо от типа ханака и количества прилегающих второстепенных помещений, часто имел размеры близкие – 9 м х 9 м (в ханака Дехкан-бобо, Касим Шейха, Ходжа Зайн ад-Дина, Хакима Мулла-Мир и др.).

В целом культовое зодчество Бухарского оазиса отличается своеобразием и выразительностью построек, богатой типологией, разнообразием и монументальностью сохранившихся сооружений. Среди них локальные черты бухарской школы зодчества особенно ярко проявились в архитектуре медресе, минаретов и ханака.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ И МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ

ТИПЫ ГОРОДСКИХ АНСАМБЛЕЙ

Многие крупные доисламские города Средней Азии (Пенджикент, Самарканд, Бухара и др.) украшали ансамбли со сложившимися на то время типами композиции. В Бухаре, по сведениям Наршахи, в IX–X вв. уже существовала площадь перед крепостью, застроенная культовыми, административными и прочими общественными сооружениями. Ибн-Хаукаль отмечает прекрасные площади Самарканда.

К XV в. в зодчестве Мавераннахра и, в частности, Бухарского оазиса уже были сформированы основные известные виды комбинаторики и типы композиции городских ансамблей. Они получили значительное развитие в рассматриваемую нами эпоху, что было обусловлено бурными темпами градостроительства и большими масштабами монументального зодчества.

Парадные городские ансамбли Бухары XV–XVII вв. можно подразделить на четыре типа:

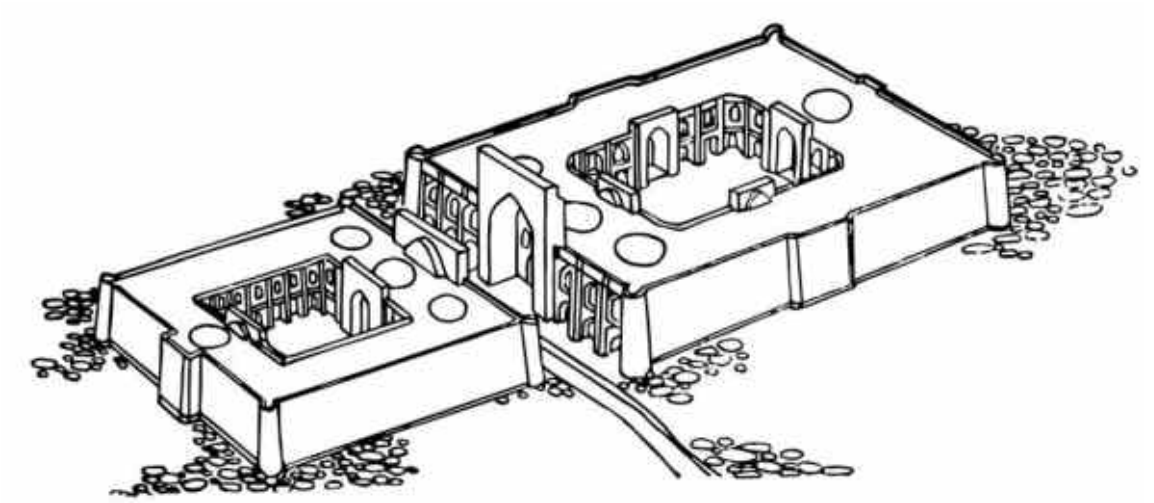
Парные композиции – кош (кош-медресе Большое и Малое Гозиён, Мадарихана–Абдуллахана, Улугбека–Абдулазизхана; близок к кош и ансамбль Хаузи-Нау).

Фронтальные композиции (Гаукушон).

Ансамбли с трехсторонней застройкой площади (Пои Калон, Ляби-Хауз, с рубежа XVII–XVIII вв., вероятно, Гозиён).

С периметральной застройкой площади (Регистан).

Согласно исследованиям П. Захидова и М. Ахмедова, в староузбекской терминологии ансамбли кош называли также «мукобил», т. е. парный, а смежно располо-



Ансамбль кош-медресе Улугбека-Абдулазизхана, XVI–XVII вв.
Аксонометрия

женные здания с фронтально развернутыми фасадами – «жуфт», или «муштарак» (смежные)[328].

Ансамбль кош, или мукобил (парный) – это композиция из двух противолежащих зданий, расположенных на одной оси по сторонам площади или расширенного русла улицы. Постройки при этом обращены одна к другой главными фасадами, где порталы зачастую перекликаются по высоте и декору.

Почти все ансамбли кош слагались поэтапно на крупных градостроительных узлах либо вдоль основных улиц города.

Сведения о наиболее ранних композициях подобного рода относятся к XI–XII вв. Это противолежащие портально-купольный мавзолей Абу-Саида и его дом, в котором суфий устроил свое ханака в Мехне (Туркмения). Разумеется, это еще не ансамбль кош в полном значении этого слова, так как вряд ли дом суфия в то время имел значительный портал, способный создать гармоничную композицию с порталом выстроенного позже напротив него мавзолея. В XV в. на месте дома суфия Темуриды возвели портально-купольное ханака Абу Саида, в результате чего сложился истинный вариант ансамбля кош[329].

Ансамбли кош, как наиболее простая и эффектная композиция при постановке друг против друга портально-купольных зданий, стали широко распространяться уже с конца XIV в. Таковы противолежащие портально-купольные мавзолеи в некрополе Шахи-Зинда в Самарканде, расположенные по сторонам улочки, ведущей к глав-

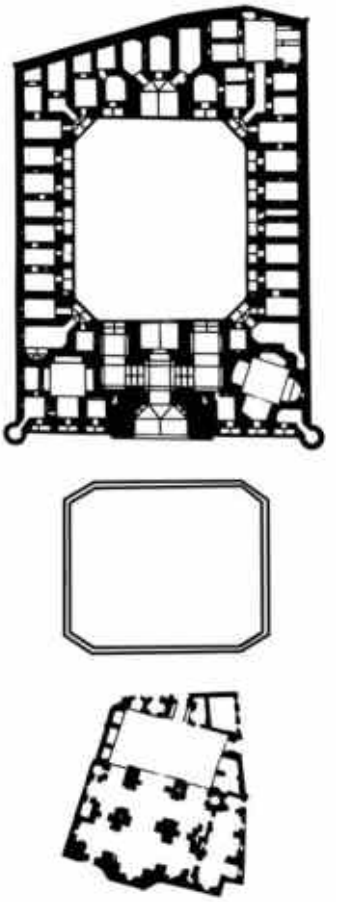
[328] Ахмедов М. Историко-теоретические основы развития средневековых архитектурных ансамблей Узбекистана (Ўзбекистон ўрта асрлар меъморий ансамбллари тараққиетининг тарихий-назарий асослари). Автореф. дисс... докт. архитектуры. Ташкент, 1996. С. 13

[329] Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. II. М., 1958. С. 280.

ной святыне некрополя – мавзолею Кусам ибн Аббаса. Наиболее грандиозным в Средней Азии был самаркандский ансамбль кош начала XV в., состоявший из джума-мечети Биби-ханым и медресе Сарай Мульк-ханым.

В первой половине XV в. в Самарканде сложились ансамбли кош из ханака и медресе Султана Махмуда (включая которые позже сложился ансамбль Гури-Амир), медресе и ханака Улугбека на площади Регистан, являвшиеся частью периметральной застройки этой площади. Во второй половине XV в. известный узбекский поэт и визирь при дворе Хусейна Байкары Алишер Навои на собственные средства возвел в Герате ханака Халосия и медресе Ихлосия, также расположенные в ансамбле кош[330].

Окончательно концепция ансамбля кош была сформирована, вероятно, в XIV–XV вв., когда широко использовались портальные композиции фасадов и уже существовали определенные устоявшиеся каноны, нарушение которых не оставалось незамеченным. Так, Амир Темур, вернувшийся из длительного похода в Индию, был весьма огорчен, обнаружив дисгармонию в сочетании двух возвышающихся напротив друг друга строений Самарканда: портал мечети Биби-ханым был, по его мнению, недостаточно высок относительно противолежащего медресе Сарай Мульк-ханым. Разгневанный правитель приказал наказать нерадивых строителей и перестроить пештак мечети[331].



Ансамбль Гозиён, XVI – конец XVII вв.
План первой половины XVI в.

Алишер Навои писал в «Вакфия», что, возводя противолежащие ханака и медресе в Герате, он старался увязать эти здания одно с другим[332].

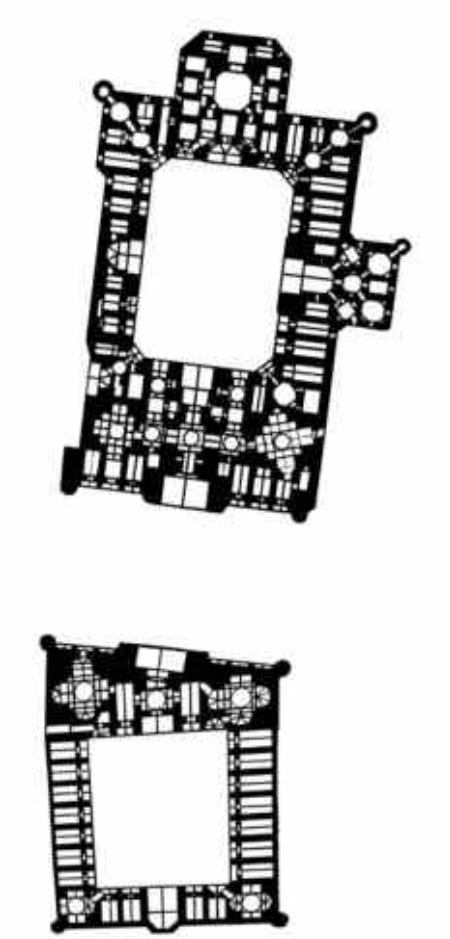
В рассматриваемый нами период ансамбли «кош» были самыми распространенными в Средней Азии, особенно в Бухаре, где в XV–XVII вв. их было не менее пяти, и от которых сохранилось два наиболее крупных ансамбля.

В последующий период в связи с сокращением объемов и масштабов монументального строительства все реже создавали ансамбли «кош», не совсем точно следовали принципам их построения, свободно трактуя канонизированные в предшеству-

[330] Гулямов Я. Г. К вопросу о традициях архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в. // Великий узбекский поэт. Сб. ст. под ред. М. Т. Айбека. Ташкент, 1948. С. 156

[331] Шараф ад-дин али Яздий. Зафарнома/ Извлечения в пер. А. Уринбаева // Ўринбоев А., Бўриев О. и др. Темурийлар бунёдкорлиги давр манбаларида. Ташкент, 1997. С. 96.

[332] Гулямов Я. Г. Указ. соч. С. 156.



Ансамбль кош-медресе Мадарихана-Абдуллахана. XVI в.
План

ющее время типы композиций. Таков, к примеру, ансамбль, состоящий из мечети XVI в. Валида-и Абдулазизхана и медресе XVII в. Джуйбари Калян. Отметим, что ансамбль «кош», поднявшийся до уровня классической и гармоничной композиции бухарских кош-медресе, возродился в зодчестве Средней Азии лишь единожды, в первой трети XIX в., в период расцвета города Хивы, когда здесь возник ансамбль, состоящий из двух медресе Кутлуг-Мурад-Инак и Аллакулихана.

Почти все ансамбли «кош» Бухары слагались из разновременных зданий с хронологическим интервалом от нескольких десятилетий до более чем двух столетий. Так, почти столетие разделяет мечеть Калян и медресе Мир-и Араб, Кош-медресе Мадарихана–Абдуллахана разделяют всего 23 года, в то время как медресе Улугбека у купола Заргарон старше своего визави – медресе Абдулазизхана – почти на 235 лет. Рассмотрим формирование ансамблей «кош» Бухары в хронологическом порядке, уделяя особое внимание малоизвестным и впервые вводимым нами в научный оборот сведениям:

а) Ансамбль Гозиён.

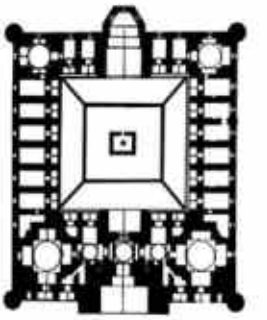
В исторических источниках и в воспоминаниях Садриддина Айни неоднократно упоминаются хауз и медресе Гозиён. Наши архивные исследования, изучение сохранившегося южного медресе, беседы со старожилами, заставшими следы утраченных ныне частей этого комплекса, а также выявленные Б. А. Казаковым данные вакфных документов[333] позволили обнаружить дополнительные сведения об архитектуре расположенных у хауза зданий и предложить следующую картину сложения и бытования ансамбля Гозиён.

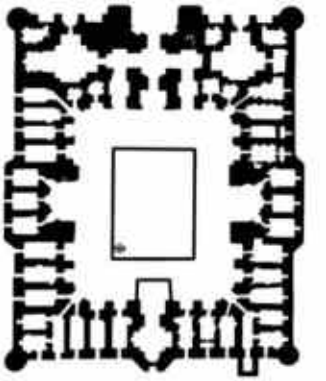
Так, к югу от древнего шахристана в богатом квартале Гозиён в 1534–1535 гг. было выстроено Малое (Гозиёни Хурд) медресе южнее уже существовавшего в это время Большого медресе Гозиён (Гозиёни Калон)[334]. Здания были обращены одно к другому главными фасадами с портальным входом в центре фасада и двухэтажными крыльями по его сторонам и в целом представляли традиционный в Мавераннахре

[333] Казаков Б. А. Документальные памятники Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 103.
[334] Казаков Б. А. Документ забытого памятника // Вехи времен. Ташкент, 1989. С. 88.

ансамбль кош-медресе. Между ними рядом с северным зданием был устроен хауз, а вдоль фасада южного медресе пролегала дорога. В настоящее время сохранилось лишь Большое медресе – Гозиёни Калон, которое ныне более известно как Мирза Шариф Гозиён.

Следующие по хронологии и сохранившиеся два ансамбля Бухары кош-медресе – весьма знамениты в Центральной Азии. Казалось бы, в сложении столь известных ансамблей трудно без дорогостоящих археологических раскопок обнаружить что-либо новое. Однако углубленные архивные и источниковедческие исследования позволили выявить сведения, отражающие промежуточные этапы в истории формирования этих двух ансамблей.





Ансамбль кош-медресе Улугбека– Абдулазизхана, XV– XVII вв.
План

б) Кош-медресе Мадарихана–Абдуллахана.

Из книги Хафиз-и Таныша Бухари «Шарафнамаи-Шахи» следует, что «в западной части города, на улице Хиёбон, напротив ханской бани, что также построена его величеством (Абдуллаханом II), в 1566–1567 г. он воздвиг величественное медресе с высокими сводами, великолепными куполами, верхними и нижними помещениями»[335]. Судя по местоположению, дате строительства и приметам, речь идет о медресе, выстроенном Абдуллаханом II от имени его матери и потому называемом Мадарихан. В 1590 г. Абдуллахан II напротив медресе Мадарихан воздвиг более крупное медресе от своего имени, в результате чего возник ансамбль кош-медресе.

Из вакфного документа, составленного на это здание от имени Абдуллахана II, следует, что расположенная здесь баня входила в медресе как его составная часть[336]. Следовательно, медресе Мадарихан располагалось напротив ханской бани, к которой через 23 года примкнуло медресе Абдуллахана.

Подтверждение этим историческим сведениям мы нашли в архиве ГлавНПУ Узбекистана в материалах исследований архитектора С. Пчельникова. Из его записи, сделанной со слов усто А. Салихова в 1946 г., явствует, что в этот ансамбль входила и

[335] Хофиз Таниш Ал-Бухорий. Абдулланома/ Пер. с фарси на узб. яз. Садика Мирзаева. Ташкент, 1999. С. 259.
[336] ЦГИА РУз, фонд И-323, инв. N 24. Чтение и перевод Б. Бабаджанова.

Ансамбль кош-медресе Улугбека–Абдулазизхана, XVI– XVII вв.
Общий вид

Ансамбль Джуйбари Калян.
Общий вид с медресе и хаузом

баня, смежная с медресе Абдуллахана[337]. На фото 1946 г. у юго-восточной гульдасты медресе видны остатки этого бытового сооружения[338].

в) Ансамбль кош-медресе Улугбека – Абдулазизхана.

В 1417 г. просвещенный правитель Мавераннахра Улугбек возвел двухэтажное медресе вблизи центрального перекрестка торговых улиц в ядре шахристана.

Не останавливаясь подробно на архитектуре хорошо известного и ранее описанного нами медресе Улугбека, перейдем к рассмотрению этапов сложения здесь ансамбля. Исходя из местоположения медресе – на древнем пересечении главных улиц, можно предположить, что здесь прежде существовали монументальные постройки, образующие некий общественный центр – слишком уж это бойкий древний торговый район. По данным Восифи, торговый пассаж здесь существовал уже в XV в.[339] Он, как мы отмечали, мог быть перестроен заново или частично в XV–XVI вв. Как бы то ни было, к концу XVI в. здесь возвышался торговый купол Заргарон.

В 1652 г. Абдулазизханом напротив медресе Улугбека вблизи этого купола было возведено крупное медресе, которое еще в начале XX в. называли медресе Заргарон. Так возник второй в Бухаре ансамбль кош-медресе.

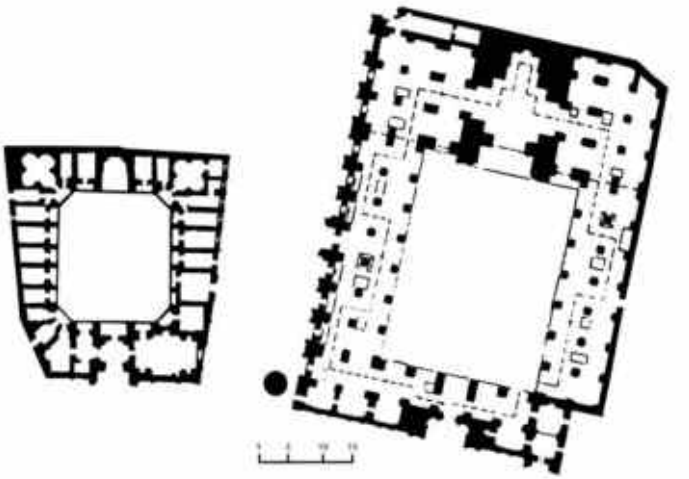
Что же размещалось напротив медресе Улугбека с 1417 по 1652 г., то есть в течение почти 235 лет до сооружения здесь медресе Абдулазизхана? Нам удалось выявить следующее. Из самаркандских документов XV–XVI вв., описывающих владения Ходжа Ахрара, следует, что в Бухаре по вакфу этому шейху принадлежали две бани.

[337] Пчельников С. Материалы исследований по медресе Абдуллахана в г. Бухаре. Архив ГлавНПУ МК РУз. С. 31.
[338] Там же.
[339] Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV в. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976. С. 48.

Одна из них «находилась напротив нового медресе Улугбека», то есть на том месте, где в XVII в. было выстроено известное медресе Заргарон[340]. Таким образом, можно предположить, что в конце XV в. напротив медресе Улугбека располагалась баня, принадлежавшая Ходжа Ахрару, и на ее месте (но, возможно, и смежно с баней) в 1652 г. Абдулазизхан возвел свое медресе, сохранившееся до наших дней.

г) Ансамбль Хаузи-Нау. Возникший в XVI–XVII вв. в юго-западной части города вдоль улицы, ведущей к воротам Каракуль, этот ансамбль также имел композицию, близкую к кош. В свете новых эпиграфических исследований ныне пересматривается история сложения данного ансамбля. Так, согласно уточненным датировкам зданий, поначалу в правление и по заказу Шейбанида Абдулазизхана I (1539–1550 гг.) здесь была выстроена мечеть Валида-и Абдулазизхана[341]. Возможно, одновременно или несколько позже вблизи здания был устроен водоем Хаузи-Нау. В 1670–1671 гг. напротив мечети на средства джуйбарских шейхов было возведено небольшое асимметричное в плане медресе Джуйбари Калян, в результате чего сложился ансамбль Хаузи-Нау, состоящий из двух противолежащих зданий (мечети и медресе) с хаузом между ними.

Ансамбль фронтальной композиции, называемый, согласно местной терминологии, жуфт, или муштарак[342], представлял собой площадь, с одной стороны которой смежно располагались два или три здания, обращенные на нее своими порталами. Как наиболее известный ранний пример можно привести организацию городской площади в Пенджикенте (VIII в.), на которой смежно располагались два храма, главные фасады которых были фронтально развернуты вдоль одной из ее сторон. Схожую



Ансамбль Гаукушон. XVI в.
План

[340] Чехович О. Д. Самаркандские документы XV-XVI вв. (О владениях Ходжа Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974. С. 32.

[341] Бабаджанов Б. К датировке мечети «Валида-йи Абд ал-Азиз хан» в Бухаре (по данным эпиграфики и рукописных источников) // ОНУ. 1998. № 4-5. С. 91.

[342] Ахмедов М. Историко-теоретические основы развития средневековых архитектурных ансамблей Узбекистана (Ўзбекистон ўрта асрлар меъморий ансамбллари тараққиетининг тарихий-назарий асослари). Автореф. дисс… докт. архитектуры. Ташкент, 1996. С. 16.

Ансамбль Гаукушон. XVI в.
Общий вид с хаузом

композицию имели два аналогично расположенных портальных айвана (XV в., XIX в.), фронтально развернутых к небольшой площади с захоронениями асхабов в Старом Мерве.

В XVI в. при Шейбанидах также строились ансамбли жуфт. Наиболее ранний из них – ныне утраченный самаркандский ансамбль начала XVI в. состоял из двух смежных медресе[343] – Шейбанихана и Хойнийя, объединенных огромным, расположенным между ними пештаком. От этого ансамбля сохранилась лишь дахма Шейбанидов, находившаяся прежде во дворе одноименного медресе и перенесенная при поздней реконструкции центра Самарканда на площадь Регистан и устроенная между медресе Шер-Дор и Тилля-Кари[344].

Один из немногих ансамблей фронтальной композиции XVI в. сохранился в центре Бухары. Это *ансамбль Гаукушон,* находящийся в одноименном квартале. Сначала в 1570–1571 гг. джуйбарским шейхом Ходжа Са'адом (он же Ходжа Калон) на пере-

[343] Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки // ИЗУ. Вып. I. Ташкент, 1962. С. 185.
[344] Мукминова Р. Г. Медресе Мухаммад Шейбанихана // К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. по материалам «Вакф-наме». Ташкент, 1966. С. 21.

Ансамбль Пои Калон, XII – начало XX в.
Вид сверху.

крестке двух второстепенных улиц квартала было сооружено медресе Гаукушон, по диагонали от него – хауз Гаукушон и вблизи них, в этом же квартале – баня Гаукушон[345]. В 1579–1580 гг. рядом с медресе, занимая другой – северный угол перекрестка, также на средства шейхов Джуйбари была возведена соборная мечеть дворовой структуры. Оба сооружения располагались по одной стороне прилегающей площади и были обращены на нее главными фасадами. Между этими зданиями (вдоль их боковых фасадов) пролегала квартальная улочка и русло протекающего параллельно ей канала Шахруд. Перед мечетью, близ медресе, соорудили минарет высотой 19,5 м – меньшую копию минарета Калян. В результате во второй половине XVI в. сложился выразительный по композиции ансамбль, где на площадь с хаузом своими фронтально развернутыми фасадами были обращены медресе Гаукушон и мечеть Ходжа Калон с минаретом Гаукушон.

Ансамбли с трехсторонней застройкой площади. Создание микросреды путем обстройки двора или площади по периметру, согласно исследованию М. Ахмедова,

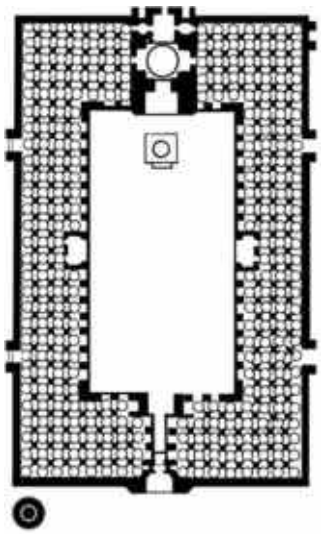
[345] Иванов П. П. Хозяйство Джуйбарских шейхов (к истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVII вв.). М. – Л., 1954. С. 94.

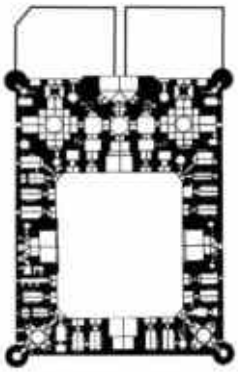
становится одним из ведущих принципов в архитектуре и градостроительстве Средней Азии начиная с IX в.[346] Эта идея, а именно – застройка площади с трех сторон, была ведущей при организации главных центральных площадей и в рассматриваемое время. В качестве примера можно привести трехстороннюю застройку самаркандской площади Регистан XV в. и ее переустройство по тому же принципу в XVII в.

В Бухаре такую композицию имели несколько ее крупных площадей:

а) Ансамбль Пои Калон.

Это наиболее парадный пространственно организованный и весьма древний в своей основе ансамбль Бухары. Здесь отходящая карманом от главной торговой улицы площадь застроена с трех сторон, а с четвертой – раскрыта на эту прилегающую магистраль.



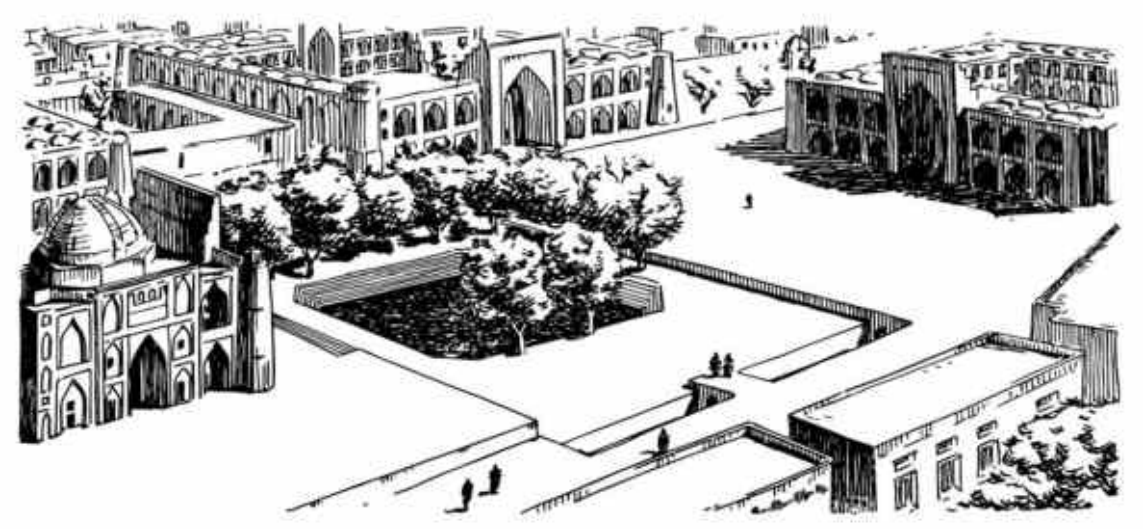


Ансамбль Пои Калон, XII – начало XX в.
План

Еще в XII в. здесь Караханидом Арсланханом была воздвигнута соборная мечеть с мощным минаретом Калян почти пятидесятиметровой высоты. На остатках и в пределах плана этой домонгольской мечети в XV в. была выстроена новая мечеть Калян. В центре ее главного фасада возвышался величественный входной портал, а в глубине двора – портал и огромный голубой купол максуры. О том, что располагалось напротив этой мечети в XIV–XV вв. мы не имеем достоверных сведений. Удалось лишь выявить, что восточнее ее в XV в. находилась одна из двух бань Ходжа Ахрара с небольшим участком земли[347]. В 1531–1536 гг. напротив мечети Калян было выстроено самое красивое в Бухаре медресе Мир-и Араб с двумя бирюзовыми куполами по сторонам портала, расположенного на одной оси с порталом противолежащей мечети Калян.

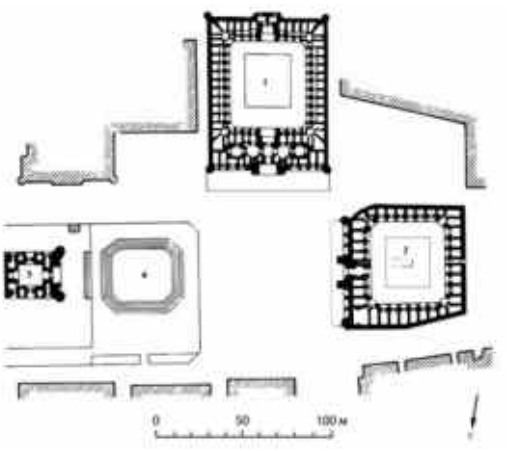
Таким образом, в первой трети XVI в. площадь Пои Калон уже имела два противолежащих в приеме кош главных сооружения. Третью, южную, сторону площади в то время, вероятно, так же, как и сейчас, замыкало некое второстепенное сооружение, служившее фоном и не мешавшее восприятию расположенного в юго-западном углу

[346] Ахмедов М. Указ. соч. 1996. С. 27.
[347] Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965. С. 32.



Ансамбль Ляби-Хауз, XVI – XVII вв.
Аксонометрия

Ансамбль Ляби-Хауз
Вид сверху



Ансамбль Ляби-Хауз, XVI – XVII вв.
План

площади минарета Калян. Нам известно лишь, что на рубеже XIX–XX вв. на юге площади рядом с медресе Мир-и Араб было выстроено медресе Амира Алимхана. По некоторым историческим данным и судя по архитектуре, оно вобрало в себя залы неудачно выстроенной вблизи минарета Калян бани Кози Калон. Выясняется, что в конце XV в. «к востоку от соборной мечети»[348] располагалась баня Ходжа Ахрара, а также что на рубеже XIX–XX вв. некая баня Кози Калон была перестроена в медре-

[348] Чехович О. Д. Самаркандские документы XV-XVI вв. … С. 32.

се Амира Алимхана. Обе бани локализуются восточнее соборной мечети. Однако из-за отсутствия прямых доказательств мы не можем утверждать, что речь идет об одной и той же бане.

б) Ансамбль Ляби-Хауз.

Этот самый живописный в Бухаре ансамбль сложился в XVI – начале XVII вв. Поначалу, в 1568–1569 гг., визирь Абдуллахана II построил здесь весьма крупное медресе Кукельдаш.

В 1620–1622 гг. по сторонам площади, расположенной южнее и ниже по рельефу относительно медресе Кукельдаш XVI в., высокопоставленный сановник Имамкулихана Надир Диван-беги тагай возвел на одной оси в приеме кош ханака и караван-сарай, а между ними близ расположенного с запада ханака устроил самый крупный в Бухаре хауз Диван-беги. В результате был создан наиболее значительный и живописный в Бухаре ансамбль Ляби-Хауз, где площадь с хаузом застроена с трех сторон, а открытой, незастроенной стороной обращена к каналу Шахруд и к параллельной ей торговой улице.

Сохранилось предание о том, что хауз был сооружен визирем Надир Диван-беги на земле, принадлежавшей старухе – бухарской еврейке. Она после долгих уговоров согласилась отдать этот участок взамен на разрешение властей выстроить в Бухаре первую еврейскую синагогу[349].

Как бы то ни было, Надир Диван-беги весьма усердно взялся за обустройство этого участка, как нам думается, вдохновленный архитектурой самаркандской площади Регистан, где в эти годы с трех сторон центральной площади размещались возведенные еще в XV в. Улугбеком главенствующие на ней сооружения – противолежащие в приеме кош медресе и ханака, а также замыкающий площадь с третьей стороны караван-сарай Мирзои.

Вероятно, Диван-беги стремился воплотить в Бухаре стилизованный вариант самаркандского ансамбля на Регистане. Во всяком случае, в Ляби-Хаузе тот же набор построек вокруг площади – медресе, ханака и караван-сарай, превращенный позже в медресе Диван-беги.

Ханака Надир Диван-беги (1620 г.) было традиционным для данного типа: продольно-осевым, многокамерным, портально-купольным зданием. Рассчитанное на всестороннее восприятие, оно получило рельефную разработку четырех фасадов в кирпичной фактуре. Среди них – обращенный к хаузу восточный (главный) фасад выделялся более крупным порталом с башнями гульдаста по углам и изысканным майоликовым декором тимпана.

В медресе Надир Диван-беги (1622–1623 гг.), как отмечалось, нет характерных дворовых айванов, мечети и аудиторий. Оно знаменито выразительным рисунком майоликового декора входного портала с изображением красочных и крупных фантастических птиц, летящих к солнцу и терзающих лань.

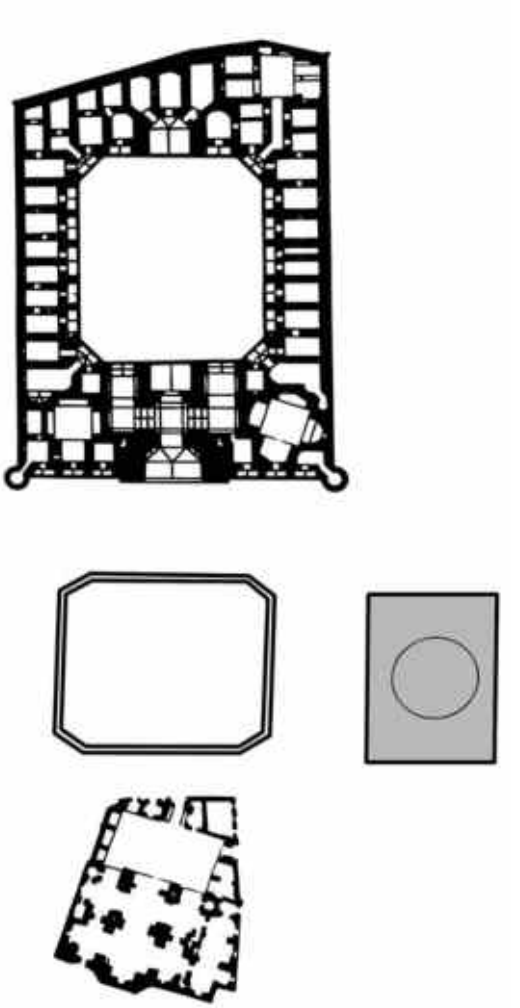
В свою очередь декоративный мотив данного медресе Надир Диван-беги мог повлиять на выбор сюжета декора в медресе Шер-Дор, возведенном на месте ханака Улугбека

[349] Амитин-Шапиро З. Предание о постройке первой синагоги в Бухаре // Сб. науч. кружка при восточном факультете САГУ. Вып. I. Ташкент, 1928.

на самаркандском Регистане. Там майоликовый тимпан медресе украсило гигантское панно с зеркальным изображением тигра с человеколиким солнцем за спиной, нападающего на лань.

в) Ансамбль Гозиён в XVII в.

В крупном квартальном центре Гозиён рассмотренный выше ансамбль кош-медресе, вероятно, на рубеже XVII–XVIII вв. также был превращен в похожий на Ляби-Хауз ансамбль с трехсторонней застройкой площади с водоемом.



Ансамбль Гозиен после строительства в XVII в. здания ханака.
План, реконструкция автора

Прилегавший к Малому медресе хауз Гозиён, по описаниям Садриддина Айни[350] и архивным планам, существовал еще на рубеже XIX–XX вв. Судя по планам города Бухары этого же времени и свидетельствам старожилов, здесь западнее хауза размещалось ханака-мечеть. Оно, возможно, было возведено на рубеже XVII–XVIII вв. Отметим, что прежде на месте ханака (не позднее XV в.) располагалось захоронение святого Гозиён. Здание вновь отстроенного ханака, видимо, находилось вблизи этого погребения, либо вобрало его под свои своды, как часто бывало со священными могилами в XV и в конце XVII в. (Сайф ад-Дина Бохарзи, Ходжа Ахмада Яссави и др.). Здесь до сих пор сохранилось место захоронения, оскверненное атеистами в советское время и затем благоустроенное в начале 1990-х гг. Судя по архивному фото, на оси главного фасада ханака-мечети размещался портальный вход, по сторонам которого были устроены двухэтажные крылья с арочными лоджиями[351]. Таким образом, кош-медресе Большое и Малое Гозиён в XVII–XVIII вв. было преобразовано в ансамбль с трехсторонней застройкой у хауза Гозиён.

Отметим тенденцию, выявленную нами относительно размещения бань в составе ансамблей. Из планов Бухары рубежа XIX–XX вв. видно, что ранее рассмотренный ан-

[350] Айний С. Бухара (Воспоминания). Кн. II. Сталинабад, 1957. С. 112.
[351] Фото. 1930 г. Фасад ханака Гозиён. Архив ГлавНПУ МК РУз. 18336, шифр 99-3.

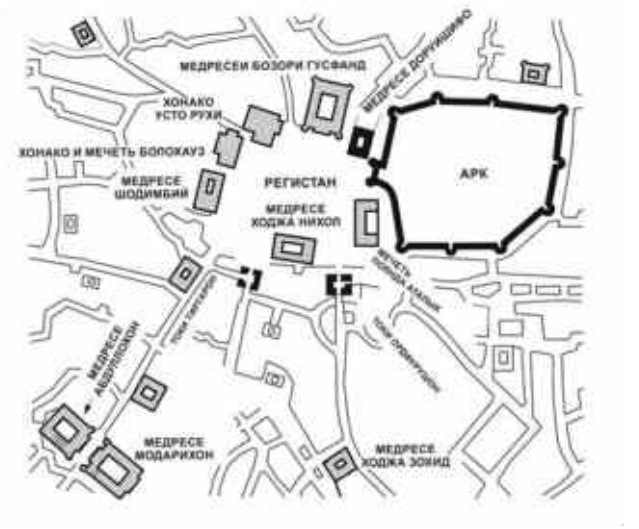
Ансамбль Регистан. Прилегавшие к Арку строения XVI – XVII вв.
Фото начала XX в.

самбль Гозиён также соседствовал с баней, существовавшей, по свидетельствам старожилов, еще в 1950-е гг. Если иметь в виду, что бани в Средней Азии в основной своей массе предназначались для мужчин, а для женщин отводилось определенное время только в нескольких из многочисленных бань Бухары, то такое соседство, вероятно, мужской бани и медресе было весьма удобным для студентов последнего. Видимо, из этих соображений в ансамбле кош-медресе Мадарихана–Абдуллахана с конца XVI и до середины XX в., напротив медресе Улугбека – с конца XIV до середины XVII в., сбоку от медресе Мир-и Араб – на протяжении, возможно, XV–XIX вв. – и вблизи двух медресе Гозиён примерно в XVII – начале XX вв. находились бани, обслуживавшие студентов этих мусульманских университетов, а также жителей и посетителей прилегающих кварталов.

В средние века бани обычно строились вблизи общественных центров – джума мечетей, рынков, в центре гузаров и др. Судя по четырем рассмотренным здесь ансамблям, соседство бани и крупных медресе было также традиционным в зодчестве Бухары эпохи Темуридов и посттемуридов.

Периметральную застройку площади в Бухаре на протяжении многих веков, в том числе и в рассматриваемое нами время, представлял ансамбль Регистан, расположенный к западу от городской крепости Арк. Эта площадь имеет весьма древнюю историю. По данным Мухаммада Наршахи, еще при Насре ибн Ахмаде (914–943 гг.) на Регистане были выстроены большой дворец амира и десять диванов–мини-

стерств, управляющих государственными делами[352]. Эти сооружения утрачены, но еще в начале XX в. на Регистане существовали более поздние здания, построенные по периметру площади в XV–XIX вв. Однако почти все эти строения, кроме Арка и мечети Боло Хауз, не сохранились до настоящего времени.



Ансамбль Регистан.
План (по: Ремпель, 1981)

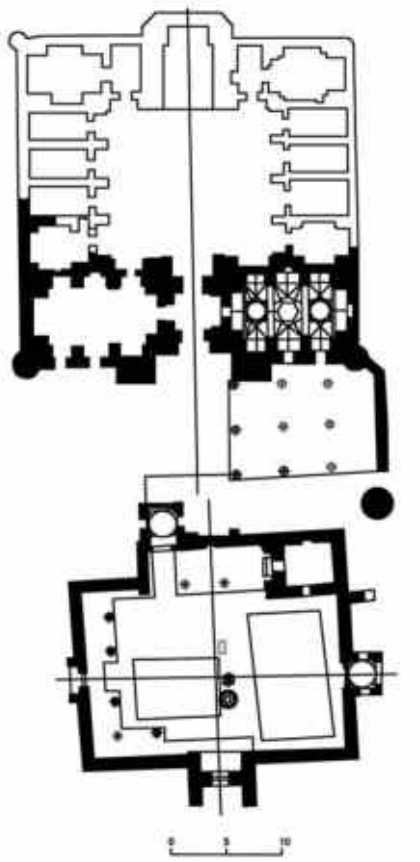
Наиболее монументальные из ныне утраченных построек Регистана были воздвигнуты в XVI–XVII вв. Так, на севере площади возвышались мечеть (ханака) Усто Рухи[353] и крупное медресе Бозори Гусфанд. Рядом с медресе Гусфанд на востоке площади, т. е. у западной стены Арка, слева от его входа, располагалось медресе Дору-и-Шифо, а справа от входа в Арк – соборная мечеть Поянда. На юго-западе площади в XVII в. было построено медресе Шодимбия, а южную границу площади замыкали торговые купола XVI в. – Токи Тиргарон (купол оружейников), Токи Ордфурушон (купол по продаже хлопчатобумажных тканей) и расположенное между ними медресе Ходжа Нихол. На этой площади, являвшейся издревле общественно-административным, а затем также и бойким торговым центром, кипела жизнь. Здесь находились различные торгово-ремесленные лавки, специализированные базары, проходили публичные казни, выступления палванов и т. д.

МЕМОРИАЛЬНО–КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Все мемориально-культовые ансамбли складывались поэтапно на протяжении нескольких десятилетий или столетий. Первоначальным звеном в них преимущественно являлось почитаемое захоронение (реальное или ложное – кадамжой), иногда – священный (целебный) источник. Святые могилы в основном располагались за чертой города и со временем превращались в места паломничества. При могилах суфиев часто обитали их ученики, продолжавшие учение духовной школы своего шейха.

[352] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. Указ. соч. С. 36.
[353] Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 113.

С расширением границ города многие существовавшие и весьма древние в своей основе мемориальные комплексы с прилегающим кладбищем оказывались в черте, а порой и вблизи центральной части города (Турки-Джанди и др.). Для увеличивающегося потока паломников, проживания здесь суфиев и отправления ритуалов вблизи святого захоронения поэтапно возникали новые сооружения. Традиционно это расположенные у могилы святого зиаратхана, ханака, мечеть (порознь или с совмещением 2-3-х из этих функций в одном помещении), жилые худжры, медресе усеченного состава для мюридов, кухни, трапезные, бани и другие хозяйственные помещения, образующие архитектурный комплекс. Комплектность таких построек зависела от развитости комплекса и встречалась в полном (в крупных комплексах), либо усеченном (в малых и средних комплексах) составе.



Мемориальный комплекс Абдулхалика Гиждувани, XV–XIX вв.
План

Мемориальные комплексы, оказавшиеся в черте города (Турки-Джанди, Ходжа Порсо), а также средние по размерам сельские комплексы (Дехканбобо, Суфи-дехкон) преимущественно имели компактную замкнутую или разомкнутую дворовую организацию часто с усеченным составом служебных построек.

Крупные загородные комплексы располагали большей площадью и потому имели пространственно-развитую структуру с несколькими дворами, сочетанием двух-трех вариантов архитектурных композиций (Баха ад-Дина, Чор-Бакр, Касим Шейха). Отметим, что древние и наиболее почитаемые в XV–XVII вв. культовые комплексы были в это время значительно перестроены и благоустроены. Ядро комплекса, состоящее из монументальных строений и двориков-хазира, окружали хорошо спланированные сады – чарбаг, иногда с живописными павильонами и беседками (в Чор-Бакр – Чиннихона – «фарфоровый» павильон).

Ниже мы рассмотрим архитектуру мемориальных комплексов, группируя их по типам планировки.

Мемориальные комплексы замкнутой дворовой композиции.

Комплекс Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване.

В 1433 г. к западу от почитаемой могилы видного суфия Абдулхалика Гиждувани (ум. в 1379–1380 гг.) Мирзо Улугбек возвел последнее по времени и меньшее по раз-

мерам одно из трех своих медресе. Внутренний двор здания с трех сторон обводили одноэтажные худжры, общественные залы. По четвертой стороне двора вдоль главного фасада, по сторонам от портального входа, размещались прямоугольные в плане мечеть и дарсхона с трехкупольным перекрытием на мощных параллельных арках.

Расположение здания вблизи места паломничества – почитаемой могилы шейха и наличие в нем относительно большего числа купольных залов (6 залов на 8 худжр), вдвое превышающих площадь существующих здесь восьми худжр, служит, на наш взгляд, подтверждением версии В. А. Шишкина, считавшего, что это сооружение в отличие от классических медресе, «предназначенных служить «домами науки», носило скорее вотивный характер и предназначалось, судя по некоторым данным, не столько для целей обучения, сколько общежитием для находившихся при мазаре дервишей»[354]. Это кажется более достоверным, если иметь в виду, что на мазаре не было других жилых и странноприимных худжр, а в майоликовой надписи на здании сказано, что «это великое место, обиталище, подобно райским садам…»[355]. Л. Ю. Маньковская резюмирует, что это «было ханака в типовой форме дворового комплекса с секционной застройкой, удобной для этого назначения»[356].

Следовательно, в XV в. термин «медресе» применяли как к классическим высшим духовным учебным заведениям, так и к небольшим суфийским обителям дворовой

Комплекс Абдулхалика Гиждувани.
Общий вид. Фото середины XX в.

[354] Шишкин В. А. Медресе Улугбека в Гиждуване // Материалы Узкомстариса. Вып. 2-3. Ташкент, 1933. С. 13.
[355] Маньковская Л. Ю. Свод памятников истории и культуры Узбекистана. Материалы к тому «Бухарская область». Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М). С- 48. № 1152, Ташкент, 1983-1984.
[356] Маньковская Л. Ю. Комплекс Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване // АСУ. 1983. № 4. С. 31.

Комплекс Чор-Бакр.
Общий вид со зданиями мечети, медресе и ханака XVI в., фото1980-х гг.

структуры при чтимой могиле с худжрами для (проживания и обучения) суфиев и нужд пилигримов.

В 1541 г. Абдулазизхан Шейбани провел реконструкцию комплекса Абдулхалика Гиждувани. Захоронение шейха, расположенное напротив медресе Улугбека, было оформлено (возможно, реконструировано) в виде дахмы, облицованной мрамором. Площадь вокруг дахмы была обнесена стеной с четырьмя входами – с запада и севера – через купольные дарвазахана, а с востока и юга – через ворота. Вдоль западной и южной стен образовавшегося погребального дворика – хазира были устроены поминальные мечети в виде айвана с резными колоннами на каменных базах, а в северо-западном углу дворика – зимний зал зиаратханы. Западная дарвазахана хазира находилась на одной оси напротив портала медресе Улугбека, что создавало ансамбль «кош». Между хазира и медресе образовалась небольшая уютная площадь, которую позже застроили с северной стороны колонной мечетью, примкнувшей с запада к северному крылу медресе, и небольшим минаретом. В результате образовался третий – центральный дворик с разомкнутой трехсторонней застройкой. По мнению

Л. Ю. Маньковской, минарет этот возведен в XVI в.[357] Нам пока не удалось выявить ни опровергающих, ни подтверждающих это мнение сведений. В начале XX в. комплекс со всех сторон был окружен кладбищем. В конце XX в. он представлял собой группу построек из сохранившейся входной части здания медресе, дахмы и минарета, расположенных на очищенной от ветхих строений замощенной городской площади, устроенной здесь вместо кладбища.

Таким образом, мемориальный комплекс Абдулхалика Гиждувани к середине XVI в. сформировался из двух сооружений дворовой структуры, расположенных в композиции кош, позже он был преобразован в комплекс (условно) с многодворовой структурой.

Мемориальный комплекс Чор-Бакр. Основные строения XVI– XVII вв.
План

Комплекс Чор-Бакр в селе Сумитан под Бухарой.

Чор-Бакр – один из крупнейших мемориальных комплексов Средней Азии, фамильный некрополь шейхов Джуйбари. Он расположен в четырех километрах от Бухары. «Это настоящий город мертвых с площадями, улицами и тупиками, складывавшийся на протяжении тысячелетия»[358]. Рассмотрим кратко хронологию и характер некрополя, привлекая последние данные исследователей[359]. Начало комплексу положили почитаемые захоронения X в. Абу Бакра Са'ада и Абу Бакра Ахмада ибн Са'ада, осуществленные в дахме, расположенной в дворике – хазира. Вероятно, поэтому все последующие погребения в виде саганы, но чаще в виде дахмы, устраивали здесь также в хазира. С востока к святыне, очевидно, по территории кладбища, была проведена улица с востока на запад.

Думается, что уже к XV в. в структуре некрополя наметилась меридиональная улица с захоронениями по обеим сторонам, ставшая впоследствии основным стержнем комплекса. Во всяком случае, уже в XV – начале XVI в., замыкая эту продольную улицу с юга и ограждая ее с востока, были сооружены две наиболее крупные в комплек-

[357] Маньковская Л. Ю. Комплекс Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване // АСУ. 1983. № 4. С. 31.
[358] Альмеев Р., Некрасова Е. Чор Бакр. Бухоро, 1996. С. 3, 9.
[359] Некрасова Е. Г. Позднесредневековые мемориально-культовые комплексы Бухары и Бухарской области по археологическим данным. Автореф. дисс…канд. ист. наук. С. 9-12. и др.

Комплекс Чор-Бакр.
Общий вид с хаузом

се хазира[360]. Некоторые погребения возникали также и в северной части некрополя вдоль его продольной и поперечной улиц.

Основные, в том числе и монументальные, строения были сооружены во второй половине XVI в., некоторые работы проводились также и в XVII в. В результате на протяжении XV–XVII вв. здесь сложился мемориальный комплекс следующей структуры.

Подпрямоугольный план некрополя площадью около 4 га вытянут с севера на юг. Основным стержнем его планировочной структуры является продольная улица-коридор, обстроенная с двух сторон погребальными двориками хазира. С юга эту улицу замыкает обширная площадь с возвышающимися на ее востоке монументальными зданиями ханака, мечети и медресе, расположенными на общей платформе. Эти здания, примыкая одно к другому П-образно, образуют внутренний двор – курдонер. Композиционно их объединяют порталы, устроенные в центре фасада каждого из зданий. С юга площадь замыкают хазира, мактаб и тахаратхана, а с востока – три хазира. К северу от этой площади продольную улицу пересекает широтная улочка, ведущая к наиболее почитаемым святым могилам, расположенным на ее западном (Абу Бакра Са'ада и Абу Бакра Ахмада ибн Са'ада) и восточном (Ходжа Са'ада) концах.

[360] Альмеев Р., Некрасова Е. Чор Бакр. Бухоро, 1996. С. 9.

Мемориальный комплексе Касим Шейха. Ханака XVI в.
Общий вид, фото 2000-х гг.

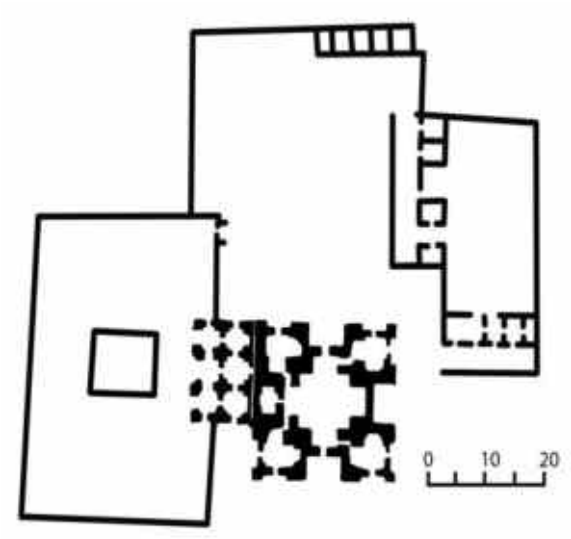
В месте пересечения поперечная улица оформлена двумя портальными дарвазахана, обозначающими входы в ее восточный и западный отрезки.

Севернее перекрестка расширением в этом месте продольной улицы была образована небольшая, вторая в некрополе, площадь, дополнительно обстроенная в XVII в. еще несколькими хазира. Некоторые строительные работы в некрополе проводились вплоть до начала XX в., результатом чего был и возведенный на оси портала медресе небольшой минарет.

Отметим, что в комплексе Чор-Бакр все хазира обращены на прилегающую улицу или переулок главными фасадами. В их центре преимущественно устроен портал, по сторонам которого расположены крылья с одной–тремя худжрами. Нередко здесь вдоль западной стены хазира устраивались традиционные поминальные мечети в виде колонного айвана.

Комплекс Касим Шейха Азизона в Кермине.

Известный в Мавераннахре суфий Касим Шейх Азизон, который оказывал поддержку Абдуллахану II в политической борьбе, был захоронен в 1578 г. в Кермине в дахме, посередине погребального дворика-хазира. На одной оси с дахмой с запада к хазира примыкало прямоугольное в плане здание. Оно состояло из зала в виде трехкупольной анфилады и прилегающей к нему трехкупольной галереи, обращенной на

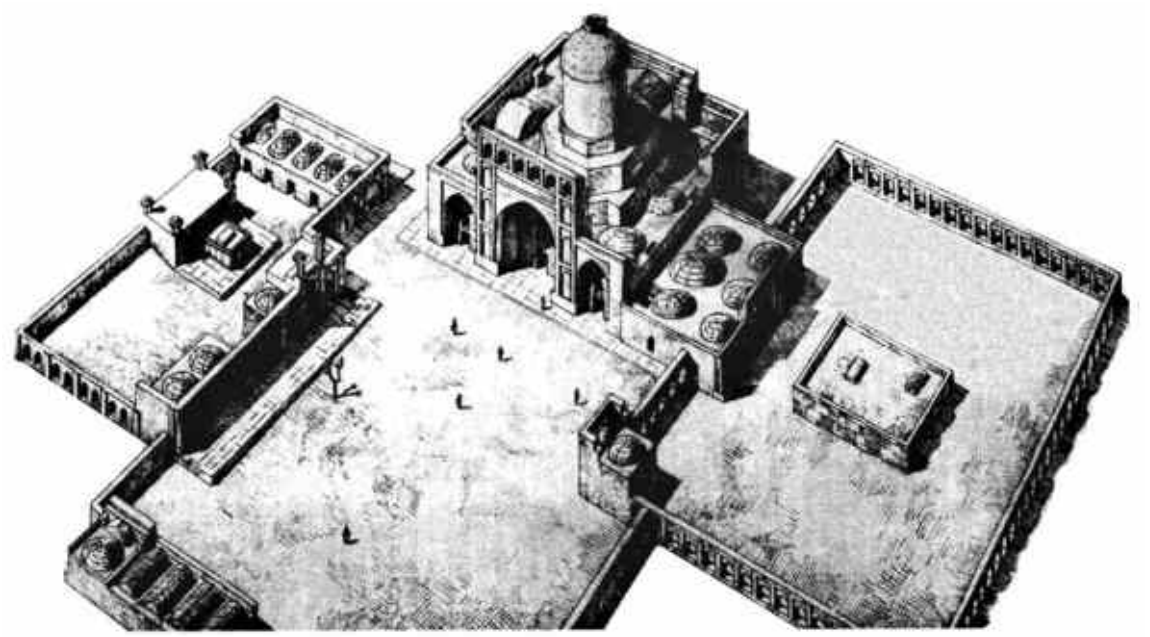


Комплекс Касим Шейха. XVI – начало XX вв.
План

погребальный дворик. По назначению это здание И. Е. Плетнев трактовал как поминальную мечеть, устроенную здесь после смерти шейха Азизона[361]. П. Ш. Захидов предполагал, что это было ханака шейха, возведенное им самим, и позже ставшее мечетью-зиаратхана при его могиле[362]. Как бы то ни было, хазира Касим Шейха с дахмой и этой поминальной мечетью существовала уже в 1579 г., когда могилу своего покровителя посетил Абдуллахан II. Тогда же он отдал распоряжение местному кази возвести у могилы шейха Азизона «высокий купол с несколькими помещениями-худжрами» и приложить все усилия к скорейшему окончанию постройки[363]. Прекрасное здание ханака центрической композиции, с куполом на весьма высоком изящном барабане было возведено впритык к тыльной стене поминальной мечети. Вероятно, площадь перед новым ханака также имела какие-либо элементы благоустройства и застройку худжрами для нужд обитателей мемориала и пилигримов, как во многих других комплексах. К примеру, в комплексах Чор-Бакр, Баха ад-Дина, Хазрати-Имам ханака, возведенные вблизи почитаемой хазира, располагали прилегающей площадью, часто с хаузом посередине. Эту площадь или двор по периметру обводили (в зависимости от развитости комплекса) жилые и хозяйственные худжры, баня или тахаратхана, мактаб или медресе, иногда другие хазира (Чор-Бакр) и проч. Поэтому, вероятно, и перед ханака Касим Шейха была подобная площадь с несколькими из вышеуказанных построек, позже переустроенная.

В начале XX в. была проведена значительная реконструкция комплекса Касим Шейха. С юго-запада от названного ханака XVI в. соорудили другую хазира с входным порталом, зиаратханой, худжрами и дахмой с захоронением предпоследнего эмира Бухары Абдул-ахадхана[364]. Образованную в результате этого площадь перед ханака оградили стеной с устройством с юга ее нескольких худжр. Таким образом, в начале XX в. это был уже комплекс из нескольких дворов, где ханака доминировало

[361] Плетнев И. Е. Архитектурный комплекс построек XVI – начала XX в. в г. Навои // Исследование и реставрация памятников архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1964. С. 19.
[362] Захидов П. Ш. Архитектурно-мемориальный комплекс Азизон в Кермине // САУ. 1976. № 11. С. 44.
[363] Хофиз Таниш Ал-Бухорий. Абдулланома / Пер. с фарси на узб. яз. Садика Мирзаева. Ташкент, 1999. С. 360.
[364] Плетнев И. Е. Указ. соч. С. 24.



Комплекс Касим Шейха. XVI – начало XX вв.
Аксонометрия (по: Плетнев, 1964)

по высоте и монументальности с прекрасным майоликовым декором высокого барабана и купола.

Мемориальные комплексы разомкнутой дворовой композиции.

Комплекс Сайф ад-Дина Бохарзи в Бухаре.

Последователь суфийского учения Кубравия шейх Сайф ад-Дин Бохарзи, мутаввали (настоятель) крупнейшего в XIII в. медресе Маъсудийе был погребен вблизи Бухары в местечке Фатхабад в 1261 г. По запискам путешественника Ибн Баттуты[365] и данным вакфной грамоты выясняется, что здесь в XIV в. был обширный комплекс с усыпальницей шейха и примыкающим к ней ханака. Вакфный документ XIV в., где упоминаются усыпальница, ханака, общественные залы, жилые, странноприимные и хозяйственные худжры (в том числе и ламповая комната ханака, где хранили канделябры, подсвечники, железные факельницы, светильники и глиняные подставки под них, ламповое масло), конюшни, баня, кухни с пекарней, мавзолей, жилые худжры и другие постройки, дают представление о развитой структуре этого мемориального суфийского комплекса[366]. К усыпальнице и ханака с востока прилегала обширная («двести на двести газов законным газом») фатхабадская площадь, которая представляла собой двор с хаузом, расположенный среди построек и домов жителей

[365] Ибрагимов Н., Мухтаров Т. Путешествия ибн Баттуты (Арабский мир и Центральная Азия). Ташкент, 1996. С. 266–265.
[366] Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965. С. 168.

Мемориальный комплекс Хазрати Имам.
Дорожка к хазира Абу Хавси Кабира, фото 2000-х гг.

Фатхабада[367]. В первой половине XV в. мавзолей шейха полностью перестраивается и преобразуется в крупное двухкупольное здание со ступенчатым планом, вытянутое по линии запад-восток, где зиаратхана-ханака примыкала к гурхане не с юга, как прежде, а с востока[368]. Вероятно, к этому времени, согласно завещанию учредителя вакфа, фатхабадская площадь с севера и востока уже была застроена требуемым набором худжр[369]. И, видимо, в связи с этой реконструкцией для упорядочения дворовой структуры комплекса было изменено местоположение прилегающей к усыпальнице зиаратханы, которая для обрамления фатхабадской площади была как бы «переставлена» с юга на восток.

Таким образом, комплекс Сайф ад-Дина Бохарзи в XV–XVII вв. имел сложную структуру, при которой выделялся крупный двор с разомкнутой застройкой по его периметру и хаузом посередине двора.

Комплекс Хазрати-Имам в Бухаре.

Этот комплекс расположен на загородном кладбище, вблизи северных стен города. Основой некрополя явилось древнее и весьма почитаемое издревле захоронение видного религиозного деятеля Имама Абу Хавси Кабира (ум. в 832 гг.). Вероятно, в XV–XVII вв. это был также благоустроенный комплекс, от которого ныне остались

[367] Чехович О.Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965. С. 166.
[368] Немцева Н. Б. Архитектурный комплекс на окраине Бухары // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 114.
[369] Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965. С. 166.

лишь разбросанные по территории кладбища его отдельные составные – хазира, ханака, два хауза, несколько дахм и другие поздние сооружения – два чартака, минарет, здание дворовой композиции типа медресе, купольная постройка – чилляхана. Однако по аналогиям с другими некрополями и путем анализа размещения сохранившихся сооружений можно предложить следующую теоретическую реконструкцию комплекса по состоянию на XV–XVII вв. От дарвазахоны, что на краю кладбища, дорога вела к святыне, расположенной в его центре. Это прямоугольная в плане хазира (10,4 х 11,4 м)[370], ориентированная по странам света, с входным порталом на юге. На западе размещалась поминальная мечеть в виде колонного айвана, а в центре хазира находилась суфа с тремя надгробиями–сагана, одно из которых принадлежало Хазрати Имаму.

Комплекс Хазрати Имам в Бухаре.
Генплан 1990-х гг. с основными строениями XVI – начала XX вв. до реконструкции комплекса.

1. Хазира с захоронением Хазрати Имама в сагане. 2. Мавзолей. 3. Мечеть-ханака Хазрати Имам. 4. Минарет. 5. Баня. 6. Поминальная мечеть в виде айвана. 7. Дарвазахана

Позже, в XVI–XVII вв., к юго-востоку от хазира сложился поминальный комплекс сооружений с разомкнутой периметральной застройкой вокруг двора с хаузом. Здесь по высоте и масштабам доминировало купольное здание ханака с худжрами на углах и колонным айваном с двух сторон постройки. Вероятно, ханака входило в разомкнутую застройку вокруг двора, от которой ныне сохранились хауз в центре двора и купольная тахаратхана на севере. Позже, дополняя композицию двора, здесь были возведены два чартака, отмечающие место входа в огороженный решеткой дворик ханака, небольшое сооружение типа медресе, купольная тахаратхана, а также минарет, возвышающийся у юго-восточного угла ханака близ хауза. Помимо этих строений, на территории кладбища ныне сохранились другие поздние постройки: на западе комплекса – плоскокровельная колонная мечеть; южнее хазира – купольное вросшее в землю сооружение, называемое чилляхона Биби Зулмурод. Сюда приходят в основном женщины в надежде на исполнение желаний (исцеления от бесплодия, обретения семейного счастья, исцеления от недугов), жгут свечи, совершая обряд поклонения[371]. На кладбище находится также ряд других дахм, свидетельствующих

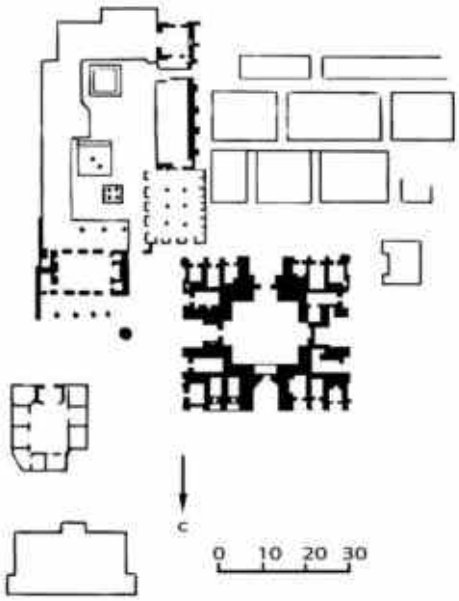
[370] Некрасова Е. Позднесредневековые мемориально-культовые комплексы … С. 12.
[371] Азимов И. М. Учетная карточка и план комплекса по обмерам ИА (М) А-35, №1163/4. Архив Института искусствознания АН РУз. Ташкент, 1987. С. 2.

Мемориальный комплекс Баха ад-Дина Накшбанда.
Дахма с захоронением святого

об утерянных ныне частях этого некрополя. Мы предполагаем, что комплекс имел сложную пространственную организацию и состоял из нескольких разобщенных разновременных дворов. Из них выделялся благоустроенный в основном в XVI–XVII вв. и описанный выше двор с крупным зданием ханака и другими строениями по его периметру и хаузом в центре. Высотной, монументальной и композиционной доминантой этого двора являлось ханака с голубым куполом на изящном высоком барабане.

Комплекс Баха ад-Дина Накшбанда под Бухарой.

Захоронение основателя и главы суфийского ордена Накшбандия Баха ад-Дина



Комплекс Баха ад-Дина Накшбанда, XVI – начало XX в.
План

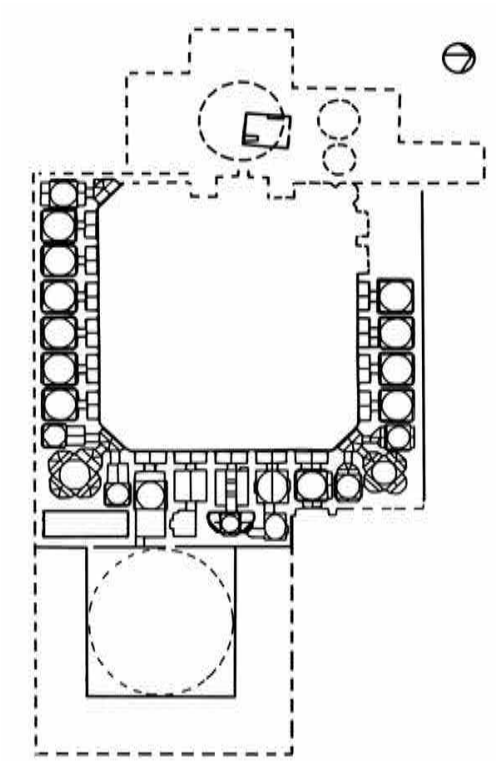
Накшбанда (ум. в 1389 г.) сначала, вероятно, было произведено в сагана или дахме под открытым небом и уже в XV в. оформлено в виде хазира, окруженной погребениями его последователей. В 1544–1545 гг. Абдулазизхан возводит вблизи этого захоронения ханака с весьма крупным купольным залом. Данные Хасана Нисори о том, что Абдулазизхан I в 1544–1545 гг. «воздвигал замечательные постройки, в том числе ханака и мавзолей его святейшества (Баха ад-Дина Накшбанда)»[372] свидетельствуют также об оформлении этим правителем дошедшей до нас дахмы. По аналогии с другими комплексами можно предположить, что Абдулазизхан I здесь так же, как и 3-4 годами ранее в комплексе Абдулхалика Гиждувани, реконструировал хазира с могилой святого. Была укрупнена и облицована мрамором дахма суфия, установлена вертикальная стела на верхней площадке, огороженной резной мраморной решеткой. Скорее всего, был благоустроен и сам погребальный дворик, где вдоль его северной и западной стен так же, как и в хазира Гиждувани, наверняка, были сооружены поминальные мечети на деревянных колоннах.

Впоследствии в хазира святого, с севера и запада от его дахмы, вероятно, взамен существовавших прежде, были возведены две мечети – Музаффархана и Хакима Кушбеги (XIX в.) с колонными айванами. Был также сооружен минарет в смежном дворе, перед крупным ханака на оси его восточного портала. По данным П. Ш. Захидова, северная мечеть возведена в XVIII в. матерью Абулфайзхана, западная мечеть – Хакимом Кушбеги в 1826–1860 гг., а минарет высотой 12,2 м и диаметром 3 м сооружен, судя по надписи в шарафе фонаря, – в 1719–1720 гг.[373] Как бы то ни было, но факт трехсторонней застройки небольшой площади перед восточным фасадом ханака и свидетельство Хасана Нисори о строительстве здесь Абдулазизханом ханака и медресе могут свидетельствовать о том, что здесь и ранее была площадь, выполнявшая второстепенные функции некрополя, и по сторонам ее позже были возведены монументальные сооружения – мечеть, минарет, медресе и тахаратхана на севере.

Таким образом, можно предположить, что некрополь Баха ад-Дина Накшбанда в XVI–XVII вв. представлял собой многодворовый мемориальный комплекс. Главным был двор типа хазира с дахмой святого и хаузом посередине двора и, вероятно, с мечетями с запада и юга. На западе от хазира пира находился дворик с дахмами ханов, к северо-западу от нее – крупное ханака с прилегающей с востока площадью. Хазира Баха ад-Дина Накшбанда и ханака согласно данным Хасана Нисори в 1544–1545 гг. соорудил Абдулазизхан I[374].

Ныне к некрополю по бывшей территории кладбища от главного восточного входа ведет прямая аллея. Здесь перед восточным фасадом ханака благоустроена

[372] Болдырев А. Н. Тазкире Хасана Нисори. ТОВЭ. Т. III. С. 290.
[373] Зоҳидов П. Ш. Хожа Баҳоуддин Нақшбанд. Меъморий ҳазира. Тошкент, 1997. С. 10-13.
[374] Джураева Г. А. Средневековые бани и другие водные сооружения Бухары // ОНУ. 1998. № 4-5. С. 94.



Мемориальный комплекс Ходжа Порсо, XV – начало XX вв.
План (по: Панкратьева, 1987)

упомянутая выше небольшая площадь с минаретом, малым медресе на севере и колонной мечетью на юге. Рядом с ней на юге устроен портальный вход в хазира с дахмой святого.

Комплекс Мухаммада Ходжа Порсо XV–XVI вв. в Бухаре.

Этот малоизученный памятник зодчества Бухары XV–XVI вв. был обстоятельно исследован и впервые освещен Т. Ф. Панкратьевой в специальной статье[375]. Наши исследования дополнили и скорректировали имевшиеся сведения. В результате у автора данных строк сложилась несколько иная картина формирования и назначения комплекса.

Так, известный суфий Ходжа Порсо в 1406–1407 гг. к мавзолею своих родичей с востока пристроил каре худжр. В итоге здесь сложился комплекс с внутренним двором, застроенным худжрами со всех сторон, кроме западной, где находился вышеназванный двухкамерный мавзолей рода Порсо. С востока, вблизи небольшого портального входа в этот двор, с тыльной стороны восточных худжр примыкало здание ханака.

Дворовую часть комплекса называют медресе, однако наличие здесь мавзолея и рядом с ним ханака при отсутствии специальных залов-аудиторий свидетельствует, по нашему мнению, о том, что это был суфийский центр, возведенный по типу медресе с худжрами для мюридов суфия. Исследовавшая комплекс Т. Ф. Панкратьева трактовала медресе как такию суфиев, а ханака начала XV в. – как мечеть XIX в.[376] Однако, судя по описаниям местоположения и архитектуры ханака в вакфном документе, мы четко локализовали его на месте так называемой мечети XIX в. и идентифицировали как ханака XV в. Согласно историческим сведениям и характеру архитектуры дворовой части (перекрытия ряда худжр, срез углов двора с устройством веера входов в угловые худжры), медресе Ходжа Порсо перестраивалось в XVI в. Фото 1930 г. показывает, что позже вход в комплекс был устроен у северо-восточного угла ханака, в начале дорожки, ведущей в его дворовую часть, и был оформлен в виде небольшого портала с возвышающимся рядом минаретом[377].

[375] Панкратьева Т. Ф. Комплекс Ходжа Порсо в Бухаре // АСУ. 1987. № 12.
[376] Там же. С. 29.
[377] Фото. 1930 г. Входная часть в комплекс Х. Порсо, 18334, шифр 99-3. Архив ГлавНПУ при МК РУз.

В настоящее время от комплекса Ходжа Порсо, глубоко вросшего в культурные слои, уцелели лишь полуразрушенные худжры, помещение гурханы с захоронениями и одна из стен ханака. Отметим, что гурхана, являвшаяся частью мавзолея, утратила перекрытия, верхнюю и среднюю часть стен. Для сохранения почитаемых захоронений была несколько «наращена» кирпичом высота стен и вместо некогда купольного завершения здесь устроили плоскую земляную кровлю по деревянному перекрытию. Вход в это помещение, находящийся ныне в толще окружающих мавзолей культурных слоев, заложен, и захоронения лишь просматриваются через люк, устроенный в плоской ремонтной кровле мавзолея.

Таким образом, изучение имеющихся сведений о комплексе Мухаммада Ходжа Порсо позволяет нам впервые в научной литературе сделать вывод о том, что: 1. Это был сложносоставной мемориальный суфийский комплекс однодворовой структуры с прилегающим с востока зданием ханака. 2. Остатки ханака Ходжа Порсо явились первым документальным свидетельством того, что в начале XV в. уже бытовал тип суфийского ханака с трехсторонним колонным айваном, который, вероятно, существовал и гораздо раньше.

Комплекс Турки-Джанди в Бухаре.

Архитектура комплекса была изучена известным исследователем Б. Д. Кочневым, который выделил несколько этапов его строительства. Квадратный в плане мавзолей почитаемого теолога Турки-Джанди был возведен в XI–XII вв. в виде чартака – купольного помещения, раскрытого арочными проемами[378]. В XIII–XIV вв. ниши чартака были заложены, и к нему с запада пристроили зиаратхану, украшенную резной терракотой. В XV в. Ахмад ибн Махмуд в «Книге Мулло-и-зода» писал: «В южной стороне города, непосредственно примыкая к зданиям города, расположен макбарат Абу Насра Ахмада ибн ал-Фазл Муса ал-Музакира ал-Джанди. Он ученик сподвижников шейха Абу Бакра ибн Абу Исхака Калабади… В

Мемориальный комплекс Турки-Джанди.
Купола мавзолея и зиаратханы XV–XVI вв.

[378] Кочнев Б. Д. Заключение по шурфам в комплексе Турки-Джанди. 1973. Инв. № 3564/ к-76. Архив ГлавНПУ при МК РУз. 1973.

Комплекс Турки-Джанди.
Входной портал во двор XVIII в., фото конца 1990-х гг.

этом макбарате погребено множество великих ученых и почитаемых шейхов»[379]. Следовательно, в XV в. это был почитаемый и, вероятно, более развитый по структуре мемориальный комплекс, рекомендуемый пилигримам для посещения. В XV–XVI вв. на прежней основе был перестроен мавзолей[380], а в XVI в. – зиаратхана, с расширением прежнего помещения[381]. Со временем здесь разрослось кладбище, и это здание снаружи «обросло» захоронениями в несколько слоев. В XVIII в. был поднят уровень полов в зиаратхане и в мавзолее, где над прежней саганой, оставшейся под полом, соорудили новую. В XVIII же веке при входе во дворик комплекса был возведен портал, украшенный майоликой[382]. Вероятно, в связи с тем, что комп-

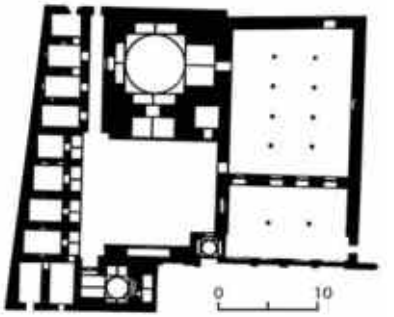
[379] Ахмад ибн Махмуд Муин ал-Фукаро. Китоби Мулло-и-зода. Перевод Бабаджанова Б., Рахимджанова М. с одноименного литографированного издания (Каган, 1904). Архив АООО «Таъмиршунослик». Рукопись № 52. Ташкент, 1987. С. 31.

[380] Кочнев Б. Д. Заключение по шурфам в комплексе Турки-Джанди. 1973. Инв. № 3564/ к-76. Архив ГлавНПУ МК РУз. 1973, с. 4.

[381] Кочнев Б. Д. Указ. соч. С. 4.

[382] Богодухов А., Мамышев Л. И. Мавзолей Турки-Джанди. Паспорт № 3.4.34-4.2.1. Архив ГлавНПУ при МК РУз.

Комплекс Мавлоно Шариф.
Дворовый портал



Мемориальный комплекс Мавлоно Шариф, XVI – XIX вв.
План

лекс со временем оказался вблизи центрального района города, прилегающая к нему кладбищенская территория значительно сократилась. До нашего времени он дошел в виде небольшого однодворового мемориального комплекса, окруженного с трех сторон (кроме уличной) строениями. В нем по линии восток – запад располагались на западе – двухкамерный мавзолей и примкнувшая к нему зиаратхана, восточнее от них – небольшой дворик и ведущий в него с востока входной портал с крыльями – ограждающей кирпичной стеной по сторонам. Думается, что взметнувшиеся ввысь высокий барабан и купол над гурханой первоначально были декорированы глазурованными облицовками и являлись высотным, художественным и ярким цветовым акцентом в застройке комплекса и всего прилегающего квартала.

Комплекс XVII в. Мавлоно Шарифа Бухаре.

Видный теолог Мавлоно Шариф был захоронен в конце XVII в. в портально-купольном мавзолее, который, на наш взгляд, мог существовать и при жизни суфия, служа ему как ханака с прилегающим двориком. Он впоследствии был обстроен по периметру более монументальными сооружениями, такими, как многоколонная мечеть с айваном, худжры и входной портал.

Комплекс Дехкан-бобо в Гиждуванском районе Бухарской области.

По остаткам фундаментов Р. У. Пардаева восстанавливает первоначальную планировку комплекса, разобранного на кирпичи в конце 50-х гг. Комплекс имел дворовую структуру, где прямоугольный двор вытянут с юга на север. По периметру он был обстроен худжрами, его юго-западный угол занимало ханака, к северу от которого находилась баня[383]. К востоку от комплекса на кладбище (в 50 м к северо-востоку от главного фасада ханака) располагался двухкамерный мавзолей местного святого Дехкон-бобо. От мавзолея ныне сохранилось лишь захоронение в сагана[384].

[383] Пардаева Р. У. Малоизвестные памятники сельской архитектуры Бухарской области // САУ. 1976. № 5. С. 17.
[384] Маньковская Л. Ю., Пардаева Р. У. Неизвестные мемориальные комплексы Бухарской области// САУ. 1976. № 10. С. 13.

Ханака-медресе Улугбека в Гиждуване, XV в.
Фрагмент главного фасада. Фото начала XX в.

Следует отметить, что изучаемые нами крупные ханака Бухарского региона в Пешку, Хаким Мулла-Мир, Калаи-Азизон в кишлаке Ташрабад, возведенные в XV–XVII вв. у захоронения святого под открытым небом, также являлись наиболее монументальными зданиями в распавшихся и утраченных ныне мемориальных комплексах. Поэтому без специальных и особенно необходимых здесь археологических исследований мы не можем достоверно судить о планировочной структуре этих комплексов, а можем лишь предположить, что они имели разомкнутую сложносоставную дворовую застройку.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что:

– наиболее почитаемые суфии строили свои ханака вдали от городской суеты. После смерти их хоронили в ханака либо рядом с ним, что служило основой для создания здесь значительных мемориальных суфийских комплексов. К примеру, почитаемые в XII в. Абу-Хавси Кабир, Турки-Джанди, в XIV в. – Сайф ад-Дин Бохарзи были захоронены на загородных кладбищах, отдельные из которых со временем оказались в черте города;

– мемориальные комплексы, оказавшиеся на территории города (Джанди, Ходжа Зайн ад-Дин и др.), чаще всего представляли собой сооружения, возведенные вокруг замкнутого двора;

– иную архитектуру имели загородные мемориальные комплексы. Они занимали обширную территорию, имели несколько дворов, были окружены садами и имели обширное прилегающее кладбище. В городских комплексах за неимением возможности раскинуть кладбище по горизонтальной территории, захоронения были многослойными – одно над другим, как, например, вокруг мавзолея Турки-Джанди.

Каждый из некрополей был ярко индивидуален по плану и пространственной композиции. Однако путем анализа истории и этапов сложения мемориальных ансамблей мы выделили следующие общие черты, основные тенденции и закономерности в их сложении и планировочной структуре:

1. В основе многих рассмотренных нами мемориальных комплексов XV–XVII вв. лежит более древнее захоронение почитаемой личности, возведенной в ранг святого (суфия, ученого-теолога и др.). Позже для обитающих при святой могиле последователей пира и посещающих ее пилигримов создается комплекс сооружений с замкнутой или разомкнутой их застройкой вокруг двора часто с хаузом посередине (Сайф ад-Дина, Баха ад-Дина, Хазрати-Имам).

2. В XV в. в мемориальных комплексах Бухарского оазиса взамен старых (Сайф ад-Дина Бохарзи) или заново (Чибирдон-бобо) возводились новые мавзолеи с прилегающим залом ханака-зиаратханы. Там, где захоронение было устроено под открытым небом, рядом с ним сооружали суфийскую обитель–ханака дворового типа (медресе Улугбека при могиле Абдулхалика Гиждувани).

3. В XVI в. более активно формируются и застраиваются загородные мемориальные ансамбли, где наблюдается тенденция к монументализации оформления почитаемых захоронений (мавзолеев, хазира), а также к возведению при хазира с почитаемой могилой монументального ханака. Так, при наличии в мемориальных комплексах мавзолеев, к ним пристраивали входную часть с более грандиозным порталом (Чашма-Аюб, Сайф ад-Дина Бохарзи – только портал, в Турки-Джанди – перестройка зиаратханы), в загородных некрополях велась полная реконструкция хазира, вблизи которой сооружались величественные портально-купольные ханака (Баха ад-Дина, Касим Шейха, Хазрати-Имам) и другие сооружения (в Чор-Бакр – крупная мечеть, медресе, бани, несколько хазира). Исключение составляет комплекс Абдулхалика Гиждувани, где в XVI в. капитально перестроили хазира и, не возводя здания ханака, отреставрировали так называемое «медресе» Улугбека, служившее обителью суфиев со страннопримными функциями.

4. В XVII в. не осуществлялось значительных преобразований в мемориальных комплексах, где, за исключением обстройки худжрами ханака Баха ад-Дина, возводились лишь небольшие служебные помещения, новые дахмы и хазира (Чор-Бакр, Баха ад-Дина).

5. В зодчестве Бухарского региона XV–XVII вв. по планировочной и пространственной организации мы условно выделяем три следующих типа мемориально-культовых комплексов с подвидами:

Дворовой организации.

Замкнутой композиции (в Бухаре – Ходжа Порсо, Турки-Джанди, Мавлоно Шариф);

Разомкнутой композиции (в Бухаре – Сайф ад-Дина Бохарзи, в Бухарской области – Дехкан-бобо, Суфи-дехкон, возможно, Калаи-Азизон).

Многодворовые композиции.

Со смежными дворами (Баха ад-Дина под Бухарой, Касим Шейха в Кермине, условно – Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване).

С отдельно раскинутыми дворами (Хазрати-Имам).

Сложносоставные со стержневым коридором (Чор-Бакр).

1. Во многих развитых сложносоставных комплексах при сочетании отдельных сооружений использованы все те же, присущие городским ансамблям, композиции кош (противолежащие), жуфт (смежные), с трехсторонней и периметральной разомкнутой застройкой площади. В одном комплексе можно встретить один, два, а иногда и все три

(Чор-Бакр) типа названной композиции. Так, в XVI в. композиция кош использована в комплексах Гиждувани (порталы медресе и хазира), Чор-Бакр (порталы медресе и противолежащей хазира, а также двух противолежащих дарвазахана в северной части коридора). Композиция жуфт применена в комплексе Чор-Бакр (ханака и мечети). Трехстороннюю (хазира с порталами, расположенными с трех сторон небольшой северной площади, замыкающей коридор) и периметральную разомкнутую застройку площади (южная площадь перед каре трех монументальных зданий) можно наблюдать в комплексе Чор-Бакр.

Замкнутая застройка различными по функции сооружениями по периметру двора присуща в основном культовым и мемориальным комплексам, расположенным в городской черте (Турки-Джанди, Ходжа Порсо, Мавлоно Шариф), а также отдельным частям многодворовых загородных комплексов (двор с дахмой святого в комплексе Баха ад-Дина).

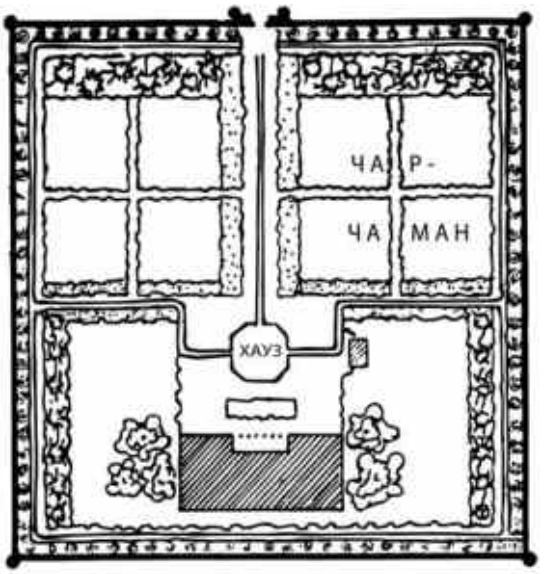
САДОВО-ПАРКОВЫЕ АНСАМБЛИ

Распланированные и благоустроенные сады и парки известны в Средней Азии издавна. О садах Бухары IX–X вв. упоминает Мухаммад Наршахи: «В Бухаре нет места и жилища лучше, чем прекрасное, похожее на рай Джуи-Муллиян, потому что вся эта местность занята дворцами, парками, цветниками, фруктовыми садами и водами, постоянно текущими по ее рощам. Каналы пересекаются между собой и проведены по тысяче направлений в сторону рощ и цветников»[385]. Далее он отмечает, что от ворот Регистана до Даштака были выстроены высокие каменные постройки с выразительным декором, в том числе гостиницы, украшенные картинами, там же были искусно разбиты парки и устроены бассейны. Дорога была засажена вязами, листья которых образовывали как бы шатер. «Деревья давали так много тени, что ни один луч солнца не проникал сквозь листву на места, устроенные для отдохновения около бассейна. Сады были полны прекрасных плодов: груш, миндаля, орехов, черешни, винограда; одним словом, все плоды, какие есть в благоухающем раю, были здесь и украшали сад своим прекрасным видом»[386].

О пригородных садах Бухары XI–XII вв. в местностях Джуйбар, Шамсабад, Дарбазача, у ворот Сагабад и др. сообщает переводчик рукописи Наршахи, автор XII в. Кубави. По его данным, в XI в. Малик Шамс-уль Мульк на обширной территории у ворот Ибрагима, названной вскоре Шамсабад, разбил великолепные сады с постройками. Рядом он отвел пастбище для царских лошадей и назвал это место Гурук (курикхона – заповедник). На его территории, огороженной крепкой и высокой стеной,

[385] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. С. 37.
[386] Там же. С. 38.

был построен дворец и устроена голубятня. Кроме того, в Гуруке были собраны различные дикие животные – антилопы, козы, лисицы, кабаны. «Все эти животные привыкли к жизни в зверинце, а забор был настолько высок, что они не могли оттуда убежать»[387]. В 1119 г., когда сад пришел в запустение, по приказу Арсланхана на территории царских садов Шамсабад была возведена мечеть Намазгох[388].



План типового средневекового чарбага
По трактату XVI в. «Иршад аз-зираа».
(по: Пугаченкова, 1951)

Судя по установленным археологами данным о ранних садах Средней Азии, в раннем средневековье не было выработано их определенной типологии. Однако в их планировке прослеживается тенденция к выявлению двух взаимопересекающихся осей и созданию так называемого «чарбаг» (четыре сада). Именно чарбаг с его абсолютной симметрией и удобством в местном, преимущественно равнинном рельефе, станет ведущим принципом в последующем садово-парковом строительстве Средней Азии.

Садово-парковое искусство эпохи Темуридов было обстоятельно рассмотрено Г. А. Пугаченковой[389]. Согласно ее исследованиям, к эпохе Темуридов уже были выработаны определенные каноны в создании сада–чарбаг, которые в 1515–1516 г. были изложены в упоминавшемся нами земледельческом трактате «Иршад-аз Зиръа», написанном в Герате и посвященном главному строителю-меценату Алишеру Навои[390].

В «Главе о посадке саженцев, цветов, деревьев, душистых трав, об устройстве чарбаг и последовательности его возведения» был рекомендован следующий типовой чарбаг[391]. В прямоугольном, окруженном стеной, саду с правильной ориентацией по странам света выделялись две оси – дорожки с каналом, а на пересечении осей устроен водоем. На главной оси, ведущей от входного портала вглубь сада, размещалось жилое здание, являющееся основной высотной и монументальной доминантой чарбаг. Перед иморатом (зданием) устраивали вымощенный дворик – пешгох, к которому примыкал бассейн. В усадьбу вел портальный вход, внутренний периметр ду-

[387] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. С. 41.
[388] Там же. С. 67.
[389] Пугаченкова Г. А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды САГУ. Вып. XXII. Ташкент, 1951.
[390] Там же.
[391] Там же. С. 176-177.

Изображение чарбага на миниатюре «Хан в садовой беседке с придворными и музыкантами», XVI в.
(по: Пугаченкова, Галеркина, 1979)

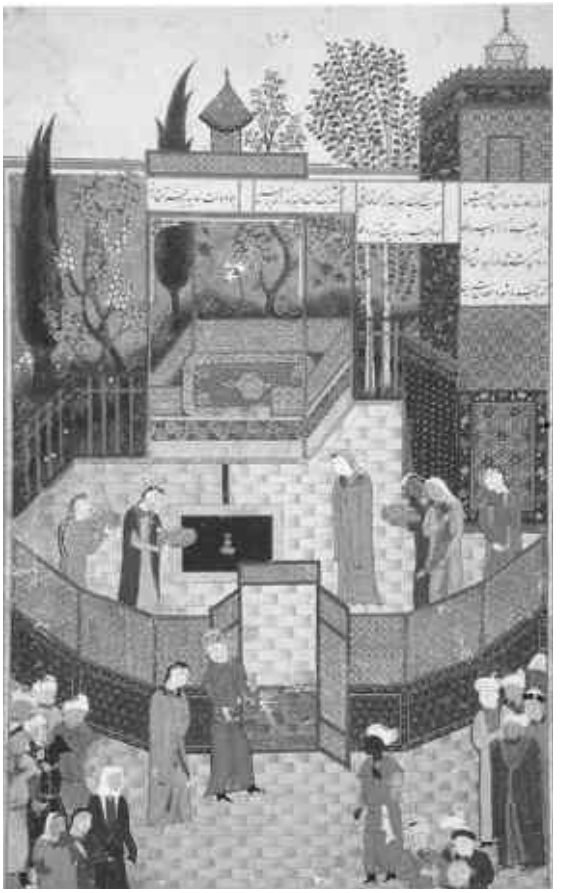
вала обводили арык и ряд тополей. Каждая из двух четвертей участка делилась в свою очередь еще на четыре части, образуя так называемый «чарчаман». Остальная часть участка засаживалась, соответственно рекомендациям, различными плодовыми и декоративными деревьями и разнообразными цветами. Таким образом, создавался райский сад – парадиз. Примечательно, что в «Иршад-аз-Зирръа» рекомендовались строгая ориентация по линии север–юг с раскрытием айвана на север.

Как мы уже отмечали, это был апробированный веками прием, используемый в Мавераннахре, и, в частности, в жилой архитектуре Бухарского оазиса с древности и по настоящее время. Описание и графическая реконструкция этого плана, приведенные Г. А. Пугаченковой[392], весьма схожи с описаниями и археологическими раскопками садов Темуридов XV в. и описаниями ряда садов Бухары XVI – начала XVIII в., что говорит об общности и непрерывности традиций садово-паркового искусства Средней Азии.

Эту нашу мысль может подтвердить и тот факт, что один из ранних садов Бухары XVI в. был создан Мирак Саид Гиясом (ум. в 1546 г.) – агрономом из Хорасана, крупным специалистом в области строительства и планирования парков, «без совета которого в его городе не строилось ни одного здания и который разработал много планов садов-парков и подземных гидротехнических сооружений»[393]. Избегая военных беспорядков в Хорасане, он оказался в Бухаре, где его весьма высоко ценил Убайдуллахан II. Для этого хана, как мы упоминали, Мирак Гияс возвел такой сад, который напоминал «Колонны баги Эрам»[394]. Здесь были высажены различные плодовые и декоративные деревья, цветы, уподобляющие его райскому саду. Там было много каналов (арыков) с прозрачной водой.

[392] Там же.
[393] Хасанходжа Нисорий. Музаккири Ахбоб / Пер. с фарси на узб. яз. Исмаила Бекжона. Ташкент, 1993. С. 152.
[394] Там же. С. 29.

О непрерывности и преемственности традиций можно судить по описанию чарбаг Ханабад, устроенного Убайдуллаханом II в 1709 г. в западной части Бухары, близ ворот Талипач. В его создании участвовали специалисты Бухары, Балха и др.[395] На территории нескольких объединенных садов был разбит квадратный в плане (1500 гязов в стороне – около 1500 м) чарбаг. «Посередине каждой (стороны) возвели ворота из четырех высоких колонн», которые соединялись аллеями, обсаженными тополями... Площадь сада геометрическим порядком» была разбита: на квадраты, обсаженные тополями; на шестиугольные и треугольные цветники с плодовыми деревьями по сторонам; а также большими и малыми оросительными каналами, «по которым неслась чистая и прозрачная вода»[396]. Среди сада был возведен монументальный живописный дворец.



Изображение чарбага на миниатюре «Ширин принимает Хосрова в ее дворце», XVI в. *(по: Bahari, 1996)*

Мы обнаружили, что это описание сада Убайдуллахана начала XVIII в. точь-в-точь совпадает с описанием сада Амира Темура конца XIV в. «Дилькушо», приведенного в XV в. Шараф ад-Дином Али Йазди[397]. Так, он писал, что сад «Дилькушо» был заложен по приказу сахибкирана на Канигиле под Самаркандом в 1396 г. Его квадратный план имел 1500 гязов в стороне. На каждой стороне было устроено по одному высокому (видимо, портальному – М. А-Ю.) входу, а на каждом углу сада – по башне с голубятней. Эти арочные входы и башни были богато украшены изразцами. Сад делился дорожками на четыре части, где выделялись шести- и треугольные чаманзоры – цветники. По обочинам аллей были высажены белые тополя, а по краю цветников – плодовые деревья[398]. Удивительно, что в обоих садах тот же квадратный, идентичный по размерам план с входами на каждой стороне, та же четырехчастность

[395] Мир Мухаммад Амин-и Бухари. Убайдулла-наме / Пер. А. А. Семенова. Ташкент, 1957. С. 191.
[396] Там же. С. 185-186.
[397] Шараф ад-Дин али Яздий. Зафарнома / Извлечения в пер. А. Уринбаева // Ўринбоев А., Бўриев О. и др. Темурийлар бунёдкорлиги давр манбаларида.Ташкент, 1997. С. 91-92.
[398] Там же. С. 92.

– чарбаг, и те же трех-шестиугольные цветники. Отметим, что по размерам и планировке был похож на них и другой сад Темура – «Баги-Нау».

Таким образом, выясняется, что к XV в. уже были выработаны каноны идеального чарбаг – сада-парка с дворцом, в котором учитывались все особенности планировки жилища в местном климате. В чарбаг применяли методы наиболее рациональной и живописной разбивки сада с высадкой на его территории, согласно требованиям эстетики и законам агротехники того времени, прекрасных цветов, плодовых и декоративных деревьев.

Судя по миниатюрам XV–XVII вв., большое внимание придавалось в светских садах устройству водоема. Часто – это бассейн с фонтанчиком и обводнение каналами и арыками самого сада. Каноны разбивки сада подчинялись закономерностям пользы, красоты и гармонии. Уподобляя эти благодатные сады райским кущам, здесь содержали и выпускали в сад павлинов, оленей, в бассейне плавали рыбки и утки. Это был архитектурный сад, где жилое здание, раскрытое наружу айванами, лоджиями и балконами, создавало удивительную гармонию в единении человека и его жилища с природой.

Среди выявленных нами по историческим источникам садов Бухары можно назвать чарбаг «Пир-и марза», расположенный на юго-западе от Бухары[399]; некий неизвестный нам чарбаг Абдуллахана II, созданный в 1587 г.; большой сад–парк, называемый в XVI–XVII вв. «Чарбаг-и Хаким-ойим», расположенный в квартале Чукур-махалла и приписываемый жене джуйбарского шейха Ходжа Калона (Ходжа Са'ад). Видимо, в последующее время этот сад переходил из рук в руки, ибо в XVIII в. его уже называли «Чарбаг-и Боки-хон», а в XIX в. – «Чарбаг-и Барат-бек»[400].

Как мы констатировали, существовал и другой тип сада-парка, возводимый в составе мемориального комплекса, что было весьма удобно для паломников, устремляющихся и поныне к этим святыням. Наиболее крупные из таких мемориальных садов были возведены в Бухаре в XVI в. в загородных некрополях при могилах известных суфиев – Баха ад-Дина Накшбанда и Абу Бакра Са'ада. Причем о разбивке чарбаг в комплексе Чор-Бакр оставлены достаточно подробные сведения, свидетельствующие о продолжении в Бухаре XVI в. традиций темуридского времени, унаследовавших в свою очередь более древние местные традиции.

Так, по распоряжению Абдуллахана-II, у могилы почитаемого им духовного лица Абу Бакра Са'ада «…в 1558-1559 гг. …умелыми строителями под счастливой звездой, в благоприятное время» был заложен комплекс сооружений, состоящий из ханака, медресе и мечети. На территории вокруг них высадили различные плодовые деревья. К северу от этой могилы для хана устроили искусно распланированный чарбаг. «С четырех сторон этот сад был украшен плодовыми и другими деревьями.

[399] Хасанходжа Нисорий. Музаккири Ахбоб / Пер. с фарси на узб. яз. Исмаила Бекжона. Ташкент, 1993. С. 164.
[400] Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 13.

От городских ворот до сада, что составляет примерно 1 фарсанг, по обеим сторонам дороги провели каналы, обсадили их ивовыми деревьями, чтобы Его Величество (Абдуллахан II) во время проезда находился в тени»[401].

К завершению указанного комплекса много усилий приложили приближенные хана. Так, мухрдар Амир Халифа довел до конца строительство зданий. Могущественные амир Джангельдыбий, Амирзада Валиджон Мирза и Джултайбий завершили устройство «вокруг благословенного мазара цветников и садов»[402].

«В центре (чарбаг) соорудили очень красивый, прелестный бассейн, подобный райскому источнику. Сад украшали плодовые и другие деревья. Это кипарис, ива, горный кипарис, чинара, виноградник и яркие цветы»[403]. Из текста следует, что здесь были еще и сосны, персики, яблоки, груши, айва, виноград[404].

Следовательно, здесь также были использованы канонизированные принципы чарбаг: территория расчленялась двумя осями на четыре части; в центре, на пересечении осей, был устроен бассейн, и в середине чарбаг – возведено сооружение, стилизующее китайский павильон[405], вероятно, с использованием расписного фарфора или глазурованной керамики.

Примеров устройства в саду подобных павильонов немало. О них мы говорили в разделе о дворцах. Здесь лишь напомним, что «Чинихона» – фарфоровый павильон первой половины XV в., облицованный плитками подлинного китайского фарфора и частично его местными имитациями на кашине, – существовал в саду Мирзо Улугбека в Самарканде. Возможно, в подражание ему в Стамбуле чуть позже (в 1466–1474 гг.) был возведен Чинили-киоск (фарфоровый павильон), а в XVI в. в Ардебиле была выстроена Чинихона (фарфоровая комната). Следовательно, древние традиции в устройстве чарбаг, канонизированные в эпоху Темуридов, соблюдались и в период правления Шейбанидов в XVI в., порою с точностью до размеров и до мельчайших деталей.

[401] Хофиз Таниш Ал-Бухорий. Абдулланома. «Шарафномайи шохий» Книга I. Пер. с фарси на узб. яз. Садика Мирзаева. Ташкент, 1999. С. 158.
[402] Там же. С. 158.
[403] Там же. С. 158.
[404] Там же. С. 158.
[405] Ахмедов Б. А. Тарихдан сабоқлар. Ташкент, 1994. С. 395.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОСОБЕННОСТИ БУХАРСКОЙ ШКОЛЫ ЗОДЧЕСТВА

ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КОМПОЗИЦИИ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТРУКЦИЙ

В композиции жилых домов и преимущественно дворцов Бухары находились два-три смежных двора с одно- двухэтажной застройкой по периметру, где выделялись высокие гостиные. Последние раскрывались во двор нарядными двусветными фасадами или прилегающими к ним высокими – на два этажа – айванами. Это образовывало полузамкнутые пространства и высотные перепады, что создавало выразительную объемно-пространственную композицию. Площадь двора, в свою очередь, нередко расчленялась перепадами верхней и нижней площадок, что дополнительно придавало особую выразительность многоярусной структуре дома и двора. Отметим, что жилые дома Хорезма также имели высокие айваны перед гостиными, в отличие от бухарских они в основном располагали двором без перепадов его площади.

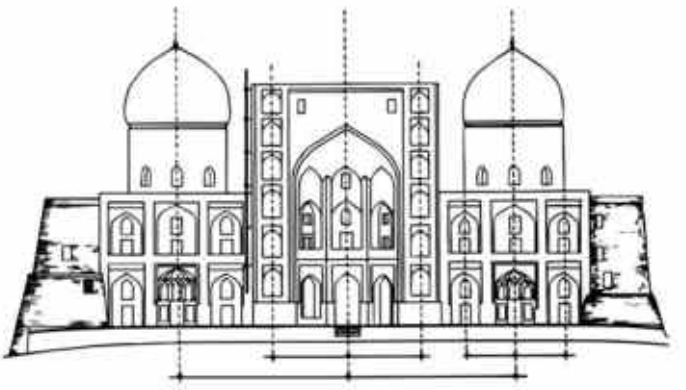
Особенно своеобразны были торговые сооружения Бухары – токи-купола, возводимые на перекрестке двух (Заргарон, Саррафон) или трех (Телпак Фурушон) улиц, где, подчиняясь по плану конфигурации участка, они имели разнообразное решение. При этом соблюдалось непременное условие – устройство над перекрестьем дорог крупного высокого купола, под которым свободно мог проезжать вьючный транспорт. В отличие от торговых пассажей Шахрисабза и Самарканда, объемно-пространственная композиция бухарских таков была более живописной, решалась свободнее, здания не всегда имели четкие прямоугольные контуры (Токи Телпак Фурушон), но при этом отличались четкой планировочной структурой и более зрелой архитектурой.

В гармонизации объемной композиции здания большую роль играл прием использования центрально-осевой симметрии главных фасадов. Это особенно каса-

Торговый купол Токи Заргарон.
Вид сверху

лось портально-купольных зданий (ханака, дворцов, мавзолеев, крупных мактабов) и построек дворовой структуры (медресе, караван-сараев, соборных мечетей), где ось симметрии проходила по вертикальной оси портала, расположенного в центре их главного фасада. Каждая одинаковая половина фасада зеркально отражалась относительно его оси симметрии.

В объемно-пространственном решении культовых сооружений в продолжение традиций предшествующих эпох отдавалось предпочтение портально-купольным композициям, получившим значительное развитие и весьма внушительные размеры в эпоху Темуридов. Зодчие бухарской школы, отличавшиеся умеренностью в использовании крупных форм, применили их лишь в двух постройках первой половины XV в. Это самый большой в Бухаре декоративный голубой купол мечети Калян, доминирующий в застройке центра города, и однослойный купол зиаратханы в мавзолее-ханака Сайф ад-Дина Бохарзи.



Медресе Мир-и Араб. Главный фасад.
Чертеж (по Смолина, 1990)

Крупные купола не соответствовали высокой сейсмике региона, поэтому в зодчестве Средней Азии XVI–XVII вв. вновь проявляется сдержанность форм и масштабов, свойственная бухарской школе во все периоды ее развития.

Продолжая традиции темуридского зодчества второй половины XV в. Самарканда и городов Хорасана (Герат, Харгирд и др.), в Бухаре начинают возводить меньшие по величине декоративные купола. Этому способствовало использование новых конструкций (они будут тщательно рассмотрены нами далее), где купол устанавливался не на стены, а на вершины четырех мощных пересекающихся арок, что позволяло значительно сократить диаметр купола при сохранении обширного перекрываемого пространства.

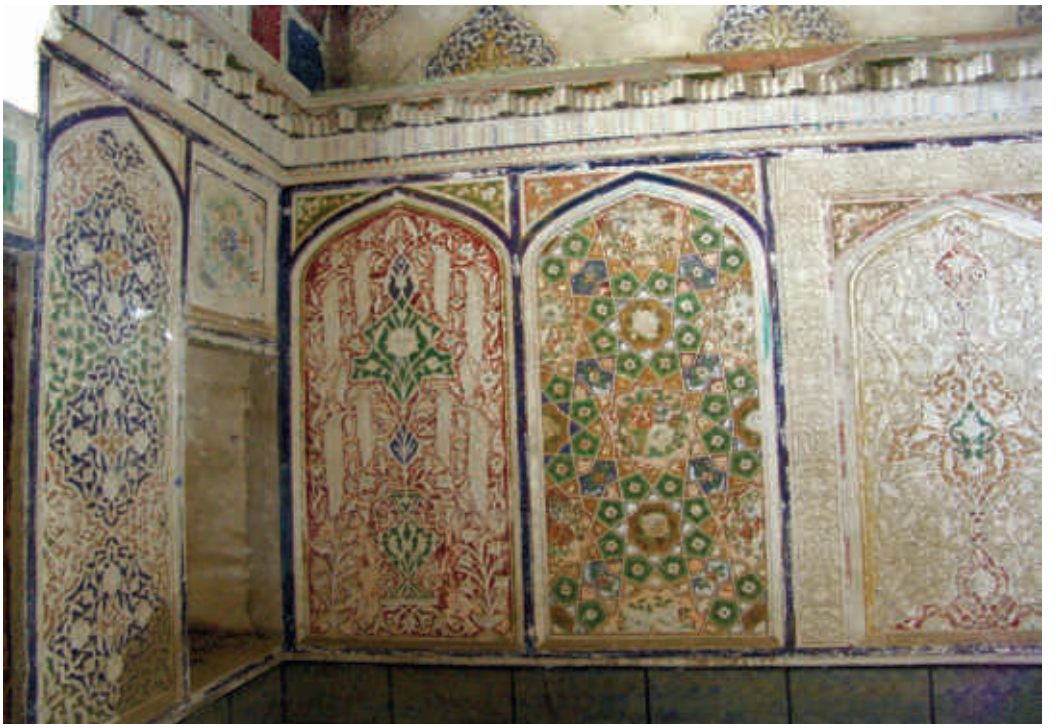
Мечеть Калян.
Купол максуры

Ханака-мавзолей Сайф ад-Дин Бохарзи.
Большой купол зиаратханы

Миниатюра «Плач сына на похоронах отца», XV в.
(по: Bahari Ebadollah, 1997). Вариант устройства хазира и дахмы в эпоху Темуридов

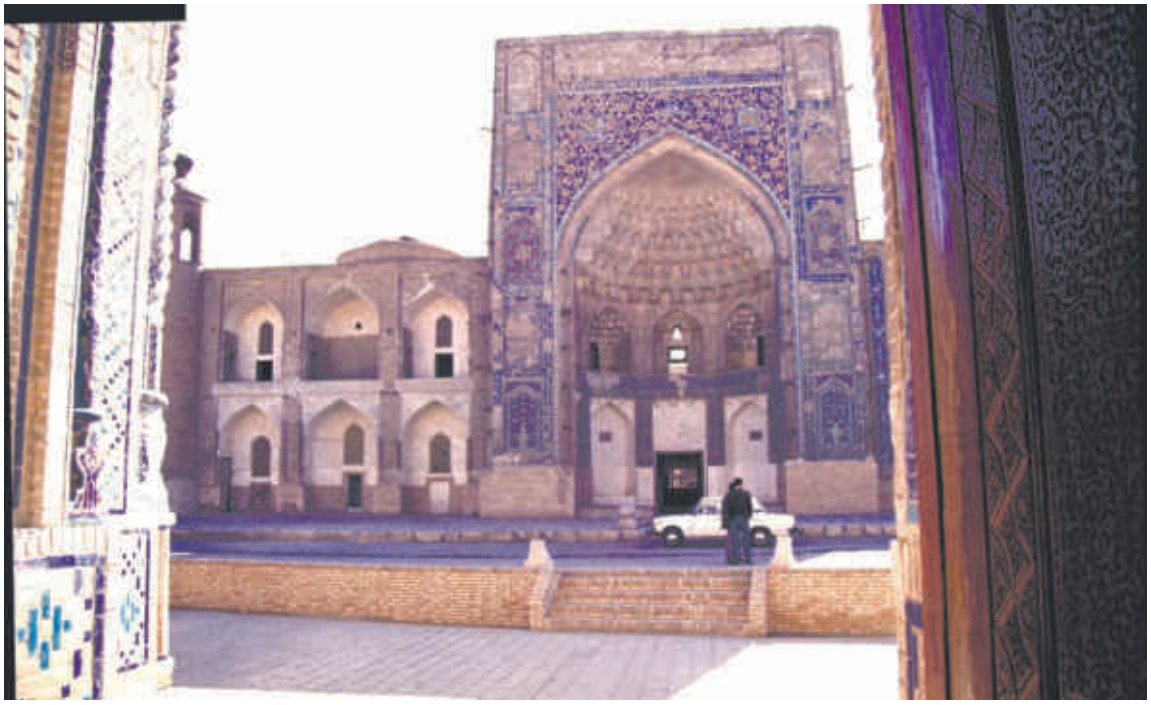
Комплекс Чор-Бакр.
Ряд хазира в зиаратгохе. Панорама, вид сверху. Фотоархив МИЦАИ

Медресе Абдулазизхана 1652 г.
Декор худжры



Медресе Абдулазизхана.
Декоративные панно в худжре

Медресе Абдулазизхана, 1652 г.
Вид сверху. Фотоархив МИЦАИ



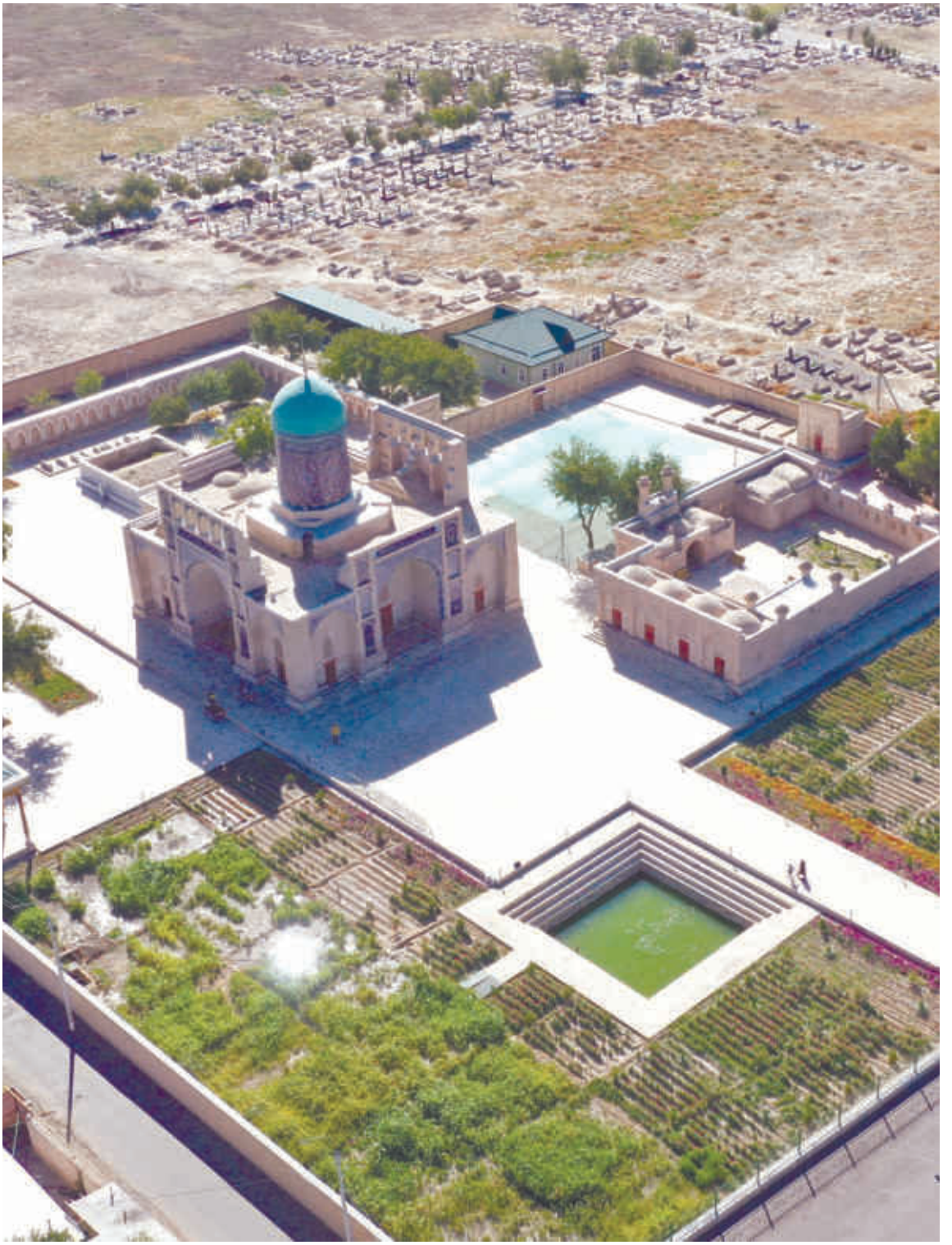
Медресе Абдулазизхана, 1652 г.
Вид на главный фасад из мионсарая медресе Улугбека. Фото Д. А. Михайлова

Ансамбль Пои Калон. XV-XVI вв.
Панорама, вид сверху. Фотоархив МИЦАИ

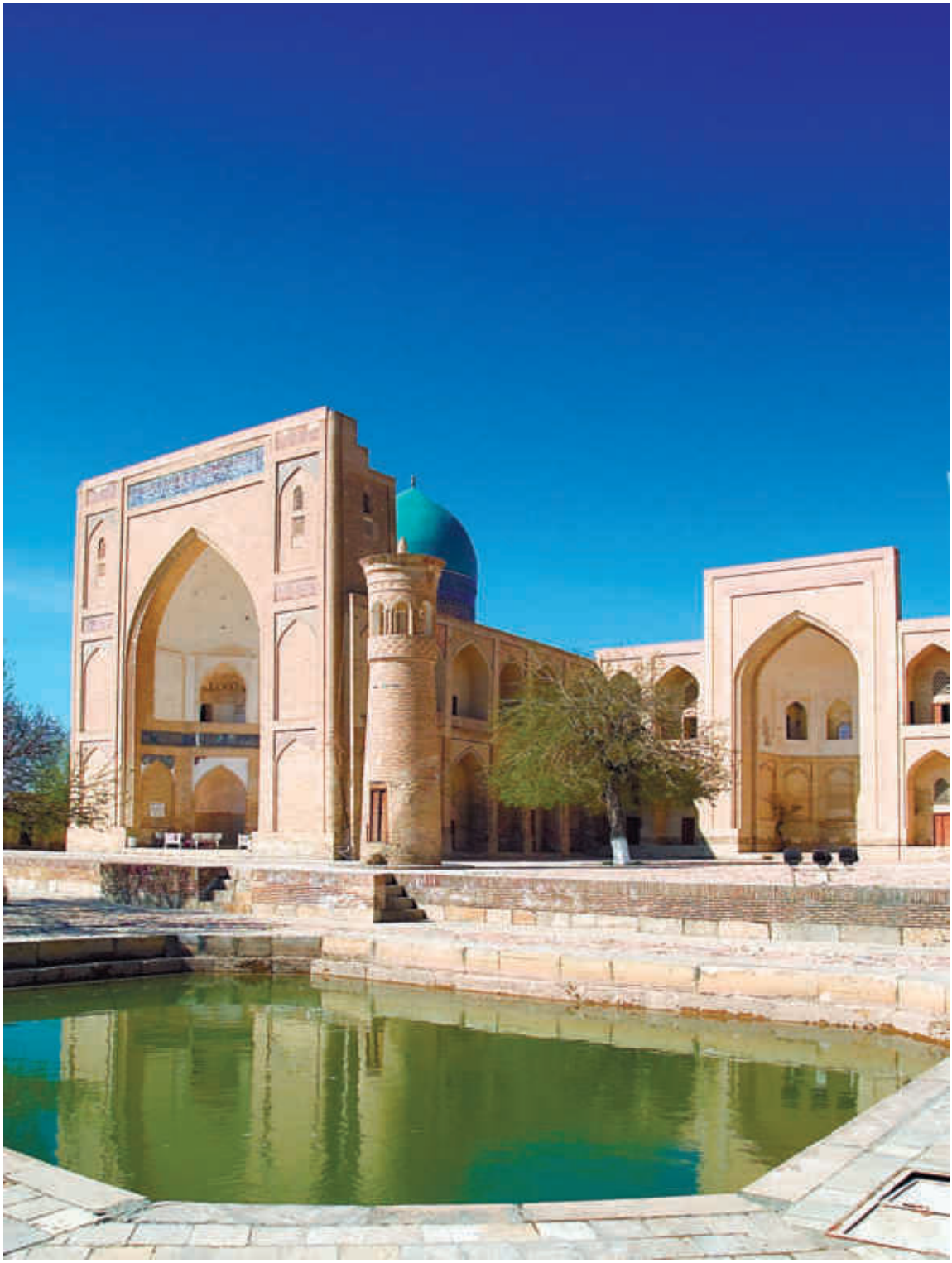
Ансамль кош-медресе Улугбека-Абдулазизхана, XV-XVII вв.
Общий вид

Ансамль Хаузи Нау. Медресе Джуйбари Калян. XVI в.

Ансамбль в селе Вангази. XVI в.



Комплекс Косим шейха, XVI в.
Панорама, вид сверху. Фотоархив МИЦАИ



Комплекс Чор-Бакр .
Сооружения XVI в. Фото Ф. Хубер

Медресе Мир-и Араб , 1536 г.
Вид сверху. Фотоархив МИЦАИ

Ансамбль Гаукушон.
Панорамный вид сверху

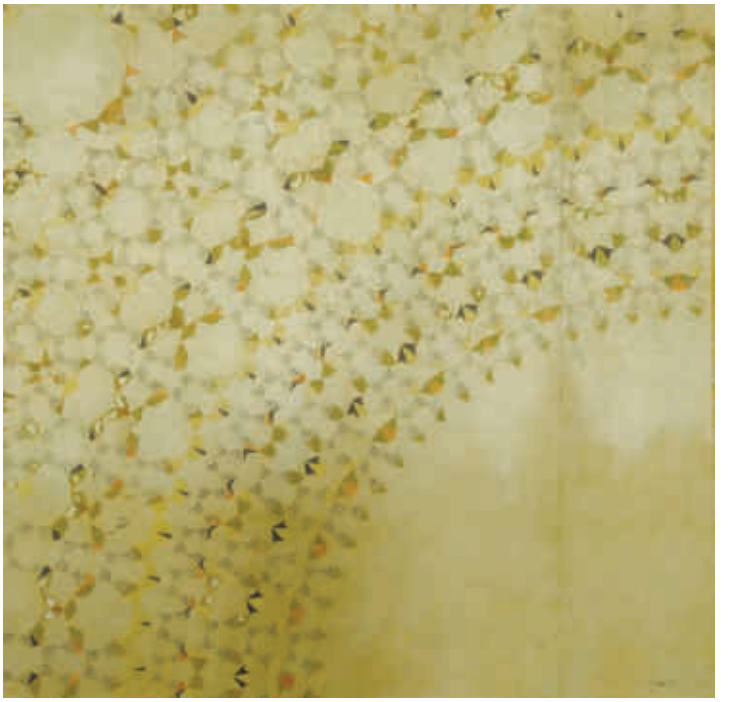
Ханака Баха ад-Дина Накшбанда. XVI в.
Общий вид

Ханака Баха ад-Дина Накшбанда.
Декор свода купола в технике «кырма»

Медресе Кукельдаш, XVI в.
Пересекающиеся несущие арки, расположенные по диагонали

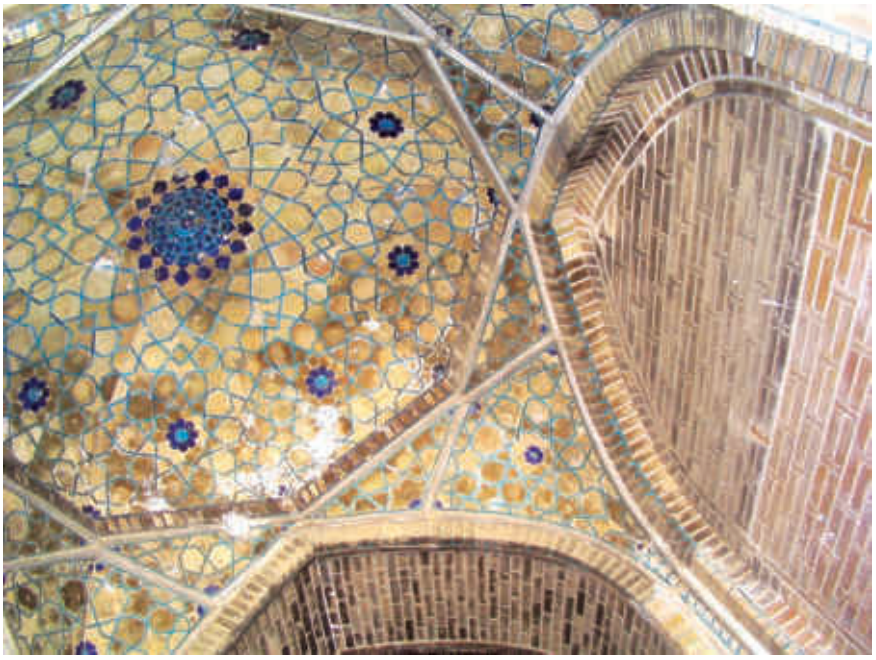
Медресе Кукельдаш, XVI в.
Декоративные своды в миоонсарае

Сталактиты с чертежа бухарского мастера XVI в.
Архив ИВАН РУз. Папка № 2, чертеж 1

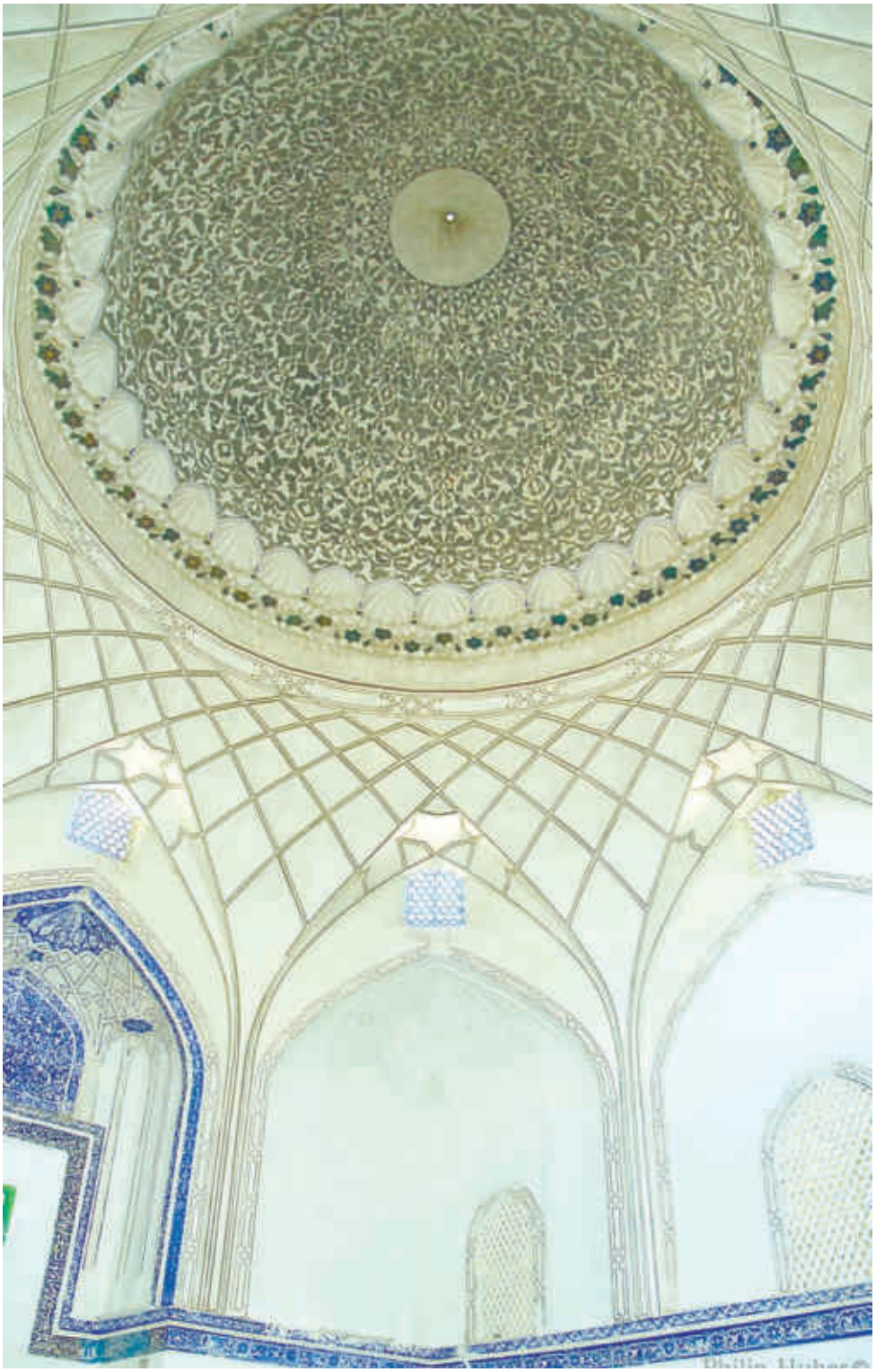


Сталактиты с чертежа бухарского мастера XVI в.
Архив ИВАН РУз. Папка № 2, чертеж 7

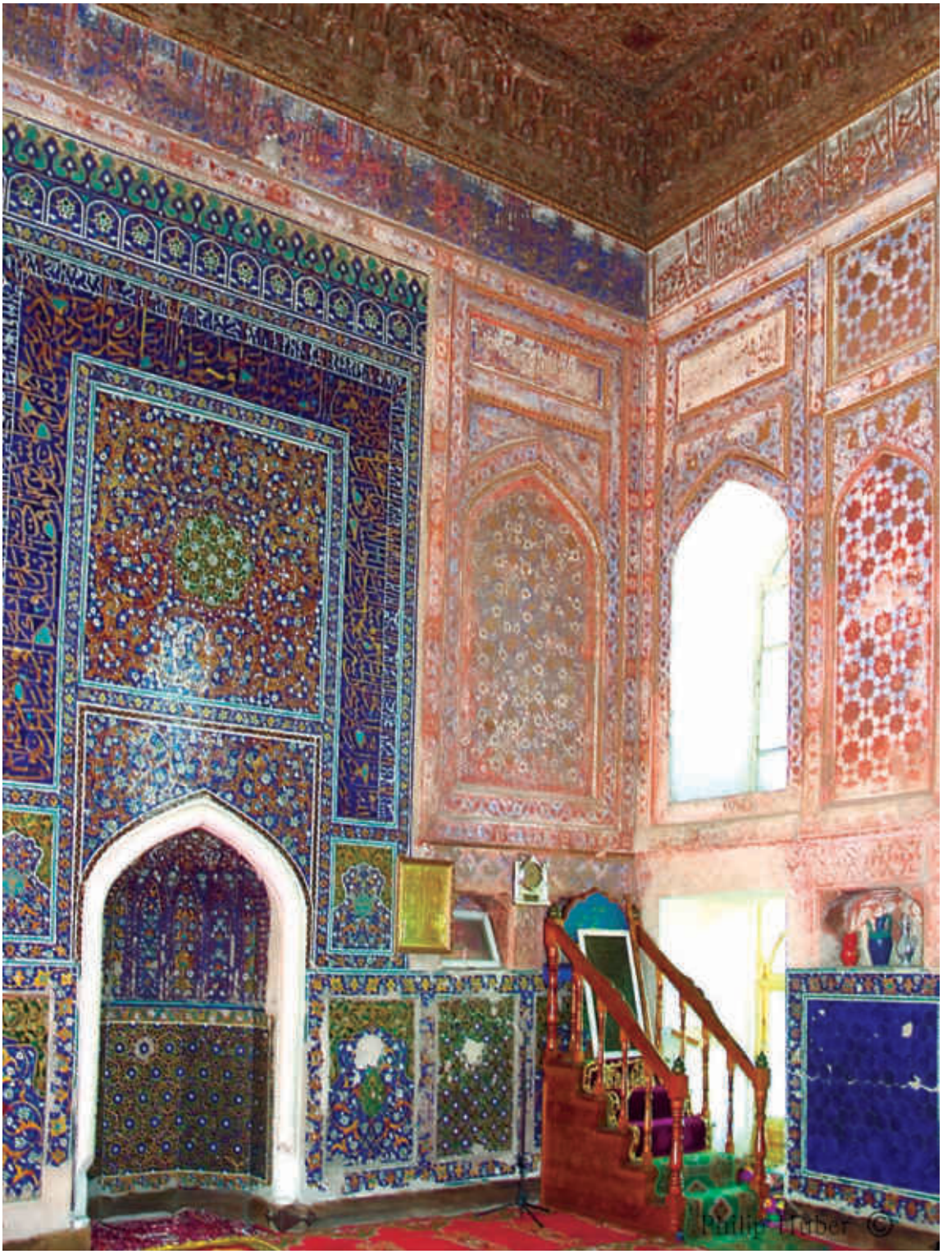
Медресе Надир Дива-беги, XVII в.
Декор тимпана с рисунком птиц, летящих к солнцу и терзающих лань



Медресе Абдуллахана, XVI в.
Декоративный свод в миоонсарае



Ханака Файзабад, XVI в.
Декор чаши купола в интерьере в технике «кырма»



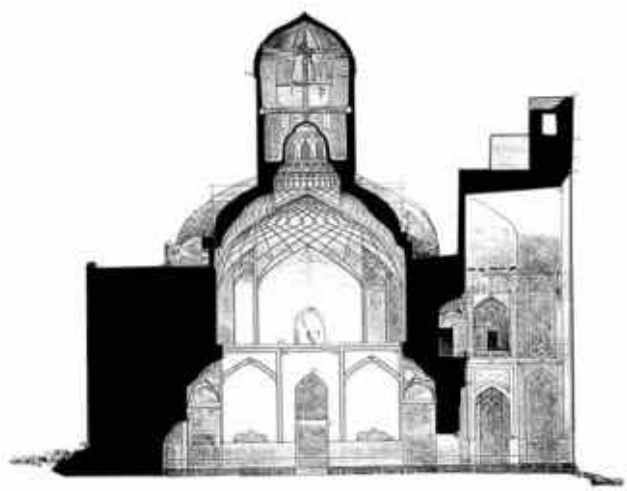
Мечеть Баланд, начало XVI в.
Декор интерьера молельного зала

Декор в интерьере ханака-мечети Ходжа Зайн ад-Дина

Медресе Мир-и Араб.
Купола над залами

В результате несколько видоизменяются пропорции портально-купольных композиций. При тех же размерах зала за крупным порталом, занимающим нередко весь главный фасад здания, возвышается уже не монументальный сфероконический купол на крупном тяжелом барабане, а небольшой куполок на высоком стройном барабане. Этот прием используется бухарскими зодчими в основном во второй половине XVI в. в зданиях суфийских ханака для выделения их значимости и местонахождения в застройке загородного мемориально-культового комплекса (Чор-Бакр, Хазрати Имам, Касим Шейха и др.), а в XVII в. – в мечетях Бухары (Магоки Курпа) и Самарканда (Намазгох).

Другим направлением в развитии объемно-пространственных композиций был отказ от массивного декоративного купола вообще, и как следствие – утрата его значения в структуре здания. Так, еще в 1530-х гг. основную выразительность пространственной композиции медресе Мир-и Араб придавали два крупных декоративных голубых купола на высоких барабанах. Однако и они были последними по времени возведения декоративными монументальными куполами в Бухаре и остались единственными в архитектуре бухарских медресе. В этот же период начинает преобладать условно называемый нами «конструктивизм», когда в интерьерах оставляют откры-



Мечеть в комплексе Чор-Бакр.
Разрез по продольной оси с куполом на параллельных арках

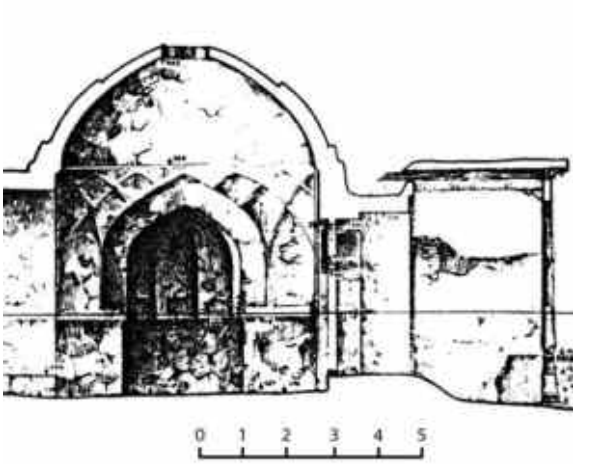
тыми арочно-сводчатые конструкции перекрытия, а в зданиях медресе вообще упраздняют декоративные купола и основным объемным акцентом становится его портал. Образный строй дополняют раскрытые наружу лоджиями главный, а иногда (медресе Кукельдаш, Бозори Гусфанд и Хиябан) боковые и задний фасады. Таковы многие медресе Бухары XVI–XVII вв. Во второй трети XVI в. создаются и наиболее авангардные по объемно-пространственной композиции и единственные в своем роде сооружения с «обнаженными» изнутри (в интерьерах) и снаружи (по экстерьерам) конструкциями. Это ханака Баха ад-Дина и торговый купол Саррафон, купола которых пронизывают четыре мощные взаимопересекающиеся арки. Эти арочные конструкции как ребра жесткости выступают из оболочки купола, и их можно увидеть издалека при приближении к постройке.

Огромный размах строительства при относительно сложной экономической ситуации побуждал зодчих Бухары XVI в. искать наиболее дешевые, функционально оправданные и при этом эффектные и эффективные приемы. В связи с этим монументальные здания часто строились с трехслойными стенами, когда между двумя стенами, выложенными из жженого кирпича, пустота заполнялась кирпичным боем и строительным мусором, а затем заливалась глиняным строительным раствором. Эти здания (медресе Мир-и Араб, Абдуллахана, Кукельдаш и др.), возведенные на прочном, преимущественно каменном фундаменте и цоколе, а также с мощной гидроизоляционной камышовой прокладкой в 10-20 см (здания в комплексе Чор-Бакр), оказались достаточно прочными и служат вот уже полтысячелетия.

XVI век явился временем прогрессивного развития наиболее приемлемых в местных условиях новых для Бухары, упоминавшихся ранее конструкций перекрытия – системы четырех взаимно пересекающихся, а также двух параллельных мощных несущих арок, дополненных щитовидными парусами. Появление и развитие вышеназванных конструкций при Темуридах рассмотрены рядом исследователей[406]. Мы лишь дополним их данные и остановимся на становлении указанных конструкций в архитектуре бухарской школы.

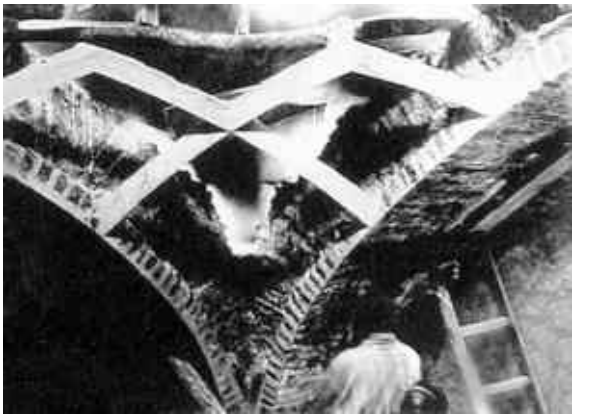
[406] Воронина В. Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. М., 1977; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965; Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV в. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976; Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969; Pugachenkova G. A., Yusupova M. A. Material and Spiritual Culture. Architecture // Bukhara an Oriental Gem. Tashkent, 1997.

В конце XIV – начале XV вв. в Мавераннахре по заказу Амира Темура создавался величественный «имперский стиль», призванный демонстрировать мощь его обширного государства и грандиозность замыслов правителя. Однако гипертрофированно крупные сооружения с уязвимыми при высокой местной сейсмике массивными формами – огромными порталами, утонченными минаретами, двойными куполами на высоких барабанах – создавались все еще при старых подкупольных конструкциях – тромпах и балочных парусах.



Мавзолей Турки-Джанди.
На чертеже разреза зиаратханы обозначены щитовидные паруса

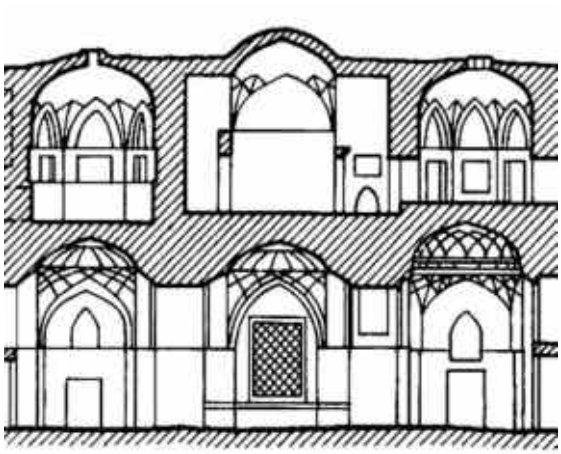
Печальный опыт возведенной таким образом Самаркандской мечети Биби-ханым, разрушавшейся уже с первых лет ее эксплуатации, привел к более интенсивным поискам зодчими принципиально новых методов перекрытий. Эмбрионы последних были уже заложены в постройках времени Амира Темура. Это перекрытия: а) на щитовидных парусах; б) на параллельных арках и в) на четырех пересекающихся арках. Их генезис и развитие при Темуридах были рассмотрены Г. А. Пугаченковой[407] и другими учеными.



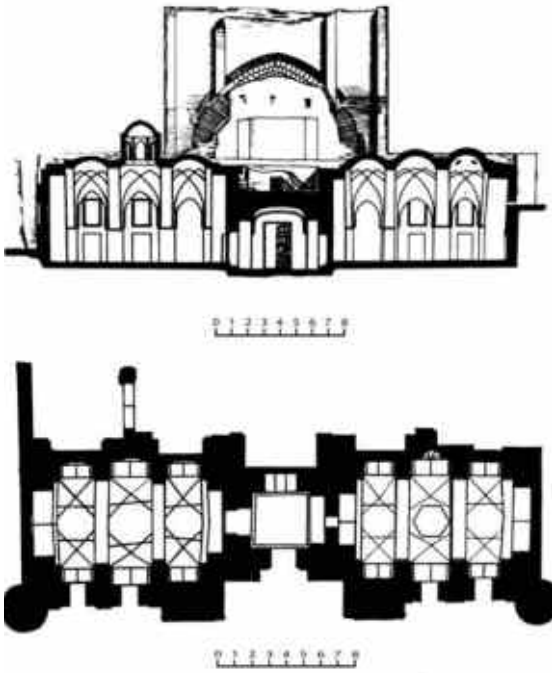
Торговый купол Токи Заргарон.
Каркас щитовидных парусов на фото середины XX в.

Щитовидные паруса в архитектурных сооружениях региона стали применять на рубеже XIV–XV вв. Они представляли собой ромбовидную поверхность с вогнутой продольной осью, образуемую пересечением нескольких пространственных арок, на вершины которых опирался купол. Возможный генезис такого паруса – тромпы и крупные сталактиты в виде сомкнутого свода мечетей Ирана начала XI в. (в Казвине, Эрдестане и в Гольпайегане). Источник самой идеи – возможно, пересекающиеся арочные гурты, армирующие купола Исфаганской джума-мечети XI в. и мавзолея Султана Санджара XII в. Как наиболее ранний пример в постройках Амира Темура можно привести щитовидные

[407] Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV в. ...



Медресе Мир-и Араб.
Разрез с видом щитовидных парусов несущих купол



Медресе Улугбека в Гиждуване.
План и разрез с видом куполов на параллельных арках

паруса в четырех небольших помещениях мавзолея Ходжа Ахмада Яссави (1498 г.) в Туркестане.

Большое распространение получили *сложнощитовидные паруса*, впервые использованные в мечети Гаухар-шад в Мешхеде (1405-1418), а позже в различных вариантах – в ряде других темуридских построек, но особенно ярко – в самаркандских мавзолеях второй трети XV в. Ак-Сарай и Ишратхана. Щитовидные паруса удобны для перекрытия небольших пролетов. В крупных помещениях они часто служили дополнением к двум нижеследующим конструкциям.

Куполами, а они в основном круглые в основании, можно перекрывать квадратные в плане помещения. Для перекрытия крупных продолговатых в плане залов сначала необходимо было разбить их поверхность на несколько квадратов, а затем каждый из образовавшихся в результате этого квадратный световой проем перекрыть отдельным куполком. С конца XIV в. для разделения продолговатого помещения на отдельные отсеки начали использовать переброшенные поперек комнаты мощные *параллельные арки*. В их верхнюю часть упирались отрезки аналогичных по профилю малых арок, а образованные в результате этого квадратные просветы перекрывались небольшими куполками, иногда на щитовидных парусах. Возможный прототип идеи – параллельные арки двух усыпальниц Ирана рубежа XIII–XIV вв. близ Исфагана – Пири-Бакран в Линджане и в Гарладане.

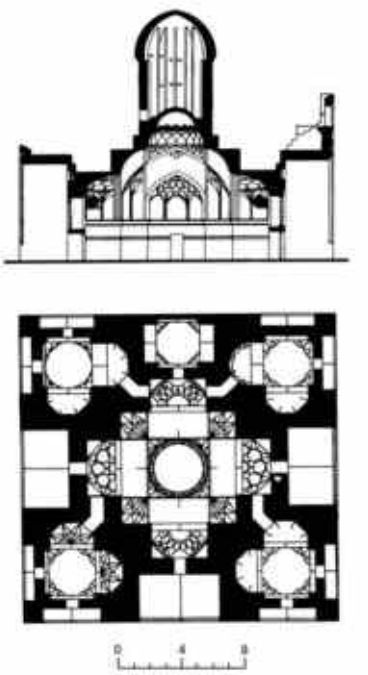
Спустя столетие, при Амире Темуре, более совершенная интерпретация этой идеи была применена в мавзолее Ходжа Ахмада Яссави в Туркестане и в мечети Туман-ака

(1405 г.) в Самарканде, затем в ряде темуридских зданий Хорасана, а также – в самаркандском медресе Улугбека (1420 г.). Дальнейшее развитие этого принципа дало новые эффектные варианты в зодчестве бухарской школы (медресе Улугбека в Гиждуване –1433 г., мечеть некрополя Чор-Бакр под Бухарой – XVI в., зал мечети при медресе Ходжа Джуйбари – XVII в.).

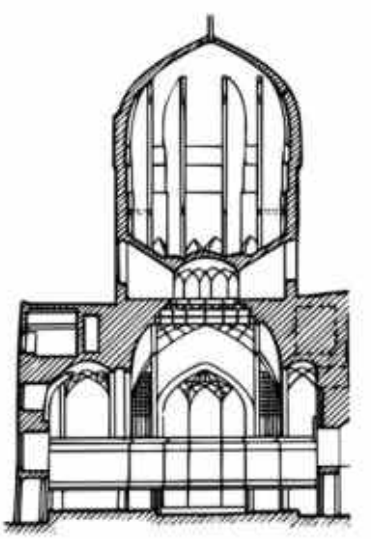
Инженерная *разработка перекрытий на четырех пересекающихся арках,* появившаяся во второй трети XV в., была наиболее новаторской и перспективной. Она, в отличие от двух первых рассмотренных конструкций, позволяла создавать крупные однокупольные интерьеры. Принцип пересекающихся мощных несущих арок был подсказан, соответственно, щитовидными парусами и параллельными арками. Однако здесь просматривается принципиально новое решение.

Напомним, что при этих конструкциях в интерьере, отступив от углов перекрываемого помещения параллельно стенам перебрасывались четыре монументальные арки. Их пересечение создавало внутренней квадрат, который и перекрывали небольшим куполом. Этот прием способствовал, даже при крупных размерах помещения, значительно уменьшить диаметр купола, и, следовательно, вес перекрытий.

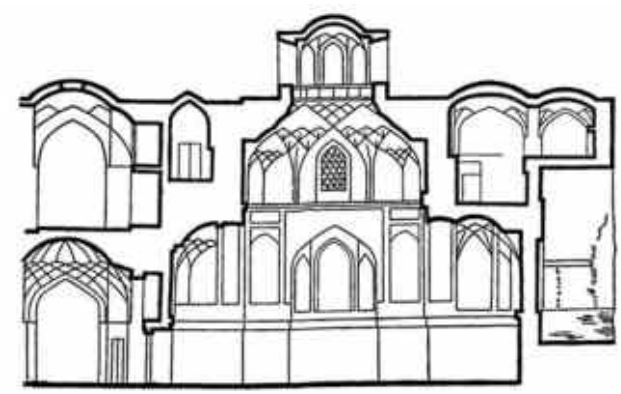
Иранские прообразы – пересекающиеся арки мечети в Исфагане (XI в.) и в мавзолее Султана Санджара (XII в.) служили армирующими гуртами (ребрами) купола, покоящегося на ярусе тромпов (примитивных арочных парусов), в то время как в конструкциях XV в. пересекающиеся арки сами несут небольшой купол, опирающийся на вершины арок. В данной идее, намечавшейся с конца XIV в. и, наконец, созревшей во второй трети XV в., соединились принципы, заложенные в двух хронологически более ранних конструкциях (несущих параллельных арок и пересечения арочных гуртов). Поэтому,



Ханака Касим Шейха.
Разрез и план с видом купола на четырех пересекающихся арках



Медресе Мир-и Араб.
Разрез с видом конструкций куполов



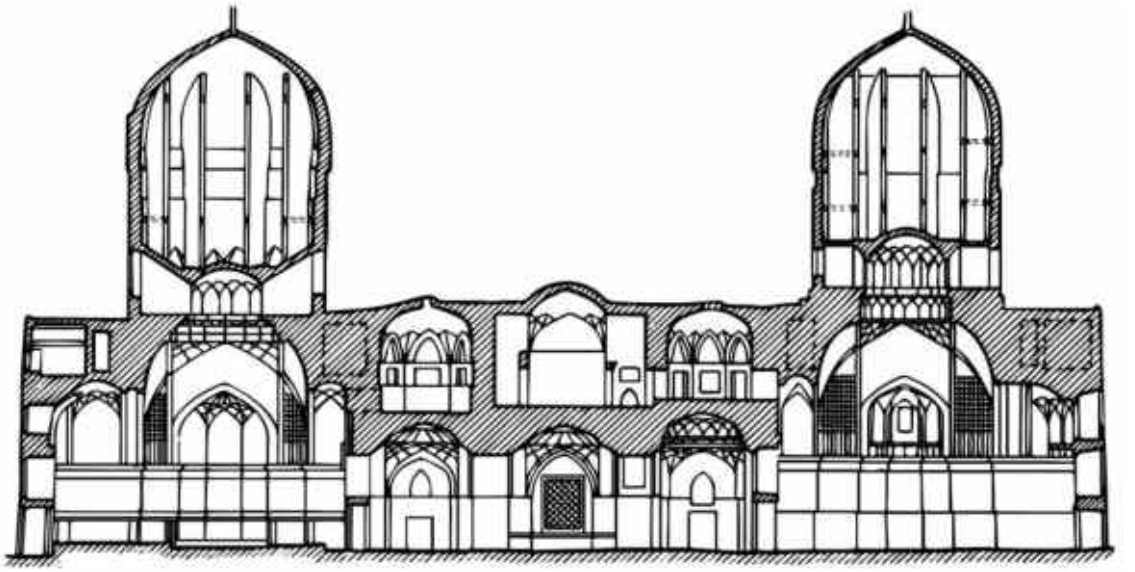
Медресе Кукельдаш.
Разрез с видом конструкций на четырех пересекающихся арках

думается, здесь не имела решающего значения система более ранних четырех пересекающихся каменных арок, известная в монастырях Армении XIII в. (Агарцин и Хоракерт). Иначе зачем был нужен период полувековой эволюции, заключенной в синтезе параллельных арок и щитовидных парусов, что привело к созданию пересекающихся арок? Если имелись готовые армянские образцы, было бы легче позаимствовать их идею в годы правления Амира Темура, приведшего в Мавераннахр много мастеров из разных завоеванных им стран, в том числе и из Армении, еще в конце XIV в. К тому же при относительной общности идеи указанные конструкции темуридского зодчества, возводимые здесь из кирпича и без кружал (а это требовало большей изобретательности и мастерства), получили иное, весьма самобытное воплощение.

Создателем этих кирпичных перекрытий на четырех пересекающихся арках считают талантливого зодчего Кавам ад-дина Ширази, работавшего в Герате при дворе главы государства Темуридов Шахруха, унаследовавшего трон от своего отца Амира Темура. Кавам ад-Дин разрабатывал идею пересекающихся арок в своих хорасанских постройках в течение 35 лет (1405–1440). По свидетельству Г. А. Пугаченковой, начальный и конечный этапы творческих поисков Кавам ад-дина Ширази запечатлены в конструкциях перекрытия мавзолея Гаухар-Шад в Герате (1405–1418) и дарсханы медресе в Харгирде (1440 г.). Затем эта идея как наиболее приемлемая при местной высокой сейсмичности и при бескружальном методе возведения куполов была подхвачена зодчими Мавераннахра, где получила блестящее новаторское развитие и вплоть до конца XVI в., а порою и в XVII в. использовалась в разных вариациях в крупных залах наиболее значительных сооружений.

Сначала изысканная интерпретация данной идеи была использована в самаркандских мавзолеях Чупан-ата (1436 г.), Ак-Сарай (1440-е гг.) и Ишратхана (1464 г.). Декор этих сооружений относительно построек времени Амира Темура уже более сдержан, изыскан и деликатен, а мощные перекрещивающиеся арки, выразительно просматриваемые в интерьерах, несут значительно сокращенный в диаметре высокий и стройный барабан и небольшой купол.

Комплекс Хазрати Имам.
Общий вид с доминирующим куполом ханака-мечети



Медресе Мир-и Араб.
Разрез по поперечной оси с видом внутренних конструкций куполов

Бухара, где монументальное строительство при Темуридах велось лишь в первой половине XV в., в тот период еще не участвовала в разработке подобных конструкций.

Позже – в XVI в. – развитие в Бухаре конструкций перекрытия на основе пересекающихся арок сыграло поистине преобразующую роль в архитектуре Мавераннахра. Это привело к разработке и сложению во второй половине этого столетия так называемого «Абдуллахановского стиля». Новые возможности, предоставляемые этой системой перекрытия, способствовали формированию более изысканной и рациональной архитектуры.

После распада Темуридской державы на ее обширных территориях образовались государства: Шейбанидов – в Мавераннахре; Сефевидов – в Иране и Хорасане; Бабуридов – в Индии и Кабулистане. Основные художественные особенности зодчества Темуридов – крупные купола на высоких барабанах, устремленные ввысь минареты, красочные мозаичные и майоликовые облицовки – получили свое дальнейшее развитие в архитектуре Сефевидов и Бабуридов, принявших их как эталон для своего «династийного стиля».

Созданный в Средней Азии усилиями местных и привезенных сюда иностранных мастеров «Темуридский имперский стиль», вероятно, в силу того, что он уже прошел здесь основные стадии развития, в XVI в. уходит на второй план. Популярными здесь, в Мавераннахре, становятся рациональность, создание гуманной и удобной среды (внутри помещения и вне его). Этот принцип архитектуры – гуманность (соразмерность человеческим масштабам), польза, прочность и красота всегда были присущи бухарской школе. Даже в период правления Амира Темура здания отличались чувством меры (в масштабах и декоре) и гармонии.

Со второй трети XVI в., когда в столичной Бухаре было развернуто активное монументальное строительство, конструкции перекрытия на четырех пересекающихся арках, как наиболее перспективная инженерная разработка предшествующего времени, продолжили свое прогрессивное и новаторское развитие до конца столетия.

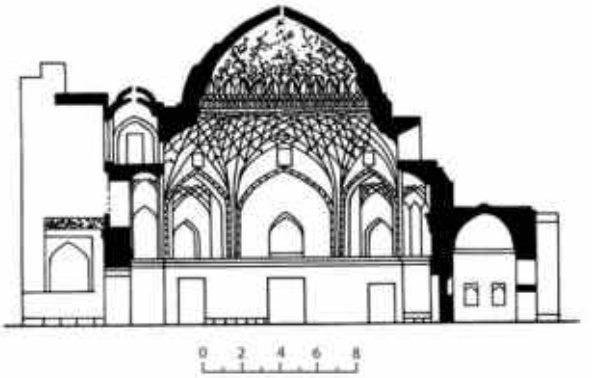
Так, в бухарском медресе Мир-и Араб (1536 г.) над угловыми залами, перекрытыми системой четырех пересекающихся арок, пока еще возвышался крупный, облицованный голубыми глазурями декоративный купол – образчик темуридского зодчества. Однако в тело его высокого барабана уже был вписан световой фонарь, который через проемы внешнего барабана выгодно освещал сверху в интерьере рельефы и переплетения подкупольной системы пересекающихся арок и щитовидных парусов.

Со второй трети XVI в. нарастающий дух конструктивизма и рационализма все чаще приводит к отказу от массивных внешних куполов и барабанов, что увеличивало сейсмостойкость зданий и обнажало скрытые под ними световые фонари (бухарские медресе Кукельдаш, Абдуллахана и др.). Фонарь с арочными световыми проемами,

устраиваемый в зените (завершении) купола, давал ощущение обилия света и воздуха в помещении и вместе с тем игрой светотени живописно освещал подкупольные конструкции. Так, красивая сама по себе инженерная идея пересекающихся арок и сложнощитовидных парусов представала в интерьерах часто в незадекорированном виде и эффектно освещалась сверху.

Ханака Чор-Бакр.
Общий вид с куполом

Иногда пересекающиеся арки, как мощные нервюры или армирующие ребра жесткости, пронизывали оболочку купола и хорошо просматривались снаружи даже на большом расстоянии.

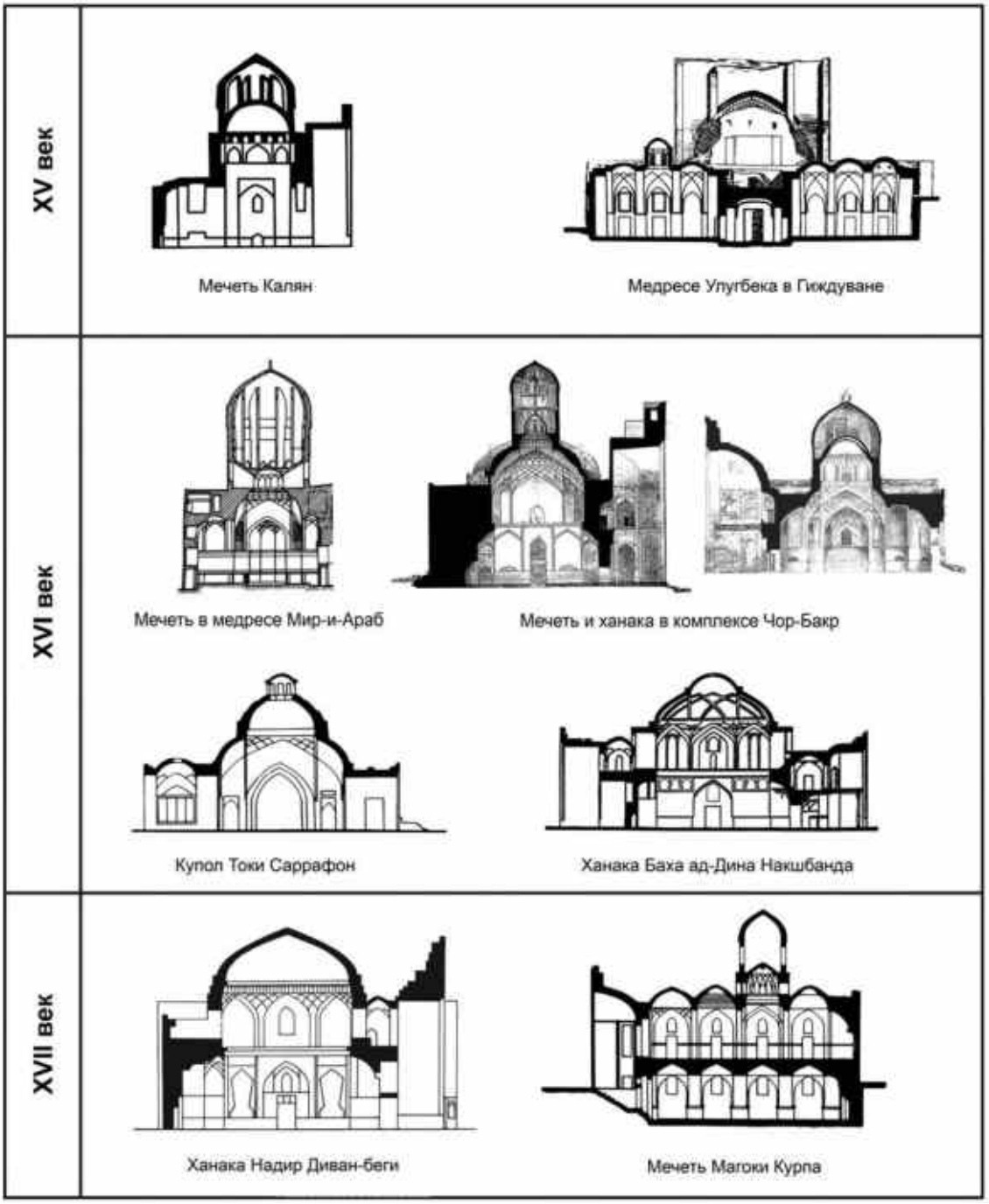


Ханака Файзабад.
Разрез по продольной оси

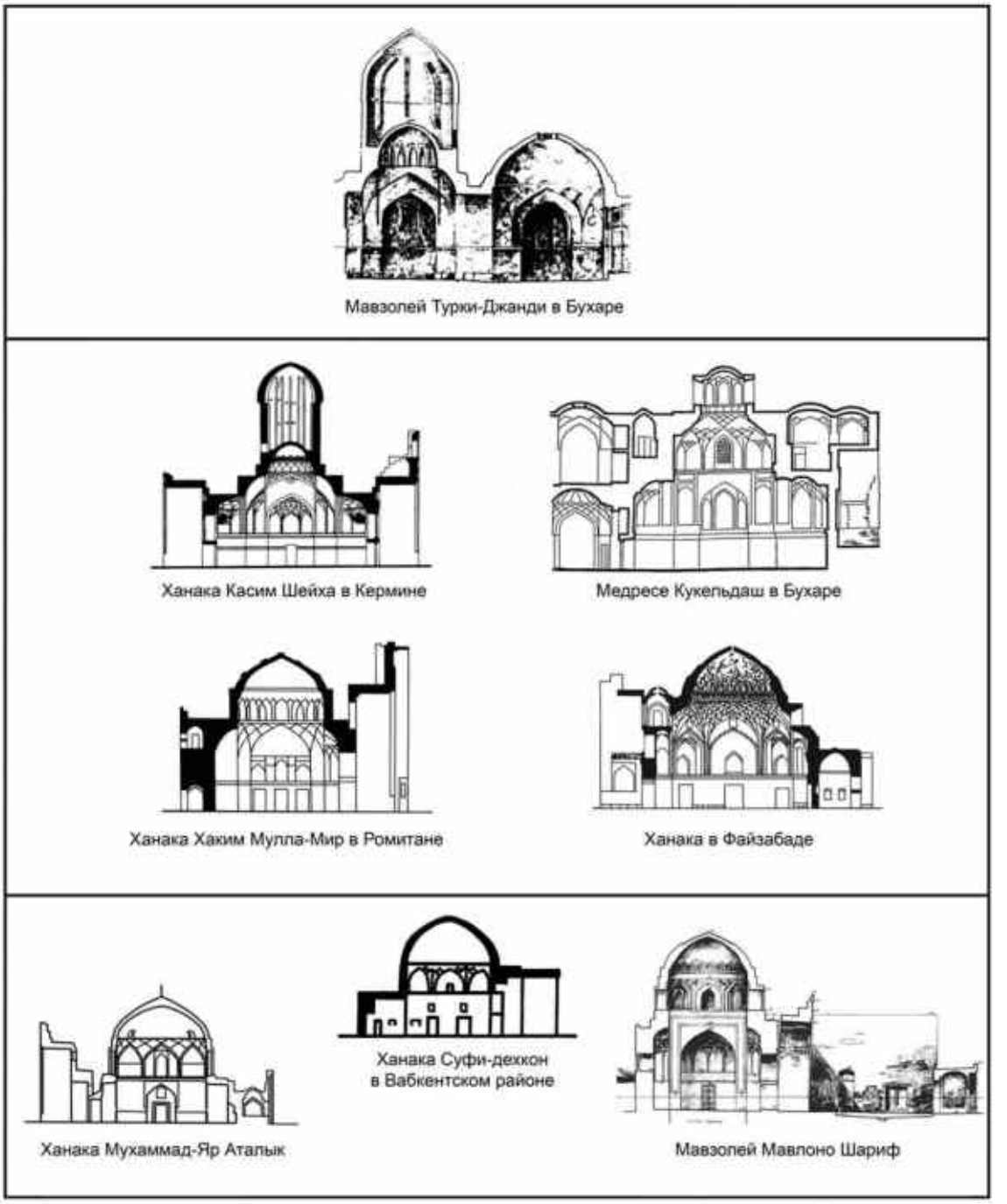
Конструкции перекрытия на системе пересекающихся арок в последней трети XVI в. получили наиболее интенсивное развитие. Использовались различные варианты этой системы: размещение мощных, несущих купол арок не только параллельно, но и диагонально расположению стен (зал аудитории – дарсхона в медресе Кукельдаш); увеличение числа пересекающихся арок или щитовидных парусов; создание сложно-сетчатых парусов с применением сложнейших геометрических построений. На наш взгляд, это явилось логическим завершением идеи рационализма, а в соответствии с ней и реформы конструкций, интерьеров и объемной композиции зданий, заложенной еще при Темуридах и завершенной в Мавераннахре лишь к концу XVI в.

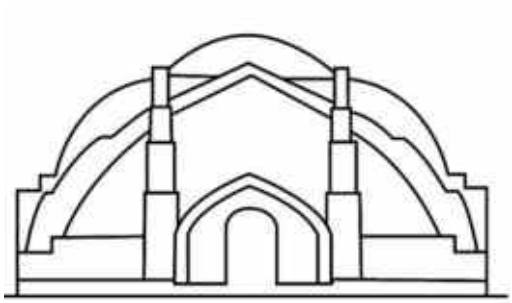
В последней трети XVI в. здесь в основном используют небольшие одинарные купола в виде световых фонарей (т. е. на низком барабане с арочными проемами), основанные на четырех пересекающихся арках и щитовидных парусах. Однако изредка на вершины пересекающихся арок все же устанавливался двойной купол, из которых внешний – небольшой декоративный – возносился на стройном высоком бара-

ЭВОЛЮЦИЯ КУПОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

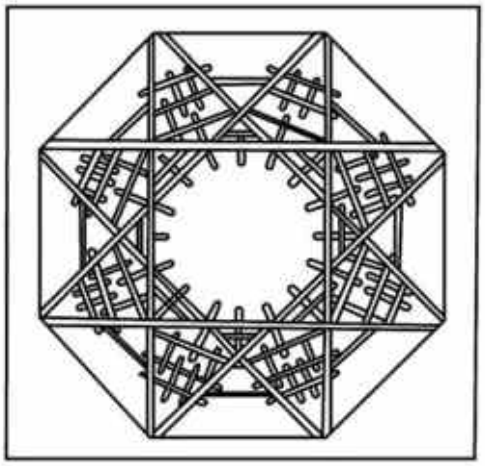


В АРХИТЕКТУРЕ БУХАРСКОГО ОАЗИСА XV–XVII ВЕКОВ





Ханака Баха ад-Дина Накшбанда.
Деревянные «пальцы» в конструкции купола. Фото середины XX в.



Ханака Баха ад-Дина Накшбанда.
Чертеж фасада и разреза на уровне основания купола

Ханака Баха ад-Дина Накшбанда.
Интерьер. Декор свода купола

бане. Этот прием во второй половине XVI в. использовался лишь, как отмечалось, в загородных суфийских ханака, рассчитанных на всестороннее восприятие, чтобы выделить идеологическое и функциональное значение этого здания в архитектурном комплексе. Таковы перекрытия ханака и мечети в комплексе Чор-Бакр под Бухарой, ханака Хазрати-Имам в Бухаре и Касим Шейха в Кермине.

Таким образом, в XVI в. при Шейбанидах развитие данной системы перекрытий создало такие их разновидности (по хронологии), когда четыре конструктивные пересекающиеся арки:

а) поддерживают двухслойный купол, из которых внешний декоративный вознесен на барабане, но в зените конструктивного купола уже устроен световой фонарь (медресе Мир-и Араб);

Ханака Мухаммад-Яр Аталык.
Общий вид с юга. Фото Е. Юдицкого, 1950 г.

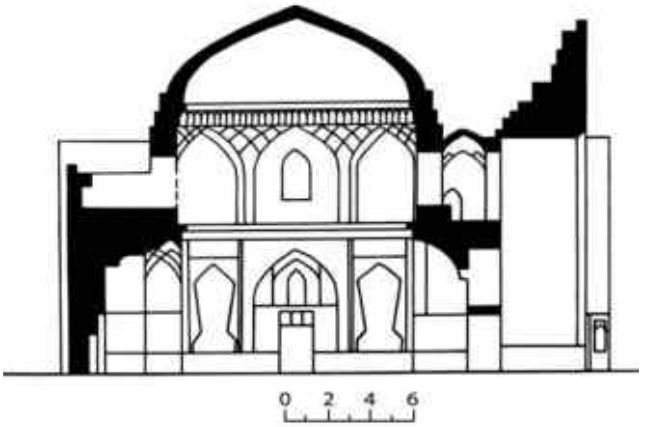
Ханака Мухаммад-Яр Аталык.
Паруса в интерьере. Фото Е. Юдицкого, 1951 г.

б) армируют как ребра жесткости самоё оболочку однослойного купола и эффектно просматриваются снаружи, что было присуще как весьма крупным (ханака Баха ад-Дина), так и малым куполам (торговый купол Токи Саррафон, увенчанный фонарем);

в) держат небольшой однослойный купол со световым фонарем в зените (медресе Кукельдаш, Абдуллахана и др.);

г) несут двухслойный купол, где барабан внешнего декоративного купола с арочными проемами является как бы световым фонарем в зените свода интерьера (схожая идея использована в световом фонаре купола Саррафон). Этот вид перекрытия с высоким, небольшого диаметра изящным барабаном и голубым куполом, применялся, вероятно, специально для того, чтобы акцентировать значение и местоположение зданий ханака в загородных мемориальных комплексах (Чор-Бакр, Касим Шейха, Хазрати-Имам).

На рубеже XVI–XVII вв. соединение арочных и щитовидных парусов позволило создать крупные, но менее живописные однослойные купола (ханака в Файзабаде и в Ромитане), что привело в Бухарском оазисе к отказу от системы пересекающихся несущих арок уже с конца XVI и почти на протяжении всего XVII в.



Ханака Надир Диван-беги.
Разрез по центральной оси

Что касается конструктивного крепления сводов при декорировании черновой кладки перекрытий в

интерьере, то со второй трети XVI в. ярко выраженный утилитарный характер архитектуры диктовал отказ от всего громоздкого и малофункционального не только в монументальных внешних конструкциях, но и в сводчатой системе интерьера. Иногда черновую кирпичную кладку купола в интерьере маскировали устройством тонкослойного ганчевого свода, имитирующего тот или другой вид более изысканного перекрытия. Такие декоративные своды сооружались с помощью пересекающихся ганчевых арочных гуртов (ребер жесткости), которые армировали оболочку подвесного декоративного ганчевого свода, создавая прочный каркас. Наиболее монументальное воплощение такого декора можно увидеть в зале ханака Абдулазизхана (1545 г.) у могилы Баха ад-Дина, где для создания парадного интерьера на основе жестких ганчевых гуртов был возведен крупный ганчевый свод. Он дополнительно крепился – подвешивался к конструктивному куполу деревянными балочками – штырями, выступающими как «пальцы» из его черновой кладки. Оболочка этого свода обрушилась (отслоилась) в последней трети XX в., обнажив оставшийся неповрежденным при этом державший ее каркас из деревянных «пальцев» (ныне декоративный свод ханака восстановлен).

Огромный размах строительства при относительно сложной экономической ситуации побуждал зодчих Бухары XVI в. искать наиболее дешевые, функционально

Медресе Улугбека в Бухаре.
Декор главного фасада

оправданные и при этом эффектные и эффективные приемы. В связи с этим монументальные здания часто строились с трехслойными стенами – с так называемой, «камуфлетной кладкой». При этом между двумя внешними оболочками массивных стен, выложенными из жженого кирпича, пустота заполнялась кирпичным боем и строительным мусором, а затем заливалась глиняным строительным раствором. Здания с такими стенами (медресе Мир-и Араб, Абдуллахана, Кукельдаш и др.), возведенные на прочном, преимущественно каменном фундаменте и цоколе, а также с мощной гидроизоляционной камышовой прокладкой в 10-20 см (к примеру, в комплексе Чор-Бакр), оказались достаточно прочными и служат почти полтысячелетия.

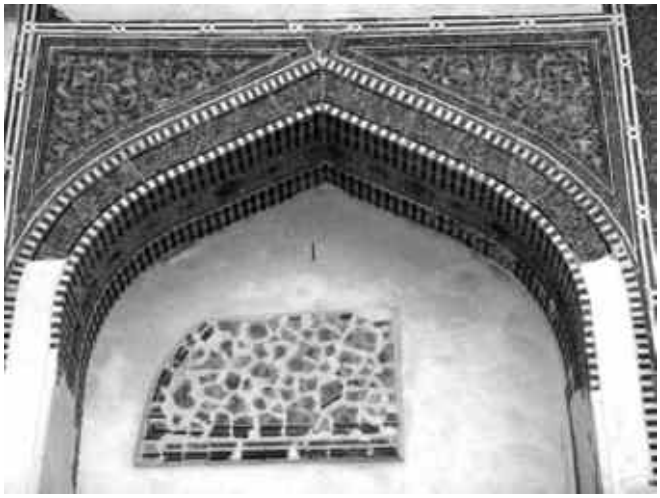
В XVII в., по справедливому замечанию В. Л. Ворониной, зодчие «не создали новых решений ни в конструкции, ни в формах, ни в декоре: все было заимствовано из опыта прошлых столетий иногда в усложненном и развитом (сталактиты), иногда в огрубленном и менее совершенном выполнении (майолика и мозаика)»[408]. В наиболее значимых и монументальных сооружениях Бухары XVII в. (мечеть в медресе Абдулазизхана, ханака Мухаммад-Яр Аталык) крупные залы перекрывали однослойными куполами на тромпах (арочные паруса в углах помещения), либо купол устраивали на ярусе арочных парусов, дополненных щитовидными парусами (ханака Надир Диван-беги, мавзолей Мавлоно Шарифа). Лишь единожды в XVII в. в Бухаре были использованы купола на параллельных арках (прямоугольный зал в медресе Джуйбари Калян 1670-1671 гг.).

ДЕКОРАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ

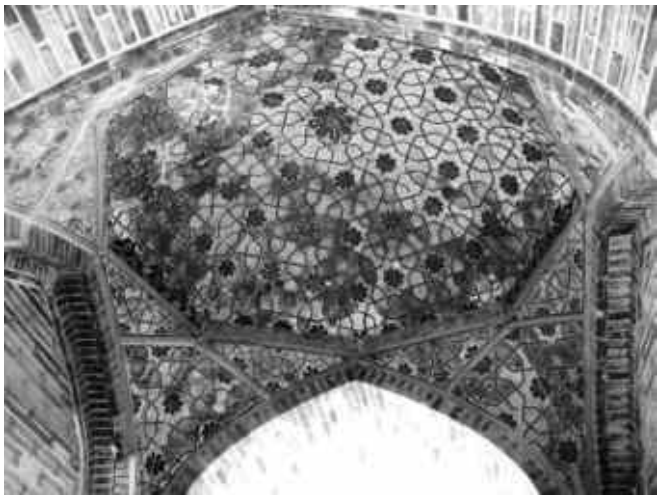
Архитектурный декор Бухарского оазиса в XV–XVII вв. во многом следовал традициям среднеазиатского зодчества предшествующего периода. На рубеже XIV–XV вв. здесь применялись такие сложившиеся к этому времени виды декора, как фигурные и рельефные выкладки кирпича, резьба по ганчу, терракоте и дереву. Все большее распространение получал полихромный глазурованный декор – резная поливная терракота, расписная майолика, наборная мозаика, достигшие своего апогея в период великомасштабного и интенсивного строительства в государстве Амира Темура. Свой вклад в развитие и обогащение декора внесли и мастера, вывезенные Темуром из Ирана, Ирака, Сирии и других стран. Многоцветные расписная майолика и наборная мозаика, иногда подчеркнутые тончайшей надглазурной росписью золотом, использовались в темуридском зодчестве в сочетании со шлифованной поверхностью кирпича (медресе Улугбека в Бухаре), иногда с деталями из резного мрамора.

В строительной практике периода Амира Темура развитие видов и обильное использование поливного декора приводило в ряде построек Самарканда (мавзолеи ансамбля Шахи-Зинда) к перенасыщенности фасадов полихромным глазурованно-зо-

[408] Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 324.



Мавзолей Баян-Кулихана.
Декор тимпана входного портала



Медресе Абдуллахана.
Декор сводов миоонсарая

лоченым резным и мозаичным декором, за которым порой терялась архитектоника сооружения. Такой же эффект перенасыщенности давал сплошной великолепный декор бухарского мавзолея Баян-Кулихана, единственного подобного рода памятника Бухары XIV вв. предтемуридского времени.

Со второго десятилетия XV в., после смерти Амира Темура при его преемниках, начиная со времени Шахруха и Мирзо Улугбека, глазурованный декор вновь лишь украшает и подчеркивает архитектурные формы здания, используется не сплошным полотном, как отдельный керамический «панцирь», а в виде выразительных акцентов на фоне шлифованной облицовочной кладки стен. Большие поверхности стен, боковых и задних фасадов зданий украшаются крупным геометризованным эпиграфическим орнаментом, выложенным на фоне кирпичной облицовки из поливных кирпичиков и хорошо читаемым с далекого расстояния.

В интерьерах темуридского времени изразцовый декор применялся в основном в облицовке панелей стен и в качестве украшения михрабных ниш. Остальная поверхность стен и перекрытий в интерьере покрывалась монументальной росписью геометрического и стилизованно-растительного узора.

Во второй половине XV в. обогащается цветовая палитра росписей интерьеров – «помимо золота, ярко-синего, красного и белого цветов, вводятся голубой и зеленый».[409] В интерьерах также используется живопись «кундаль», детали рисунка которой выделялись рельефом и покрывались позолотой. Такая живопись напомина-

[409] Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV в. … С. 39.

Медресе Улугбека в Гиждуване.
Декор главного фасада

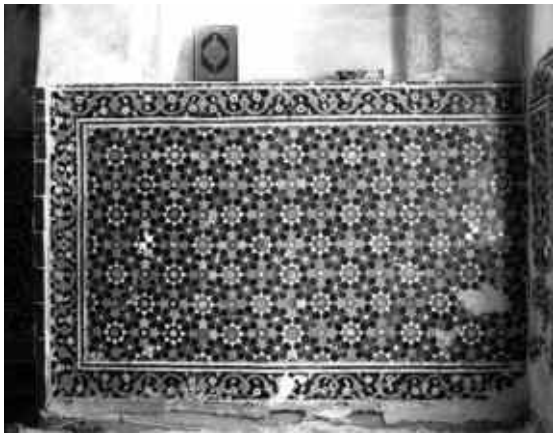
Мечеть Балянд.
Фрагмент декора михрабной стены в интерьере

ла рельефную парчовую ткань, которую в Бухаре также именовали кундалью[410]. Развивается изысканная и утонченная пейзажная роспись, выполненная синей краской по белому фону стен свободным движением кисти (мавзолеи Ширин Бика-ака и Биби-ханым 1404 г. в Самарканде, Гумбази-Саидон в Шахрисабзе).

Здания Бухары XV в. – медресе Улугбека в Бухаре и Гиждуване, мечеть Калян – были также украшены присущим времени Улугбека поливным майоликовым и резным мозаичным декором, покрытым местами утонченной надглазурной росписью золотом. Изысканностью рисунка облицовок отличалось гиждуванское медресе Улугбека и михраб мечети Калян.

[410] Там же.

Мечеть-ханака Ходжа Зайн ад-Дина.
Декор чаши купола в интерьере



Мечеть-ханака Ходжа Зайн ад-Дина.
Декор панелей в интерьере

Мечеть-ханака Ходжа Зайн ад-Дина.
Декор панелей в интерьере

Росписи интерьеров зданий Бухары XV в. не сохранились, однако дошедший до нас декор залов мечетей Баланд и Ходжа Зайн ад-Дина начала XVI в., богато украшенных мозаичными панелями и росписью в технике «кундаль», свидетельствует о том, что и в XV в. в Бухаре могли существовать аналогичные по оформлению интерьеры зданий и что развитие архитектурного декора Бухары шло в общем русле среднеазиатского зодчества, в котором в конце XIV–XV в. лидировала самаркандская школа. О существовании в Бухаре в середине XVI в. значительного количества «каменных домов, храмов и сооружений, роскошно построенных и позолоченных» писал и А. Дженкинсон[411].

В начале XVI в. главные фасады, а также панели и западную стену с михрабной нишей в интерьерах монументальных зданий по-прежнему покрывали мозаикой, майоликой, резной поливной терракотой, а также иногда стены зала покрывали живописью «кундаль». В Бухаре сохранились великолепные образцы такого посттемуридского декора в упомянутых мечети Баланд и ханака-мечети Ходжа Зайн ад-Дина.

Следует отметить, что «кундаль» присутствовала и в постройках более позднего времени. К примеру, в мечети Касри-Арифан (XVI в., Каганский район) при могиле матери Баха ад-Дина Накшбанда расписной потолок четырехколонного зала, набранный из дощечек, с деревянным звездчатым куполком в централь-

[411] Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. ... С. 182.

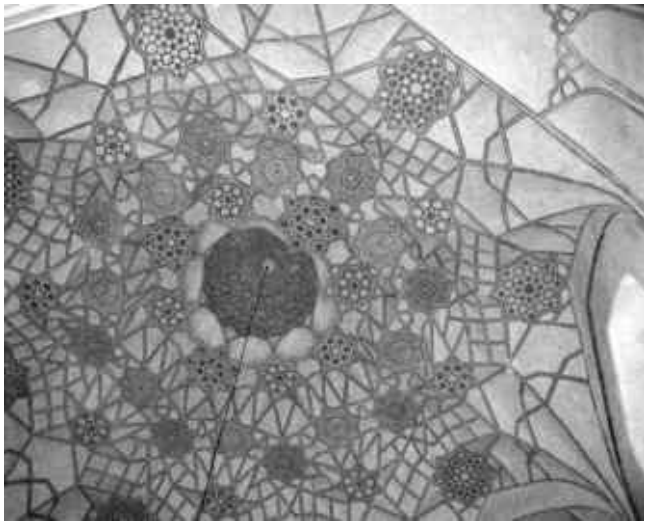
Ханака в Чор-Бакр.
Интерьер. Конструкции купола на четырех пересекающихся арках

ном отсеке первоначально был покрыт изящной росписью в технике «кундаль». Однако эволюционный процесс диктовал иные эстетические принципы и развитие других видов декора.

Более ограниченно использовались прежние виды декора при Шейбанидах. Перенасыщенный при Темуридах полихромный глазурованный декор сменяется уравновешенностью в использовании облицовок, которые теперь как драгоценные вставки вправляются в поверхность стен из шлифованного кирпича. Он в основном сосредоточен на главном фасаде, дворовых порталах и на тимпанах над входами в худжры. Однако даже в ограниченном количестве трудоемкий декор из поливных изразцов, резной наборной мозаики и расписной майолики не поспевал за объемами повсеместного строительства. Поэтому параллельно разрабатывались более экономичные, скорые и менее трудоемкие в изготовлении и установке виды декора, которые имитировали сложную трудоемкую наборную мозаику и майолику. Так, со второй половины XVI в. все шире используется крупная, типовая по размеру облицовочная плитка с расписной майоликой мелкого растительного узора. Эти майоликовые плитки, получившие широкое распространение в правление Абдуллахана II, стали называть «Абдуллахановской майоликой». По исследованиям К. С. Крюкова, такая майолика впервые была применена в Бухаре в медресе Гаукушон (1570 г.) и наиболее полно и разнообразно использована в медресе Абдуллахана[412].

Медресе Абдуллахана.
Интерьер. Конструкции купола на четырех пересекающихся арках

[412] Крюков К. С. Прогрессивные тенденции зодчества Средней Азии XVI в. // Автореф. дисс. … канд. архитектуры.

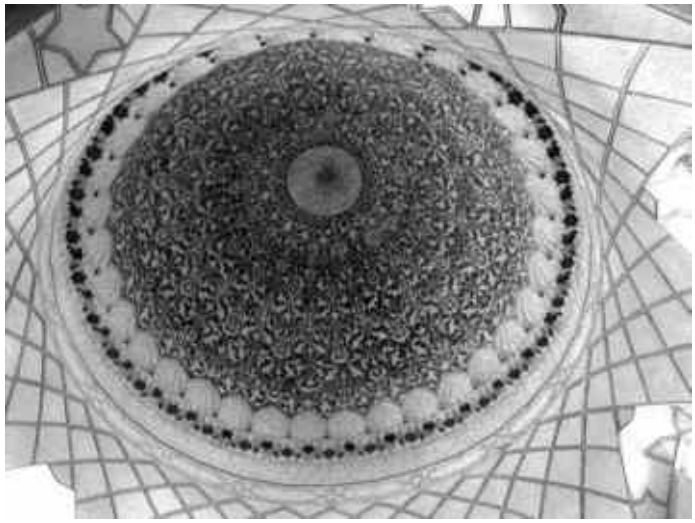


Ханака Баха ад-Дина Накшбанда.
Интерьер. Декор свода в технике «кырма»

Еще одним нововведением этого времени было создание плит с бесшовной мозаикой, не требующих трудоемкого набора на вертикальной поверхности стены или лекальной плоскости свода. Мозаика изготовлялась блоками заблаговременно и затем монтировалась (примораживалась ганчем) на предназначенное место в декоре здания.

Технологию сборных элементов использовали и при создании монументальных оконных решеток–панджара. Вместо сложного мозаичного набора «изготовлялся определенный типовой майоликовый элемент, из которого собиралась вся панджара»[413].

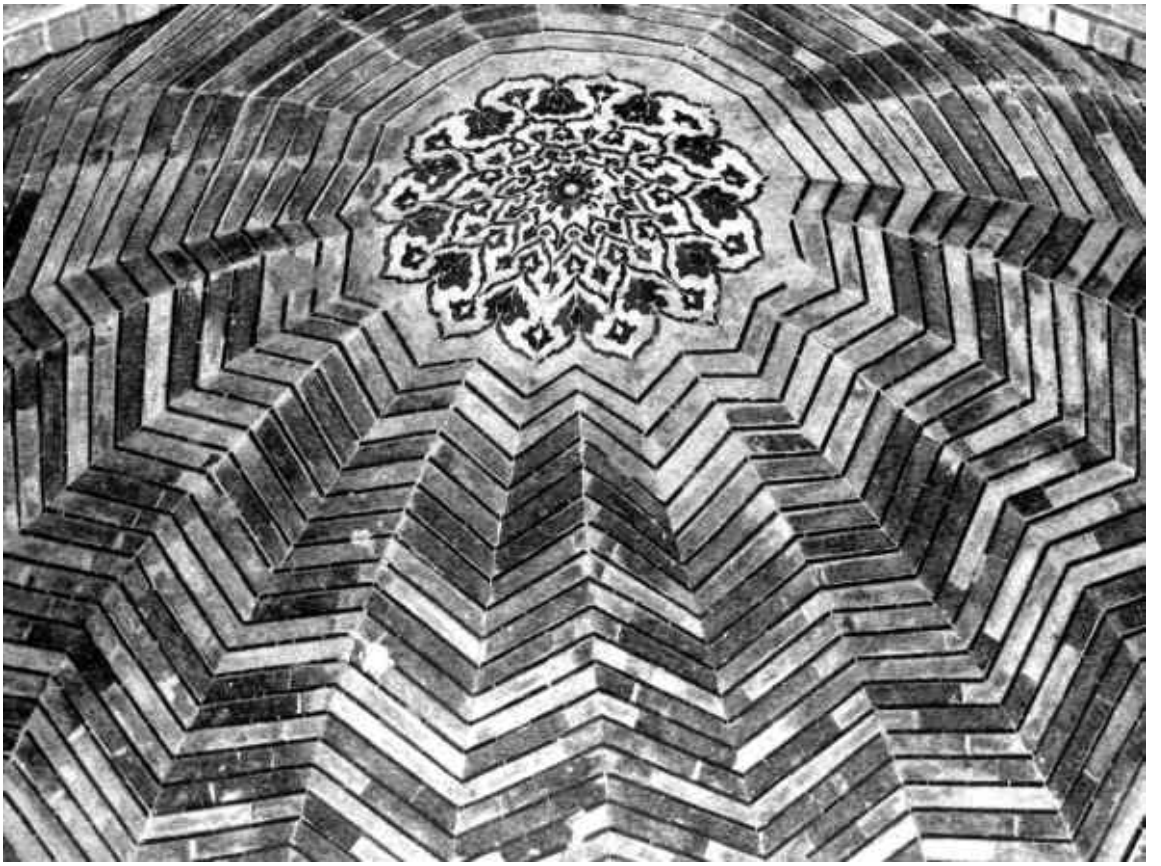
Позже реформируются интерьеры помещений, перекрытых системой пересекающихся арок и щитовидных парусов. Оштукатуренные белым ганчем интерьеры щедро освещались через проемы в барабане или с помощью светового фонаря в зените купола. Основную выразительность им придавали подкупольные конструкции – объемные переплетения пересекающихся арок и щитовидных парусов, создающих богатую игру светотени. Эти конструкции эффектно смотрелись внутри помещений, придавая им необыкновенную изысканность. Таковы интерьеры дарсханы и мечети в медресе Абдуллахана и Кукельдаш в Бухаре, ханака в комплексе Чор-Бакр в Сумитане и ханака Касим Шейха в Кермине. Эти конструкции не требовали декорирования живописью кун-



Ханака Файзабад.
Интерьер. Декор свода в технике «кырма»

Ташкент, 1965. С. 18.

[413] Там же.



Медресе Абдуллахана.
Декор сводов миоисарая

даль или глазурованными облицовками, так как работа обнаженных конструкций красива сама по себе. Здесь лишь иногда ганчевые сталактиты украшались вкраплениями звездчатых майоликовых вставок. Отметим, что ганчевые сталактиты с украшением их нижней горизонтали майоликовыми звездами станут весьма популярными в XVII в. (медресе Абдулазизхана, 1652 г. и др.).

Со второй трети XVI в. в ряде значительных купольных построек, не освещенных сверху, для украшения интерьеров вводится эффектная двухцветная резьба по ганчу – «кырма» и «часпак». Этот вид декора, напоминающий европейское сграффито, не нов и использовался еще в памятниках домонгольского времени[414]. При *технике «часпак»* наносится два слоя ганча – цветной и белый, затем прорезается верхний белый слой, обнажая участки нижнего тонированного слоя. В результате создается четкий и прочный двухцветный рисунок, где на цветной фон как бы наложен ажурный белый верхний слой.

[414] Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961. С. 349.

В основе *метода «кырма»*, похожего на «часпак» по конечному результату, лежит иной принцип. Здесь в углубления резного белого ганча втирается цветной ганч с последующей зачисткой поверхности. Получается тот же эффект четкого декора из двухцветного ганча только с более гладкой поверхностью.

Наиболее яркий из ранних примеров двухцветной бежево-терракотовой резьбы –«кырма» и «часпак» с геометризированным рисунком с крупными звездчатыми вставками-медальонами можно видеть в интерьере ханака Абдулазизхана в комплексе Баха ад-Дина Накшбанда.

Прекрасный образец белого по серому декора в технике «кырма» был применен в интерьере ханака в Файзабаде (1599 г.) в высокохудожественном декоре чаши купола с купонным растительным рисунком и сталактитами по основанию купола.

Для декорации черновой кладки сводов в мион-сараях (вестибюлях) и других невысоких помещениях использовались тонкие подвесные ганчевые оболочки, укрепленные прочными ребрами жесткости – нервюрами. Это декоративные ганчевые сводчато-купольные системы, имитирующие как бы оштукатуренные ганчем конструкции свода и поддерживающие его сложноузорные геометрические переплетения щитовидных парусов и др.

Использовалась и вторая разновидность декоративных внутренних конструкций. Те же системы сводов и особенно щитовидных парусов собирались в оболочку из кирпичиков, окрашенных в коричневый цвет, с четкими белыми швами из ганча. Иногда в швы вставляли ленточки из майолики голубого или синего цветов. Дополнительно зенит таких сводов украшали звездчатыми вставками из расписной майолики. Эта идея имитации сложной в построении кирпичной кладки сводов, использована в сводах мион-сарая (вестибюлях) медресе Кукельдаш, Абдуллахана и др.

В декоре XVII в. вновь преобладают традиции темуридского времени. Применяются живопись «кундаль», стенопись интерьеров, грозди сталактитов, обилие мозаики и майолики и др. Но наиболее примечательно, что в это время порой используются монументальные изображения фантастических и живых существ в майоликовых облицовках фасадов.

Автором данной монографии проведено исследование истоков, семантики и причин возрождения данных сюжетов, которое излагается ниже тезисно, весьма кратко[415].

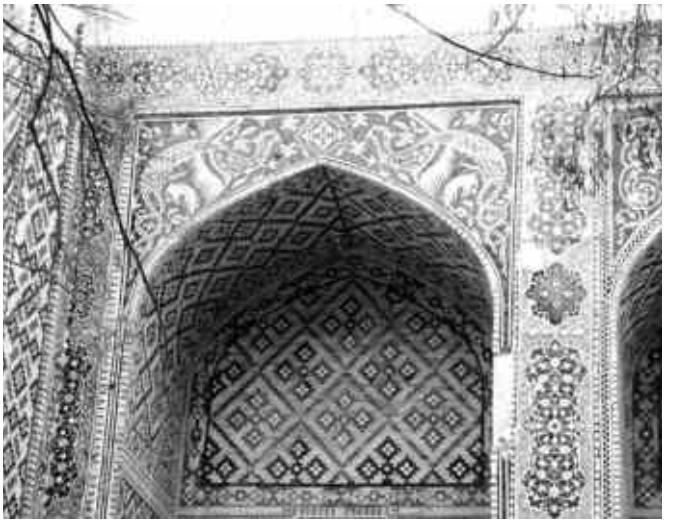
Изображения живых существ. В Коране не существует прямых запретов на воспроизведение живых существ. Пророк Мухаммад, борясь с идолопоклонством, запрещал лишь идолов в качестве предметов культового поклонения. Этот запрет,

[415] Юсупова М. А. Изображения живых существ в декоре мусульманского зодчества Средней Азии // Ўзбекистон санъатшунослиги муаммолари. Сб. статей НИИ искусствознания. Ташкент, 1997; Юсупова М. А. Изображения живых существ в декоре мусульманского зодчества Бухары // Ўзбекистон архитектураси ва қурилиши. Тошкент, 1997. № 1-2. С. 16-18 и др.

носивший поначалу больше политический характер, со временем в толковании ортодоксальных богословов (Ибн-Ханбал, VIII–IX вв., Ал-Газали, XI–XII вв. и др.) трансформировался в отрицание изобразительности вообще[416].

Медресе Надир Диван-беги.
Входной портал. Мозаичный декор тимпана

Запреты периодически усиливались или смягчались, но всегда были жесткими относительно декора культового зодчества. Что касается Бухары, то по письменным источникам известна не сохранившаяся доныне красочная стенопись дворцов и общественных зданий города эпохи Саманидов (IX–X вв.). Вероятно, она была близка по стилю ранней миниатюрной живописи. На стенах дворцов, скорее всего, были запечатлены сцены светской жизни, охоты и баталий, как позже было во дворцах Амира Темура в Самарканде. Представление о стенописи среднеазиатских бань могут дать рекомендации знаменитого ученого из Бухары Ибн-Сины (X–XI вв.). В своей книге «Сохранение здоровья» он писал о том, что в хорошей бане должна быть умеренная температура, яркий свет, просторный предбанник, а в нем – «картины хорошей работы, явной красоты, вроде влюбленного и возлюбленной, вроде парков и садов, скачущих всадников и диких зверей»[417].



Медресе Надир Диван-беги.
Боковые крылья. Декор тимпанов над арками лоджий

В XI–XIII вв., с появлением ортодоксальной реакции в исламе вводятся более строгие ограничения, а затем и категорические запреты на изображения живых существ.

Греховными стали считаться теперь и детские игрушки в форме людей и животных, стенопись (особенно в банях), одежда и занавеси с изображением живых существ. Они допускались лишь на предметах быта, попираемых ногами или используемых пренe-

[416] Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство // Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Л., 1969. С. 142-156.
[417] Там же. С. 148.

брежительно – на коврах, подушках для сидения и посуде. Во второй половине XIII в. было запрещено и это допущение.

Однако нередко практика расходилась с религиозными предписаниями, и ряд дворцов мусульманских правителей, гаремов, бань и предметов прикладного искусства все же украшал декор с изображениями живых существ. С возникновением на Востоке книжной миниатюры, доступной и предназначенной лишь для избранных, люди, животные и пернатые стали непременными ее персонажами. Реже такой декор встречался в посещаемых народом общественных и, тем более, культовых зданиях.

Медресе Шер-Дор.
Декор тимпана входного портала

Следует отметить, что зооморфные сюжеты и персонажи в архитектурном декоре Средней Азии имеют общие с сопредельными регионами древние доисламские традиции развития, семантику, а иногда и схожую иконографию. В зодчестве Средней Азии исламского периода мы выявили около двух десятков примеров изобразительности, учитывая как существующие, так и утерянные, но известные по историческим материалам образцы. На их основе мы впервые предлагаем следующую типологическую классификацию изображений по их тематике[418]:

Медресе-ханака Надир Диван-беги в Самарканде XVII в.
Декор тимпана входного портала

1) настенная сюжетная роспись с воспроизведением людей и животных;

2) изображение льва и льва в сочетании с солярным диском;

Медресе Абдулазизхана, XVII в.
Декор боковых крыльев с изображением птиц

[418] Юсупова М. А. Изображения живых существ в декоре мусульманского зодчества Средней Азии …

3) сцены терзания;

4) изображение пернатых;

5) фантастические змеевидные существа;

6) изображение коней.

Из общего количества выявленных изображений более четверти составляет зооморфный декор сооружений Бухары XVII в., на которых запечатлены:

– сцены терзания;

– пернатые;

– фантастические змеевидные существа.

Так, в Бухаре сохранился ряд зооморфных изображений на майоликовых панно двух медресе начала XVII в. Причем каждый использованный здесь сюжет или персонаж являлся отголоском древних домусульманских мифологических и астральных символов. Наиболее монументальным, выразительным и красочным был декор тимпана медресе Надир Диван-беги (1622–1623) с воспроизведением крупных фантастических птиц, летящих к человеколикому солнцу и терзающих лань. В этом декоре смешались два древних сюжета – «птицы, летящие к солнцу», что символизировало благоденствие, и «сцена терзания». По сторонам портала, на боковых крыльях фасада использован в уменьшенном масштабе тот же рисунок птиц, когтящих лань, но без изображения солнца.

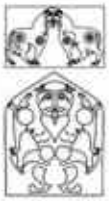
Медресе Абдулазизхана.
Панно на пилоне входного портала с изображением птицезмей

Медресе Абдулазизхана.
Фрагмент панно на пилоне дворового портала с изображением дракончика

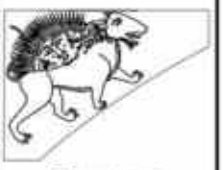
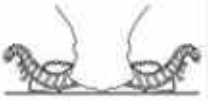
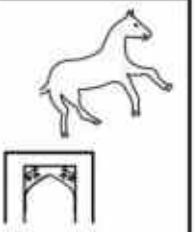
Сцена терзания копытного животного львом (тигром, гепардом) или семантически тождественной ему хищной птицей издревле – сначала в Передней, а затем (со второй половины II тыс. до н. э.) и в Средней Азии – служила символом весеннего обновления природы. В астрономическом подтексте она отображала смену созвездий Быка (Плеяд) и Оленя (Кассиопеи) созвездием Льва в момент начала весенних полевых работ. В ахеменидском Иране этот сюжет символизировал древний праздник Науруз, а композиция борьбы льва и быка – расположение созвездий в ночь Науруза[419]. Таким образом, во всей Передней Азии, Средиземноморье и, возможно, в Средней Азии,

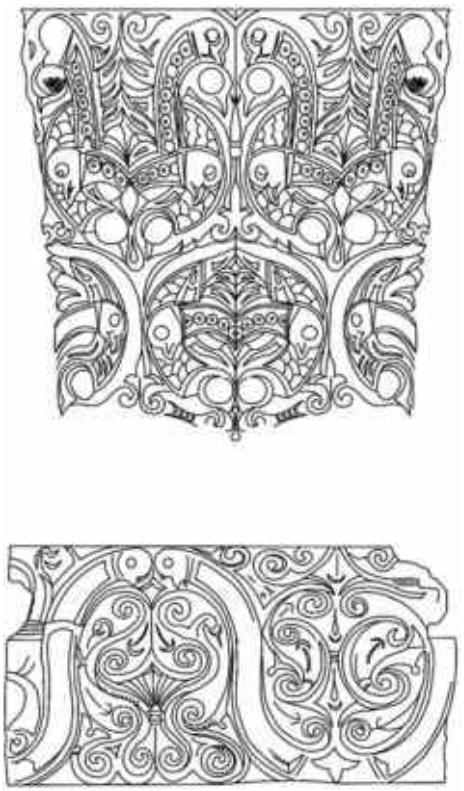
[419] Кузьмина Е. Е. Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. М., 1990. С. 78-83.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ В АРХИТЕКТУРНОМ ДЕКОРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

	IX-X века	XIV век	рубеж XIV-XV века	XV век
ЛЕВ ЛЕВ И СОЛНЦЕ	 *Фантастические львы, дворец Термезшахов.*	*Львы на портале караван-сарая Белеули*	*Лев на дверной ручке в ханака Ходжа Ахмада Яссави.*	*Лев и солнце на портале дворца Ак-Сарай в Шахрисябзе.*
ЗМЕЕВИДНЫЕ СУЩЕСТВА	*Птицезмеи в резном дереве колонны и фриза из с. Обурдон.*			*Змеевидные драконы на портале мечети в Анау.*
ПЕРНАТЫЕ			*Аисты на 6-гранных плитках в мавзолее Ширин Бика-ака.*	
СЦЕНЫ ТЕРЗАНИЯ				

КЛАССИФИКАЦИЯ ПО ТЕМАТИКЕ И ХРОНОЛОГИИ ДЕКОРА IX – XIX ВВ.

XVII век				XIX век
 *Лев и солнце на портале медресе Шер-Дор*	*Лев-тигр на портале медресе Надир Диван - беги в Самарканде*			*Рисунок на стене хуждры в ханака – мечети Ходжа Зайн ад-Дина XVI в Бухаре*
 *Птицезмеи на панно портала медресе Абдулазизхана*	*Птицезмеи на панно портала медресе Абдулазизхана*	*Змееевидные драконы на панно портала медресе Абдулазизхана*		
Птицы, летящие к солнцу. Портал медресе Надир Диван-беги в Бухаре		*Птицы летящие к солнцу, медресе Абдулазизхана*		
Птицы терзающие лань. Крылья фасада медресе Надир Диван-беги в Бухаре	*Птицы терзающие лань. Портал медресе Надир Диван-беги в Бухаре*	*Лев, настигающий джейрана. Портал медресе Шер-Дор в Самарканде*	*Лев, настигающий джейрана. Портал медресе Надир Диван-беги в Самарканде*	 *Кони на тимпане портала медресе Рустамбека в Ура-Тюбе*



Мечеть в селе Обурдон IX-X вв.
Резьба по дереву фриза и капители с изображением птицезмей

где до сих пор популярен праздник Науруз, этот сюжет в древности символизировал весеннее возрождение природы.

Однако в Средней Азии в связи с независимым длительным развитием и адаптацией к местной фауне сюжет был преобразован. В результате вместо льва изображается тигр или гепард, а вместо быка – двугорбый верблюд, но чаще – лань или джейран.

В рассматриваемом декоре Мавераннахра подобную адаптацию мы находим в рисунке тимпанов трех зданий первой половины XVII в.: а) в бухарском медресе Надир Диван-беги, с изображением фантастических птиц, летящих к человеколикому солнцу и терзающих лань; б) в самаркандском медресе Шер-Дор, где тигро-лев с солнечным диском за спиной настигает джейрана; в) в самаркандском медресе Надир Диван-беги в комплексе Ходжа Ахрара с аналогичным декору медресе Шер-Дора изображением (лев настигает джейрана, но здесь нет солнца).

Позже в Бухаре небольшие зооморфные изображения украсили четыре красочных парных панно в медресе Абдулазизхана (1652 г.). На первом из них в тимпанах боковых крыльев фасада – птицы, летящие к солнцу. До этого рисунки птиц были встречены нами лишь в интерьере мавзолея Ширин Бика-ака (1385 г.) в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде. Здесь, вероятно, по инициативе мастеров, скорее всего иранских, привезенных Амиром Темуром, была выполнена стенопись с четырьмя сороками на верхушках красноватых деревьев и роспись поливных керамических плиток в виде аистов, летящих над цветущими кустами. Только через два с половиной столетия – в XVII в. – в Бухаре было выполнено наиболее крупное изображение птиц на упомянутом ранее тимпане медресе Надир Диван-беги, где в сцене терзания фантастические птицы, когтящие лань, летят к солнцу. В 1652 г. рисунок птиц, летящих с солнцу, украсил другую бухарскую постройку – медресе Абдулазизхана. Древние аналоги этого сюжета мы нашли в декоре храма Солнца в парфянском Ашуре, каменный фриз которого украшают два грифона, обращенных к человеколикому солнцу[420]. На двух других парных панно бухарского ме-

[420] Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. С. 57.

дресе Абдулазизхана, на пилонах входного портала цветочная ваза с пышным цветущим кустом украшена птице-змеями, изогнутыми в виде ручек сосуда или деталей у его основания. Эти существа с туловищем змейки и головой птицы по иконографии весьма близки к птице-змеям, украшавшим резные фриз и капитель деревянной колонны IX–X вв. из кишлака Обурдон, расположенного в долине реки Зеравшан.

И наконец, на четвертом панно, на пилонах дворового портала – такая же ваза, но с ручками в виде крохотных дракончиков. Отметим, что наиболее крупные, живописные и впечатляющие в среднеазиатском зодчестве – более ранние изображения извивающихся змеевидных драконов украшали майоликовые панно тимпана мечети Анау (1456 г., близи Ашхабада). Это белые с желто-оранжевым контуром парные драконы с хорошо разделанной чешуей тела и четырьмя пятипалыми лапами, поставленные в геральдической композиции. Они, вероятно, служили оберегом этой постройки.

Сам же сюжет – ваза с произрастающим над ней пышным кустом цветов и неким зооморфным символом в виде парных птице-змей или дракончиков по сторонам – это отзвук зародившейся на Древнем Востоке распространенной композиции – «мировое Древо» – произрастание всего живого с парными стерегущими его животными. В такой форме эта композиция живет, умирает и воскресает вновь в народном искусстве многих народов[421].

В XVII в. древний смысл рассмотренных выше сюжетов был утрачен, и они использовались как распространенные в этот период и традиционные для данного региона живописные композиции. Популярность так называемого «звериного стиля» в прикладном искусстве XVII в. – на коврах и тканях, предметах керамики, торевтики и, отчасти, в архитектурном декоре – была общей тенденцией для стран Среднего Востока.

Таким образом, в архитектурном декоре Средней Азии использовались те же, что и в ее прикладном искусстве, моно– и диморфные символы, образованные в древности путем скрещения в народной фантазии качеств реальных существ, например, птицы и змеи – в рисунке птице-змей капители деревянной колонны из из кишлака Обурдон и медресе Абдулазизхана.

В сценах терзания в декоре двух медресе начала XVII в. в результате трансформации во времени произошло усложнение рисунка путем дальнейшего слияния не только древних символов, но и сюжетов: в бухарском медресе Надир Диван-беги, где птица летит к солнцу и одновременно терзает лань, смешались два сюжета – сцена терзания и «птиц счастья», летящих к солнцу; в декоре самаркандского медресе Шер-Дор издревле мономорфный в сцене терзания хищник лев слился с другим древним символом – человеколиким солнцем. В результате сложный диморфный символ – лев на фоне человеколикого солнца – стал главным персонажем сцены терзания.

[421] Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 98.

О значении поздних изображений автор в целом придерживается того мнения, что в XVII в. зооморфный декор в архитектуре Центральной Азии во многом становится схожим с рисунком весьма популярных здесь в это время ковров и тканей «звериного стиля». К тому же столь крупномасштабные изображения во весь гигантский тимпан придавали нарядность и парадность зданию и площади, на которую оно обращено. Но, наряду с этим, мы предполагаем, что и в XVII в. некоторые изображения служили аллегорией и символизировали определенные понятия, связанные с величием эпохи, правителя и власти, а также донатора – заказчика строительства.

Что касается использования зооморфного узора в архитектуре Средней Азии XV–XVII вв., то наиболее ярко и многочисленно рассматриваемый декор проявился в правление Темуридов в XIV–XV вв. (в Самарканде, Шахрисабзе, Туркестане и Анау) и в первой половине XVII в. – при Аштарханидах (в Бухаре и Самарканде). Расцвет изобразительности в XIV–XV вв., по нашему мнению, был связан с участием в строительстве иноземных, особенно иранских, мастеров, а также с желанием могущественного правителя – Амира Темура, а вслед за ним и Темуридов использовать живопись как мощное средство выразительности в создании блистательного «стиля их имперской» архитектуры. Возможно, более терпимому отношению к изображению живых существ способствовало и то, что в XV–XVI вв. мусульманские богословы ал-Айни и ал-Аскалани трактовали наказания художников (изображавших живые существа) как относящиеся только к тем, кто изготовляет изображения для поклонения им[422].

В XVI в. Шейбаниды – истинные приверженцы суннитского ислама, возможно, в угоду местным шейхам, а также из-за жесткой конфронтации с шиитами Сефевидами в искусстве, в том числе и в зодчестве которых процветала живопись (сам иранский шах Тахмасп I был неплохим художником и лично расписал фрески своего дворца)[423], не допускали изображений живых существ в декоре архитектуры своего государства. Тем не менее в это время в книжной миниатюре были популярными сюжетно-фигуративная живопись, портретный жанр (известны портреты Абдуллахана II, Имамкули-хана и др.) и в целом сложилась бухарская школа миниатюры.

Популярность зооморфных изображений в прикладном искусстве, а в сопредельных с Мавераннахром странах и в архитектуре XVI–XVII вв. была общей тенденцией для стран Среднего Востока. Видимо, поэтому в первой половине XVII в. при Аштарханидах, менее враждебных к Сефевидам, живопись буквально «выплеснулась» в виде крупных зооморфных изображений на порталы величественных сооружений Мавераннахра, обращенных на центральные площади двух его столиц. Это – медресе Шер-Дор на площади Регистан в Самарканде и медресе Надир Диван-беги в ансамбле Ляби-Хауз в Бухаре. Столь демонстративное использование самобытного, крупного и красочного зооморфного декора неизвестно в сохранившихся постройках других

[422] Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство … С. 146.
[423] Кази Ахмед.Трактат о каллиграфах и художниках. М., 1947. С. 48, 183.

Медресе Шер-Дор XVII в. в Самарканде.
Общий вид

стран мусульманского мира и имело место лишь в зодчестве Мавераннахра, что явилось особым феноменом архитектуры Средней Азии XVII в.

В изобразительном декоре архитектуры Бухарского оазиса мы выявили удивительную особенность: почти на всех сохранившихся здесь примерах зооморфного декора присутствуют пернатые. Так, на трех тимпанах медресе Надир Диван-беги и двух тимпанах медресе Абдулазизхана – птицы, летящие к солнцу. И самое интересное, что на четырех панно медресе Абдулазизхана использованы изображения птице-змей, весьма схожих по иконографии с птице-змеями IX–X вв. на резной деревянной колонне из кишлака Обурдон, расположенного близ Бухарского оазиса в долине реки Зеравшан.

В Самаркандском оазисе при украшении тимпанов, наоборот, отдается предпочтение изображениям львов, которым в древности семантически были тождественны хищные птицы. Как упоминалось, живописные львы украшали тимпаны дворца Амира Темура Ак-Сарай в Шахрисабзе, тимпаны медресе Шер-Дор, а также тимпаны медресе Надир Диван-беги на окраине Самарканда, которое здесь называли Шер-Дори-берун – то есть внешний (загородный) Шер-Дор.

В целом можно заключить, что декор бухарской школы зодчества в XV в. формировался в общем русле развития декора Средней Азии. В XVI в. здесь использовался ряд новых и несколько возрожденных приемов, создающих более экономичный, выразительный и менее трудоемкий декор. В XVII в. вновь используются характерные для эпохи Темуридов живопись «кундаль», а также наборная мозаика и майолика, где широко применяются зооморфные изображения, запрещенные в XVI в.

МЕТОДЫ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗДАНИЙ

Для определения гармоничных пропорций зданий в XV–XVII вв. использовались своеобразные приемы с применением ряда методик древних зодчих.

Так, издревле в архитектуре употреблялись методы гармонизации, основанные на пропорциональном соотношении размеров целого (плана, фасада) и отдельных форм и частей здания. При этом основы гармонизации пропорций были известны не только зодчим древнего Египта и Греции, но, как показывают последние исследования, и древним строительным мастерам Средней Азии. Об этом свидетельствует анализ построения весьма четкого и продуманного по структуре плана крепости на городище эпохи бронзы Сапаллитепа (XVII в. до н. э.) на юге Узбекистана. План крепости основан на сетке динамических квадратов, где длина стены внутреннего двора относится к наружной стене как сторона квадрата к его диагонали[424].

План крепости городища Сапаллитепа
(по: Захидов, 1982)

В поисках канонов гармонии, начиная с 1920-х гг. и до конца XX в., ученые Узбекистана (Б. Засыпкин, М. Мауэр, Л. Н. Воронин, В. Л. Воронина, Ш. Ратия, М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Л. Ю. Маньковская, В. М. Филимонов и др.) проводили анализ пропорций отдельных зданий Средней Азии. Значительный вклад в изучение и выявление законов гармонии пропорций среднеазиатской архитектуры внесли узбекистанские ученые Л. И. Ремпель[425], М. С. Булатов[426], П. Ш. Захидов[427] и К. С. Крюков[428].

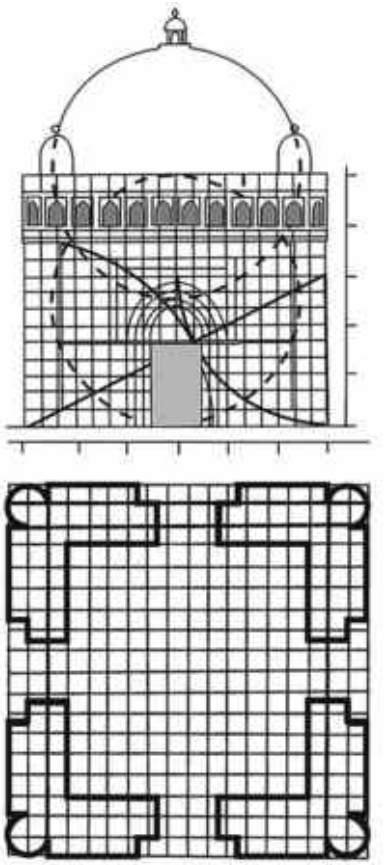
Л. И. Ремпель считал наиболее важным в построении пропорций сред-

[424] Захидов П. Ш. Основы канона гармонии в архитектуре. Ташкент, 1982. С. 121-122.
[425] Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана
[426] Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. М., 1978.
[427] Захидов П. Ш. Указ. соч.
[428] Крюков К. С. Пропорции в архитектуре. Ташкент, 1995.

неазиатских зданий соотношения сторон динамических прямоугольников[429]. Концепция М. С. Булатова основана на пропорциях динамических прямоугольников и золотого сечения. Однако анализ он ведет порой весьма сложными геометрическими построениями, формулами и расчетами.

П. Ш. Захидов так же, как Л. И. Ремпель и Г. А. Пугаченкова, при гармонизации пропорций отдает предпочтение системе динамических квадратов, которая действительно широко использовалась, но не в качестве единственной, а наряду с другими методами древних зодчих[430].

Наиболее простой, ясной и обоснованной, во всяком случае, для исследуемой в данной монографии архитектуры XV–XVII вв., нам представляется концепция К. С. Крюкова. Он полагает, что «посредством модуля, кратного мере длины, выражается пропорциональность форм, основанная на соразмерностях: прямоугольного треугольника Осириса (со сторонами 3:4:5); равностороннего треугольника и квадрата»[431]. Таким образом, К. С. Крюков сгладил разногласия ряда ученых, заключив, что при построении зданий использовали и модульную систему, и различные известные издревле методы пропорционирования.



Мавзолей Саманидов.
План и фасад, пропорции (по: Крюков, 1995)

О применении древними зодчими Бухары модульной сетки с единицей измерения, равной гязам, свидетельствуют чертежи бухарского мастера XVI в., изученные и опубликованные Н. Б. Баклановым еще в 1944 г.[432] Позже Г. А. Пугаченкова внесла коррективы в определение функций представленных на этих чертежах зданий по их планам[433]. Чертежи выполнены на модульной сетке в произвольном масштабе, размеры не проставлялись, так как, зная величину модуля, можно было легко вычислить необходимые параметры как крупных частей, так и деталей здания.

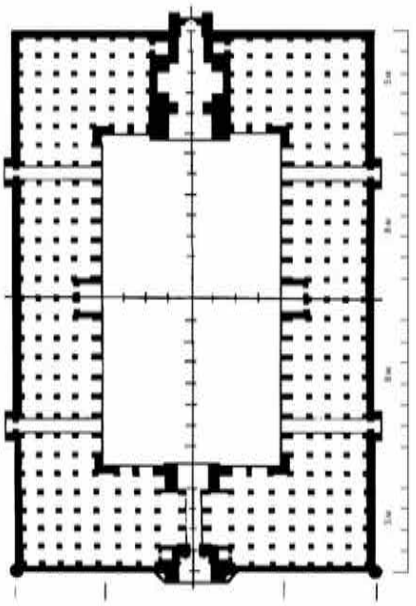
В ранних сооружениях Средней Азии (например, мавзолей Саманидов рубежа IX–X вв. и др.) модулем служила толщина стен, где мера длины была кратна модулю или совпадала с ним.

[429] Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. С. 187-192.
[430] Захидов П. Ш. Указ. соч. С. 12.
[431] Крюков К. С. Пропорции в архитектуре. С. 187.
[432] Бакланов Н. Б. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. // Академия архитектуры СССР. Сообщения Института истории и теории архитектуры. Вып. 4. М., 1944.
[433] Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки // ИЗУ. Вып. I. Ташкент, 1962. С. 194-210.

Судя по исследованиям К. С. Крюкова, с широким распространением в Средней Азии портальных композиций основным модулем чаще становится пролет портальной арки (иногда с архивольтом), что в Бухарском оазисе нашло применение уже в здании XI–XII вв. – караван-сарае Рабат-и-Малик.

Для определения основных пропорций зданий, т. е. для прикидки соразмерностей плана, фасада, интерьера и высоты купола использовался большой модуль, равный в Бухарском оазисе в сооружениях с порталами в основном ширине пролета портальной арки.

В Мавераннахре в средние века не существовало единой метрической системы и при строительстве за меру длины принимали гяз, который отличался в разные исторические периоды и, тем более, в разных историко-культурных регионах. К примеру, в XIX–XX вв., в Ферганской долине и в Ташкенте гяз был равен примерно 83 см, в Самаркандском регионе – 70 см, в Хиве – 111 см, в Бухаре же применяли так называемый «шахский гяз, равный 107 см[434]. «Именно гяз с его производными (ним-гязи – полугяз, кяриш – 1/4 гяза, иля – 1/8 гяза) служил основной линейной мерой в архитектурной практике среднеазиатских народных зодчих»[435]. В XV–XVII вв. в Бухаре использовали шахский гяз – гязи-шахи, близкий по размерам к названному позднему гязу, а также шариатский гяз. Для определения пропорций мелких частей здания использовали малый модуль, равный части большого модуля, к примеру, 1/4 или 1/6 его части. «Малый модуль по своим размерам колебался от 156 до 186 см, в зависимости от меры длины: при использовании половины шариатского гяза (30-31 см) в модуле содержится 6 мерных единиц (180-186 см); в шахском ним-гязи – три половинки по 52-54 см, что составляет 156-162 см. В математическом трактате крупного ученого XV в. Гияс ад-дина ал-Каши, работавшего в обсерватории Улугбека, отмечено, что «здания, колонны и своды в постройках измеряют с помощью сырого и обожженного кирпича»[436]. Наверняка и используемые в Бухарском оазисе гязы были кратны размеру применявшегося в то время и на данном памятнике обожженного кирпича, который в XVI–XVII вв. имел в основном размеры 26 х 26 х 5 см и 27 х 27 х 5,5 см, что составляло четверть шахского гяза. Согласно анализу К. С. Крюкова, в Бухаре в XVI–XVII вв. применяли малый модуль, равный 1/4 (Медресе



Мечеть Калян.
План, пропорции (по: Крюков, 1995)

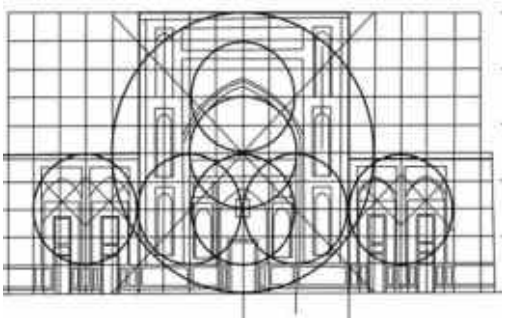
[434] Там же. С. 191.
[435] Там же.
[436] Там же. С. 192.

Улугбека в Гиждуване, ханака Файзабад и Надир Диван-Беги в Бухаре и др.) и 1/6 (медресе Мир-и Араб и Абдуллахана в Бухаре)[437] частям большого модуля. Малый модуль, который был кратен большому, исчислялся часто половиной шахского (52-54 см – 2 кирпича) или шариатского (30-31 см) гязов; наиболее распространенной в XV–XVII вв. мерой длины был шариатский полугяз, близкий по размерам греческому футу – 30,9 см[438]. На стройке использовали мерную палку в 180-186 см, разделенную на 6 частей, с последующим делением каждой части на 4 пяди, которая была универсальным инструментом на строительной площадке. Чертеж, обусловленный шириной фолианта, «исполнялся в произвольном масштабе, но зодчий точно знал, сколько мерных единиц содержит модуль, поэтому размеры на чертежах не проставлялись»[439].

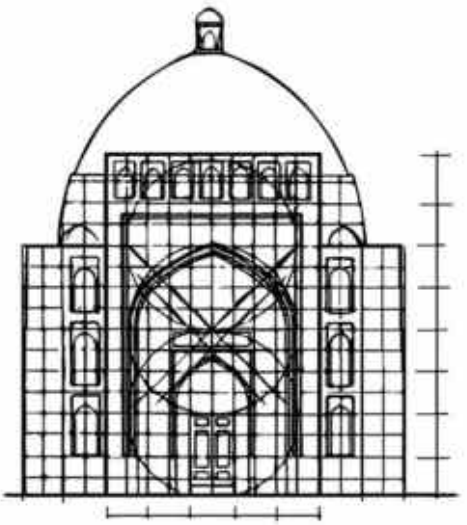
Итак, при определении гармоничных соотношений плана и фасада здания зодчими использовались древние, выверенные веками и тысячелетиями соотношения геометрических фигур: египетского треугольника Осириса; квадрата; равностороннего треугольника; пропорция золотого сечения.

Формула золотого сечения, когда целое в пропорциональном его делении находится в том же отношении к большей своей части, как большая к меньшей, выражается формулой (N 5–1): 2. С небольшими погрешностями это иррациональное число можно выразить разными простыми отношениями – 5:8, 8:13, 10:16, 13:21, 16: 25 и т. д.

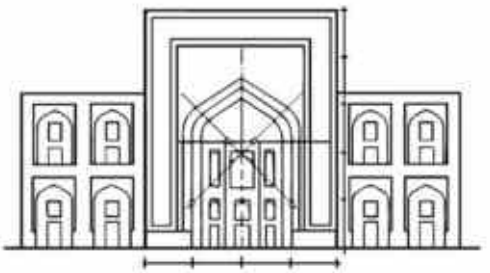
Отметим, что в архитектуре Бухары времени Темуридов чаще, чем в XVI–XVII вв., встречались пропорции золотого сечения, которые



Медресе Улугбека в Гиждуване.
Пропорции портала (по: Крюков, 1995)

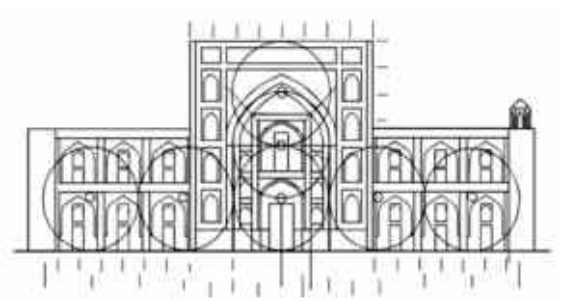


Ханака-мавзолей Сайф ад-Дина Бохарзи.
Пропорции фасада (по: Крюков, 1995)

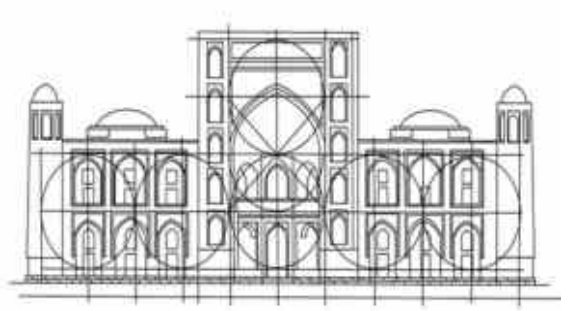


Медресе Абдуллахана.
Дворовый портал, пропорции (по: Крюков, 1995)

[437] Крюков К. С. Пропорции в архитектуре... С. 187–188.
[438] Там же. С. 188.
[439] Там же.



Медресе Мадарихан.
Пропорции главного фасада (по: Крюков, 1995)



Медресе Абдулазизхана.
Пропорции главного фасада (по: Крюков, 1995)

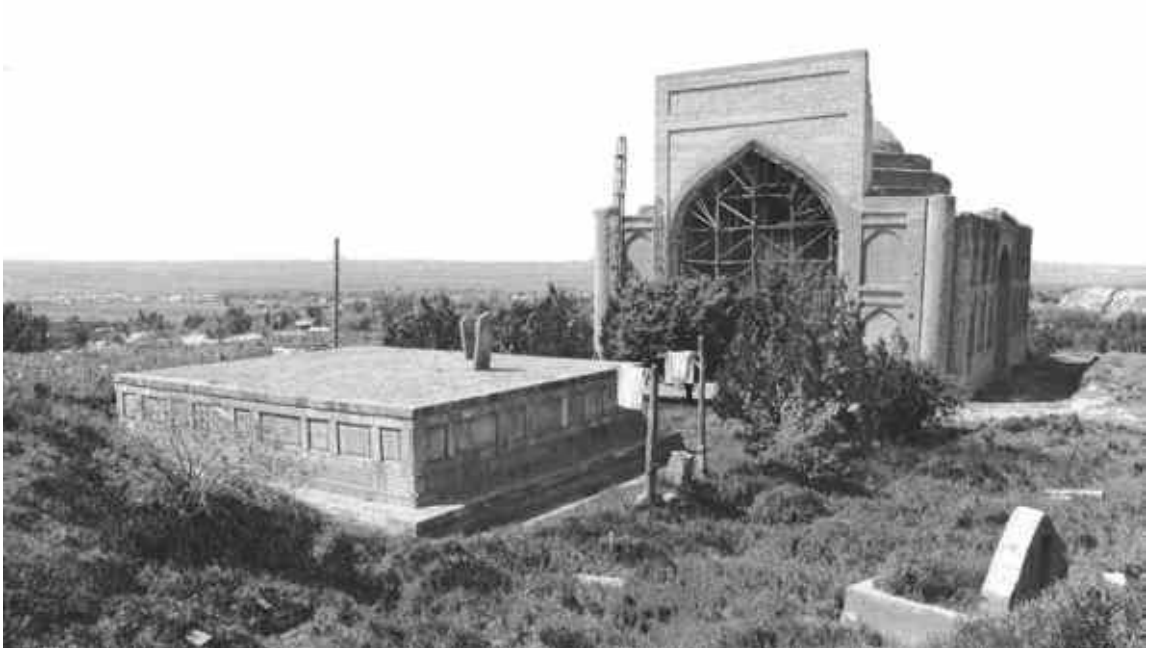
выражались соотношением 5:8 (южный портал медресе Улугбека в Бухаре, портал мавзолея Сайф ад-Дина Бохарзи) и 8:13 (план мечети Калян, а также отношение пролета арки портала к его ширине).

Наиболее распространенной в Бухарском зодчестве XV–XVII вв. была пропорция 4:5 (отношение катета к гипотенузе треугольника Осириса), использованная в медресе Улугбека в Бухаре (план) и в Гиждуване (портал), мечети Калян (портал максуры); медресе Абдуллахана (двор, главный портал, дворовые крылья); Абдулазизхана (план, портал).

Таким образом, почти во всех монументальных постройках XV–XVII вв. в Средней Азии и, в частности в Бухарском оазисе, для построения их фасадов модулем служил пролет портальной арки. Анализ исследования К. С. Крюкова показал, что в зданиях бухарских медресе XVI–XVII вв. этот модуль часто укладывался два раза по высоте портала и пять раз по ширине фасада (Мир-и Араб, Мадарихан, Абдуллахан, Абдулазизхан). Те же пропорции главного фасада обнаружились в медресе Тилля-Кари в Самарканде и Кукельдаш в Ташкенте, возведенных в традициях бухарской школы.

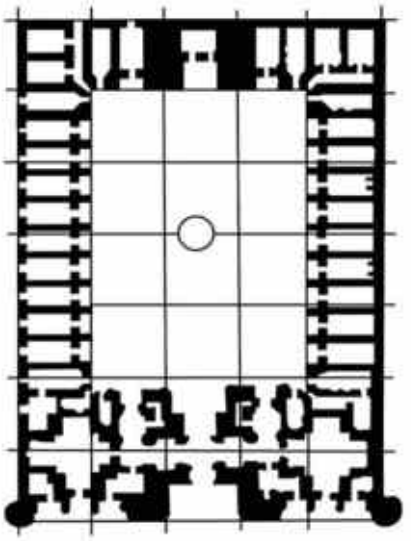
ВЛИЯНИЕ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ БУХАРЫ НА ЗОДЧЕСТВО ДРУГИХ РЕГИОНОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Самобытная бухарская школа зодчества получила существенное развитие в XVI–XVII вв., когда в столичной Бухаре были сосредоточены лучшие творческие силы и велось основное крупномасштабное строительство. Эта школа оказала весьма ощутимое влияние на архитектуру остальных регионов Средней Азии как в синхронное, так и в последующее время. Наибольшее ее воздействие в синхронное время испытали регионы, являвшиеся неотъемлемой частью государства Шейбанидов и затем Аштарханидов со столицей в Бухаре – это Кашкадарья, Самаркандский регион, отчасти Сурхандарья и г. Ташкент.



Комплекс Ходжа Илимкан.
Общий вид главного фасада и дахмы

Так, в архитектуре Кашкадарьи наиболее ярко черты бухарской школы проявились в постройках комплекса Лангар-ата (село Лангар, Камашинский район). В плоскокровельной на колоннах мечети Лангар-ата декор михрабной стены по композиции весьма схож с мозаичным декором мечети Баланд в Бухаре, а декор самой михрабной ниши напоминает михраб бухарской мечети Калян[440].



Медресе Кукельдаш в Ташкенте.
Пропорции плана (по: Крюков, 1995)

Великолепный по объемной композиции портально-купольный мавзолей Лангар-ата начала XVI в. также возведен в духе бухарского зодчества с куполом на высоком барабане, основанном на несущей системе четырех пересекающихся арок и щитовидных парусов. Еще большую схожесть с постройками Бухары мавзолею придает его двухцветный ганчевый декор плафона купола, подобный аналогичному декору в бухарских ханака Баха ад-Дина Накшбанда и особенно ханака в Файзабаде.

[440] Маньковская Л. Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент, 1979. С. 50.

Весьма схоже по архитектуре с рядом портально-купольных ханака Бухарского оазиса и ханака в селении Пулоти Касансайского района.

В качестве еще одного примера влияния бухарского зодчества можно привести архитектуру кашкадарьинского ханака Ходжа Илимкан XVI в. в селении Сивас к востоку от г. Китаба. Перед его главным фасадом размещена монументальная облицованная камнем дахма. Продольноосевое по плану здание ханака имеет портально-купольную объемную композицию. Купол ее основан на системе четырех перекрещивающихся арок и щитовидных парусов. Раскреповка фасада ханака плоскими арочными и прямоугольными нишами, портал, фланкированный башнями-гульдаста, дополняют общую картину очевидного влияния здесь бухарской школы.

В Сурхандарье явные черты бухарского зодчества прослеживаются в архитектуре портально-купольного ханака Какильдора в Термезе, но наиболее ярко – в медресе Сеид-Аталык в Денау. Это крупное двухэтажное и двухайванное медресе XVI–XVII вв., в котором стены возведены в камуфлетной кладке, то есть трехслойными – с забутовкой сердцевины кирпичным боем и строительным мусором. Здесь использована характерная для бухарских медресе планировка с пятигранной, точнее, полувосьмигранной арочной нишей входного и северного порталов, коленчатые проходы мионсарая, срез углов двора с устройством там входов в угловые помещения, и главное – раскрытие арочными лоджиями не только главного, но и боковых фасадов, как в бухарских медресе Кукельдаш, Бозори Гусфанд и Хиябан.

Первоначально медресе Сеид Аталык в Денау так же, как и ряд бухарских медресе, было составной частью ансамбля кош с утраченным ныне меньшим по размерам медресе[441].

В Самарканде относительно активное строительство возобновилось в первой половине XVII в., когда была реконструирована площадь Регистан, возведены строения у могил известных суфиев Ходжа Ахрара, Махдуми Агзама, Абди Даруна и Абди Бируна, а также сооружена мечеть-намазгох.

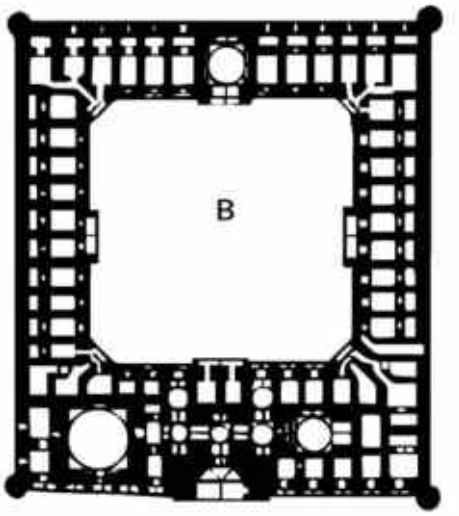
На площади Регистан, на месте ханака Улугбека, Ялангтуш-бий Бахадир воздвиг медресе Шер-Дор, зеркально повторившее композицию расположенного напротив медресе Улугбека XV в. Поэтому в архитектуре медресе Шер-Дор мы не видим влияния бухарской школы, оно возведено сугубо в традициях самаркандского зодчества – с прямоугольной в плане нишей портала, с глухими крыльями главного фасада, двумя куполами по сторонам портала и высокими минаретами на углах здания, без среза углов внутреннего двора. С третьей стороны самаркандскую площадь Регистан замкнуло медресе-мечеть Тилля-Кари, возведенное в духе бухарского зодчества. Здесь крылья главного фасада раскрыты в два яруса арочными лоджиями и фланкированы башнями-гульдаста. Правда, для гармонизации общей композиции площади уд-

[441] Панкратьева Т. Ф. К вопросу реконструкции медресе Сеид-Аталык в Денау // САУ. Ташкент, 1988, № 7. С. 32.

Медресе Мухаммада Аминхана в Хиве.
Боковой фасад раскрытый наружу лоджиями

линены крылья медресе Тилля-Кари, где в каждом крыле вместо традиционных трех устроено по четыре лоджии в два яруса. Худжры главного фасада размещены по принципу дуруя, т. е. в два ряда, когда внешний ряд выходит на уличный фасад, а второй ряд – во внутренний двор медресе, что было использовано ранее в ныне утраченном бухарском медресе Фатхулло Кушбеги (1585–1586). Однако в XVII в. в Тилля-Кари углы внутреннего двора все же на самаркандский манер не имеют срезов.

Явное влияние бухарской школы прослеживается и в ташкентском медресе Кукельдаш, сооруженном также с тремя арочными лоджиями фасада, фланкированного башнями-гульдаста, а также с



Медресе Мухаммада Аминхана в Хиве.
План

коленчатыми проходами мион-сарая и срезанными углами внутреннего двора. Хотя здесь – все еще незрелое решение устройства угловой группы помещений двора, и ниша главного входа имеет прямоугольный план.

Велико было влияние бухарской школы на архитектуру других среднеазиатских регионов и в последующие столетия. К примеру, в архитектуре Хивы это особенно проявилось в зданиях медресе, раскрытых лоджиями на главном фасаде (почти все хивинские медресе) и иногда боковых фасадов (медресе Мухаммад Аминхана). В Ферганской долине раскрытие лоджиями бокового фасада на бухарский манер было использовано в медресе Норбутабия XIX в. в Коканде. Здесь приведены лишь несколько примеров влияния бухарской школы на зодчество других регионов Мавераннахра, которые на самом деле весьма многочисленны.

ОБЩИЕ И СВОЕОБРАЗНЫЕ ЧЕРТЫ ШКОЛ ЗОДЧЕСТВА БУХАРЫ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН ВОСТОКА

На рубеже XIV–XV вв. в государство Темуридов, наряду с Мавераннахром, входили также и прилежащие к нему регионы – территория северной Индии, Хорасана, восточного Ирана и Афганистана, где царил единый стиль архитектуры. В зодчестве этих стран издревле сложились определенные традиции и строительная культура, обусловленные общностью их историко-культурного развития и территориальной близостью, преумноженной с исламизацией данных регионов и формированием в них соответствующей исламу архитектуры.

Темуридское зодчество этих стран изучено достаточно подробно в ряде работ отечественных и зарубежных авторов[442]. Наиболее целостно, включая территории современных Восточного Ирана, Средней Азии и Афганистана, оно рассмотрено в книге Г. А. Пугаченковой «Зодчество Центральной Азии. XV век»[443]. Выявление общности и особенностей бухарской школы и школ сопредельных регионов Средней Азии и Среднего Востока в XVI–XVII вв. впервые предпринимается в данном исследовании.

В начале XVI в. с распадом темуридской державы на ее бывших территориях образовалось три новых государства: Шейбанидов – в Средней Азии, Сефевидов – в Иране и большей части Хорасана, Бабуридов, или Великих Моголов, – в Индии и Кабулистане. В этих странах на основе унаследованного, а в Индии – привнесенного темуридского зодчества сложились их новые, так называемые «династийные» стили, получившие ярко выраженные региональные черты и местную трактовку. С ростом

[442] Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV в. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976; Golombek L. The Timurid Schine at Gasur – Gah. Toronto, University of Toronto Press, 1969 , O'Kane, Bernard. Timurid Architecture in Khurasan. Costa Mesa, CA, 1987; Golombek, L., & D. Wilber. The Timurid Architecture of Iran and Turan. 2 vols. Princeton, 1988 и др.

[443] Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV в. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976.

национального самосознания и стремления к созданию независимой державы стали возрождаться и ярче проявляться в архитектуре этих государств местные региональные черты.

Синхронными были и основные этапы развития архитектуры этих стран в XVI–XVII вв. Так, период расцвета их зодчества пришелся в основном на вторую половину XVI в., – время правления наиболее могущественных государей: в Мавераннахре – Шейбанида Абдуллахана II (1556–1598); в Иране – Сефевида Шаха Аббаса (1587–1629); в Индии – Бабурида шаха Акбара (1556–1605), создавших в своих государствах самобытную архитектуру того времени. Но при относительном государственном и культурном разобщении исходной основой для сложения в каждой из стран новой архитектуры в XVI в. было все же зодчество эпохи Темуридов.

Иные процессы протекали в Иране, где Сефевиды, воспринявшие стиль темуридской архитектуры как эталон великодержавного зодчества, продолжали и дальше развивать многие его характерные черты – крупные порталы, фланкированные изящными высокими минаретами, двойные купола, превосходные многокрасочные мозаики и изразцы, многоярусные каскады крупных сталактитов, стенопись и др. Причем глазурованным декором покрывались часто и фасады, и интерьеры зданий. Существенной особенностью было то, что иранские купола в отличие от стрельчатых и преимущественно монотонно-голубых среднеазиатских куполов, имели слегка выраженное луковичное очертание и нередко были декорированы по бирюзовому фону крупными нарядными завитками[444]. Еще одна их особенность – применение в декоре, особенно в оформлении ниши входного портала утрированно крупных – циклопических сталактитов.

Издревле в архитектуре Ирана и Средней Азии применялись одинаковые строительные материалы (пахса, сырцовый и обожженный кирпич, ганч и др.), ряд конструкций и схожая типология зданий. Например, общие черты наблюдались при использовании в своде айванов эффектного пучка щитовидных парусов со звездчатой мозаикой (в медресе Мир-и Араб и Кукельдаш в Бухаре и мавзолее Ходжа Раби в Мешхеде), схожей была тенденция создания и реконструкции в XVII в. крупных градостроительных ансамблей: Регистан – в Бухаре и в Самарканде, Ляби-Хауз – в Бухаре, а также площади Майдане-Шах – в Исфагане)[445]. Интересны процессы эволюции зодчества в этих странах. Именно те черты темуридского стиля, которые были больше присущи Ирану, – весьма крупные формы, сплошной изразцовый декор и др., обратным ходом «возвратились» в Иран, но уже обогащенные в архитектурной творческой лаборатории зодчих Мавераннахра времени Темуридов.

Интересна также и выявленная нами общность, связанная с расположением и устройством бань. По данным В. Л. Ворониной, городские бани Ирана и Афганистана

[444] Воронина В. Л. Архитектура Средневекового Ирана // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 170.
[445] Там же. С. 492

иногда соединялись в единый ансамбль с другими монументальными постройками. В Йезде баня XIV в. находится напротив портала городской соборной мечети, в Кашане – на одной оси расположены баня и двухъярусный рынок XVIII в. В том и другом случаях здания занимают противоположные стороны крытой куполами торговой улицы[446]. Та же тенденция выявлена нами в расположении бань Бухары XV–XVI вв.: напротив медресе Улугбека располагалась баня Ходжа Ахрара, напротив ханской бани было устроено медресе Мадарихан, бани также входили в комплекс сооружений торгового купола Токи Саррафон (баня Саррафон), Токи Телпак Фурушон (баня Мисгарон). Сравнивая бани Бухары, Йезда и Балха, датируемые в пределах XIV–XVI вв., В. Л. Воронина заключает, что общей у них является тенденция к использованию многогранников, наличие глубоких тупиковых ответвлений, сложный рисунок плана. Так же, как и в Средней Азии, в Иране и Афганистане, график движения в банях получает некоторое сходство с растением, которое ветвится у вершины. В других регионах – это движение по анфиладе или разворот на 180 градусов[447].

На территории нынешнего Афганистана в XV–XVII вв. не сложилось крупного и стабильного государства, и так как он располагался между названными тремя странами, его пограничные земли в этот период временами переходили в состав то одного, то другого государства.

Прогрессивные сейсмостойкие конструкции на системе пересекающихся арок, созданные при темуридском дворе в Хорасане (Герат) известным придворным зодчим Кавам ад-Дином Ширази, были широко распространены со второй трети XV в. в Мавераннахре, получив особое новаторское развитие в Бухаре XVI в. Однако эта система перекрытий была отвергнута в самом Иране, так как при следовании ей купола и барабаны получались мелкими и менее внушительными, а идеалом сефевидской архитектуры было, как уже отмечалось, все грандиозное, крупнообъемное и красочное.

Таким образом, при единстве идейно-образной (ислам), социально-культурной и территориальной основы главным различием в зодчестве Мавераннахра и Ирана в XVI–XVII вв. были идеалы и стиль архитектуры.

В Индии происходили те же процессы, что и в Иране. Идеалы темуридского зодчества, привнесенные сюда внуком Амира Темура Захр ад-Дин Мухаммадом Бабуром и следовавшими за ним из Средней Азии мастерами, творчески преломлялись на индийской почве, создавая самобытный стиль архитектуры Великих Моголов. Отметим, что со временем в нем стало преобладать влияние иранского зодчества по сравнению со среднеазиатским. Могольская архитектура этого периода была наиболее самобытной, так как впитала в себя мощные традиции древнеиндийского зодчества[448]. Индо-

[446] Там же. С.161-162

[447] Воронина В. Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство. М., 1983, № 31. С. 164.

[448] Ашрафян К. З. Дели. История и культура. М., 1987. С. 173.

мусульманское строительство Бабуридов отличалось от иранского и среднеазиатского использования в большом количестве местного камня – красного песчаника и белого мрамора (здания Фатехпур Сикри близ Агры, Тадж-Махал в Агре и др.)[449].

Тем не менее некоторая общность в ряде тенденций развития зодчества трех новообразованных государств XVI–XVII вв. очевидна. Мы в эволюции зодчества Мавераннахра и Индии выявили следующие общие тенденции:

1. В первой половине XVI в. в Средней Азии, когда еще были сильны традиции темуридской архитектуры, развитие зодчества продолжалось инерционно, что проявилось в композиции и декоре мечети Мир-и Араб, а также в оформлении зала мечетей Ходжа Зайн ад-Дина и Баланд, выстроенных в Бухаре в начале XVI в.

В Индию традиции зодчества эпохи Темуридов были привнесены также Бабуром, а затем его сыном Хумаюном, который ознакомился с темуридской архитектурой в Иране и Хорасане, где он провел в изгнании более десяти лет. Не случайно в архитектуре мавзолея Хумаюна (середина XVI в.), а именно в его центрально-купольной композиции, структуре плана и двойном куполе угадываются черты гробницы его великодержавного предка Амира Темура – Гури-Амир (XV в.) в Самарканде.

2. Во второй половине XVI в. благодаря широкомасштабной строительной деятельности двух выдающихся правителей: в Мавераннахре – Абдуллахана II – и в Индии – шаха Акбара – в каждой стране был создан свой самобытный «стиль». В Средней Азии, а именно в зодчестве бухарской школы, получила дальнейшую новаторскую разработку система сейсмостойких перекрытий, основанная на несущих пересекающихся арках и щитовидных парусах. Там преобладали портально-купольные композиции ханака, белые интерьеры, бесшовная мозаика и расписная майолика (медресе Абдуллахана и Кукельдаш в Бухаре, ханака в комплексе Чор-Бакр в Сумитане и Касым-шейха в Кермине).

В Индии в этот же период использовались мотивы архитектуры ее южных областей – Гуджарата, Биджапура, Бенгалии, Раджастхана и др., что придало особую выразительность и яркую индивидуальность знаменитому индо-мусульманскому «стилю» зодчества Великих Моголов. Наиболее ярко он проявился в построенном Акбаром городе Фатехпур-Сикри (1570–1580) и др.

3. В XVI в. в Средней Азии и Индии наблюдалось повсеместное строительство сети дорог и караван-сараев, установился ряд классических типов зданий. Так, в Мавераннахре окончательно сложился тип мечети, медресе и ханака, а в Индии – классический тип мечети и мавзолея.

4. В первой половине XVII в. в обеих странах изысканная простота и сдержанность в оформлении зданий сменяется декоративной роскошью фасадов и особенно интерьеров. Таковы перегруженные сплошным декором и очень схожие по оформ-

[449] Короцкая А. А. Архитектура Индии XIII-XVIII вв. // Всеобщая история архитектуры / Под ред. А. М. Прибытковой и др. Т. 9. М., 1971. С. 118.

лению, а именно – по цветовому решению, использованию щитовидных парусов и разновидностей сталактитов, интерьеры медресе Абдулазизхана в Бухаре (1652 г.) и мечети Вазир-хана (1630-е гг.) в Лахоре, входившего прежде в состав Индии. В целом в это время вновь наблюдается общая тенденция к использованию декоративных и объемно-пространственных приемов темуридского зодчества. К примеру, медресе Шер-Дор (1622 г.) в Самарканде и Абдулазизхана в Бухаре составляли ансамбль «кош», то есть были выстроены напротив темуридских медресе Улугбека и повторяли их композицию и приемы декора. Бухарское медресе Абдулазизхана многими видами своего декора и особенно росписью «кундаль» в интерьерах купольных залов повторяло темуридские традиции.

Более творчески подходили к подражательным приемам темуридского зодчества в этот период в Индии. Здесь мавзолеи Хан-Ханана (1627 г.) в Дели и Тадж-Махал (1656 г.) в Агре хоть и были выстроены под влиянием архитектурного стиля гробницы Хумаюна (1565 г.), подражавшего в свою очередь усыпальнице Темура Гури-Амир в Самарканде, но трактовали ее формы и композицию по-новому.

6. В середине XVII в. шедевры зодчества в Мавераннахре – самаркандская площадь Регистан и бухарское медресе Абдулазизхана, а в Индии – мавзолей Тадж-Махал – явились ярким последним всплеском, предвосхитившим начало упадка архитектуры в своей стране.

Наряду с вышеназванными, тенденции развития зодчества и схожих архитектурных процессов, общность и взаимовлияние наблюдались почти во всех сферах строительной деятельности Индии и Мавераннахра в XVI–XVII вв., о чем свидетельствуют следующие данные:

в ландшафтной архитектуре – из Мавераннахра были заимствованы приемы организации садов с традиционным среднеазиатским методом их разбивки – «чарбаг» – и обильным обводнением. Впервые эти приемы в Индию привнес сам Бабур, в дальнейшем они получили развитие с учетом местных географических условий;

в объемно-пространственной композиции – формы городских ворот Хайдарабада Чор-Минор (1591 г.), возможно, повлияли на архитектуру сохранившейся в Бухаре входной части – дарвазаханы – от ныне утраченного медресе Халифа Ниязкул, более известного как Чор-Минор;

в архитектурном декоре – общность геометрического узора, наблюдавшаяся с XII–XIII вв., в XVII в. была приумножена мотивом в виде вазы с пышным букетом цветов, иногда с ручками или иными деталями зооморфного характера. Таковы, в частности, вазы с зооморфными деталями в медресе Абдулазизхана в Бухаре и мавзолее Иттимада-уд-Даулаха (1628 г.) в Агре (Индия);

в творческом сотрудничестве – в общности эволюции архитектуры немалую роль играли также развивающиеся торговые и дипломатические связи, обмен

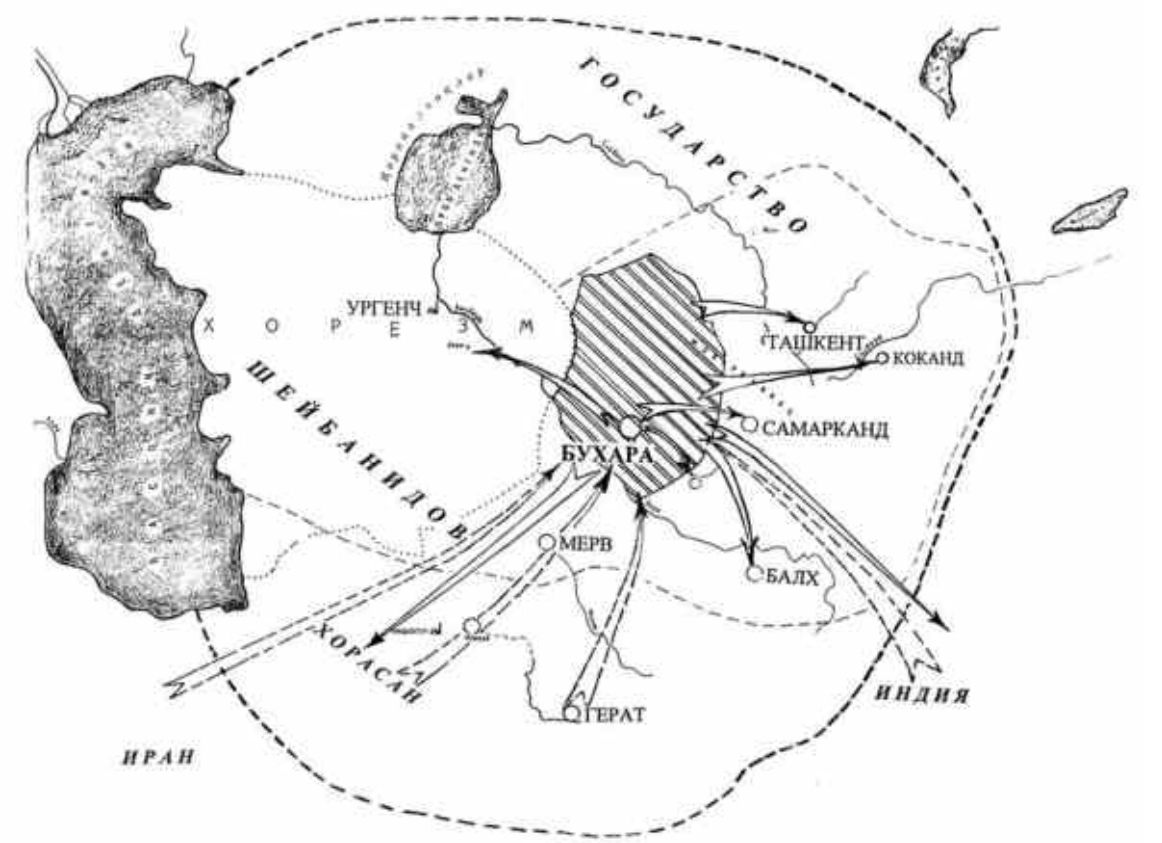


Схема взаимовлияний в архитектуре Бухарского оазиса и сопредельных регионов.

мастерами. Так, в строительстве известного мавзолея Тадж-Махал в Агре принимали участие два резчика по камню из Бухары и один специалист по навершию купола из Самарканда[450].

Проведенный нами анализ идентичности, своеобразия и взаимовлияний в зодчестве сопредельных стран Среднего Востока (нынешние Индия, Иран, Афганистан), регионов Средней Азии и бухарской школы XVI–XVII вв. показал, что наиболее тесно бухарская школа, особенно в исламский период, взаимодействовала со школой прилегающего с запада и с юго-запада региона, называемого тогда Хорасан (территория нынешних Туркмении, северо-западного Афганистана и северо-восточного Ирана). Достаточно вспомнить историю Бухарского оазиса в раннемусульманский период, когда сюда из Мерва – своего первого лагеря – оплота в течение многих лет шли войной, внедряя ислам, арабские воины.

Вслед за Мервом в Бухаре была выстроена, вероятно, первая в Мавераннахре мечеть. С конца IX–X вв. Бухара являлась столицей государства Саманидов, основанного большей частью на территории Хорасана. В 893–894 гг. амир Исмаил Самани

[450] Тюляев С. И. Тадж-Махал // Искусство Индии. М., 1969. С. 6-7.

получил от халифа – главы государства – грамоту на владение Хорасаном, начиная от горного прохода Хульван (недалеко от города Хамадана). Мавераннахр, Туркестан, Синд, Хинд и Гурган – все было отдано ему. Об Исмаиле Самани (ум. в 907 г.) Мухаммад Наршахи писал: «Двадцать лет он был амиром Хорасана, а царствование его продолжалось 30 лет ...в дни его царствования Бухара сделалась столицей. (После него) все амиры династии Саманидов жили в Бухаре, и ни один из амиров Хорасана прежде него (Исмаила) не устраивал в Бухаре свою резиденцию. Он считал пребывание в Бухаре счастливым для себя»[451].

Отметим, что при Шахрухе в 1404–1447 гг. столицей империи Темуридов, куда входил и Бухарский оазис, вновь становится город Хорасана – Герат. В XVI–XVII вв. территория Хорасана своей большей частью снова вошла в состав государства Шейбанидов, а затем Аштарханидов со столицей в Бухаре. Более того, наследник бухарского престола традиционно являлся наместником Балха – крупной области Хорасана, со столицей в одноименном городе (г. Балх ныне на территории Афганистана). Таким образом, не только географическая, но и историко-культурная общность Бухарского региона с Хорасаном определила относительно большую общность в их архитектуре рассматриваемого периода.

ЗОДЧИЕ И МАСТЕРА БУХАРСКОЙ ШКОЛЫ

Основная роль в формировании бухарской школы зодчества XV–XVII вв. принадлежала местным бухарским мастерам. Судя по сохранившимся здесь до темуридского периода архитектурным шедеврам, мастерам бухарской школы издревле были присущи чувство утонченной эстетики, умелое и умеренное использование декора, гармонирующего с объемной композицией и не загромождающего архитектоники здания, тщательность в возведении постройки и исполнении различных видов декора. Многие бухарские мастера привлекались к строительству наиболее значительных сооружений Средней Азии. К примеру, в создании безымянного мавзолея в ансамбле Шахи-Зинда в числе многих других принимал участие уста Зайн ад-Дин бини Шамсуддин из Бухары[452].

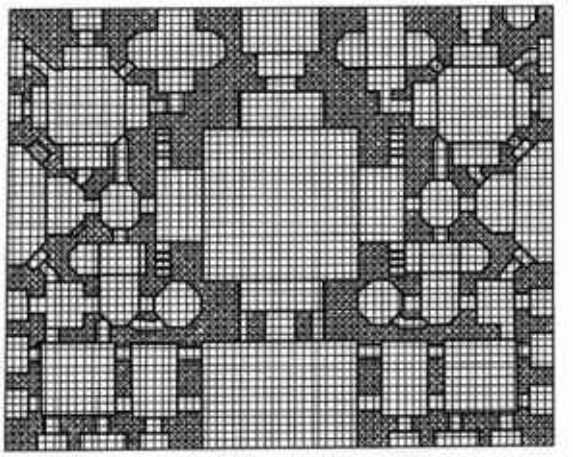
Однако не последнюю роль в создании архитектурных шедевров XV – начала XVI в. сыграли также мастера, вывезенные Амиром Темуром и его наследниками из завоеванных стран – Ирана, Ирака, Хорасана и др. Эту же традицию – привлечение к строительству лучших иноземных мастеров, продолжили и пришедшие на смену Темуридам Шейбаниды, особенно Мухаммад Шейбани-хан, Убайдулла-хан I и Абдуллахан II.

[451] Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. История Бухары / Пер. Н. Лыкошина. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. С. 105.
[452] Пугаченкова Г. А. Мастера Среднеазиатской архитектуры IX-XVII вв. // ИЗУ. Вып. III. Ташкент, 1965. С. 125.

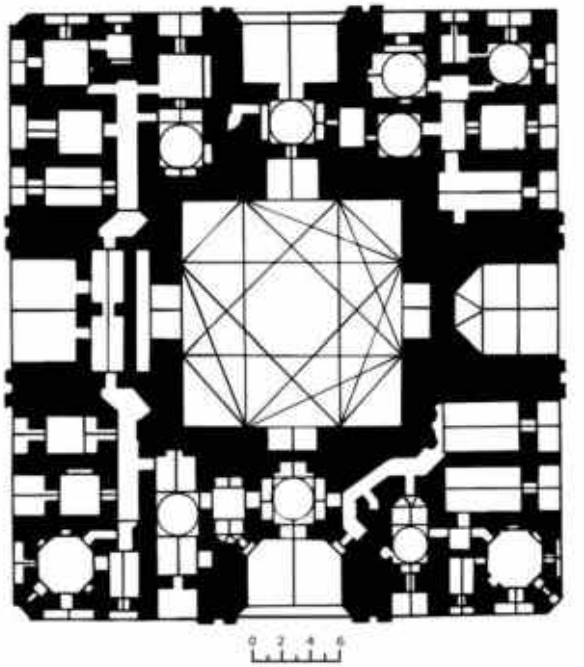
По сведениям Бадр ад-Дина Кашмири, Абдуллахан II во время военного похода на северную Индию захватил четырех невольников – резчиков по камню, которых в числе других подарков отослал Шейху Джуйбари[453]. В Герате, где особенно выделялись 5 высококвалифицированных мастеров, четверо спаслись бегством, а пятый – Яр-Мухаммадхан был также отослан Ходжа Са'аду (Шейху Джуйбари)[454].

Однако в начале XVI в. многие мастера, опасаясь преследований Исмаила Сефеви, переселились в Мавераннахр по собственной воле. Сюда, в том числе и в Бухару, они бежали из городов Хорасана, перешедших к Сефевидам (иранская династия). Так, Мирак Саид Гияс (он же Султан Махмуд[455]), избегая военных беспорядков в Хорасане, оказался в Бухаре, где его весьма высоко ценил Убайдулла-хан II[456]. Для этого хана, как мы упоминали, Мирак Гияс возвел превосходный сад, который напоминал «Колонны баги Эрам»[457]. Мирак Саид Гияс (ум. в 1546 г.) был похоронен в Бухаре на Хиябане рядом с мазаром ходжи Исфагани[458].

По данным Зайн ад-Дина Восифи, весной 1512 г. из Ирана в Мавераннахр шел большой караван, где среди бе-

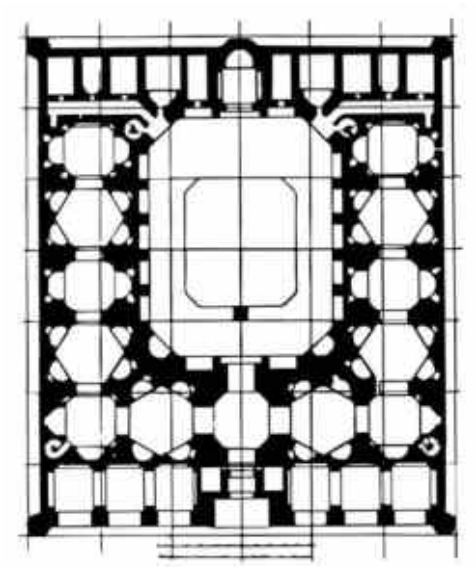


План ханака из свитка чертежей бухарского мастера XVI в.
(по: Бакланов, 1949)

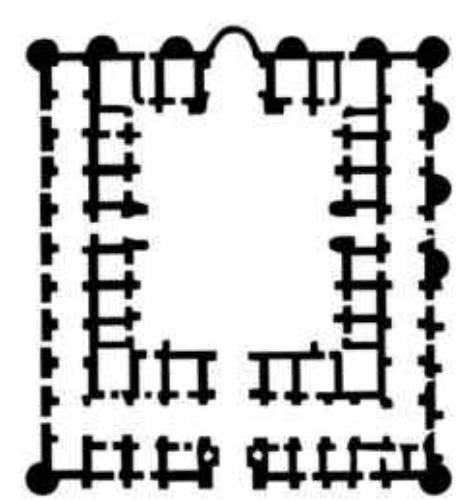


Ханака Баха ад-Дина Накшбанда XVI в.
Чертеж плана

[453] Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976. С. 139.
[454] Там же. С. 206.
[455] Пугаченкова Г. А. Мастера Среднеазиатской архитектуры IX–XVII вв. С. 127.
[456] Хасанходжа Нисорий. Музаккири Ахбоб / Пер. с фарси на узб. Исмаила Бекжона. Ташкент, 1993. С. 152.
[457] Там же. С. 29.
[458] Там же. С. 152-153



План караван-сарая из свитка чертежей бухарского мастера XVI в.
(по: Бакланов, 1949)



Караван-сарай Караул-базар XVI – XVII в.
План

женцев были известные поэты, каллиграфы, музыканты[459].

О том, что в создании крупных бухарских сооружений XV и начала XVI в. принимали участие также и специалисты – выходцы из Ирана и Хорасана – свидетельствовали часто прилагаемые к их именам нисбы (указание места рождения или происхождения человека). Так, судя по строительным надписям на сооружениях, медресе Улугбека в Бухаре было возведено в 1417 г. мастером Исмаилом бини Тахир Исфагани (из Исфагана), михраб мечети Калян – Баязидом Пурани в 1514 г., а табличка на портале этой мечети о снятии ряда налогов в 1541 г. исполнена каллиграфом Мир-Шайхом Пурани (выходцами из Пурана – города в Иране).

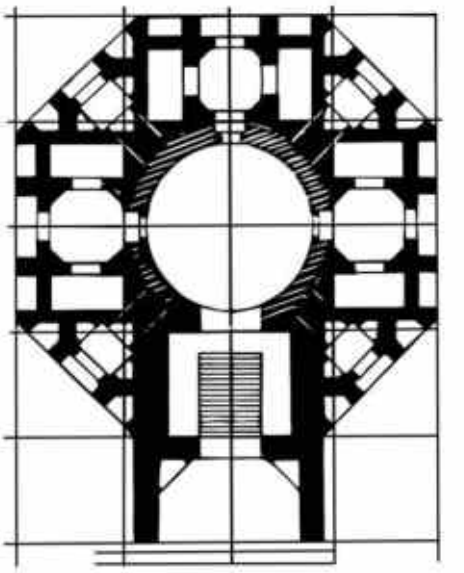
Говоря о методах проектирования и строительства, следует отметить, что бухарские зодчие, судя по историческим данным, в XVI в. так же, как при Темуридах, большое значение придавали подготовительным работам. Зодчие составляли проекты зданий с учетом многовековых традиций, присущих именно этому функциональному виду сооружения, а также с учетом застраиваемой местности. Представление о методах проектирования дают упоминавшиеся чертежи бухарского зодчего XVI в.[460].

Они были выполнены на едином свитке высококачественной самаркандской бумаги. Свиток содержит чертежи четырех геометрических построений гирихов – сталактитовых сводов, а также планы четырех монументальных зданий. Если чертежи построения гирихов еще встречаются на средневековых свитках, то «комплект чертежей среднеазиатского мастера совершенно

[459] Там же. С. 29.
[460] Архив Института востоковедения АН РУз. Папка № 6-IV.

уникален», ибо это единственный пример для мировых собраний восточных манускриптов XVI в[461].

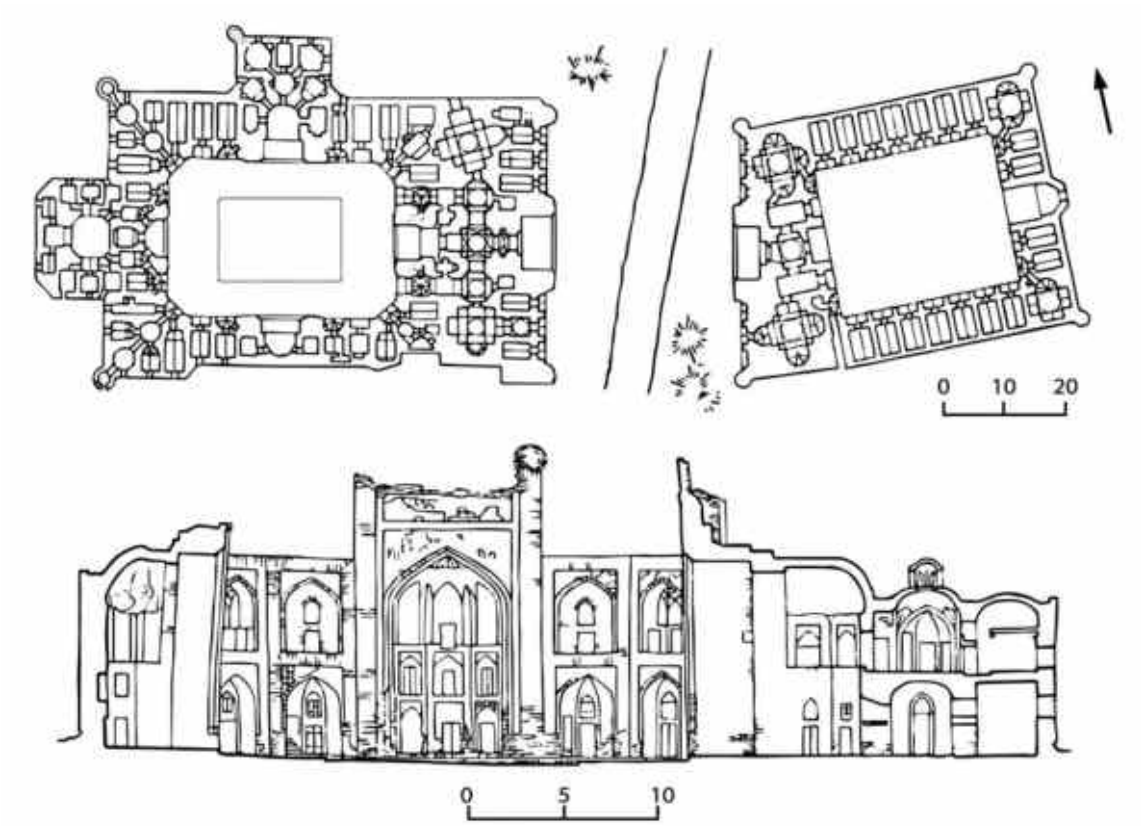
«Планы расчерчены фисташково-зеленой, оранжево-красной или охристо-желтой тушью на нанесенной тонкими линиями мелкой квадратной сетке, которой подчинены основные контуры стен»[462]. На трех чертежах черным нанесена сетка с более крупными ячейками, включающими по 10 х 10 указанных малых клеток. Основные линии плана и «проекции сводов в пролетах ниш и проемов выполнены сочной линией того же цвета, что и мелкая сетка, или черной тушью». Массивы кладок заштрихованы в мелкую клеточку под наклоном 45 градусов тем же цветом, что и контур стен или другим цветом. Ступени лестниц выделены чередованием широких закрашенных и неокрашенных полос. Как отмечалось, величина ячеек мелкой сетки чертежа, подобно современной миллиметровой бумаге, являлась модульной сеткой и соответствовала определенной мере длины. К примеру, Н. Б. Бакланов считал, что на этих чертежах модулем служил поздний шахский гяз – гязи-шахи, равный 107 см и полугяз[463]. Г. А. Пугаченкова предложила и убедительно обосновала свою версию величины модульной сетки на чертежах XVI в., утверждая, что это гяз, близкий по размерам Самаркандскому гязу XV в. (т. е. 70-73 см)[464], что также можно принять, но, как один из вариантов для определения ячейки сетки, ибо средневековая мера длины – гяз – была разной в разные века и в разных регионах.



План сардоба из свитка чертежей бухарского мастера XVI в.
(по: Бакланов, 1949)

Планы зданий Г. А. Пугаченкова определяет по назначению, как – ханака, сардоба, караван-сарай и рабат, характеризует их как идеальные типовые проекты и находит им аналоги в ряде зданий, выстроенных в Бухарском оазисе в XVI в.[465] Вероятно, типовые проекты, как основа для индивидуализации строящегося сооружения были необходимы при столь масштабном размахе повсеместного строительства периода

[461] Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки. III. К характеристике чертежей Бухарского мастера XVI в. // ИЗУ. Вып. I. Ташкент, 1962. С. 195.
[462] Пугаченкова Г. А. Указ. соч. 1962. Там же.
[463] Бакланов Н. Б. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. // Сообщения института истории и теории архитектуры. Вып. 4. М., 1944. С. 1-21.
[464] Пугаченкова Г. А. Указ. соч. 1962. С. 207.
[465] Пугаченкова Г. А. Указ. соч. 1962. С. 196-206.



Ансамбль кош-медресе Мадарихана-Абдуллахана XVI в.
Генплан и разрез по поперечной дворовой оси медресе Абдуллахана (по: Воронина, 1969)

Шейбанидов. И действительно планировка ханака с чертежа XVI в. с центральным залом и помещениями по его углам и сторонам, весьма близка к планам многих ханака Бухарского оазиса XVI в., к примеру, ханака Баха ад-Дина Накшбанда и др. План караван-сарая с чертежа XVI в. – почти идентичен плану караван-сарая, выстроенного в Караул-базаре. План рабата и особенно сардоба похож на многие аналогичные по типу сооружения XV–XVII в., выстроенные в Бухаском оазисе.

Эти типовые проекты – результат многовекового опыта и сложившихся традиций в архитектуре каждого отдельного типа здания. Бухарские зодчие, в целом следуя рациональным и апробированным веками, установленным типовым схемам, в каждом отдельном здании творчески перерабатывая стандарты, добивались относительной индивидуализации здания за счет внесения разнообразия в объемно-пространственную композицию, детали и декор постройки.

Проекты некоторых значительных и уникальных зданий иногда представлялись на рассмотрение самому правителю. Тщательно подготавливался участок, и назначалось время закладки сооружения. По свидетельству Хафиз-и Таниша, при закладке

сооружений комплекса Чор-Бакр «в 1558-1559 гг. хан приказал искусным инженерам, проницательным философам избрать счастливую звезду, определить время постройки, чтобы опытные зодчие, умелые строители под счастливой звездой, в благоприятное время заложили фундамент высоких зданий, великолепных, как рай»[466]. Процесс строительства значительных сооружений контролировался самим правителем или его приближенными. Например, для завершения комплекса Чор-Бакр под Бухарой «много усилий приложили приближенные хана – мухрдар амир Халифа, могущественные амиры Джангельды-бий, Амирзада Валиджан Мирза и Джутабий[467].

Среди каллиграфов и мастеров строительного дела, известных прежде и выявленных по последним данным благодаря эпиграфическим исследованиям Б. Бабаджанова можно назвать следующие имена. Исполнителем декора ханака в Чор-Бакр (1563-1564) был Халиф Ниъматуллах[468], исполнителем надписей на мозаичных панно в мечети Саррафон (1534–1535) – известный в Бухаре каллиграф-мозаичист Мухаммад Дарвиш Кунак[469], а в мечети Дуст Чираг Окоси (1585–86 гг., надпись на южном портале) производил каллиграф Абд ал-Азиз, сын Мухаммад Абида[470].

С последней трети XVI в. и до первой половины XVII в. основной творческий потенциал (зодчие и высококвалифицированные мастера) был уже воспитан и сформирован в столичной Бухаре, хотя по-прежнему в строительстве принимали участие изредка захватываемые в походах мастера-исполнители.

Выдающееся произведение архитектуры середины XVII в. – медресе Абдулазизхана было создано уже местными мастерами. Надписи в медресе «как с внешней, так и с внутренней стороны написал почерком сулс Маулана Мухаммад Амин – единственный в своем роде (каллиграф), который, несмотря на слабость зрения, был опорой учителей каллиграфии… »[471]. Мозаичистом был (вероятно, сын Мухаммада Амина) Мим-Хакан бини Ходжа Мухаммад Амин, а меъмором – архитектором, автором и исполнителем проекта – придворный зодчий – Мухаммад Салих[472].

Авторитет столичной бухарской школы и ее мастеров к этому времени стал настолько велик, что некоторые из них приглашались на строительство архитектурных шедевров сопредельных стран. Например, выдающийся памятник могольской архитектуры мавзолей Хумаюна (1569 г.) в Дели «как отмечает В. Х. Сиддики был творением среднеазиатского мастера, возможно, из Бухары, Мирак Мирзы Гийаса»[473]. Последний, возможно, был потомком осевшего в Бухаре вышеназванного Мирак

[466] Хофиз Таниш Ал-Бухорий. Абдулланома / Пер. с фарси на узб. яз. Садика Мирзаева. Ташкент, 1999. С. 226.
[467] Там же. С. 226-228.
[468] Бабаджанов Б. Эпиграфические памятники Бухары (проблемы и перспективы изучения)// ОНУ. 1997. № 9-11. С. 16.
[469] Бабаджанов Б. Дополнения по эпиграфике и истории памятников архитектуры Бухарской области. Архив Института искусствознания АН РУз., ИА (М), № 1152/1. Ташкент, 1992. С. 22.
[470] Бабаджанов Б. Эпиграфические памятники Бухары … С. 159.
[471] Хасанходжа Нисорий. Музаккири Ахбоб … С. 29.
[472] Пугаченкова Г. А. Мастера Среднеазиатской архитектуры IX-XVII вв. … С. 129.
[473] Ашрафян К. З. Дели: история и культура. М, 1987. С. 117.

Саид Гийяса. Достоверно известно, что в оформлении мавзолея Тадж-Махал в Агре 1632–1650 гг., как отмечалось, участвовали резчики орнаментов из Бухары – Ата-Мухаммад Бухари и его коллега[474]. Большое влияние бухарская школа оказывала и на архитектуру Северного Афганистана (мавзолеи XVII в. Ходжа Баджгохи и Ходжа Аккоша в Балхе и др.[475]), где в строительстве монументальных зданий также участвовали бухарские зодчие (мечеть XVIII–XIX вв. близ села Чиль-Кузи на полпути между Балхом и Мазари-Шарифом[476]).

[474] Пугаченкова Г. А. Мастера Среднеазиатской архитектуры IX–XVII вв. … С. 128

[475] Пугаченкова Г. А. Памятники позднефеодальной архитектуры Северного Афганистана // Культура Среднего Востока – развитие, связи и взаимодействия (с древнейших времен до наших дней). Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 140-145.

[476] Пугаченкова Г. А. Памятники позднефеодальной архитектуры … Ташкент, 1989. С. 148.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование нового стиля и самобытных черт бухарской школы зодчества происходило уже с начала XV в. В XVI–XVII вв. в столичной Бухаре, где были сосредоточены основные творческие силы и большой объем строительства, наблюдалась эволюция не отдельно взятой бухарской школы, а среднеазиатского зодчества в целом, как это было при Темуридах в Самарканде и Шахрисабзе.

Наиболее активно развивалась бухарская школа зодчества в XVI в., когда складывались ее весьма яркие и самобытные локальные особенности. Присущие ей во все времена умеренность, добротность и рациональность, в XVI в. были приумножены рядом новаторских конструктивных, планировочных и декоративных решений. При крупномасштабном строительстве они были направлены не только на экономию средств, но и на создание более удобной и комфортной среды, отвечавшей новым эстетическим идеалам эпохи. Сложившаяся здесь на протяжении XV–XVII вв. выразительная архитектура и ее региональные особенности, как эталон классического зодчества явились предметом подражания для архитектурных школ других регионов Средней Азии.

Рассмотренные в монографии закономерности и тенденции развития архитектуры Бухарского оазиса XV–XVII вв., а также локальные особенности бухарской школы зодчества этого периода можно кратко отразить по следующим пунктам:

В периодизации развития архитектуры – по основным тенденциям и характеру зодчества определены три основные стадии, хронологически совпадающие со сменой династий в каждом из трех столетий – XV, XVI, XVII. При этом наиболее активное развитие бухарской школы наблюдалось в начале XV в. – когда появились первые региональные особенности в архитектуре медресе; во второй трети XVI в. – в период смелых конструктивных решений и закрепления самобытных черт; и наиболее интенсивно – в последней трети XVI в. – во время кульминационного развития бухарского зодчества с интенсивной застройкой столицы – Бухары, развитием и кристаллизацией типов зданий и региональных особенностей.

Для жилых домов бухарской школы было характерно наличие двух, реже – трех обстроенных по периметру дворов, со строгой ориентацией жилых помещений:

двусветных летних залов с айваном – на север, а одноэтажных зимних комнат – на юг; устройство в гостиных богатых домов альковов и антресолей – «шахнишин».

К наиболее самобытным чертам жилища бухарской школы можно отнести: наличие в особо богатых домах и во дворцах сразу за входом в парадно-приемный двор стенки «гулом гард» – «раб, вернись», ограничивающей просмотр этого двора или зала (сохранилась в Арке); наличие самого древнего и крупного в Средней Азии еврейского квартала, где дома имели только один небольшой многоуровневый двор без деления на внутренний (дарун, ичкари) и внешний (бирун, ташкари) дворы.

Здания дворцов Бухары в городе имели многодворовую структуру, а загородные дома и дворцы, расположенные в чарбаг, – преимущественно компактную планировку. Выявлено, что декор этих дворцов и крупных богатых домов во многом был аналогичен убранству сохранившихся в Бухаре квартальных мечетей первой половины XVI в.

Библиотеки и мактабы не имели четкой типологии в архитектурном решении.

Больницы были редки. В рассматриваемое время выявлена единственная больница – медицинское медресе Дору Шифо 1682 г. У нее были традиционные для аналогичных сооружений Средней Азии дворовая структура типа медресе и расположение – среди базаров, вблизи соборной мечети. Особые приметы – наличие во внутреннем дворе водохранилища – сардоба.

Караван-сараи Бухары имели 1–2 внутренних двора и были двух типов: городские – с секционной застройкой и загородные придорожные – с галерейно-секционной планировкой. Зачастую их главный фасад, и особенно входной портал, был богато украшен майоликовым декором.

Сардоба отличались усложнением плана и включением ряда дополнений в архитектуре. Некоторые из них заполнялись речной водой, имели две цистерны и выделялись крупными размерами большого купола – от 14,5 до 16 м.

Бани представляли собой отапливаемые по подпольным каналам многокупольные, украшенные стенописью и майоликовыми панелями сооружения с более крупным центральным залом, который окружали меньшие сводчатые помещения.

Мечети соборные классические выявлены двух типов – дворовой структуры и с гипостильным залом. Примеры отклонения от классических канонов соборной мечети дворового типа наблюдались уже в XVI–XVII вв.

Квартальные мечети Бухары, независимо от типа планировки и конструкций перекрытия, непременно имели прилегающий к залу с одной–двух или трех сторон колонный айван. Тенденция совмещения в одном здании функций квартальной мечети и суфийского ханака, наблюдавшаяся с начала XVI в., усилилась в конце XVII в. и стала еще более распространенной в последующее время (в XVIII – начале XX в.).

Минареты в Бухарском оазисе сохранились на всю высоту и в большем количестве, чем во всей в Средней Азии, что свидетельствует о мастерстве бухарских зодчих в возведении подобных инженерных сооружений. Здесь минареты стилизовали или копировали в меньших масштабах архитектуру самого раннего в регионе (1127 г.), выразительного и высокого (около 50 м) бухарского минарета Калян. Наиболее самобытно в бухарских минаретах устройство фонаря: он слегка нависал над стволом и завершался кверху расклешенным многорядным сталактитовым карнизом из терракоты.

Для мемориального зодчества бухарской школы характерна большая аскетичность. В XV в. здесь возводились двух-трехкамерные портально-купольные мавзолеи со скромным декором. В XVI–XVII вв. мавзолеи не строились, и широкое распространение здесь получил вид захоронений в сагана или в дахме на открытом воздухе в погребальном дворике хазира. С рубежа XVII–XVIII вв. вновь начали строить мавзолеи, но уже в виде однокамерного портально-купольного сооружения.

Суфийские ханака возводили как наиболее крупное сооружение в мемориально-культовом комплексе дворовой композиции или в общественном центре города. Они представлены двумя типами, из них наиболее ранний – ханака с купольным или колонным залом, обстроенным с двух-трех сторон колонным айваном. Такие ханака бытовали в Бухаре уже в начале XV в.

Второй тип – это портально-купольное ханака – монументальное сооружение, где центральный зал, независимо от планировки здания и подкупольных конструкций, часто имел размеры, близкие 9 х 9 м, а иногда и более крупные – до 16 м в стороне. Все загородные ханака второй половины XVI в., перекрытые системой четырех пересекающихся арок, имели декоративный голубой купол на изящном барабане. Его устраивали специально для акцентирования места и значения этого здания в застройке мемориального комплекса.

Городские ансамбли и мемориально-культовые комплексы обычно складывались поэтапно на протяжении нескольких десятилетий или столетий. Особенно интенсивно они формировались в Бухаре в XV–XVII вв. В XV–XVI вв. здесь наиболее распространенным был ансамбль кош, иногда с хаузом, расположенным между зданиями, а в XVII в. – ансамбль с трехсторонней застройкой площади с хаузом.

В сложении *мемориально-культовых комплексов* наиболее распространенной была дворовая структура с замкнутой или разомкнутой застройкой вокруг двора, снабженного хаузом – водоемом.

В *садово-парковой архитектуре* Бухары выделялись чарбаг, возводимые по древним принципам, канонизированным уже в XV в. в специальном трактате. Двумя взаимно пересекающимися осями–аллеями сад разбивался на четверти с устройством в его центре дворца, двора и бассейна.

В объемно-пространственной композиции тип портально-купольного здания с центральным двусветным залом и худжрами в два этажа по его углам или сторонам был универсален и использовался не только для ханака, но и для крупных монументальных мактабов, и для дворцов, расположенных в чарбаг.

Конструкции монументальных зданий. В XVI–XVII вв. мощные несущие стены часто возводили «камуфлетной кладкой» – трехслойными, где пространство между внешней кладкой стен заполняли строительными отходами, битым кирпичом и заливали глиняным раствором. В основании стен для их сейсмостойкости и гидроизоляции устраивали камышовую прослойку – подушку в 12-15 см. Сооружения возводили на высокой платформе-стилобате. Из конструкций перекрытия наиболее характерна для XVI в. система, где купол опирается на вершины четырех пересекающихся арок и щитовидных парусов.

Архитектурный декор Бухары был наиболее самобытным в XVI в., когда применялась техника двухцветного ганчевого декора «кырма» и «часпак», декоративные «подвесные» ганчевые своды, художественная выкладка кирпичных сводов с майоликовыми вставками. Вместо характерного для времени Темуридов трудоемкого мозаичного декора создавались более экономичные, скорые в изготовлении и установке его имитации – бесшовная мозаика, майоликовые плитки, унифицировались сборные элементы.

В XVII в. в Мавераннахре вновь увлекаются декором времени Темуридов, но при этом яркой особенностью было использование в майоликовых облицовках медресе красочных и монументальных зооморфных изображений.

Пропорции зданий в Средней Азии основывались на соотношениях сторон и производных определенных геометрических фигур. Используемый для исчисления крупных пропорций зданий большой модуль часто был равен пролету портальной арки. На фасадах медресе Бухары XVI–XVII вв. он укладывался два раза по высоте портала и пять раз – по ширине фасада. В архитектуре Бухары времени Темуридов использовались более стройные соотношения, чаще – пропорции золотого сечения (5:8, 8:13), а в XV–XVII вв. – более приземистые пропорции – 4:5.

Медресе Бухары ярче других типов зданий представляли самобытные черты локальной школы зодчества: на фасадах – раскрытие наружу арочными лоджиями главного, а иногда боковых и задних фасадов; устройство на углах фасада на высоту боковых крыльев башен-гульдаста; пятигранность арочной ниши портала и ее завершение кверху полусводом.

Для планировки бухарских медресе характерны устройство в вестибюле двух коленчатых проходов во двор с ограждением прямого выхода во двор металической решеткой; срез углов двора для устройства самостоятельных входов в угловые помещения; благоустройство худжр с выделением в них функциональных зон (второй – спаль-

ный ярус, чулан и прихожая); иногда возведение за дворовыми порталами крытых двориков или углубленных ниш с прилегающими худжрами; изредка – диагональное относительно стен здания размещение зала мечети для точной ориентации на запад (на Мекку) ее михрабной ниши.

Влияние бухарской школы в XVI–XVII вв. прослежено в регионах Средней Азии, входивших в это время в государство Шейбанидов, – в архитектуре Кашкадарьи и Сурхандарьи, а также в постройках городов Самарканда и Ташкента. В последующее время это влияние ощутимо в зданиях медресе Хорезма и Ферганской долины.

Много *общего бухарской школы зодчества* в масштабах Среднего Востока наблюдается с архитектурной школой Хорасана, что, помимо географической близости, было обусловлено их историко-культурным единством в ранние периоды (IX–X вв.) и в рассматриваемое время.

Исторический центр Бухары, сохранившиеся монументальные сооружения которого были выстроены в основном в XV–XVII вв., по решению ЮНЕСКО в 1993 г. был объявлен архитектурно-художественным музеем-заповедником. В последние годы был отреставрирован ряд возведенных в рассматриваемое время памятников, городских ансамблей и загородных мемориально-культовых комплексов Бухары.

Архитектура Бухарского оазиса, несмотря на достаточную изученность, все еще остается предметом углубленных научных исследований, выявляющих неизвестные материалы и приносящих новые, весьма ценные и интересные результаты.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Абу-Тохирходжа Самаркандий. Самария. Сборник «Мерос». Ташкент, 1991. *Ахмад ибн Махмуд Муин ал-Фукаро.* Китоби Мулло-и-зода. Пер. Бабаджанова Б., Рахимджанова М. с одноименного литографированного издания (Каган, 1904). Архив АООО «Таъмиршунослик». Рукопись № 52. Ташкент, 1987.

Бабур Захр ад-Дин Мухаммад. Бабур-наме (Записки Бабура) / Пер. М. Салье. Ташкент, 1993.

Бадриддин Кашмири. Рузват ар-ризван ва хадикат ал-гилман (Райский сад и роща пажей). Рукопись ИВ АН РУз, инв. № 2094.

Кази Ахмед. Трактат о каллиграфах и художниках. М., 1947.

Клавихо Рюи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. И. С. Мироковой. М., 1990.

Мир Мухаммад Амин-и Бухари. Убайдулла-наме / Пер. А. А. Семенова. Ташкент, 1957.

Мулло Заде. Книга Муллозаде / Пер. Б. Бабаджанова и М. Рахимджанова. Рукопись.

Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история / Пер. и прим. А. А. Семенова. Ташкент, 1956.

Наршахи Абу-Бакр Мухаммад. История Бухары / Пер. Н. Лыкошина. Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897.

Хафизи Абру. География / Извлечения в пер. О. Буриева // Ўринбоев А., Бўриев О. и др. Темурийлар бунёдкорлиги давр манбаларида. Ташкент, 1997. С. 75–81.

Хасанходжа Нисорий. Музаккири Ахбоб / Пер. с фарси на узб. яз. Исмаила Бекжона. Ташкент, 1993.

Хофиз Таниш Ал-Бухорий. Аблулланома / Пер. с фарси на узб. яз. Садика Мирзаева. Ташкент, 1999.

Шараф ад-Дин али Яздий. Зафарнома / Извлечения в пер. А. Уринбаева // Ўринбоев А., Бўриев О. и др. Темурийлар бунедкорлиги давр манбаларида. Ташкент, 1997.

Якут. «Китаб муъджам ал-булдан» / Извлечения // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М. – Л., 1939. С. 409–438.

II. КНИГИ, БРОШЮРЫ

Айний С. Бухара. (Воспоминания). Кн. III. Сталинабад, 1957.

Альмеев Р., Некрасова Е. Чор Бакр. Бухоро, 1996.

Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX в. Душанбе-Ташкент, 1982.

Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVII вв. Силсилат ас-салатин. Ташкент, 1985.

Аҳмедов Б. А. Тарихдан сабоқлар. Хофизи Таниш Бухорий ва унинг «Шарафномаи Шахий» асари. Тошкент, 1994.

Ашрафян К. З. Дели. История и культура. М., 1987.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л.: изд-во АН СССР, 1927.

Бартольд В. В. Работы по исторической географии. Бухара // Академик В. В. Бартольд. Соч., Т. III. М., Наука, 1965.

Бачинский Н. М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1949.

Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. Избранные труды в 6 т. Т. 1. М., Наука, 1965.

Болдырев А. Н. Тазкире Хасана Нисори // ТОВЭ. Т. III. СПб.,1940.

Болдырев А. Н. Зайнаддин Васифи – таджикский писатель XVI в. (опыт творческой биографии) / Под ред. А. М. Мирзоева. Сталинабад, 1957.

Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М., Наука, 1978.

Веймарн Б. В. Искусство арабских стран и Ирана. М., Искусство, 1974.

Воронина В. Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. М., 1977.

Вяткин В. Л. Шейхи Джуйбари. Ташкент, 1927.

Гражданкина Н. С. Архитектурно-строительные материалы Средней Азии. Ташкент, Узбекистан, 1989.

Денике Б. П. Живопись Ирана. М., Искусство, 1938.

Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л.: изд. Всесоюзной академии архитектуры, 1939.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация // Вопросы реставрации. М., 1936.

Захидов П. Ш. Основы канона гармонии в архитектуре. Ташкент, ФАН, 1982.

Зоҳидов П. Ш. Меъмор олами. Ташкент, 1996.

Зоҳидов П. Ш. Хожа Баҳоуддин Нақшбанд. Меъморий ҳазира. Тошкент, 1997.

Ибрагимов Н. Ибн Батута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988.

Иванов П. П. Хозяйство Джуйбарских шейхов (к истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVII вв.). М.-Л.: изд-во АН СССР, 1954.

Казаков Б. А. Документальные памятники Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1987.

Камалиддинов Ш. С. "Китаб ал-ансаб" Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.

Крюков К. С. Пропорции в архитектуре. Ташкент, 1995.

Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М.: Гос. изд. архитектуры и градостроительства, 1950.

Лунин Б. В. Записка по рассказам И. В. Виткевича о его поездке в Бухарское ханство (1835–1836) // История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20–80-е годы XIX в.). Ташкент, 1990.

Маньковская Л. Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент, 1979.

Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент, 1980.

Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л, 1984.

Массон М. Е. Проблема изучения цистерн-сардоба. Материалы Узкомстариса. Вып. 8. Ташкент, 1935.

Мец А. Мусульманский ренессанс / Перевод с немецкого. Предисловие, библиография и указатель Д. Е. Бертельса. М., 1966.

Милославский Г. В., Пиотровский М. Б., Прозоров С. М. Ислам. Энциклопедический справочник / Под ред. Г. В. Милославского, Ю. А. Петросяна и др. М., 1991.

Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Ташкент, 1966.

Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976.

Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV–XVII вв. Ташкент, 1985.

Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.

Немцева Н. Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре (к истории архитектурного комплекса). Бухара, 2003.

Нильсен В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI–XII вв. Ташкент, 1956.

Ниязов Д. М. Среднеазиатские евреи в прошлом и настоящем. Ташкент, 1992.

Плетнев И. Е. Архитектурный комплекс построек XVI – начала XX вв. в г. Навои // Исследование и реставрация памятников архитектуры Узбекистана. ИРПАУ. Ташкент, 1966. С. 16–24.

Полякова Е. А., Рахимова З. И. Миниатюра и литература Востока. Ташкент, 1987. Ил. 100. «В школе», Дурбек «Юсуф и Зулейха». Бухара, 1615 г. Каллиграф Мухаммад Сайид ибн Мирза Мухаммад. Рукопись ИВ АН РУз, 1433, л. 59.

Пугаченкова Г. А. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои // Труды САГУ. Новая серия. Кн. 22. Ташкент, 1957.

Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. II. М., 1958.

Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-ата // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. II. Ташкент, 1963.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965.

Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV в. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976.

Пугаченкова Г. А., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии. М., 1979.

Раҳматова С., Қурбонов Х. Бухоро гузарлари тарихидан лавҳалар. Бухоро, 1995.

Рахматуллаева С. Дж. Средневековое зодчество в миниатюрах Мавереннахра XV–XVII вв. Душанбе, 1997.

Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961.

Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент, 1981.

Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.

Ризаев Х. Утмишга бир назар. Бухоро, 1998.

Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь. Ташкент, 1999.

Сагдуллаев А. С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987.

Семенов А. А. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Сталинабад, 1945.

Сулейман Х., Сулейманова Ф. Миниатюры к произведениям Алишера Навои XV-XIX вв. Ташкент, 1982.

Сухарева О. А. Бухара. XIX – начало XX вв. М., 1966.

Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1976.

Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989.

Чехович О. Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965.

Чехович О. Д. Самаркандские документы XV–XVI вв. (О владениях Ходжа Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974.

Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936.

Frye R. N. Bukhara. The medieval achievement city. University of Oklahoma Press, 1965.

Golombek L. The Timurid Schine at Gasur – Gah. Toronto, University of Toronto Press, 1969.

Golombek, L., D. Wilber. The Timurid Architecture of Iran and Turan. 2 Vols. Princeton, 1988.

III. СТАТЬИ В КНИГАХ, НАУЧНЫХ СБОРНИКАХ

Агзамова А. А. К истории торговли Бухары XVI – первой половины XIX в. // ОНУ. 1997. № 9-11. С. 57–63.

Акимушкин О. Ф. Библиотека Шейбанидов в Бухаре XVI в. // Из истории культурного наследия Бухары. Вып. II. С. 90–112.

Амитин-Шапиро З. Предание о постройке первой синагоги в Бухаре // Сб. науч. кружка при восточном факультете САГУ. Вып. I. 1928. С. 3–8.

Асанов А. А. О некоторых конструктивных особенностях среднеазиатских минаретов // САУ. Ташкент, 1973. № 4. С. 50–52.

Аршавская З. А. Жилые дома и синагоги среднеазиатских евреев // Трансоксиана. М., 2004. С. 236–245.

Бабаджанов Б. Эпиграфика ханако Чор-Бакр (Бухара) // Марказий Осие санъати тарихий тараққиетининг ўзига ҳослиги. Тезисы конференции. Ташкент, ЯНИ, 1997. С. 15-17.

Бабаджанов Б. Эпиграфические памятники Бухары (проблемы и перспективы изучения) // ОНУ. 1997. № 9-11. С. 157–161.

Бабаджанов Б. К датировке мечети «Валида-йи Абд ал-Азиз хан» в Бухаре (по данным эпиграфики и рукописных источников) // ОНУ. 1998. № 4-5. С. 90–93.

Бакланов Н. Б. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. // Академия архитектуры СССР. Сообщения Института истории и теории архитектуры. Вып. 4. М., 1944. С. 1–21.

Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство // Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Л., 1969. С. 142–156.

Вафоев О. Бухоро – дунё уйғониш даврининг барча босқичларига муҳим таъсир кўрсатган Ўзбекистон ренессанси бешикларидан бири // Узбекистан – вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура. Тезисы. Вып. III. Ч. I. С. 27–30.

Воронин Л. Н. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Вып. I. М., 1950. С.14–25.

Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI-XVII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 304–331.

Воронина В. Л. Архитектура Средневекового Ирана // Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969. С. 144 –161.

Воронина В. Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство. М., 1983. № 31. С. 133–167.

Вышенская Т. Результаты экспедиций в Среднюю Азию // Евреи Средней Азии. Прошлое и настоящее. Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 4. Спб., 1995. С. 20–42.

Гулямов Я. Г. К вопросу о традициях архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в // Великий узбекский поэт. Сб. ст. под ред. М. Т. Айбека. Ташкент, 1948. С.146–157.

Гуревич Л. Бытовое и сакральное пространство махаллаи ягудиен Бухары и Самарканда // Евреи Средней Азии. Прошлое и настоящее. Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 4. СПб., 1995. С. 70–91.

Давидович Е. Д. К датировке мечети Ходжа Зайнеддина в Бухаре // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. Вып. I. М., 1950. С. 25–34.

Денике Б. П. Изображение фантастических зверей в термезской декорации // Искусство Средней Азии. М., 1930. С. 81–85.

Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю. Готье, предисловие Г. Новицкого. М.: Соцэкгиз, 1937. 307 с.

Джураева Г. А. Новое о гражданских сооружениях позднесредневековой Бухары (по материалам письменных памятников) // Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 84–90.

Джураева Г. А. Архитектурные памятники в средневековых письменных источниках. Новые сведения по исторической топографии Бухары // Маскан. Ташкент, 1992. № 2. С. 10–11.

Джураева Г. А. Новые сведения о жилых кварталах позднесредневековой Бухары (по материалам документальных письменных источников) // ОНУ. 1997. № 9-10-11. С.113–118.

Джураева Г. А. Средневековые бани и другие водные сооружения Бухары // ОНУ. 1998. № 4-5. С. 93–95.

Дмитриев В. М. Композиционные особенности бухарской архитектуры второй половины XVI века // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. М., 1950. С. 31–45.

Захидов П. Ш. Архитектурно-мемориальный комплекс Азизон в Кермине // САУ. 1976. № 11. С. 44–45.

Казаков Б. А. Документ забытого памятника // Вехи времен. Ташкент, 1989. С. 87–92.

Короцкая А. А. Архитектура Индии XIII–XVIII вв. // Всеобщая история архитектуры / Под ред. А. М. Прибытковой и др. Т. 9. М., 1971. С. 111–117.

Кочедамов В. И. Городские водоемы Бухары и Самарканда // АНУ. М., 1957. № 8. С.165–186.

Кругликова И. Т., Сарианиди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции (1969–1973) // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 3–20.

Крюков К. С., Лукинская Н. М. Гузарные мечети Бухары // Архитектурное наследство. М., 1972. № 19. С. 192–202.

Крюков К. С. Пропорциональность в архитектуре Средней Азии IX–XVII вв // Маскан. Ташкент, 1993. №1-2. С. 9–13.

Крюков К. С. Основы гармонии в архитектуре времен Улугбека // Маскан. Ташкент, 1993. № 3-4. С. 10–13.

Кузьмина Е. Е. Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. М., 1990. С. 78–83.

Манакова В. Н. Искусство зодчих Бухары // АСУ. 1991, № 5. С. 10–13.

Маньковская Л. Ю., Джумаев К., Усманов Т. Новое о мавзолеях Узбекистана // САУ. 1975. № 6. С. 25–28.

Маньковская Л. Ю., Усманов Т., Джумаев К. Многостолпные мечети в зодчестве Узбекистана. САУ. 1975. № 9. С. 27–29.

Маньковская Л. Ю., Пардаева Р. У. Неизвестные мемориальные комплексы Бухарской области// САУ. 1976. № 10. С. 12–14.

Маньковская Л. Ю. Медресе Карши // САУ. 1976. № 1. С. 27–30.

Маньковская Л. Ю. Комплекс Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване // АСУ. 1983. № 4. С. 31–33.

Массон М. Е. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах // Материалы Узкомстариса. Вып. 2-3. Ташкент, 1933. С. 3–11.

Массон М. Е. К проблеме изучения исторической топографии среднеазиатских городов // Культура Туркмении в средние века. Труды ЮТАКЭ. Т. XVII. Ашхабад, 1980. С. 100–124.

Массон М. Е. К истолкованию миниатюры «Шахская охота» // Из истории живописи Средней Азии. Ташкент, 1984. С. 113–126.

Мирзаахмедов М. Муғуллар истилоси ва Темурийлар даврида // Бухоро – Шарқ дурдонаси. Тошкент, 1997. С. 44–52.

Мукминова Р. Г. Бухара – столица ханства, город купцов и искусных мастеров // ОНУ. 1997. № 9-11. С. 52–57.

Мухтаров А. Джайхони о городах Мавераннахра // Позднефеодальный город Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 16–28.

Некрасова Е. Г. Новые данные к исторической топографии Бухары IX – начала XIII вв.// Сб. тез. «Узбекистан – вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура». Вып. III. Ч. 1. С. 56–59.

Некрасова Е. Г. К истории сложения стен Арка Бухары (Новые археологические данные) // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990. С. 15–26.

Некрасова Е. Г., Галкин А. Н. Чашма-Аюб - архитектурный памятник предмонгольского времени // АСУ. № 10. С. 33–34.

Некрасова Е. Г., Шрайбер Ф. И. Новые данные о мавзолеях Шабурган-ата и Абдурахман Вали // АСУ. 1990. № 2. С. 33–35.

Немцева Н. Б. Медресе Тамгач-Бограхана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 99–144.

Немцева Н. Б. Архитектурный комплекс на окраине Бухары // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 104–114.

Немцева Н. Б. Степная резиденция Караханидов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции. М., 2000. С. 233–238.

Нильсен В. А. К истории развития архитектуры жилища Средней Азии // Вопросы теории и истории архитектуры Узбекистана. Сб. научн. трудов ТашПИ. Вып. 212. Ташкент, 1977. С. 3–12.

Ноткин М. И. Развитие структуры исторического города (на примере г. Бухары) // АСУ. 1985. № 2. С. 23–29.

Панкратьева Т. Ф. Комплекс Ходжа Порсо в Бухаре // АСУ. 1987, № 12. С. 26–30.

Панкратьева Т. Ф. К вопросу реконструкции медресе Сеид-Аталык в Денау // САУ. Ташкент, 1988, № 7.

Пардаева Р. У. Малоизвестные памятники сельской архитектуры Бухарской области // САУ. 1976. № 5. С. 34–36.

Петрушевский И. П. Из истории Бухары в XIII в // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 1. М., 1949. С. 105–106.

Пугаченкова Г. А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды САГУ. Вып. XXII. Ташкент, 1951.

Пугаченкова Г. А. Драконы мечети Анау // СЭ. М., 1956. № 2. С. 125–130.

Пугаченкова Г. А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV-XVI вв. // АНУ. Ташкент, 1960. С. 111–162.

Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки // ИЗУ. Ташкент, 1962. С. 178–211.

Пугаченкова Г. А. Мастера Среднеазиатской архитектуры IX-XVII вв. // ИЗУ. Вып. III. Ташкент, 1965. С.121–130.

Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии Среднеазиатских ханака // Краткие тезисы докладов к конференции «Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия. Проблема взаимосвязи культур в эпоху средневековья». Л., 1972. С. 14–15.

Пугаченкова Г. А. Памятники позднефеодальной архитектуры Северного Афганистана // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 104–114.

Пугаченкова Г. А. Среднеазиатские сады и парки XV в. // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1997. С. 172–185.

Пугаченкова Г. А., Хакимов З. А. Хонако шейха Садреддина – малоизвестный памятник Тимуридского времени в Афганистане // Народы Азии и Африки. 1972, № 2. С. 140–144.

Ремпель Л. И. Архитектура старого Джуйбара // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 162–220.

Ремпель Л. И. Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары) // ИЗУ. Ташкент, 1962. С. 211–267.

Ремпель Л. И. Народная архитектура предгорной зоны Узбекистана // ИЗУ. Вып. IV. Ташкент, 1969. С. 156–191.

Ртвеладзе Э. В., Аршавская З. А., Абдуллаев К. А. Древнейшая многоколонная мечеть Средней Азии // САУ. 1979. № 6. С. 34–36.

Семенов А. По закаспийским развалинам // Известия Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Вып. III. Ташкент, 1928. С. 56–84.

Стародуб Т. Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989. С. 268–280.

Тохтаходжаева М. С. Общее в архитектурно-планировочных приемах садово-паркового искусства Средней Азии XIV–XV вв. и Индии XVI–XVII вв. // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 166–179

Тюляев С. И. Тадж-Махал // Искусство Индии. М., 1969. С. 6–7

Уралов А. С. Навои – зодчий // Маскан. Ташкент, 1991. № 11. С. 29–31.

Уралов А. С. Больничные учреждения средневековой Средней Азии // Маскан. Ташкент, 1992. № 1. С. 14–15.

Филимонов В. М. Реконструкция Бухарского канала Шахруд и некоторых прилегающих к нему памятников архитектуры // Узбекистан – вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура. Тезисы. Вып. III. Бухара, 1995. С. 84–90.

Хасаний М. Бухорода табобат фани ривожи тарихидан // Шарқшунослик. Тошкент, 1997. С. 7–8.

Шишкин В. А. Медресе Улугбека в Гиждуване // Материалы Узкомстариса. Вып. № 2-3. Ташкент, 1933. С. 11–19.

Шишкин В. А. Мечеть Магаки-Аттари в Бухаре. // Труды Института истории и археологии (Материалы по археологии Узбекистана). Т. 1. Ташкент, 1948. С. 3–21.

Шишкин В. А. Фирман на портале мечети Калян в Бухаре // ИМКУ. Вып. № 5. Ташкент, 1964. С. 161–167.

Юсупова М. А. К проблемам изучения зодчества стран Центральной Азии XVI-XVII вв. // ОНУ. 1995. № 5-8. С.146–150.

Юсупова М. А. К вопросу формирования архитектурных ансамблей Бухары XV-XVII вв. // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития. II Международная научная конференция. Тез. докл. Ташкент, 1997. С. 82–84.

Юсупова М. А. Архитектура Средней Азии IX-XII вв. // Имом ал Бухари. Свет из глубины веков. Ташкент, 1998. С. 103–116.

Юсупова М. А. Изображения живых существ в декоре мусульманского зодчества Средней Азии // Ўзбекистон санъатшунослиги муаммолари. Сб. статей НИИ искусствознания. Ташкент, 1997. С. 139–149.

Юсупова М. А. Изображения живых существ в декоре мусульманского зодчества Бухары // Ўзбекистон архитектураси ва қурилиши. Тошкент, 1997. № 1-2. С. 16–18.

Юсупова М. А. Архитектура хонако эпохи Темуридов (К эволюции суфийских обителей Средней Азии) // ОНУ. (Ташкент). 1997. № 3-4. С. 51–59.

Юсупова М. А. Архитектура Средней Азии эпохи Хорезмшахов // Джалалиддин Мангуберди. Ташкент, 1999. С. 162–173.

Юсупова М. А. Архитектура дахм и хазира по данным миниатюры Бехзада // Камолиддин Бехзоднинг жаҳон маданиятида тутган ўрни. Материалы конференции. Ташкент, 2005. С. 13–18.

Bahrami Bahrami Mendi. La rekonstruktion des carrelaux de Damgand' apres leurs inspiritions // В сб. III. Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М. – Л., 1939.

Blair Sh. and Bloom J. The Art and Architecture of Islam, 1250 1800. Pelican History of Art. New Haven, 1994.

Filimonov V., Nekrasova E. L'ensemble architectural de Taq-e Sarrafan a Boukhara // Cahiers D'ASIE CENTRALE, № 5-6, 1998. C. 95–124.

Golombek L. Tamerlane, Scourge of God // Asian Art. Volume II, Number 2, Spring, 1989. Pub lished by Oxford University Press in association with the Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Insti tution.

Golombek L. The Timurid Shrine at Gazur Gah. Royal Ontario Museum Art and Archaelogy. Occasional Paper, 15. Toronto, 1969.

Golombek L., Wilber D. The Timurid Architecture of Iran and Turan. Princeton: Princeton Uni versity Press, 1988.

Hillenbrand R. Islamic Architecture: Form, Function and Meaning. Edinburgh and New York, 1994.

Notkin I. I. Decoding Sixteenth-Century Muqarnas Drawings // An Annual Islamic Art and Architecture. Volume 12, 1995, Leiden. P. 148–171.

O'Kane Berhard. Poetry, Geometry, and the Arabesque Notes on Timurid Aesthetics // Extrait des Annales Islamologiques. T. 26, 1992. P. 63–78.

Ryoichi Hayashi. The Iranian animal style // A survey of Persian art. Editor-Artur Upham Pope, Assis. Phillips Ackerman. 1960. P. 3279–3285.

Yusupova Mavluda. L'evolution architecturall des couvents soufis a l'epoque timouride et post – timouride L'heretage timouride. Iran - Asie Cemtreale - Inde, XV–XVIII siecle, Cageir d'Asie Centrale // No 3-4 (1997). Pp. 229–250.

Pugachenkova G. A., Yusupova M. A. Material and Spiritual Culture. Architecture // Bukhara an Oriental Gem. Tashkent, 1997. P. 81–98.

Yusupova Mavlyuda. The Architecture of Sufi Complexes in Bukhara. // Bukhara: The Myth and the Architecture. (A publication of the Aga Khan Program for Islamic Architecture at Harvard University and the Massachusetts Institute of Technology, Cambridge - USA) – Rome: «Art. Aldo Palombi», 1999. P. 121–132.

IV. АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

Азимов И. М. Архитектура Узбекистана XVIII – начала XX в. (традиции и локальные особенности). Автореф. дисс... докт. архитектуры. Ташкент, 2000.

Ахмедов М. Историко-теоретические основы развития средневековых архитектурных ансамблей Узбекистана (Ўзбекистон ўрта асрлар меморий ансамбллари тараққиётининг тарихий-назарий асослари). Автореф. дисс... докт. архитектуры. Ташкент, 1996.

Исмоилов Л. Манакиб как исторический источник XVI в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ташкент, 1991.

Крюков К. С. Прогрессивные тенденции зодчества Средней Азии XVI в. Автореф. дисс... канд. архитектуры. Ташкент, 1965.

Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Автореф. дисс... докт. искусствоведения. М., 1982.

Некрасова Е. Г. Позднесредневековые мемориально-культовые комплексы Бухары и Бухарской области по археологическим данным. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ташкент, 1994.

Ноткин И. И. Автореф. дисс... докт. архитектуры. Москва – Ташкент, 1981. 35 с.

Пардаева Р. У. Архитектура Бухарского оазиса XVI-XX вв. Автореф. дисс... канд. архитектуры. Л., 1978.

Рахматуллаева С. Дж. Образ средневекового зодчества в миниатюре Мавераннахра XV-XVII вв. Автореф. дисс... канд. искусствоведения. Ташкент, 1991.

Смолина Н. И. Симметрия в архитектуре (На материале Средней Азии XV-XVII вв.). Автореф. дисс... канд. архитектуры. М., 1981.

Уралов А. Гражданское зодчество средневековой Центральной Азии (общественные здания и сооружения). Автореф. дисс... докт. архитектуры. Ташкент, 1998.

IV. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Азимов И. М. Учетная карточка и план комплекса по обмерам ИА (М) А-35, №1163/4. Архив НИИ искусствознания АХ Уз.

Бабаджанов Б. Эпиграфические и источниковедческие исследования по памятникам архитектуры Бухарской области. Приложение к папке «Материалы к тому «Бухарская область». Памятники художественной культуры. Архитектура и монументальное искусство». Ташкент. Архив НИИ искусствознания. ИА (М), №1152.

Богодухов А. Мамышев Х. И. Мавзолей Турки Джанди. Паспорт № 3.4.34-4.2.1. Архив ГлавНПУ при Мин. культуры РУз.

Кочнев Б. Д. Заключение по шурфам в комплексе Турки Джанди. 1973, Инв. № 3564/ к-76. Архив ГлавНПУ памятников архитектуры Мин. культуры РУз. 1973.

Маньковская Л. Ю. Свод памятников истории и культуры Узбекистана. Материалы к тому «Бухарская область. Памятники художественной культуры. Архитектура и монументальное искусство». Архив ИА (М). С-48. № 1152. Статьи по отдельным памятникам // Архив НИИ искусствознания АХ РУз. Ташкент, 1983-1984 гг.

Маньковская Л. Ю. Мечеть Калян // Паспорта памятников архитектуры Бухарской области. ИЗО. М-23, №1185/5. Архив НИИ искусствознания АХ Уз. Ташкент, 1983-1984 гг.

Маньковская Л. Ю. Купол Таки Заргарон // Паспорта памятников архитектуры Бухарской области. Архив Института искусствознания АН РУз., ИЗО. М-23, № 1185/12. Ташкент, 1983-1984 гг.

Маньковская Л. Ю. Таш-мечеть в Гиждумаке. Там же. № 1185/12.

Маньковская Л. Ю. Мечеть Магоки-Аттори. Там же. № 1185/19.

Маньковская Л. Ю. Мечеть Намазгох. Там же. № 1185/21.

Стенографический отчет второй конференции Узкомстариса. 1936. Смена 25, 8/1 вечер. Архив ГлавНПУ памятников архитектуры Мин. культуры РУз.

Пчельников Архив ГлавНПУ памятников архитектуры Мин. культуры РУз.

ЦГИА РУз, фонд И-323, инв. N 24. Чтение и перевод Б. Бабаджанова.

ЦГИА РУз, фонд И-323, N 1291/16 (30). Чтение и перевод Б. Бабаджанова.

Фото. Минарет Калян после артобстрела. Архив ГлавНПУ.

Фото. 1930 г. Фасад ханака Гозиён. Архив ГлавНПУ, 18336, шифр 99-3.

Фото. 1930 г. Входная часть в комплекс Х. Порсо, 18334, шифр 99-3. Архив ГлавНПУ.

Фото. 1930 г. План Малого медресе Гозиён. № 4541, шифр 40-9, Архив ГлавНПУ.

Фото. Сталактиты с чертежа бухарского мастера XVI в. Архив ИВАН РУз. Папка № 2, чертеж 1.

Фото. Сталактиты с чертежа бухарского мастера XVI в. Архив ИВАН РУз. Папка № 2, чертеж 7.

Фото. Ворота Шейх Джалол. XVI в. Общий вид. Фото А. Н. Виноградова. Архив ГлавНПУ, 7678/58-2.

Фото. Арк. Крепостные стены. Фото С. Шиманской, 1950 г. Архив ГлавНПУ, 35171/136.

Фото. Ворота Шейх Джалол. XVI в. План по А. Н. Виноградову. Архив ГлавНПУ, 3950/35-5.

Фото. Городская стена близ ворот Тир-Гарон XVI в. Фото 1940-50-х гг. Архив ГлавНПУ, 12747/78-9.

Фото. Ханака Гозиён. XVII–XVIII вв. Главный фасад. Фото. Архив ГлавНПУ, 182296 / 99-3.

Фото. Ханака Миракон. XVI–XVII вв. Фото Б. Засыпкина 1930-х гг. Архив ГлавНПУ, 18304/99-3.

Фото. Медресе Бозори Гусфанд. XVII в. Главный фасад. Фото. Архив ГлавНПУ, 4515 / 40-5.

Фото. Медресе Хиябан. XVII в. Главный фасад. Фото. Архив ГлавНПУ, 4522/40-6.

Фото. Медресе Джуйбар. XVII в. Главный фасад. Фото. Архив ГлавНПУ, 60/1-9.

Фото. Ханака Мухаммад-Яр Аталык. XVII в. Входной портал. Фото Е. Юдицкого, 1947 г. Фото. Архив ГлавНПУ, 861/58-6.

Фото. Ханака Мухаммад-Яр Аталык. План. Фото. Архив ГлавНПУ, 5704/51-11.

Фото. Арк. Куринишхана. XVII– XVIII в. Общий вид со двора. Фото. Архив ГлавНПУ, 12994/ 80-1.

Фото. Караван-сарай Рабат-и-Малик. XI–XII вв. Входной портал. Фото. Архив ГлавНПУ, 14930/88-2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – «Архитектурное наследство»
АН РУз – Академия наук Республики Узбекистан
Архив ГлавНПУ МК РУз. – Главное научно-производственное управление реставрации памятников культуры при Министерстве культуры Республики Узбекистан (ныне Агентство культурного наследия при Министерстве туризма и культурного наследия)
Архив ИИск. АН РУз – Архив Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан
АСУ – «Архитектура и строительство Узбекистана»
ВИА – «Всеобщая история архитектуры»
ИЗУ – «Искусство зодчих Узбекистана»
ИМКУ – «История материальной культуры Узбекистана»
МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований
ЛИСИ – Ленинградский инженерно-строительный институт
ОНУ – «Общественные науки в Узбекистане»
РААСН – Российская академия архитектуры и строительных наук
СА – «Советская археология»
САГУ – Среднеазиатский государственный университет
САУ – «Строительство и архитектура Узбекистана»
СЭ – «Советская этнография»
ТашГУ – Ташкентский государственный университет
ТГЭ – «Труды Государственного Эрмитажа»
Труды ЮТАКЭ – «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции»
УзНИПИ Реставрации – Узбекский научно-исследовательский проектный институт консервации и реставрации памятников культуры

СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕРМИНОВ

Айван колонный – крытый навес на деревянных колоннах.

Айван портальный – глубокая арочная ниша портала, арочный портал.

Бирун – наружный, внешний.

Вакф – имущество, завещанное или переданное каким–либо лицом в пользование мусульманского учреждения (к примеру, ханака, мечети, медресе), а равно и в пользу рода вакфодателя.

Васса – деталь перекрытия балочных потолков, деревянные жердочки полуцилиндрической формы, укладываемые поперек и между основными несущими балками.

Ганч – строительный гипс.

Гирих – геометрический орнамент.

Гуваляк – глиняный ком булкообразной формы, в подсушенном виде – строительный материал.

Гузар – общественный центр жилого квартала.

Гурхона – усыпальница; собственно мавзолей.

Гуслхона – помещение для полных ритуальных омовений.

Гяз – единица измерения длины. Размеры его колебались в разные исторические эпохи и в разных местностях, как в строительстве, так и в торговле.

Дарвазахона – ворота, въезд. Небольшое или иногда монументальное сооружение, оформляющее главный вход в комплекс.

Дарсхона – аудитория, учебное помещение.

Дарун – внутренний.

Дахма – погребальная платформа в виде параллелепипеда с надгробиями на открытой площадке сверху и захоронениями внутри платформы.

Дахлиз – передняя.

Джамаат-хона – помещение для собраний.

Долон – проход; прихожая.

Зиаратхона – поминальный зал при мавзолее; место поклонения.

Зикр (букв. – «поминание») – духовное упражнение с целью ощущения Бога внутри себя божественного присутствия, ритмичное, повторное поминовение имен Бога (теомнемия) для достижения состояния духовной сосредоточенности.

Зикр джахри – поминание вслух.

Зикрхона – помещение для суфийских радений, ритуальных песнопений.

Зикр хуфия – мысленное поминание про себя.

Ичкари – внутренний двор.

Кайван – приподнятие карниза с П-образно ломаной линией.

Кашин – глазурованные изразцы для мозаики на силикатной основе, позволяющей выпиливать тонкие и криволинейные элементы орнамента.

Китоба (ктаба) – горизонтальное панно с надписью, обычно над тимпаном портала.

Кош–синч – двухърядный деревянный каркас стен.

Кунгира – фигурный парапет.

Кыр – гидростойкий раствор, с добавлением золы кустарников.

Кырма – техника декора: инкрустация резного ганчевого орнамента ганчевым раствором другого цвета.

Курыныш-хана – приемный зал или двор, часто во дворцах правителей.

Люнгихона – вестибюль, раздевальня при банях.

Мехмонхона – гостиная комната.

Михраб – ниша в архитектуре ислама, ориентирующая молящихся лицом к Мекке. В Бухаре устраивалась обычно в западных стенах.

Мион-сарай – вестибюль, часто сводчатый или многокупольный.

Мукарнас – 1) сталактитовая капитель, 2) «ячеистые» или «кристаллические» системы объемных сталактитов, в отличие от плоских сталактитов «ироки», появившихся в XVII в.

Муршид, пир, шейх – суфийский руководитель или наставник, глава обители или ордена.

Мюрид – ученик, «послушник», неофит.

Некрополь – мемориальный ансамбль.

Панджара – декоративная решетка с геометрическим рисунком, обычно изготавливают из ганча или дерева, изредка – из терракоты для установки в оконный проем.

Паруса – переходная конструкция от помещения к куполу.

Пахса – битая глина.

Пештак – 1) портал с арочной нишей в архитектуре Средней Азии; 2) парадный портальный вход.

Ревак – ряд мелких арочек, венчающих верх портала.

Сагана – сводчатый склеп для одиночного наземного захоронения.

Сардоба – водохранилище, крытое куполом.

Сфероконический купол – купол сферической формы в основании и конической – у вершины

Тахаратхона – помещение для ритуальных омовений.

Тим – крытый торговый пассаж со специализированной торговлей.

Тимпан – фронтальная плоскость портала над арочной нишей.

Ток – арка; торговый арочно–купольный пассаж.

Тромпы – примитивные арочные паруса

Туг – высокий шест с хвостом яка или лошади в навершии, которым помечают святое место.

Хауз – искусственный открытый водоем, часто прямоугольной или октогональной формы.

Хаузак – декоративное сталактитовое углубление в потолках.

Ханака – суфийская обитель с крупным залом для радений, часто кельями для временного приюта странствующих дервишей и паломников.

Худжра – келья – комната в медресе, ханака и в других зданиях.

Четверик – основной объем квадратного или прямоугольного в плане помещения.

Чилляхона – небольшое сооружение или помещение для сорокадневного поста и уединения (затворничества).

Шахнишин – антресоль, смежная с гостиной– михманхоной.

Шарафа – сталактитовый карниз из ячеек–мукарнас.

Шахристан – собственно город средневековья.

Щитовидные паруса – ромбовидные поверхности с вогнутой продольной осью, образуемые пересечением арок, на вершину которых опирался купол.

Хадисы – высказывания пророка Мухаммада из религиозных книг.

УКАЗАТЕЛИ

Указатель названий архитектурных сооружений

Ансамбли

ансамбль Гаукушон (Говкушон) в Бухаре 24, 205, 206, 229
ансамбль Гозиён (кош-медресе Большое и Малое Гозиён) 26, 40, 184, 201, 202, 211, 212
ансамбль Гури-Амир в Самарканде 201
ансамбль кош-медресе Мадарихана-Абдуллахана 202, 306
ансамбль кош-медресе Улугбека-Абдулазизхана 200, 204
ансамбль Ляби-Хауз 209, 210
ансамбль Пои Калон 23, 40, 207, 208, 245
ансамбль Регистан в Бухаре 227
ансамбль Хаузи-Нау 26, 199, 205
ансамбль Шахи-Зинда в Самарканде 173, 271, 302, 321

Бани

бани на Афрасиабе в Самарканде 133
баня Биби Халфа 62
баня Газиян или Гозиён 26
баня Гарибия 139
баня Гаукушон 53, 206, 212
баня Джуйбар 139
баня Заргарон 139
баня Каппа 139
баня Кафшфурушон 139
бани Кози Калон 209
баня Кунджак 133
баня Махсидузлик 137
баня Мисгарон 100, 136, 298
баня Мохичапази 139

баня Регистан 139
баня Сари Базари Регистан 139
баня Саррафон 138, 298
баня в Таразе 133
баня Тиркашдузон 139
баня Хамбоми кухак (Баня горки) 47
баня Хиебон (или Ходжа Хабибулла) 139
бани Ходжа Ахрара 25
баня Ходжа Порсо 30
баня Чашма-Аюб 137
баня Шахи Минор 139

Библиотеки

библиотека Азизийе в Мерве 87
библиотека Маулана Мира муфтия в Бухаре 47
библиотека Нафоис-ул-маосир в Бухаре 90
библиотека Саманидов Савои Ул-Хикмат в Бухаре 86
библиотека Султана Хусейна (или Хусайна Байкара) в Герате 90
библиотека халифа Адуд ад-Даула в Багдаде (?) 86
библиотека Ходжа Порсо в Бухаре 30
библиотека ханака Думайрийе в Мерве 87

Ворота

ворота Гуриян 16
ворота Ибрагима (позже - ворота Шайх Джалал) 155, 232
ворота Каракуль 20, 22
ворота Мазарские 21
ворота Сагабад 232
ворота Талипач 20, 21, 22, 235
ворота Хазрати-Имам 66

Дворцы, дома, усадьбы

дворец Ак-Сарай в Шахрисабзе 81, 287
дворец Арсланхана 80, 132, 139
дворец Гарм Чарбаг 81
дворец в местности Дарвазача 80
дворец Давлятабад в Самарканде 83
дворец в Куня-Арке в Хиве 81
дворец Ситтораи Мохи Хоса 81
дворец Таш-Хаули в Хиве 81

дворец Термезшахов в Термезе 80
дворец Худаярхана в Коканде 81
дом Гафурбая 77
дом Шарифбека 77
дома Варахши (на городище Варахша) 71
усадьба Балалык-тепе 72
усадьбы типа Кизилча-6 (близ Термеза) 71, 72

Караван-сараи, рабаты

караван-сарай Гаукушон 109
караван-сарай у купола Заргарон 110
караван-сарай близ Караул-Базара 109, 110, 304, 306
караван-сарай Кулита или Кальта-сарай 58, 107, 109, 110
караван-сарай Лятиф Мирека 110
караван-сарай Мирзои 210
караван-сарай Надир Диван-беги 109, 110
караван-сарай Рабат-и-Малик (близ Кермине - Навои) 106, 112, 129, 290, 326
караван-сарай Саррафон 108, 109, 110
рабат Абдуллахана (Абдуллахана II) в Караул-Базаре 108, 109, 110

Кварталы и улицы городские

квартал ал-Джадид 173
квартал Бозори-Нау 67
квартал Гаукушон (Говкушон) 52
квартал Джуйбар 26
квартал Калобод (Калабад) 60
квартал Калта Манор 60
квартал Куи Дехкан (Мулло Пайрави) 30, 88
квартал Куйи Мургкуш 30
квартал Магоки Курпа (Камонгарон, Ходжа Мухаммади) 63, 64
квартал Махаллаи Кухна 78
квартал Миракон 60
квартал Ра'ад Зада 70
квартал Хафиз Тафтон 47
квартал Чукур-махалла 236
квартал Шахи Ахси 51
улица Бу-Ляйса 80, 132
улица Дехканов 30, 88
улица Хиёбон 203

Комплексы мемориальные

комплекс Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване 214, 215, 217, 231, 320
комплекс Баха ад-Дина Накшбанда под Бухарой 224
комплекс Дехкан-бобо в Гиждуванском районе 229
комплекс Калаи-Азизон в кишлаке Ташрабад 229, 231
комплекс Касим Шейха Азизон в Кермине 219
комплекс Лангар-ата в Кашкадарьинской области 292
комплекс Мавлоно Шарифа (Муалана Шарифа) 229
комплекс Мухаммада Ходжа Порсо 226, 227
комплекс Сайф ад-Дина Бохарзи 221, 222
комплекс Султан Мир-Хайдар в Кашкадарьинской области 156
комплекс Суфи-дехкон в Вабкентском районе Бухарской области 214, 231
комплекс Турки-Джанди 214, 227, 231
комплекс Хазрати-Имам 232
комплекс Чор-Бакр в селе Сумитан под Бухарой 169, 195, 217, 260, 265, 276, 299
комплекс Шахи-Зинда в Самарканде 176, 184

Торговые и производственные сооружения

кархане на берегу Ляби-Хауза 49
купол Токи Заргарон 6, 24, 25, 36, 102, 103, 105, 239, 259
купол Токи Орд Фурушон 22
купол Токи Саррафон 24, 43, 104, 116, 268
купол Токи Тиргарон (Чахарсук-и Тах-и Шур, Абдуллахан, Регистан) 22, 57, 105, 213
купол Токи Телпак Фурушон (Чахарсук-и Аханин, Токи Китаб Фурушон, Токи Ходжа Мухаммад Паррон) 22, 24, 57, 63, 99, 100, 101, 102, 103,104, 109, 238, 298
купол Чахарсук-и Анарфурушон (Токи Ардфурушон или Аллафи) 54, 104
Тим Абдуллахана или Тим-и Калон (Большой тим) 24, 57, 100, 105, 122
Тим-и Лячакфурушон 105

Мавзолеи

мавзолей Абу-Саида в Мехне 187, 200
мавзолей Ак-Сарай в Самарканде 260, 262
мавзолей Баян-Кулихана 18, 272
мавзолей Бобои-Парадуз 18
мавзолей Гаухар-Шад в Герате 262
мавзолей Гумбази-Саидон в Шахрисабзе 273
мавзолей Гури-Амир в Самарканде 299, 300
мавзолей Дехкан-бобо 167

мавзолей Иттимада-уд-Даулаха в Агре 300
мавзолей Ишратхана в Самарканде 35, 260, 262
мавзолей Кубба ас-Сулабия 165
мавзолей Кусам ибн Аббаса в Самарканде 188, 200
мавзолей Лянгар-ата в Кашкадарье 35
мавзолей Мавлоно Шариф (Муалана Шарифа) 270
мавзолей Саманидов 7, 9, 289
мавзолей Султана Санджара в Мерве 259, 261
мавзолей Тадж-Махал в Агре 300, 301, 308, 322
мавзолей Турки-Джанди 33, 166, 228, 259
мавзолей Хан-Ханана в Дели 300
мавзолей Ходжа Аккоша в Балхе 308
мавзолей Ходжа Ахмада Яссави в Туркестане 259, 260
мавзолей Ходжа Баджгохи в Балхе 308
мавзолей Ходжа Порсо 29, 164, 168, 226
мавзолей Ходжа Раби в Мешхеде 297
мавзолей Хумаюна в Дели 299, 300, 307
мавзолей Чашма-Аюб 52, 231
мавзолей Чибирдон-бобо или Абдурахман Вали близ Каракуля 35, 36, 168, 230
мавзолей Чупан-ата в Самарканде 35, 262
мавзолей Ширин Бика-ака в Самарканде 273, 284
мавзолей-ханака Сайф ад-Дина Бохарзи 29, 34, 52, 167, 190, 239, 291

Медресе

медресе Абдулазизхана или Заргарон 2, 62, 63, 66, 69, 100, 139, 180, 185, 202, 204, 243, 244, 277, 280, 281, 284, 285, 287, 292, 300, 307
медресе Абдуллахана 41, 48, 178, 180,181, 203, 253, 272, 275, 277, 291, 292, 306
медресе Абу Бакра ибн ал-Фадла 173
медресе Аллакулихана в Хиве 202
медресе Амира Алимхана 208, 209
медресе Арсланхана 60, 80, 173
медресе Бозори Гусфанд (Гуспанд) 66, 185, 213, 326
медресе Большое Гозиён (Гозиёни Калон) 180, 181
медресе Гавхаршад-бегим в Герате 184
медресе Гаукушон (Говкушон) 24, 53, 150, 179, 206, 207, 275
медресе Гозиёни Хурд или Малое Гозиён (северное) 40, 180, 185, 199, 211
медресе Джуйбари Калян 24, 185, 205, 246, 270
медресе Дору-Шифо 66, 96, 98, 112
медресе Ибрагима Тамгач Бограхана в Самарканде 173

медресе Ихлосия в Герате 201
медресе Кадия ал-Хасана в Самарканде 173
медресе Калобод (Калабад) 60, 80
медресе Кукельдаш в Бухаре 24, 55, 65, 69, 178, 185, 210, 258, 270, 276, 297, 299
медресе Кукельдаш в Ташкенте 292, 293
медресе Куляртегин 174
медресе Куссамийа в Самарканде 173
медресе Кутлуг-Мурад-Инак в Хиве 202
медресе Мадарихан 24, 25, 26, 39, 56, 63, 139, 179, 184, 202, 203, 212, 292, 298, 306
медресе Мадраса-и Гусфанд или Бозори Гусфанд 66
медресе Маъсудийе 87, 221
медресе Мирза Шариф Гозиён (см. Большое Гозиён) 40, 181, 203
медресе Мир-и Араб 6, 24, 40, 42, 173, 176, 177, 184, 208, 212, 249, 257, 264, 290, 297
медресе Мискин 36
медресе Мухаммад Аминхана в Хиве 296
медресе Надир Диван-беги в Бухаре 24,62,180, 210, 279, 281, 284, 279, 281 284, 285, 286, 287
медресе Надир Диван-беги в Самарканде 284, 287
медресе Норбутабия в Коканде 296
медресе Сарай Мульк-ханым в Самарканде 184, 201
медресе Сеид Аталык в Денау 294
медресе Тамгач Бограхана в Самарканде 174
медресе Тилля-Кари в Самарканде 171, 292, 294
медресе Улугбека в Бухаре 23, 24, 25, 26, 29, 30, 31, 35, 42, 60, 100, 118, 139, 164, 174, 175, 184, 200, 202, 203, 204, 205, 212, 216, 231, 244, 245, 271, 273, 291, 292, 294, 298, 300, 304
медресе Улугбека в Гиждуване 52, 114, 175, 176, 215, 230, 260, 273, 290, 291, 322
медресе Улугбека в Самарканде 175, 176, 260
медресе Фарджека в Бухаре 173, 175
медресе Фатхулло Кушбеги 24, 48, 55, 178, 295
медресе Хайнийе или Хойния 93
медресе в Харгирде 262
медресе Хиябан или Хиебон 65
медресе Ходжа Ахрара в Ташкенте 175, 176
медресе Ходжа Нихол 54, 66, 104, 185, 213
медресе (Мухаммада) Ходжа Порсо 226
медресе Шейбанихана и Хойнийя (или Хайние) в Самарканде 89, 171

Мечети

мечеть Арсланхана 161
мечеть Ахунди Кара-Камал 63
мечеть Баланд 38, 143, 148, 156, 255
мечеть Биби-ханым в Самарканде 32, 150, 164, 184, 201, 259, 273
мечеть Боло Хауз 213
мечеть Вазир-хана в Лахоре 300
мечеть Валида-и Абдулазизхана 24, 26, 45, 153, 205
мечеть Гаухаршад в Мешхеде 259
мечеть Диггарон в с. Хазара 33, 146
мечеть Дуст Чирог Окоси 54, 147
мечеть Имам Газали 147
мечеть Искандархана 54
мечеть Калян 24, 26, 29, 31, 32, 39, 100, 113, 114, 142, 149, 150, 151, 152, 156, 161, 164, 202, 208, 240, 290, 325
мечеть Каср-и Арифан 39
мечеть в Кашане 232
мечеть Кози-Абдулло в г. Вабкенте 148
мечеть Кукельдаш или Кульбаба Кукельдаша 54, 147
мечеть Курган в с. Вангази 57, 58, 146
мечеть Мавлоно Шарифа (Муалана Шарифа) 147
мечеть Магоки Курпа 24, 63, 64, 144, 148
мечеть Магоки-Аттори (она же - Магок) 7, 24, 142, 148
мечеть Масжиди Бесутун 76
мечеть Музаффархана 235
мечеть Намазгох 29, 52, 127, 155, 156, 233, 325
мечеть Поянда или Поянда Аталык 64, 65, 66, 213
мечеть Равоти-Поен 143
мечеть Саррафон 43
мечеть Субханкулихана 68, 125, 143
мечеть Таш-мечеть близ села Гиждумак 32, 36, 148, 325
мечеть Таш-мечеть в селе Вангази 58, 157
мечеть Таш-мечеть Вабкентском районе 145, 147, 148
мечеть Таш-мечеть Равоти Поен в Бухарском районе 59
мечеть Туман-ака в Самарканде 260
мечеть Хазрати-бобо в Бухарском районе 59, 147
мечеть Хакима Кушбеги 225
мечеть Ханака-и Ляби Хауз-и Мир-Дустум 147

мечеть Ходжа Калон 24, 53, 150, 152, 162, 207
мечеть Ходжа Мухаммади 64, 70
мечеть близ села Чиль-Кузи 308
мечеть Шамс ал-Мулька 148
мечеть-ханака в комплексе Халифа Ниязкул 147, 189
мечеть-ханака в комплексе Халифа Худайдот 147, 189
мечеть-ханака Мавлоно Шариф (Маулана Шариф) 69, 147, 150
мечеть-ханака Усто Рухи 62, 213
мечеть-ханака Ходжа Зайн ад-Дина 23, 38, 84, 126, 143, 147, 157, 187, 192, 197, 256, 273, 274, 299
мечеть-ханака Шахи Ахси 49, 51

Минареты

минарет Абу Джафар Ахмеда в Мешхеди-Месториане 158
минарет в Вабкенте 158, 159
минарет в с. Вангази 162, 163
минарет Гаукушон 53, 162
минарет Джайхони 158
минарет в Джаркургане 158
минарет Калян 7, 8, 24, 53, 55, 158, 159, 162, 163, 164, 325
минарет в Куня-Ургенче 158
минарет Кутб-Минар в Дели 160
минарет при мечети Мир Дустум 164

Площади

площадь Майдане-Шах в Исфагане 297
площадь Регистан в Бухаре 16, 22, 23, 29, 57, 64, 66, 67, 104, 105, 152, 155, 199, 210, 297, 300
площадь Регистан в Самарканде 97, 171, 192, 194, 201, 206, 208, 211, 286, 294

Сардоба

сардоба Аккана в Бухарском оазисе 120
сардоба Бузачи в Бухарском оазисе 119, 120, 121
сардоба на Дильберджине близ Балха 111
сардоба Караулбазар в Бухарском оазисе 129, 130, 131
сардоба Кошсардоба в Бухарском оазисе 129, 130
сардоба в Сауране 111
сардоба Рабат-и-Малик в Бухарском оазисе 129
сардоба Чарча в Бухарском оазисе 130
сардоба Шахсувар в Бухарском оазисе 130

Хазира
хазира Абдулхалика Гиждувани в Гиждуване 157, 172, 173
хазира в комплексе Баха ад-Дина Накшбанда 171, 172
хазира в комплексе Касим Шейха 220
хазира и дахмы в комплексе Чор-Бакр 169, 171, 220, 231
хазира Хазрати Имам в Бухаре 169, 223
хазира Чашма-Аюб в Вабкентском районе 173

Хаузы
хауз Гозиён 40, 211
хауз Дуст Чирог Окоси 55
хауз Мир-Дустум 55, 147
хауз Надир Диван-беги 23, 24, 78, 210
хауз Хаузи-Нау 205
хауз Ходжа Зайн ад-Дин 23, 38

Ханака
ханака Абу Мухаммада аз-Займуни 187
ханака Абу-Саида в Мехне 187
ханака Ахмада Яссави в Туркестане 190
ханака ахунда Мулла Мухаммад-Шарифа 69
ханака Баха ад-Дина Накшбанда (Баха ад-Дина) 44, 195, 250, 268, 276, 293, 303, 306
ханака Дехкан-бобо в Гиждуванском районе 52, 193, 197
ханака Гозиён 40, 41, 211, 326
ханака Калаи-Азизон в с. Ташрабад 229
ханака Касим Шейха в Кермине 35, 52, 193, 195, 220, 230, 231, 261, 265, 269, 276
ханака в комплексе Чор-Бакр в Сумитане 276, 299
ханака Мавлоно Шарифа (Муалана Шарифа) 70, 191, 197
ханака Мирзо Улугбека в Самарканде 192
ханака Мухаммада Ходжа Порсо 70, 191, 192, 197, 227
ханака Мухаммад-Яр Аталык 24, 67, 69, 192, 269, 270, 326
ханака Надир Диван-беги 24, 62, 194, 195, 197, 210, 269, 270, 280
ханака в с. Пешку 52, 53, 192, 195, 229
ханака в с. Пулоти Касансайского района 293
ханака Султана Махмуда в Самарканде 201
ханака Суфи-дехкон в Вабкентском районе 195
ханака в Файзабаде 54, 191, 197, 269, 278, 293
ханака Хазрати Имам в Бухаре 35, 50, 52, 117, 189, 192, 196, 197, 223

ханака Хаким Мулла-Мир в Ромитане 52, 195, 229
ханака Халосия в Герате 201
ханака Ходжа Абди-Даруна в Самарканде 190
ханака Ходжа Илимкан в с. Сивас близ Китаба 293
ханака-медресе Миракон 60, 61, 197, 326

Чарбаг, сады, павильоны

сад Дилькушо в Самарканде 235
сады царские Шамсабад 155, 233
чарбаг Абдуллахана 57, 236
чарбаг в комплексе Чор-Бакр 85, 236
чарбаг Пир-и марза 39, 86, 236
чарбаг Ханабад 234
чарбаг-и Хаким-ойим (Чарбаг-и Боки-хон, позже Чарбаг-и Барат-бек) 236
чилляхона Биби Зулмурод 223
чилляхона Ходжа Порсо 30, 88
Чинихона в Ардебиле 85, 237
Чинихона в саду Улугбека в Самарканде 85, 237
Чиннихона - «фарфоровый» павильон в Чор-Бакр 237

Другие сооружения

Арк (крепость Бухары) 7, 16, 17, 21, 22, 23, 24, 29, 64, 65, 66, 67, 68, 71, 77, 81, 82, 83, 96, 97, 117, 125, 144, 212, 213, 310
базар Атторон в Бухаре 143
Банд-и Абдуллахан (водохранилище близ с. Камар) 49
канал Инджиль в Герате 97
канал Шахруд 16, 19, 21, 62, 210, 322
Куринишхана (приемный двор) в Арке Бухары 82, 83, 326
лечебница Шифоия 97
мактаб в комплексе Чор-Бакр 92, 220
мактаб Кази Файзи 92
мост через реку Зеравшан у Кермине 48
обсерватория Улугбека 290
Сапаллитепа крепость 288

Указатель имен

Абд ал-Азиз сын Мухаммад Абида (каллиграф) 54, 307
Абд ал-Али Тархан 14
Абдаллах Мухаммад ибн-Ахмад Джайхани 17

Абдаллах Йамани (Амир-и Араб) 177
Абдулазизхан I 18, 19, 26, 44, 45, 52, 90, 193, 225
Абдулазизхан II 15, 25, 39
Абдулатиф 15
Абдулатифхан 14
Абдуллахан II 15, 19, 20, 25, 26, 39, 47, 49, 51, 52, 54, 55, 90, 103, 105, 107, 109, 112, 139, 156, 193, 203, 210, 219, 220, 236, 237, 247, 269, 275, 280, 286, 291, 297, 299, 302, 303, 333
Абдулхалик Гиждувани 4, 141, 157, 172, 173, 185, 214, 215, 217, 225, 231, 320, 334
Абдурахим Джуйбари 65
Абдурахман Джами 193
Абу Али Ибн-Сина (Авиценна) 13, 86, 95, 132
Абу Бакр Ахмад ибн Са'ад 169
Абу Бакр Раби ал-Бухари 95
Абу Бакр Са'ад 169
Абу Саид 14, 200
Абу Хавси Кабир (Хазрати Имам) 4, 117, 141, 222
Абулгази Бахадыр хан 96
Абулфайзхан 225
Азиз ад-Дин Абубекр 87
Акбар 297, 299
ал-Айни 286
ал-Аскалани 286
ал-Газали 278
Алишер Навои 84, 90, 95, 97, 101, 103, 107, 128, 138, 193, 201, 220, 233, 317, 322
Ал-Мукаддаси 86, 131
Амир Али Хусайний 90
Амир Ахадхан 69
Амир Бухары Тогрулбек (Куляртегин) 174, 184
Амир Джангельдыбий 237
Амир Темур 13, 14, 18, 28, 33, 37, 52, 81, 82, 156, 184, 190, 235, 258, 259, 260, 262, 264, 271, 272, 279, 284, 286, 298, 299, 302
Амир Хаджжадж 28
Амир Халифа мухрдар 237, 307
Амирзада Валиджон Мирза 237
Арсланхан Караханид 31,80, 107, 132, 139, 148, 149, 155, 208
Ата-Мухаммад Бухари (резчик орнаментов) 308
Ахмад ал-Утби 132, 139
Ахмад ибн Махмуд 227
Аштарханиды 14, 15, 45, 59, 67, 150, 189, 286, 292, 302
Бадр ад-Дин Кашмири 53, 107, 112, 153, 162, 314
Байазид Пурани (каллиграф) 38, 304
Баки Тархан 101

Баха ад-Дин Накшбанд 4, 39, 44, 59, 141, 173, 195, 197, 224, 225, 236, 274, 278, 293, 303, 306
Бехзад 88, 90, 193
Биби-ханым 32, 150, 164, 184, 201, 259, 273, 337
Бируни 13
Вали Мухаммад 15
Великие Моголы 296, 298, 299
Гияс ад-Дин ал-Каши 284
Дакики 86
Джанибек (Джанибекхан) 15, 54
Джанид Баки Мухаммадхан 15
Джаниды (Аштарханиды) 14, 15, 65
Дженкинсон Антони 19, 47, 101, 107, 268, 274, 319
Джейхани 148
Джултайбий 237
Зайн ад-Дин бини Шамсуддин (уста из Бухары) 302
Зайн ад-Дин Васифи 25, 37
Ибн Баттута 34, 97, 132, 188
Ибн-Сина (см. Абу Али Ибн-Сина) 13, 86, 95, 132
Ибн-Ханбал 273
Ибн-Хаукаль 199
Ибрагим Султан 29
Ибрагим Тамгачхан 148
Имам Абу Хавси Кабир (Хазрати Имам) 4, 117, 141, 222
Имам ал-Бухари 13, 141
Имам Гози 40, 41
Имамкулихан 15, 59, 78, 107, 210
Иов-Аюб 28, 170
Искандархан 54
Исмаил ибн Тахир ибн Махмуд Исфахани (мастер) 31
Исмаил Самани 80, 148, 301
Йакут 87
Кавам ад-Дин Ширази (зодчий) 262, 298
Камал ад-Дин Бехзад (см. Бехзад) 88, 90, 193
Караханиды 13, 16, 107, 112, 170, 321
Касим Шейх Азизон 219
Кубави 80, 132, 232
Кульбаба Кукельдаш 49, 54, 146, 148
Кутайба ибн Муслим 148
Лятиф Мирек 101, 110, 333

Малик Шамс-уль Мульк 232
Мангыты 15
Мани 90
Мансур ал-Кумри 101
Мансур ибн Нух 155
Маулана Мир муфтий 41
Маулана Мухаммад Амин (каллиграф) 307
Маулана Мухаммад-Амин Мискин 36
Маулана Поянда-Мухаммад Ахси (Ахсикети-йи Файзободи, Шахи Ахси) 51
Мавлоно Шариф (Маулана Шариф) 69, 70, 229
Махдуми Агзам 294
Махмуд Султан 14
Маъсудбек 87
Милкат-ого 184
Мир Дустум 55
Мир Шейх ʻАли Пурани (каллиграф) 38, 304
Мирак Наккаш 94, 96
Мирак Саид Гияс (Султан Махмуд, агрономом из Хорасана) 244, 303, 304
Мирза Мухаммад Хайдар 39
Мирза Шариф Гозиён 40, 177, 207
Мирзо Улугбек 14, 196, 219, 247, 247, 266
Миркасим Хаким (ученый-медик) 103
Мир-Шайх Пурани (каллиграф) 38, 304
Михр Султан-Ханым 89
Мухаммад Амин (мастер декора) 63
Мухаммад Баха ад-Дин Накшбанд 4, 39, 44, 59, 141, 173, 195, 197, 224, 225, 236, 274, 278, 293, 303, 306
Мухаммад Дарвиш (Дарвеш) Кунак (каллиграф-мозаичист) 307
Мухаммад Захр ад-Дин Бабур 192, 298, 299, 300, 314, 314
Мухаммад Имам ал-Бухари 13, 141
Мухаммад Наршахи 17, 46, 80, 132, 139, 142, 148, 155, 158, 173, 174, 184, 199, 212, 213, 232, 302
Мухаммад Салих меъмор 63, 307
Мухаммад Ходжа Порсо 29, 88
Мухаммад Шариф 40, 69, 339
Мушфики 25, 101
Надир Диван-беги 62, 78, 109, 210
Надир-Мухаммадхан 15

Ой Подшо Биби 65
Пешку бобо 4
Рудаки 13, 86
Руи Гонсалес де Клавихо 18, 99, 314
Сайф ад-Дин Бохарзи 141, 221, 230
Саманиды 7, 9, 13, 14, 16, 17, 86, 89, 95, 139, 148, 165, 279, 289, 284, 301, 302, 332
Сахйуни (врач) 97
Сефевиды 14, 264, 286, 296, 297, 303
Субханкулихан 15, 60, 68, 81, 96, 97, 144, 140
Султан Ахмад 14
Султан Мирак Мунши (наккаш) 90
Султан Санджар 87, 173, 259, 261, 335
Султан Хусейн 39
Темуриды 13, 14, 25, 26, 31, 33, 35, 36, 41, 42, 59, 70, 82, 83, 88, 149, 164, 165, 167, 175, 184, 189, 190, 200, 212, 233, 234, 237, 239, 241, 258, 259, 262, 264, 265, 275, 286, 288, 291, 296, 297, 299, 302, 303, 304, 309, 312, 323
Турки Джанди 35, 230
Убайдуллахан I 14, 37, 39, 41, 43, 47, 52, 101, 150, 161, 173, 177, 235
Убайдуллахан II 234
Фазл ибн Йахйа 148
Фатхаллах мастер 40
Фирдоуси 86
халиф ал-Мунтасир 165
халиф ал-Мутаваккиль 165
халиф ал-Мутазза 165
халиф ал-Мухтади 165
халиф Ниъматуллах (исполнитель декора) 307
Хасан Нисори (Хасанходжа Нисори) 39
Хафизи Абру 18
Хафиз-и Таниш (Бухари) 90, 306
Ходжа Абдулхалик Гиждувани 4, 141, 157, 172, 173, 185, 214, 215, 217, 225, 231, 320, 334
Ходжа Али Ромитани 4
Ходжа Ахмад Яссави 190, 211, 259, 260, 335
Ходжа Ахрар 14, 25, 132, 139, 171, 189, 204, 205, 294, 317
Ходжа Баха ад-Дин Накшбанд 4, 39, 44, 59, 141, 173, 195, 197, 224, 225, 236, 274, 278, 293, 303, 304
Ходжа Ислам 49, 52, 101, 107

Ходжа Махмуд Анжир Фагнавий 4
Ходжа Мухаммад Бобой-и Самоси 4
Ходжа Мухаммад Ислам 49, 132
Ходжа Мухаммад Ариф Ревгари 4
Ходжа Низам ад-Дин 66, 174
Ходжа Са'ад Джуйбари (Калон) 112, 153
Ходжа Саид Амир Кулол 4
Хумаюн 299, 300
Хусайн Байкара 90
Шамс ал-Мульк 148
Шараф ад-Дин Али Йазди 235
Шах Тахмасп I 286
Шах Аббас Сефевид 297
Шах Акбар 297, 299
Шахи Ахси (Шояхси, Шох Ахси) 51
Шахим-бий 63
Шахрух 14, 29, 88, 184, 262, 272, 302
Шейбаниды 14, 15, 36, 47, 59, 70, 89, 90, 151, 169, 171, 176, 189, 206, 237, 264, 268, 274, 286, 292, 296, 302, 306, 313, 318
Шейбанихан (Мухаммад Шейбанихан, Шахбахт Шейбанихан) 14, 89, 206
шейх Азизон 219
шейхи Джуйбари 19, 49, 51, 52, 86, 112, 132, 189, 207, 217, 303
Ялангтуш-бий Бахадир 15, 294
Яр-Мухаммадхан 303
Яхъя ибн-Иса ал-Бухари 95

Указатель географических и топографических названий

Анау 285, 286, 321
Армения 261, 262
Астрахань 15
Афганистан 11, 14, 25, 139, 205, 296, 297, 298, 301, 302, 308, 317, 322
Афрасиаб, городище в Самарканде 133, 173, 321, 331
Балх 15, 48, 49, 107, 111, 184, 235, 298, 302, 308, 335, 339
Бенгалия 299
Биджапур 279
Бухара город 2, 3, 4, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21,22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 67 70, 71, 74, 76, 77, 78, 79, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 130, 131,

132, 133, 136, 137, 139, 141, 142, 143, 146 147, 148, 149, 150, 151, 152, 155, 156, 158, 159, 161, 163, 164, 165, 166, 167, 169, 171, 173, 174 175, 176, 178, 181, 184, 185, 186, 188, 190, 191, 194, 195, 197, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 206 208, 210, 211, 212, 217, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 229, 231, 232, 234, 235, 236, 238, 239 240, 257, 258, 260, 262, 264, 265, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 279, 281, 284, 286, 290, 291, 292, 293, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313
Бухарский оазис 2, 4, 5, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 29, 32, 33, 49, 52, 58, 85, 106, 107, 109, 111, 112, 130, 131, 132, 146, 147, 162, 163, 171, 176, 188, 191, 194, 198, 199, 230, 234, 269, 287, 290, 293, 301, 302, 305, 306, 309, 311, 313
Бухарский Согд 13
Великий шелковый путь 7, 13, 47, 98, 106
Герат 14, 39, 43, 84, 85, 88, 97, 138, 150, 164, 184, 201, 233, 240, 262, 298, 302, 303
Гиждуванский район 32, 52, 147, 148, 167, 195, 229
Гольпайеган 259
Греция 288
Гуджарат 299
Дели 300, 307
Джуйбар - район Бухары 19, 77
Древняя Бактрия 72
Дунгиен кишлак 69
Египет 84, 96, 288
Индия 11, 47, 107, 164, 201, 264, 296, 296, 297, 298, 300, 301, 303
Ирак 13, 271, 302
Иран 11, 13, 14, 89, 107, 259, 260, 264, 271, 281, 296, 297, 298, 299, 301, 302, 303, 304
Исфаган 260, 261, 297, 304
Йезд 297, 298
Каганский район 59, 274
Казвин 259
Каракульский район 168
Карши 15, 110, 112, 130, 131
Кашкадарья 11, 35, 129, 292, 293, 313, 316, 334
Китай 47, 107
Куня-Ургенч 17, 97, 158
Мавераннахр 13, 14, 17, 28, 29, 30, 31, 32, 36, 49, 57, 70, 83, 95, 99, 108, 112, 137, 139, 165, 173, 175, 177, 187, 189, 194, 199, 202, 219, 234, 258, 262, 264, 265, 284, 286, 287, 290, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 312
Мерв 49, 78, 87, 206, 301
местность Дарвазача или Дарбазача 86, 132

местность Джуи-Муллиян 232
местность Джуйбар в Бухаре 232
местность Каракуль в Бухарском оазисе 35
местность Фатхабад близ Бухары 221
местность Шамсабад в Бухаре 232
Мешхеди-Месториан 158
Несеф 49
Пенджикент 199, 205
Персия 107, 131
Раджастхан 299
Россия 107
Самарканд 13, 14, 17, 28, 29, 30, 32, 33, 39, 43, 48, 83, 85, 90, 97, 99, 106, 133, 139, 148, 150, 164, 171, 173, 175, 184, 187, 188, 190, 192, 194, 199, 200, 201, 206, 235, 237, 238, 240, 257, 260, 271, 273, 279, 280, 284, 286, 287, 292, 294, 297, 299, 300, 301, 303, 309, 313, 316
Самаркандский регион 292
село Зеравшан 167
село Лангар в Камашинском районе 292
Сирия 13, 102, 265
Средний Восток 2, 3, 10, 11, 13, 18, 105, 123, 137, 279, 280, 290, 301, 313
Средняя Азия 3, 4, 7, 8, 9, 11, 14, 15, 17, 25, 26, 30, 31, 32, 34, 35, 49, 71, 72, 77, 79, 80, 81, 85 86, 87, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 105, 106, 108, 109, 111, 131, 132, 136, 139, 141, 142, 143, 146 149, 152, 156, 158, 159, 161, 163, 164, 165, 173, 174, 175, 178, 184, 186, 188, 189, 192, 194, 197 199, 201, 202, 205, 206, 207, 212, 213, 217, 232, 233, 234, 240, 264, 280, 281, 282, 284, 285, 288, 289, 292, 296, 297, 298, 299, 301, 302, 309, 310, 311, 312, 313,
Сурхандарья 11, 287, 313
Ташкент 15, 97, 175, 176
Туркестан 184, 190, 259, 260, 286, 302, 315
Туркменистан 14, 78, 106, 158, 317
Турция 13
Ургенч 15
Фатехпур Сикри близ Агры 299
Фергана 15
Ферганская долина 81, 290, 296, 313
Харгирд 43, 240, 262
Хива 81, 153, 181, 202, 290, 295, 296
Хисар 15

Хорасан 14, 90, 186, 187, 234, 240, 264, 296, 298, 299, 301, 302, 303, 304, 313
Хорезм 11, 28, 81, 97, 138, 313
Шабурган городище 35, 168
Шахрисабз 15, 28, 81, 164, 238, 273, 286, 287, 309
Эрдестан 259

THE BUKHARAN SCHOOL OF ARCHITECTURE IN THE 15TH–17TH CENTURIES

(Distinctive Features and Paths of Development)

The Bukhara Oasis occupies the central part of the territory of present-day Uzbekistan. The city of Bukhara, which in accordance with a UNESCO decree celebrated the 2500th anniversary of its founding, has been a major centre of trade and craft production along the Silk Roads since ancient times.

Bukhara was of special importance in the Early Medieval period when it was the capital of Bukharan Sogdiana. In the 9th and 10th centuries Bukhara – the capital of the great state of the Samanids - became one of the largest political, religious, scientific and cultural centres of the East. During that period many well-known representatives of the Middle East's science and culture lived in the city. Among them were encyclopaedic scholars such as Ibn Sina (Avicenna), Al-Biruni, the hadith scholar Imam al-Bukhari and the poet Rudaki. Bukhara also flourished in the period immediately after that during the rule of the Qarakhanid dynasty (11th and 12th centuries).

The Mongols, who conquered the Bukhara Oasis in 1220, destroyed its towns and settlements on numerous occasions over the course of one and a half centuries.[477]

In 1370 the talented commander and politician Amir Timur came to power in Mawarannahr (Transoxiana) and during his rule he considerably expanded the borders of the state, incorporating into it territories which are now part of modern Iran, Iraq, Syria, Turkey etc. Amir Timur created a mighty and stable state with an advanced economy and culture; he paid considerable attention to town-planning and architecture. These features were also to characterize the reigns of his successors in the 15th century and under the Shaybanids, who in 1532-1533 transferred the capital from Samarqand to Bukhara[478] and, to a certain extent, also during the rule of the Ashtarkhanids who came after them.

The architecture of the Bukhara Oasis in the 15th – 17th centuries constitutes an important phenomenon in the history of the architecture of Uzbekistan and Central Asia as a whole. To demonstrate this it is enough to cite such architectural masterpieces of that period in

[477] Petrushevskii I. P. "From the History of Bukhara in the 13th century," *Uchenye zapiski LGU* (Scholarly Reports from Leningrad State University), Oriental Studies series, Issue I, Moscow, 1949, p. 106.

[478] Akhmedov B. A. *"Silsilat as-salatin," Istoriko-geograficheskaya literatura Srednei Azii. XVI – XVII vv.* (Literature on the History and Geography of Central Asia of the 16th –17th cc.), Tashkent, 1985.

Bukhara as the Ulugh Beg Madrasah and Kalyan Mosque, the Mir-i ʻArab and ʻAbd al-ʻAziz Khan Madrasahs, the Po-i Kalyan and Lab-i Hawz ensembles and many kosh-madrasah ensembles, the Baha al-Din Naqshband and Char Bakr memorial complexes. Also unique in both their architecture and state of preservation are the civic buildings of sixteenth-century Bukhara which are still being used today: the magnificent bathhouses, the covered markets, the trading domes erected over the 'crossroads' of the city's ancient streets are striking in their spatial composition. In the 16th and 17th centuries, when ancient Bukhara was the state capital, the finest architects and craftsmen flocked to the city from all over the Islamic world, and intensive and wide-scale building projects were undertaken. This was the time when the influential and distinctive Bukharan school of architecture took shape. It was the leading school of architecture in Central Asia in those two centuries and it had a substantial impact on the architecture of other schools in the region during and after that period. The architectural features of the Bukharan school have also evolved as a result of the mutual influences and artistic exchanges with the neighbouring regions of the Middle East.

The architecture of Bukhara dating from the 15th–17th centuries has been studied in a wider context by a number of scholars, whose publications have become classic and fundamental works on the architecture of Central Asia (including V. A. Shishkin, B. N. Zasypkin, I. I. Umnyakov, V. L. Voronina, G. A. Pugachenkova, L. I. Rempel', L. Y. Mankovskaya, K. S. Kryukov and others) published between the 1920s and the 1980s.

Some issues regarding the architecture of the Central Asian countries, Iran and Khurasan in the 15th-17th centuries, book miniatures, as well as a number of aspects pertaining to the architecture of Bukhara of that time were reflected in the works of a number of foreign scholars (Mehdi Bahrami, Iosif Notkin, Sheila Blair and Jonathan Bloom, Lisa Golombek, Donald Wilber, Robert Hillenbrand, Bernard O'Kane, Ryoichi Hayashi and others).[479]

The most detailed works on this subject and the ones most closely related to the topic of this book are the publications of K. S. Kryukov[480], V. L. Voronina[481] and L. Y. Mankovskaya[482] published thirty-forty years ago.

[479] Bahrami, M. "La reconstruction des carreaux de Damghan d'après leurs inscriptions", in *IIIe Congrès International D'art et d'archéologie Iraniens. Moscow*, 1939. Notkin I. I. "Decoding Sixteenth-Century Muqarnas Drawings," Muqarnas 12, Leiden, 1995, pp. 148-171.

Blair Sh. and Bloom J. *The Art and Architecture of Islam*, 1250 1800. Pelican History of Art. New Haven, 1994.

Golombek L. "Tamerlane, Scourge of God," *Asian Art* 2, no. 2, Spring, 1989, pp. 31-61.

Golombek L. *The Timurid Shrine at Gazur Gah*. Royal Ontario Museum Art and Archaeology. Occasional Paper 15. Toronto, 1969.

Golombek L., Wilber D. *The Timurid Architecture of Iran and Turan*. Princeton: Princeton University Press, 1988.

Hillenbrand R. *Islamic Architecture: Form, Function and Meaning*. Edinburgh and New York, 1994.

O'Kane, B. "Poetry, Geometry, and the Arabesque Notes on Timurid Aesthetics," *Annales Islamologiques* 26, 1992, pp. .63-78.

Hayashi R. "Physical Ornamentation in Tang Dynasty Zoomorphic Design," *Senri Ethnological Studies* 32, 1992, pp. 61-75. "The Iranian animal style," in *A Survey of Persian art,* eds. Artur Upham Pope and Phillips Ackerman, Oxford, 1960, pp. 3279-3285.

[480] Kryukov K. S. "Progressive Trends in Central-Asian Architecture in the 16th Century." *Résumé of a thesis for a Candidate's degree in Architecture*, Tashkent, 1967.

[481] Voronina V. L. "The Architecture of Central Asia in the 16th-17th Centuries," in *Vseobshchaya istoriya arkhitektury* (A General History of Architecture), Vol. 8, Moscow, 1969.

[482] Mankovskaya L. Y. *Tipologicheskie osnovy zodchestva Srednei Azii (IX-nachalo XX v.)* (Typological Features of the Architecture of Central Asia, 9th-early 20th century), Tashkent, 1980.

In the meantime, however, namely during the last twenty-five years, several scholars, including the author of this monograph, have identified extensive new material hitherto barely known, which substantially supplements and sometimes modifies or even refutes conclusions drawn previously regarding the emergence of Bukharan architecture, the patterns of its development and its special features.

This monograph investigates a period of three centuries – the most striking phase in the development of Bukhara's architecture, namely from the 15th to 17th century. The study embraces a comprehensive analysis of existing, less-known and also new materials on this subject. All the surviving monuments in the Bukhara Oasis from the period in question have been studied and, with the help of historical and archive materials, it has also proved possible to identify, analyse and describe buildings from this region and period which are no longer extant.

The monograph consists of five chapters.

In *Chapter* 1 the history of the architecture of the Bukhara Oasis is re-examined in the light of the latest available data. Its various periods are outlined and the patterns of its development are identified.

In *Chapter* 2, 3 and 4 architectural features of buildings with various functional typology are discussed: civic buildings, religious buildings and also architectural ensembles and religious funerary complexes.

In *Chapter* 5 compositional, constructive and decorative features of the Bukharan school of architecture of the given period are discussed. Characteristics of mutual influences with the schools of architecture in adjacent regions of Central Asia and the Middle East have been identified.

Chapter One deals with the ***Periods of Development*** of Bukharan architecture over time. On the basis of the main trends of development and the character of the architecture, three periods have been identified, which coincide chronologically with the succession of dynasties in each of the three centuries; the 15th – with the Timurids, the 16th – with the Shaybanids and the 17th – with the Ashtarkhanids. The most active development of the Bukharan school, however, can be observed in the early 15th century, when the first regional features emerged in the architecture of madrasahs. The second third of the 16th century was the period of bold structural solutions and the consolidation of unique features. Then, in the last third of the 16th century – the culmination of the development of Bukharan architecture during the intensive expansion of the capital city – building types and regional features developed and were further clearly defined.

Historical topography. The main construction activity in Central Asia during the 16th-17th centuries was concentrated in Bukhara when it was the capital of a vast state. In the period examined in this monograph Bukhara, as before, consisted of three parts: the large Arq fortress in the west; the ancient part of the city known as the *shahristan* situated east of the fortress and the surrounding suburbs or *rabats*. The two main streets in the city crossed each other at right angles in the centre of the *shahristan*. A large trading dome known as Taq-i Zargaran was erected above this 'crossroad' as early as the 15th century. The architecture of

Bukhara was rendered more interesting by the construction of large ensembles and the creation of public centres in the residential districts, the focal point of which was often a *hawz* (a large pool or basin containing water).

Chapter Two classifies the types of buildings created in Bukhara during the period under discussion and singles out features of civic architecture (both dwellings and non-religious public buildings).

Characteristic Features of Residential Dwellings of the Bukharan School. The presence of two or, less frequently, three courtyards surrounded by buildings and featuring strict orientation of the rooms providing accommodation; two-storey halls designed for summer use complete with an iwan facing north and one-storey winter rooms facing south; the arrangement of alcoves and raised platforms known as *shah-nishins* in the reception rooms of rich houses.

The most original features of such dwellings associated with the Bukharan school include the following: a *ghulam gard* ("slave, come back") wall blocking the view into the hall or grand courtyard where visitors would be received, especially in the houses of the rich and in palaces. This wall was situated immediately behind the entrance into the courtyard. Such a wall has survived in the Arq of Bukhara. Another feature is the presence of the largest and most ancient Jewish quarter in Central Asia, where the houses had only one small courtyard with rooms at many different levels rather than being divided into an inner courtyard (*darun or ichkari*) and an outer one (*birun or tashkari*).

The Palaces of Bukhara. Within the city these had a plan incorporating various different courtyards, while houses and palaces outside the city were arranged in a compact lay-out within charbaghs (properties complete with a specially landscaped four-fold park or garden). It was established that the decoration of these large and rich palaces was in many respects similar to that which has survived in local mosques in Bukhara dating from the first half of the 16th century.

Libraries and maktabs – elementary schools. For these there was no clearly defined typology as regards their architectural design. *Maktabs* of average size would be housed in buildings with a central domed hall surrounded by a number of smaller rooms. It has been established that Bukhara's surviving 16th-century *maktab* like those depicted on a number of miniatures from the 15th–17th centuries, opened out into an adjacent courtyard via a columned *iwan* with an archway.

Hospitals. These were rare. For the period in question only a single hospital has been identified – the Dar al-Shifa' Medical Madrasah (1682). Its plan was traditional for similar buildings in Central Asia, namely a structure incorporating courtyards of the *madrasah* type. The location of the hospital was also common – among bazaars and near the Friday mosque. A special feature was the inclusion of a water cistern or *sardoba* in its inner courtyard.

Caravansarays. The caravansarays in Bukhara had one or two inner courtyards and two main types were used: those in the city, for which *hujras* were built around an inner courtyard (the Kulita and Nadir Divan-Begi Caravansarays) and those outside the towns and next to roads, in which *hujras* and a gallery were built around the inner courtyard (two

caravansarays near the Karaul Bazaar). Often their façade and, in particular, their entrance portal would be richly decorated with majolica tiles.

Sardobas. Cisterns for the collection and storage of water covered with a dome. In the Bukhara Oasis they were distinguished by their complex plan and the inclusion of a number of additional architectural features. Some of them were filled with river water, contained two cisterns and stood out on account of the large dimensions of their main dome: these varied from 14.5 to 16 meters in diameter.

Bathhouses. The bathhouses of Bukhara were renowned: many travellers, including the Englishman Anthony Jenkinson[483] (16th century), expressed great admiration for them in their writings. The bathhouses of Bukhara were often part of a multi-functional complex (for example of trading domes such as Taq-i Sarrafan and Taq-i Talpak-i Furushan). Therefore, they were constructed in order to make use of the available plot of land. These bathhouses would consist of multi-domed rooms half sunk into the ground to improve the thermal insulation and with warm marble floors for which under-floor heating was provided via special hot air channels. It has been established that the bathhouses had originally been decorated with wall-paintings, majolica tile work, and mosaic panels. In Bukhara the ancient and well established tradition of providing bathhouses opposite *madrasahs* existed until the 15th-16th century.

Chapter Three provides typological classification of religious buildings.

Within the wide range of ***mosques***, three main types can be singled out on the basis of their functionality and architecture: the local mosque used for daily prayers offered up five times a day and thus catering for the requirements of the residents of a specific part – *mahalla* (quarter) – of a town; the *Jum'ah, Ja'mi* or Friday (Cathedral or Congregational Mosque) mosque designed for Friday prayers and attended by residents from all parts of the town; the ***Namazgah Mosques*** (also known as the *'idgah or musalla*) where the male population of a town and its environs would offer up prayers twice a year on the occasion of the Eid al-Fitr and Eid al-Adha. The specific architecture of each of these three mosque types had taken shape largely by the 12th century and was subsequently developed further in the 15th and 16th centuries.

Two classical types of ***Ja'mi Mosque*** have been also identified: those incorporating courtyards Khwaja Kalyan Mosque) and those with a hypostyle hall (Kurgan Mosque in Vangazi). Examples of deviations from the classical canons for Friday mosques with courtyards were to be observed as early as the 16th-17th centuries (Walida-i 'Abd al-'Aziz Khan Mosque, Payanda Ataliq Mosque).

Mahalla (quarter) Mosques. In Bukhara, regardless of the lay-out and the roof construction, local mosques would have a columned *iwan* adjacent to one, two or even three sides of the hall (Baland etc.). The tendency of combining two functions in a single building - both a local mosque and a Sufi *khanaqah* was to be observed as early as the beginning of the 16th century (Khwaja Zayn al-Din Khanaqah-Mosque, Shaykhs), and became more

[483] Jenkinson A. "Early Voyages and Travels to Russia and Persia," in *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* (English Travellers in the State of Muscovy in the 16th Century). Translated from the English, Leningrad, 1932.

pronounced at the end of the 17th century and still more widespread in later periods (18th to early - 20th century).

Minarets. Minarets, intact at their original height, have survived in larger numbers in the Bukhara Oasis than anywhere else in Central Asia. This demonstrates the skills of Bukharan architects for erecting engineering installations of this kind. In the Bukhara Oasis minarets were stylized versions or smaller copies of the architecture embodied in the earliest (1127), highest (approximately 50 metres) and most striking minaret in Bukhara – the Kalyan Minaret. What is most original about the Bukharan minarets is the arrangement of their lanterns: they were cantilevered slightly towards the upper end of the shaft and right at the top there was a multi-tiered stalactite cornice of terracotta protruding outwards (Gawqushan Minaret etc.).

Memorial (funerary) Architecture. A marked ascetism was the distinctive feature of the memorial architecture of the Bukharan school. In the 15th century, two or three-chamber mausoleums with a portal and a central dome with modest decoration were typical of the Bukhara region (Chiburdan Baba and Turki Jandi Mausoleums). In the 16th and 17th centuries, mausoleums were not built and graves laid out in a *saghana* (Hazrat-i Imam) or in a *dakhma* (Qasim Shaykh) were the order of the day. Special funerary complexes were constructed out in the open air or in a funerary courtyard - *hazirah* (as in the Char Bakr and the Baha al-Din Naqshband complexes etc.). At the turn of the 17th century, the building of mausoleums resumed, but at this stage they were one chamber structures with a portal domed composition.

Sufi Khanaqahs. Sufism is a mystical, ascetic and philosophical branch within Islam.

The Sufi *khanaqahs* from the 15th –17th centuries were built as the largest structures in a memorial complex with a courtyard composition, or in the public centre of a town. They were of two types: the earlier type had a domed or columnar hall with a columned *iwan* on two or three sides. *Khanaqahs* of this type began to appear in Bukhara as early as the beginning of the 15th century (the Khwaja Parsa Khanaqah).

The second type was the *khanaqah* with a portal domed design. This was a monumental building in which the central hall, regardless of the lay-out of the building and the arrangement of the supporting structures, often had dimensions approaching 9 x 9 meters (Dihqan-baba Khanaqah, Qasim Shaykh Khanaqah, Hakim Mullah-Mir Khanaqah, Sufi-Dihqan Khanaqah s). Some of these *khanaqahs* were even larger with sides measuring as much as 16 meters in length (the Baha al-Din Khanaqah). In the second half of the 16th century, all rural *khanaqahs* had a roofing system supported by four intersecting arches and a decorative blue dome resting on a high elegant drum. These structures were deliberately built in this way so as to accentuate the place and importance of such monuments within a memorial complex.

Chapter Four provides a classification of the various types of urban ensembles and memorial complexes: their development stages and formation principles are discussed, and the techniques of landscape architecture are studied.

Urban Ensembles and Memorial Complexes. These were usually built in stages over several decades or even centuries. Complexes of this type were taking shape in particularly

large numbers in Bukhara in the 15th–17th centuries. In the 15th and 16th centuries, the most widespread ensemble was that of the *kosh* type consisting of two large buildings erected opposite each other along the same axis across a street or a square. These *kosh* ensembles sometimes included a hawz (water reservoir) positioned between the buildings (the Gaziyan ensemble). In Bukhara two *kosh madrasah* ensembles have survived – the Ulugh Beg and ʻAbd al-ʻAziz Khan Madrasahs, and also the Madar-i Khan and ʻAbdallah Khan Madrasahs.

In the 17th century architectural compositions with buildings around the three sides of a square, often with a *hawz* within it, were more common for large urban ensembles. A picturesque example of such an ensemble is the Lab-i- Hawz in Bukhara.

Yet the most widespread design for a memorial complex consisted of a courtyard either surrounded by buildings or with various buildings loosely arranged around it and containing a *hawz* (the Hazrat-i Imam or Baha al-Din complex).

Landscape Architecture. The distinctive feature of the parks and gardens in Bukhara was the *charbagh* (four-fold garden) laid out in accordance with ancient principles for the planning and design of gardens and parks, which were formulated in a special treatise entitled *Irshad al-Zira'a* (The Guide of Agriculture) written by Qasim b. Yusuf Abu Nasri Harawi in 1515. Gardens with two intersecting axes or paths were divided into four areas with a palace and ornamental pool at the centre of the site.

Chapter Five examines the features of the Bukharan school of architecture and its mutual influence with the architectural schools of adjacent regions.

Spatial Composition. The type of a portal domed building with a central two-storey hall and hujras arranged at the corners or symmetrically at the two sides of the structure, was universal and used not only for *khanaqahs*, but also for large monumental *maktabs* and for palaces situated at the centre of *charbaghs*.

Structural Features of Monumental Buildings.

In the 16th and 17th centuries strong, load-bearing walls were often erected using "camouflet brickwork. It consisted of three layers; the space between the two outer layers was filled with building waste such as broken bricks over which a clay mortar would be poured. At the base, a layer or cushion of reeds was inserted to make the wall earthquake resistant and waterproof. Buildings were erected on high platforms-stylobates. The most typical structural solution for domes in the 16th century was a system in which the dome rested on four intersecting arches and kite-shaped squinches.

Architectural Decoration.

In Bukhara, the architectural decoration was at its most distinctive in the 16th century, when the technique of two-tone *ganch* decoration known as *kyirma* and *chaspak* was the order of the day. Further 'suspended' *ganch* vaults and brickwork vaults with majolica inserts were also used. Instead of the labour-intensive assembly of tile mosaic typical of the Timurid period, more economical imitations were created, which were quicker to manufacture and place in position. This resulted in seamless tile-work with uniform elements ready for immediate assembly.

In the 17th century, a fascination with the decoration used in the Timurid period resurfaced and by this stage a striking feature was the wide use of colourful and monumental zoomorphic depictions in tile-work (the Nadir Divan-Begi and 'Abd al-'Aziz Khan Madrasahs in Bukhara etc.).

Proportions of Buildings. In Central Asia proportions were based on the ratio of a building's sides to each other and on the derivatives of certain geometric figures. The large module used for calculating the main proportions of buildings was often equal to the span of the portal arch. On the façades of Bukharan *madrasahs* of the 16th and 17th centuries, this measurement was half the height of the portal and a fifth of the width of the façade (Mir-i Arab, Madar-i- Khan, 'Abdallah Khan, 'Abd al-'Aziz Khan Madrasas). In the architecture of Bukhara at the time of the Timurids, more elegant correlations were used: more often than not the proportions were those of the Golden Section (5:8, 8:13), and in the 15th–17thcenturies less lofty proportions were used – 4:5.

Bukharan Madrasahs. These buildings provided some of the more striking examples of the unique features of the local school of architecture: along the façades (Ulugh Beg Madrasah and many others) and often also along the side and rear walls (Kukaltash Madrasah). Many *madrasahs* had arched courtyard galleries; *guldasta* towers were arranged at the corners of the main façade at the level of the side wings; the portal arch had five niches and it was crowned by a semi-dome.

Typical features for the lay-out of Bukharan madrasahs. These would be the arrangement of two dog-leg corridors in the vestibule leading through into the courtyard and the barring of the direct route into the courtyard with an iron grille; the bevelling of the corners of the courtyard so as to create independent entrances into the corner rooms and an arrangement of the hujras so as to single out areas with specific functions (the second storey for sleeping, a storeroom and a vestibule). Sometimes small enclosed courtyards would be erected behind the portals of principal courtyards or recessed niches with adjacent hujras ('Abdallah Khan Madrasah); occasionally the hall of the mosque would be erected diagonally in relation to the walls of the building (Kukaltash Madrasah) to ensure a precise orientation towards the west (i.e. Mecca) for its *mihrab* niche.

The influence of the Bukharan School. In the 16th and 17th centuries this influence has been traced in other regions of Central Asia which at that time were part of the Shaybanid state, for example in the architecture of Kashkadarya (Khwaja Ilim Khan Khanaqah, the Langar Ata Mausoleum) and in the Surkhandarya valley (Sayyid Ataliq Madrasah, Kakildar Ata Khanaqah) and also in the buildings of Samarqand (Tilla Kari Madrasah) and Tashkent (Barak Khan Madrasahetc.). Later on that influence was to be felt in the *madrasahs* of Khwarazm (Muhammad Amin Khan Madrasah etc.) and in the Ferghana valley (Narbutabiy Madrasah).

The Common Features of the Bukharan School of Architecture in the framework of the Middle East. Within the Middle East there is a good deal in common between Bukhara and the architectural schools of Iran, India and Afghanistan. These common features are most vivid in the architectural school of Khurasan. This can be explained not merely by

geographical proximity, but also by their historical and cultural unity in the early Islamic period (9th and 10th centuries) and by their artistic exchanges in the period under discussion.

The historical centre of Bukhara, where the surviving monumental buildings were erected mainly in the 15th–17th centuries, was granted World Heritage status by UNESCO in 1993 as an architectural and artistic 'open-air museum'. In recent years, a number of the architectural monuments and urban ensembles of the city, memorial and religious complexes near Bukhara, erected in the 15th–17th centuries, have been restored.

It is possible to conclude, that the emergence of a new style and of the distinctive features of the Bukharan school of architecture had already taken place as early as the beginning of the 15th century. In the 16th and 17th centuries, in the capital city of Bukhara, where the main creative impetus was centred and a great amount of construction work was going on, evolution was to be observed not merely within the Bukharan school as such, but also in Central Asian architecture as a whole, as was the case under the Timurids in Samarqand and Shahrisabz.

The development of the Bukharan school of architecture was particularly intensive in the 16th century, the time when its extremely striking and distinctive features took shape. The restraint, high quality and rationality, which had been intrinsic to it from the outset, were further enhanced by a number of innovative solutions regarding structures, lay-out and decoration. During large-scale construction projects, these innovations were aimed not only towards economizing on resources, but also at creating a more convenient and comfortable environment corresponding to the new aesthetic ideals of the age. The impressive architecture, which emerged in Bukhara during the 15th–17th centuries and its regional features, which became an iconic model for classical Islamic architecture, came to be imitated by the architectural schools in other parts of Central Asia.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От научного редактора 3
От автора 4

ВВЕДЕНИЕ 7

Глава первая
РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ БУХАРЫ. ПЕРИОДИЗАЦИЯ
Исторический фон и топография города 13
Архитектура Бухары эпохи Темуридов 26
Зодчество периода правления Шейбанидов 36
Архитектура эпохи Аштарханидов 59

Глава вторая
ТИПОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКИХ СООРУЖЕНИЙ
Жилая архитектура 71
Библиотеки 86
Мактабы (школы) 91
Больницы 95
Торговые сооружения 98
Караван-сараи 106
Сардоба (водохранилища) 111
Бани 131

Глава третья
ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ
Мечети 141
Минареты 157
Мемориальные сооружения 165
Хазира 169
Медресе 173
Ханака 186

Глава четвертая
АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ И МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ
Типы городских ансамблей 199
Мемориально-культовые комплексы 213
Садово-парковые ансамбли 232

Глава пятая
ОСОБЕННОСТИ БУХАРСКОЙ ШКОЛЫ ЗОДЧЕСТВА
Объемно-пространственные композиции и эволюция конструкций 238
Декоративные приемы 271
Методы геометрической гармонизации зданий 288
Влияние архитектурной школы Бухары на зодчество других регионов Средней Азии 292
Общие и своеобразные черты школ зодчества Бухары и сопредельных стран Востока 296
Зодчие и мастера бухарской школы 302

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 309

БИБЛИОГРАФИЯ 314

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 327

СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕРМИНОВ 328

УКАЗАТЕЛИ 331
Указатель названий архитектурных сооружений 331
Указатель имен 341
Указатель географических и топографических названий 345

SUMMARY of a monograph «The Bukharan School of Architecture in the 15th–17th Centuries (its distinctive features and development dynamics)» 349

Аббасова-Юсупова М. А. Бухарская школа зодчества XV–XVII вв. (особенности и динамика развития). – Самарканд, 2022. – 360 с.

В книге использованы в основном фотографии автора М. Аббасовой-Юсуповой, а также фото Ф. Хубера, Д. Михайлова и др.

Технические редакторы – А. Д. Искандерова, Л. Х. Абдуллаева.

Дизайн и верстка – П. Реймбаев.
Дизайн обложки – Т. Гез.

Тираж - 200 экз.
ISBN 978-9943-357-63-1

МИЦАИ: Самарканд, Университетский бульвар, 19
www.unesco-iicas.org

Отпечатано в СП «MEGA BOSMA»

© МИЦАИ, 2022 г.
© М. А. Аббасова-Юсупова, 2022 г.

На задней обложке: Вид сверху на выстроенные в центре Бухары в XV–XVII вв. ансабль кош-медресе Улугбека-Абдулазизхана. Фото из архива МИЦАИ.

Аббасова-Юсупова Мавлюда Аминжановна

Доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент Международной Академии архитектуры стран Востока, зав. отделом «Архитектуры» Института искусствознания Академии наук РУз. Специалист в области истории и теории архитектуры, реставрации и реконструкции историко-архитектурного наследия. Ею исследован и разработан ряд малоизученных аспектов зодчества Центральной Азии. Автор более 230 научных трудов, опубликованных в Узбекистане и в ряде зарубежных стран.

В качестве приглашенного профессора – "Visiting professor" принимала участие в программе университета Оксфорд (Великобритания), выступала с докладом в музее Ашмолеан в Оксфорде, преподавала курс лекций в Евразийском национальном университете им. Л. Гумилева в Астане (Казахстан), в Потсдамском университете (Германия) и в Лейденском университете (Голландия). Выступала с научными докладами во Франции, США, Китае, Турции, Южной Корее, Малайзии, Королевстве Бутан и в странах СНГ. В течении многих лет плодотворно сотрудничает с рядом ведущих зарубежных научных и образовательных центров. Ведет активную профессиональную деятельность по защите, сохранению и грамотной реставрации на практике объектов архитектурного наследия Узбекистана.